

№ 5 (69). 2025

Берега



Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ



2015 г.



Союзное государство
Премия «Россия – Беларусь.
Шаг в будущее» – 2015 г.



2016 г.



2017 г.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
«ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»



Премии: Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.



Памятная медаль
«ПОЭТ И ВОИН
ИГОРЬ ГРИГОРЬЕВ
(1923–1996)», 2023 г.



Золотой диплом Международного славянского форума
«Золотой Витязь», 2020 г.



Медаль имени первопечатника Ивана Фёдорова, 2020 г.
Золотая медаль в номинации «Россия и мир»
конкурса «Патриот России», 2020 г.

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2025 № 5 (69)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +79118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Александр Карлюкевич – председатель Союза писателей Республики Беларусь
Вадим Терёхин – сопредседатель Союза писателей России
Григорий Блехман – секретарь Союза писателей России
Вячеслав Лютый – секретарь Союза писателей России
Алексей Полубота – член Правления Союза писателей России (**В памяти навечно**)
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Татьяна Грибанова – член Союза писателей России
Игорь Ерофеев – член Союза писателей России
Василий Киляков – член Союза писателей России
Римма Лютая – прозаик, публицист, переводчик
Александр Орлов – поэт, прозаик, историк, директор Международного Славянского литературного форума «Золотой Витязь»
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Светлана Савицкая – член Союза писателей России, учредитель Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»
Геннадий Сазонов – член Союза писателей России
Александр Сидоров – Президент Международной Академии русской словесности в Австралии (МАРС), Председатель Австралийского отделения СПР
Наталья Советная – член Союза писателей России и Союза писателей Беларуси
Валерий Старжинский – доктор философских наук, писатель
Сухейль Фарах – доктор философских наук, писатель
Станислав Федотов – член Союза писателей России

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39–00302 от 24 сентября 2014 г.
Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки – Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка – Елена Балантаева
Корректурa – Валентина Куртяк
Дата выхода номера в свет: 14 октября 2025. Тираж: по востребованности. Заказ № 1751.
Отпечатано в ФГУП «И и Т газеты “Страж Балтики” Минобороны России»
г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53-17-05.

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега»-Калининград обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов, может не разделять
точку зрения опубликованных авторов. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»-Калининград

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи принимаются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 11, межстрочный интервал – 1). Текст не подчёркивать, не форматировать, не набирать какие-либо слова отдельно большими (прописными) буквами, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе, электронный адрес, почтовый и телефон, фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Берега актуальности

Татьяна Сперанская. Прогресс или деградация? На перепутье ценностных ориентиров современного европейского общества	5
---	---

Проза

Эдуард Квашнин-Раевский. Пепел и Дым. <i>Роман. Журнальный вариант</i>	14
Валерий Иванов-Таганский. Мы там нужны. <i>Повесть. Окончание. Начало в № 3-2025</i>	36
Георгий Масленников. Торпедники от моря до ансамбля. <i>Драматургические фрески флотской службы в СССР</i>	52
Сергей Козлов. Иногда чудеса не случаются. <i>Рассказ</i>	70
Елена Канеева. Нона. <i>Полуфантастическое повествование</i>	75

Драматургия

Ольга Белова-Далина. Чужая жизнь. <i>Пьеса в одном действии с прологом</i>	85
---	----

Поэзия

Андрей Шацков. Лебеди Тютчева. <i>Триптих</i>	94
Максим Замшев. «Эти тревожные дни...» <i>Стихи</i>	96

Берега Великой Победы

Михаил Поленок. Н. И. Кузнецов – Герой Советского Союза, полный кавалер ордена Славы. <i>Историческое исследование</i>	99
---	----

Берега юбилеев

От Новой Швабии – до новой Спарты. <i>Беседа Виктора Гужова с писателем Евгением Чебалиным к его 85-летнему юбилею</i>	107
Григорий Блехман. И всё сначала хочется начать. <i>Стихи разных лет. К 80-летию</i>	124
Валерий Старжинский. Профессия – Учитель. <i>Отрывок из повести. К 75-летию</i>	129
Антонина Сытникова. Любовь права, она спасёт. <i>Стихи. К юбилею</i>	135
Василий Киляков. «Призвание. Ищу следы невидимые». <i>Беседу ведёт Ирина Владимировна Гречаник, главный редактор журнала «Парус». К 65-летию писателя Василия Килякова</i>	138
Александр Орлов. «Гололёд или рытвина...» <i>Стихи</i>	152
Лидия Довыденко. Александр Орлов. Творение духовной жизни. <i>К 50-летию</i>	156
Светлана Савицкая, Николай Бухаров. К 20-летию Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»	160

Берега культуры и искусства

Екатерина Фёдорова. О книге «Исторический портрет и Серебряный век. Учебное пособие по истории искусства для учащихся старших классов, СПО и вузов». М., Издательский Дом «ЯСК», 2025	166
--	-----

Берега Новороссии

Ольга Блюмина. Художественное и публицистическое слово в журналистике Алексея Полуботы (на примере очерка «На передовой Русского мира»)	174
--	-----

Берега прочтения

Владимир Карагодин. В лабиринтах человеческого «Я». <i>Отзыв на книгу Николая Бурляева «Близнецы» – 2025</i>	179
Александр Сидоров. Встречался ли Достоевский с Гоголем?	181
Виталий Даренский. Ф. И. Тютчев – поэт Империи	190

Татьяна Сперанская

Доктор экономических наук, независимый консультант по межкультурной коммуникации и эффективному ведению бизнеса.

Эл. почта: tsperan@gmail.com.



ПРОГРЕСС ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ? НА ПЕРЕПУТЬЕ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ СОВРЕМЕННОГО ЕВРОПЕЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Статья представляет собой аналитическое исследование морального и культурного кризиса в Западной и Центральной Европе. Автор критикует политику радикального либерализма и ультраглобализма, особенно в сфере образования, гендерной идеологии, семьи и религии, рассматривая их как признаки моральной и этической деградации. Основное внимание уделено идеологической перепрограммировке детей в школах, демографическому спаду, утрате традиционных ценностей и кризису доверия к религиозным институтам. Цель статьи – предупредить о последствиях слепого следования модным трендам под маской «прогресса» и призвать к балансу между традицией и современностью.

Работа носит аналитический характер и опирается на философские, исторические, экономические и социологические источники. В качестве отправной точки для размышлений автор использует также свой личный опыт, что позволяет соединить теоретический анализ с эмпирическим наблюдением.

1. Личный случай в школе как метафора эпохи

Этот случай произошёл в одной из стран Западной Европы, где мальчиков и девочек с самых ранних лет учат воспринимать гомосексуальные отношения как норму. При этом речь идёт не о локальном явлении, а о системном культурном сдвиге, которым уже несколько поколений болеет практически вся Центральная и Западная Европа. О проявлениях этого сдвига и пойдёт речь в данной статье.

История началась с разговора с моим пятилетним сыном, вернувшимся из школы в состоянии возбуждения. В ходе беседы он сообщил, что на продлённом дне за обеденным столом один из воспитателей заявил: «Мальчики могут быть влюблены в мальчиков, а девочки – в девочек. И это нормально». Эта фраза произвела на меня глубокое впечатление не столько как констатация факта, сколько как нормативная установка, вводимая в процесс социализации ребёнка на раннем этапе его психического развития.

Возникает вопрос: насколько уместно транслировать подобные сообщения детям в возрасте, когда их когнитивные и эмоциональные категории ещё не дифференцированы, а понимание таких явлений, как дружба, привязанность и любовь, находится в стадии формирования? Школа, выступая как институт социализации, тем самым не просто информирует ребёнка, но активно формирует его ценностные ориентиры в сфере семейных, гендерных и аффективных отношений – в период, когда он ещё не обладает достаточной рефлексивной способностью для критического восприятия подобных утверждений.

Событие было будничным, но данный эпизод стал для меня отправной точкой для анализа более широких процессов: как современные европейские образовательные институты участвуют в переопределении традиционных норм и какие последствия это имеет для формирования морального сознания, идентичности и семейных ценностей у подрастающего поколения. И каковы долгосрочные последствия такой политики?

2. «Возможно всё», или *Конец человеческой природы?*

Уже несколько десятилетий в странах Центральной и Западной Европы активно развивается идеология гендерной эгалитарности, согласно которой:

- гендер – это социальная, а не биологическая конструкция;
- человек может быть тем, кем он себя чувствует;
- любая форма отношений легитимна;
- ребёнок может менять пол без согласия родителей;
- мальчики могут носить юбки, девочки – служить священниками, а брак – быть между кем угодно.

Сегодня эти идеи не являются маргинальными – они уже внедрены в законодательство, образование, медицину и активно пропагандируются как «норма» в учебных заведениях, СМИ и культурных проектах.

«Попробуй и выбери сам, что тебе подходит...», но «...лучше всё-таки избегать интимных контактов с животными...» – эта фраза была произнесена на уроке сексуального воспитания у детей в возрасте 10 лет в одной из швейцарских школ¹. Услышав эту фразу из уст взрослого человека, ребёнок был психологически травмирован на всю жизнь. И уже ничего с этим не поделать.

Такие установки формируют новое поколение, для которого понятия мужественности, женственности, семьи, рождения детей становятся всё более размытыми. А экономический кризис, царящий на европейском континенте, неопределённость и страх перед будущим активно способствуют этому процессу. Как известно, страх делает человека уязвимым. А когда он уязвим, ему можно навязать всё что угодно.

Эти идеи противоречат не только религиозному, но и научному пониманию человека. Антропология, биология, психология говорят о том, что пол не является выбором, а является фундаментальной характеристикой организма.

Легендарный американский биолог Эдвард О. Уилсон в своей книге «Синтез: Единство знаний» доказывает, что человеческое состояние глубоко укоренено в биологии и эволюционной истории, а культура – это не автономная сфера, а результат взаимодействия генов и среды, в первую очередь – продукт естественного отбора². Уилсон настаивал на необходимости признать биологическую основу человеческого поведения, предупреждая, что попытки игнорировать её ведут к искажённому самопониманию и этическим противоречиям.

3. *Гомосексуализм и гендерное равенство как двигатели прогресса*

На протяжении XX века понимание сексуальной ориентации как психического заболевания постепенно разрушалось. В 1970–1990-е годы в США идеи тотального либерализма способствовали расширению личных свобод, включая признание прав сексуальных меньшинств, декриминализацию гомосексуальности и рост общественного движения за равенство ЛГБТК+³ людей. В 1973 году Американская психиатрическая ассоциация (АПА) исключила гомосексуальность из «Диагностического и статистического руководства по психическим расстройствам». В 1990 году Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) последовала их примеру, во многом под давлением ЛГБТК+-активистов, а также научных данных, соответствующих либеральной идеологии того времени.

Первоначально это решение имело целью ликвидировать стигму и обеспечить равенство перед законом. В постиндустриальных странах с высоким уровнем экономического развития защита прав меньшинств была объективной необходимостью того времени и соответствовала «духу эпохи». Толерантность в этом вопросе являлась признаком прогресса и была призвана повысить качество жизни, снизить уровень насилия, укрепить социальный капитал и повысить уровень свободы личности.

¹ Личный опыт автора.

² Уилсон Э. О. (Edward O. Wilson). Синтез: Единство знания, 1998.

³ ЛГБТК+ – это аббревиатура, обозначающая разнообразные сексуальные ориентации и гендерные идентичности, включая лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров, квир-людей и других представителей сексуальных и гендерных меньшинств, не укладывающихся в традиционные нормы.

Классическим примером этой политики стал опыт Нидерландов как одной из самых «толерантных» в мире стран. В 1940-х годах там начала действовать первая в мире ЛГБТ-организация – «Шейкспировский клуб», которая сначала действовала в полулегальном статусе, а затем стала важным агентом социализации и лоббирования¹.

Этому феномену также было научное оправдание. Идея о том, что устойчивое функционирование демократических институтов предполагает формирование более унифицированных и всеобъемлющих социальных стандартов, включая принципы гендерного равенства, постепенно утверждалась в европейских странах в контексте более широких культурных трансформаций. В постиндустриальном обществе гендерное равенство стало ключевым критерием качества демократии. Согласно Рональду Инглхарту и Кристиану Вельцелю, гендерное равенство – наряду с толерантностью к «нестандартным» социальным группам, например представителям других рас, иностранцам, гомосексуалам, – превращается в один из ключевых элементов демократии².

Эта тенденция тесно связана с так называемым всеобъемлющим гуманистическим сдвигом, в ходе которого доминирование ценностей выживания и традиционных норм уступает место ценностям самовыражения, личной автономии и универсальных прав человека. Культурные изменения, особенно рост эмансипационных ценностей, выступают не следствием, а условием устойчивой демократии.

Распространение этой теории трансформировало традиционную модель модернизации, ориентированную преимущественно на экономическое развитие, в более комплексный процесс человеческого развития, в котором ключевое значение приобретают свобода выбора, толерантность, гражданское участие и социальное равенство.

4. От признания прав меньшинств к активной пропаганде гомосексуализма

Что эта теория означала на практике?

Нормативное разнообразие сексуальных ориентаций с годами стало восприниматься не просто как факт, но как идеологическая установка, обязательная к принятию всеми членами общества. То, что начиналось как движение за равенство и «за право быть собой», стало критерием прогрессивности или даже морального превосходства.

Сегодня можно говорить о формировании нового идеологического поля, где либеральные ценности (толерантность, равенство, права меньшинств) вышли за рамки правовой защиты и превратились в форму государственно поддерживаемой пропаганды, которая не учитывает культурные, исторические и антропологические особенности различных регионов.

Европейский союз (ЕС), под напором США, стал одним из главных архитекторов этой идеологии. При этом возникло противоречие между универсалистским подходом ЕС и национальными культурными контекстами, особенно в странах Центральной и Восточной Европы, где традиционные ценности остаются доминирующими. Так, в Венгрии запрещены однополые браки, усыновление детей однополыми парами, а также любая пропаганда «нетрадиционных сексуальных отношений». Из-за этого страна испытывает постоянное давление со стороны Брюсселя. Европейский суд по правам человека неоднократно выносил решения против Венгрии по делам дискриминации ЛГБТ+ и даже приостановил в 2021 году часть финансирования, связанного с правами человека, из-за нарушений прав ЛГБТ+.

Швейцария – страна, которая считается колыбелью прямой демократии, где значительная часть общественно важных решений принимается через национальные и региональные референдумы, – в 2024 году ввела легальный режим самоидентификации гендера без проведения всенародного голосования. В июне 2023 года Федеральный парламент Швейцарии одобрил изменения в законодательстве о регистрации личных данных, которые отменили обязательные медицинские и психологические заключения для смены гендерной маркировки в официальных документах.

¹ Официальное название организации Shakespeare Club, позже переименована в COC Nederland – «Центр культуры и отдыха (COC) Нидерланды» – это дословный перевод аббревиатуры Cultuur- en Ontspanningscentrum (COC).

² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия. Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. С. 395.

Новый закон также предусматривает возможность указания третьего гендера («Х») в паспортах и других удостоверениях личности.

В настоящее время в канцеляриях местных администраций, включая мэрию Женевы, наблюдается рост числа заявлений на изменение гендерной идентичности, что визуально отражается в увеличении объёма соответствующих форм документов, выставляемых на доступ гражданам. Данный феномен свидетельствует о нормативной децентрализации гендера и расширении практик самодекларации в рамках правового поля, опережающего общественные дебаты.

Слово «прогресс» звучит воодушевляюще. Оно ассоциируется с движением вперёд, развитием, появлением новых возможностей. Однако стоит спросить: прогресс ли это? Можно ли считать этическим достижением то, что отдаляет человека от традиционного понимания семьи, брака, половой идентичности? Действительно ли продвижение радикальных гендерных идей способствует социальному здоровью европейского общества?

5. Образование как инструмент формирования нового человека

Школьное образование стало одной из главных площадок, где происходит культурная трансформация. Оно превратилось в инструмент идеологической перепрограммировки детей, игнорируя возрастные особенности и культурные контексты. Современные школьные программы в большинстве стран Центральной и Западной Европы активно внедряют темы гендерной идентичности и ЛГБТК+ уже в начальных классах. Это не просто просвещение – это «переформатирование» общечеловеческих ценностей.

Однако возникает вопрос: имеет ли право государство формировать мировоззрение ребёнка, которое противоречит мировоззрению родителей? Или это часть так называемого «просветительского проекта», который должен создать новое поколение – свободное от предрассудков, но и от связи с прошлым? Действительно, если дети будут воспитываться вне понимания семейной модели, основанной на различии полов и ответственности, что станет основой будущего общества?

Как только образование начинает противостоять семейным установкам, мы получаем внутренний разлад в личности ребёнка, который не может понять, кому верить: родителям или учителю, Богу или государству.

А тем временем Конвенция о правах ребёнка, принятая ООН в 1989 году, совершенно чётко закрепляет за родителями приоритетное право и ответственность за воспитание и развитие своих детей, включая их духовное и нравственное становление. В статье 5 подчёркивается уважение к праву родителей давать ребёнку направление воспитания, соответствующее его возрасту и убеждениям семьи. Это положение предполагает, что вопросы, связанные с чувствительными аспектами личности ребёнка, включая сексуальное образование, должны решаться во взаимодействии с родителями, с учётом их права на свободу убеждений и воспитательной автономии. Соответственно, навязывание детям сексуального образования без согласия или участия родителей может противоречить принципам Конвенции, особенно если это происходит в отрыве от семейных ценностей и без должного внимания к возрастной зрелости ребёнка.

Большое количество научных работ также поднимает вопросы о психологических последствиях раннего внушения гендерных идей детям. Не указывая напрямую на прямой вред от гендерного образования, эти работы акцентируют необходимость возрастной адаптации, вовлечённости родителей и баланса между образовательными и семейными ценностями. Неудивительно, что такие исследования подвергаются критике в научном сообществе и остаются в тени.

6. Локальные вспышки гнева

Как ни странно, опросы по вопросам гендерного и сексуального воспитания в школах не вызывают массовых протестов, способных подтолкнуть ЕС к пересмотру политики в этой области. Да, в европейских странах зафиксированы локальные вспышки недовольства, но они затухают так же быстро, как и вспыхивают, и не являются результативными.

Такие протесты чаще всего инициируются консервативными политическими силами, религиозными институтами и родительскими движениями и направлены против ЛГБТК+-тем в школах, гей-прайдов, законов о равенстве однополых пар, политики гендерного самоопределения.

Они отражают глубокую культурную и идеологическую поляризацию в европейском обществе между сторонниками ультралиберальных реформ (Западная и Центральная Европа) и защитниками традиционных ценностей (некоторые страны Центральной и Восточной Европы).

Такие протесты прошли в Польше (сентябрь 2023 г.), Словакии (апрель 2023 г.), Румынии (июнь 2023 г.), Болгарии (май 2023 г.), Чехии (март 2022 г.), Литве (июнь 2023 г.), Словении (март 2022 г.), Италии (ноябрь – декабрь 2022 г.), Греции (февраль 2022 г.).

Одним из ярких проявлений социального сопротивления в сфере школьного образования стал всплеск массовых поджогов учебных заведений в сентябре 2023 года в регионе Фландрии (северная часть Бельгии)¹.

Следственные органы рассматривали версию о том, что данные акты вандализма были совершены в качестве протеста против внедрения обновлённой программы сексуального воспитания, включающей темы ЛГБТК+-идентичностей, гендерного самосознания и разнообразия семейных форм. В ответ на манифестации власти Фландрии заявили, что программа не преследует цели пропаганды определённых мировоззренческих установок, а направлена на создание инклюзивной и безопасной образовательной среды, способствующей открытому, научно обоснованному и уважительному обсуждению вопросов пола, сексуальности и идентичности. Тем не менее общественная реакция продемонстрировала глубокие расхождения в понимании целей и содержания сексуального просвещения.

7. Молчание как реакция на идеологическое давление

Почему люди молчат?

Тут необходимо подчеркнуть одну, на первый взгляд небольшую, но крайне важную культурную и социальную особенность: не все общества и не все люди способны или готовы к публичному сопротивлению государственной политике, особенно в вопросах, связанных с моралью, сексуальностью и образованием. В разных странах уровень гражданской активности, традиции протеста и восприятие индивидуальных прав сильно различаются.

Во многих обществах люди предпочитают молчать, даже если не согласны с тем, что происходит. Это не признак равнодушия, а результат сочетания факторов:

- страха перед социальной изоляцией;
- опасений потерять работу или привилегии;
- давления со стороны институтов (включая школы, церковь, СМИ);
- а также глубоко укоренившейся привычки к пассивному принятию решений «сверху».

Но молчание объясняется не только страхом, но и:

• экономической нестабильностью – люди заняты выживанием, оплатой жилья, поиском работы;

• информационной перегрузкой – сложные темы (гендер, квир-теория, сексуальное образование) плохо объясняются в СМИ;

• стигматизацией несогласных – тех, кто критикует, часто обвиняют в гомофобии, даже если их позиция касается методов, а не прав ЛГБТ+;

• отсутствием доверия к институтам – многие считают, что протест бесполезен, потому что решения уже приняты «наверху».

Такое молчание создаёт иллюзию консенсуса и, как следствие, даёт властям и идеологическим структурам ещё больше пространства для продвижения определённых повесток, включая вопросы гендерного и сексуального образования.

В Германии, например, массовые уличные протесты против или в поддержку «квир-образования» в школах – большая редкость. Обсуждение тем, связанных с гендерной идентичностью и сексуальной ориентацией в школьной программе, скорее ограничивается локальными дебатами – в роди-

¹ Controversial sex education policy thought to be behind school arson attacks, Спорная политика в области сексуального просвещения, предположительно лежащая в основе поджогов школ, 13 сентября 2023 г.

тельских комитетах, школьных советах, региональных СМИ. Немецкое общество в целом ценит порядок и институциональные процедуры; протесты в этой стране воспринимаются как крайняя мера, а многие родители просто не хотят конфликта с администрацией школы.

Особенно это заметно в консервативных регионах (например, в Баварии или Саксонии), где родители дипломатично выражают обеспокоенность форматом уроков, возрастной доступностью информации, участием внешних организаций (включая ЛГБТКИ+-группы) в образовательном процессе.

В Швейцарии тоже всё происходит очень дипломатично и без шума. В феврале 2024 года в этой стране была инициирована народная петиция (в рамках швейцарской системы прямой демократии) «Против антинаучных уроков по вопросам сексуальности в государственной школе», в которой критиковалась практика проведения уроков сексуального воспитания с участием представителей ЛГБТКИ+-организаций¹. Авторы петиции утверждали, что такие уроки навязывают детям определённую идеологию, не учитывают родительские права, используются как инструмент «квир-пропаганды».

В результате петиция собрала необходимое количество подписей, чтобы быть рассмотренной парламентом. Хотя она и стала сигналом о существовании глубокого общественного раскола по вопросам гендерного образования, она не привела к какому-либо изменению политики, а ограничилась лишь публикацией заявления в ответ на петицию от организации SANTÉ SEXUELLE SUISSE² и Ассоциации специалистов по сексуальному здоровью франкоязычной Швейцарии (ALECSS), в котором дипломатично разъяснялось, что петиция содержит неверную информацию, адресованную родителям. Соответственно, она создаёт препятствия для реализации права учащихся на сексуальное просвещение.

За этим событием последовала лавина статей о правах сексуальных меньшинств и о рекордном в 2022 году количестве случаев нападения и дискриминации представителей ЛГБТКИ+ в Швейцарии³.

8. Демографическая рецессия как индикатор морального и культурного здоровья общества

Возвращаясь к дискуссии о так называемом прогрессе, почему же этот прогресс не приводит к увеличению численности населения, а, напротив, к его сокращению?

Устойчивое снижение рождаемости ниже уровня простого воспроизводства населения – 2,1 ребёнка на одну женщину – и одновременный рост доли лиц пожилого возраста (в возрастной группе 80+ лет) свидетельствуют о системной дисфункции, выходящей за рамки экономических и демографических параметров.

По данным Евростата, в 2023 году общий коэффициент рождаемости в странах ЕС составил 1,38 ребёнка на женщину – исторический минимум, свидетельствующий о глубине демографического кризиса.

Одновременно значительно ускорился процесс старения населения. За период с 2004 по 2024 год доля лиц в возрасте 80 лет и старше выросла во всех странах ЕС⁴. Наибольший прирост зафиксирован в Греции, Латвии и Португалии. В Греции, например, доля граждан этой возрастной группы увеличилась с 3,8 до 7,0 %, что означает, что сегодня каждый четырнадцатый житель страны – человек старше 80 лет. Такие показатели указывают на формирование «сверх-старееющего» общества, где нагрузка на пенсионные и медицинские системы становится всё более неустойчивой.

Рождаемость также сокращается. В период с 1 января 2004 года по 1 января 2024 года доля детей и подростков младше 15 лет в странах ЕС уменьшилась на 1,6 процентных пункта – с 16,2 до

¹ L'éducation sexuelle inclusive suscite la controverse à l'école – rts.ch – Société. Инклюзивное сексуальное просвещение вызывает споры в школе.

² Сексуальное здоровье Швейцарии.

³ <https://www.rts.ch/info/suisse/14030008-un-nombre-record-dattaques-contre-la-communaute-lgbtqi-en-suisse.html> (Рекордное число нападений на ЛГБТКИ-сообщество в Швейцарии в 2022 году).

⁴ Demography of Europe – 2025 edition – Interactive publications – Eurostat. Демография Европы – издание 2025 года – Интерактивные публикации – Евростат.

14,6 %. Снижение наблюдалось почти во всех странах Европейского союза. Исключения составляют Чехия, Эстония, Латвия, Словения, Болгария.

Особую значимость приобретает контраст между странами периферийного и центрального ядра ЕС. Если в Греции и Португалии старение населения ускоряется во многом за счёт миграции пенсионеров из других стран (например, из Скандинавии, Великобритании и Германии), привлечённых благоприятным климатом и относительно низкими расходами на проживание, то в Германии и Италии демографический спад обусловлен в первую очередь внутренними причинами – крайне низкой рождаемостью и высокой продолжительностью жизни. Это указывает на то, что демографическая рецессия в «сердце» ЕС имеет системный, а не ситуативный характер.

Хотя экономические факторы – высокая стоимость жизни, нестабильность рынка труда, недостаточная поддержка семей – традиционно рассматриваются как ключевые причины снижения рождаемости, современные исследования свидетельствуют о росте влияния культурно-психологических детерминант. В центре этих изменений – трансформация ценностных ориентаций, связанная с усилением индивидуализма, переосмыслением роли семьи и материнства, а также утратой доверия к будущему.

Таким образом, демографическая рецессия выступает не просто как следствие экономической или социальной политики, но как индикатор морального здоровья общества. Она отражает уровень доверия к будущему, степень сплочённости поколений и способность общества передавать смыслы и ценности. Снижение рождаемости – это не столько отказ от детей, сколько отказ от веры в будущее.

9. Отказ от материнства: новые мотивы

Снижение рождаемости в Европе сегодня нельзя объяснить исключительно экономическими или институциональными барьерами. Когда люди перестают рожать детей, это говорит не только о материальных трудностях, но и о том, что они не видят смысла в будущем.

В Европе уже несколько десятилетий наблюдается рост явления «чайлдфри» – добровольного выбора не иметь детей, хотя цифры варьируются в зависимости от страны и исследований. Например, во Франции исследование Института изучения общественного мнения и маркетинга (IFOP) 2022 года показало, что треть женщин детородного возраста, не имеющих детей, не желают их иметь¹.

Как показывает исследование, всё большее число женщин, особенно в возрасте 25–35 лет, сознательно отказываются от материнства уже не только из-за карьерных приоритетов или отсутствия поддержки, а вследствие экзистенциального страха за судьбу будущих поколений. Молодёжь всё меньше верит в возможность создания безопасного, справедливого и устойчивого мира для своих детей.

Рост уровня детородного отказа, старение населения, снижение рождаемости ниже критического порога воспроизводства, усиление индивидуализма и утрата традиционных жизненных сценариев – всё это уже не прогнозы, а устоявшиеся тренды. Они фиксируются в крупных научных исследованиях, таких как Детородный отказ в Европе: контексты, причины и последствия (2017)², где на основе долгосрочных данных показано, что доля женщин, не имеющих детей, стабильно растёт по всему континенту – от Финляндии до Италии, от Франции до Германии. При этом всё больше людей принимают решение не иметь детей не из-за медицинских или экономических барьеров, а добровольно, в ответ на неопределённость будущего, страх перед климатическими катастрофами, экономическую нестабильность и экзистенциальную тревогу за мир, который они оставят своим детям.

Это уже не просто демографический сдвиг – это кризис смысла, кризис доверия к будущему. Цивилизация, переставшая верить в своё продолжение, начинает писать собственную эпитафию

¹ https://www.ifop.com/wp-content/uploads/2022/10/Ifop_ELLE-enfant.pdf. Опрос французенок об их желании иметь детей и сожалениях по поводу материнства.

² Крейенфельд М., & Кониецка Д. (ред.). Детородный отказ в Европе: контексты, причины и последствия. Springer. Серия «Demographic Research Monographs», 2017.
<https://doi.org/10.1007/978-3-319-44667-7>

не словами, а действиями: всё больше людей выбирают «childfree», отказываясь от биологического и символического воспроизводства общества.

10. Кризис веры и доверия

Если демографический спад и ослабление семейных устоев стали видимыми симптомами кризиса европейской цивилизации, то глубокая утрата морального авторитета традиционных институтов – и прежде всего церкви – представляет собой его невидимую, но не менее опасную причину.

Масштабное исследование американского аналитического центра Pew Research Center, проведённое в 2024 году, выявило устойчивую тенденцию к деаффилиации от христианства в Европе: не менее 20 % взрослых отрекаются от религии, в которой были воспитаны в детстве¹. Наиболее затронуты страны с сильной католической традицией – Италия, Франция, Испания, Польша и Германия. Соотношение числа покинувших христианство к числу вступивших достигает критических значений: в Италии – 28,4:1, Германии – 19,7:1, Испании – 12,2:1. Массовый исход сопровождается ростом числа «непринадлежащих» – атеистов, агностиков и секулярных индивидов. Исключение составляет лишь Венгрия, демонстрирующая положительный прирост вовлечённых. Этот процесс отражает углубляющуюся секуляризацию европейского общества, особенно в католических странах. И на это есть множество причин.

Сегодня уже мало кого удивляют постоянно появляющиеся в СМИ скандалы о случаях педофилии, в которые вовлечены малолетние дети и служители католической церкви. Новая информация об этом появляется почти каждую неделю. Это тоже «нормально».

Европейское общество в последние десятилетия переживает глубокий моральный кризис, который затрагивает не только светские институты, но и традиционные нравственные ориентиры – прежде всего религиозные. Особенно остро этот вопрос стоит в контексте католической церкви, которая на протяжении многих лет сталкивается с обвинениями в педофилии, прикрываемыми молчанием и бюрократическими уловками.

Скандалы, связанные с сексуальным насилием над малолетними детьми со стороны священников, уже давно перестали быть исключением. Недавние публикации, такие как статья о новых обвинениях против аббата Пьера², демонстрируют, что проблема не только не исчезла, но продолжает раскрываться в новых формах³. Более того, официальные структуры церкви зачастую пытались замаять преступления или перевести их в разряд «внутренних дел», вместо того чтобы открыто противостоять им и нести ответственность перед обществом.

Дело аббата Пьера стало не просто личной трагедией для многих французов, но и символом глубокого морального кризиса, затронувшего не только церковь, но и всю систему доверия к авторитетам в современном европейском обществе. Этот человек был одной из самых известных и уважаемых фигур во Франции, основатель общественной организации «Emmaüs», которая занимается помощью бездомным и социально незащищённым слоям населения. Его имя ассоциировалось с милосердием, социальной справедливостью и борьбой за права обездоленных. Скандал стал частью более широкой волны разоблачений о сексуальном насилии в католической среде, особенно среди духовенства.

¹ Religious Switching in 36 Countries: Many Leave Their Childhood Religions | Pew Research Center. Смена религии в 36 странах: многие покидают религию своего детства | Исследовательский центр Pew.

² Аббат Пьер (настоящее имя – Анри Герёль, Abbé Pierre, 1920–2007). Он был католическим священником, филантропом и основателем общественной организации «Эмосар» (Emmaüs). В начале 2025 года появилась серия шокирующих публикаций, которые перевернули общественное восприятие этого святого для многих человека. Многие годы католическая церковь отрицала обвинения. 16 января 2025 года французское издание France Inter и швейцарский телеканал RTS сообщили о 12 новых обвинениях сексуального характера против аббата Пьера, семь из которых касались насилия над несовершеннолетними детьми. Об этих преступлениях заявили взрослые мужчины, которые в момент инцидентов были подростками или даже малолетними детьми. Скандал получил широкий резонанс после того, как фонд «Эмосар» признал факт существования «документированных элементов», указывающих на систематическое сексуальное насилие со стороны основателя организации.

³ <https://www.rts.ch/info/monde/2025/article/abbe-pierre-12-nouvelles-accusations-de-violences-sexuelles-7-sur-mineurs-28938977.html>

Его история – это напоминание о том, что даже самые святые образы могут скрывать тёмную сторону, если общество не готово задавать трудные вопросы и требовать ответственности.

Такие случаи не просто подрывают доверие к конкретным личностям, но и ставят под сомнение саму моральную легитимность церкви как института. Если духовные наставники, проповедующие добродетель и целомудрие, становятся насильниками, то это вызывает серьёзный внутренний конфликт у верующих и усиливает процесс секуляризации и атеизации.

Отсутствие ясных моральных ориентиров, слабость семейных связей, влияние разлагающейся поп-культуры и снижение роли религии в повседневной жизни – всё это создаёт почву для распространения безнравственности. Католическая церковь, когда она сама становится источником скандалов, теряет право быть голосом нравственного авторитета.

За этими будничными событиями кроется гораздо более опасное явление с далеко идущими последствиями. Католическая церковь является прямым проводником отчуждения идеалов и ценностей прошлого. А это ещё больше ослабляет и усугубляет кризис европейской цивилизационной модели.

11. Заключение: какой мир мы строим для наших детей?

В данной статье перечислены лишь некоторые, наиболее важные на взгляд автора, признаки европейской моральной деградации. Но они весьма красноречивы. То, что ещё недавно воспринималось как непопулярное научное предположение о близкой апокалиптической кончине европейской цивилизации, с годами трансформировалось в статистическую, социальную и институционально закреплённую реальность, с которой приходится жить и к которой нужно адаптироваться.

Далеко не все в Европе разделяют ультралиберальную идеологию. Однако выступления представителей сексуальных меньшинств и сообщения об усилении насилия в их адрес звучат всё чаще и громче, тогда как голоса тех, кто осмеливается выступить с критикой пропаганды этого феномена, остаются на периферии общественного внимания.

Тем, кто выражает несогласие с навязыванием новых установок, часто говорят, что их мышление слишком консервативно и недостаточно открыто. Государственная школа утверждает, что ребёнок «имеет право знать» и «школа не вправе ему лгать», и предлагает искать альтернативные формы образования, если её идеологическая политика не соответствует взглядам семьи.

Мы можем бесконечно спорить о прогрессе, о равенстве, о правах и о том, что такое правда и ложь. Для части общества ультралиберальные идеи означают прогресс – равенство, защиту прав меньшинств; для других – это упадок традиционных норм, ведущий прямо в тупик. Мир, несомненно, меняется. Но важно помнить: не всякое изменение является прогрессом и не всякая свобода – благом.

Важно понимать: истинный прогресс – это не слепое следование модным трендам, а диалог между прошлым и будущим, в котором образование служит не инструментом идеологической перепрограммировки, а средством раскрытия человеческого потенциала.

Эдуард Квашнин-Раевский



Уроженец Челябинска. Работал учителем, журналистом, вахтовиком на Севере, снимался в кино (более 20 эпизодов и участвует в съёмках полнометражного фильма по его сценарию). Сотрудничает с изданием «Регнум» на постоянной основе. Печатался в «Завтра», «Взгляде», «Столетии». Рассказы и стихи выходили в журналах «Урал» и «Бронзовый век». Победитель конкурса «Воспевая Китай» (при поддержке посольства КНР) в 2018 году. Автор романа «Серебро» (издательство «Чтиво», СПб., 2022) под псевдонимом Эдуард Диа Диникин. Готовится к изданию роман «Трое в лодке, не считая Харона». Живёт в Санкт-Петербурге. Ссылки на статьи: https://regnum.ru/author/eduard_dinikin. Ссылки на рецензии на роман «Серебро» в ЛГ и «Завтра». <https://lgz.ru/article/dukh-istorii-i-kocherga-legionera/> https://zavtra.ru/blogs/neproiznosimij_shibbolet

ПЕПЕЛ И ДЫМ

Роман. Журнальный вариант

Мы клянёмся! Пусть небо и земля казнят самой лютой смертью того, кто забудет добродетель и будет попираť великое дело справедливости. Пусть все боги обрушатся на него, и пусть он нигде в течение десяти тысяч столетий не вернётся к человеческой жизни; пусть навсегда погрузится он в море страданий и бедствий. Наше желание – строго охранять в сердце своём верность и справедливость, отдать все свои силы на служение нашей родине и во имя неба осуществлять на земле справедливость и обеспечить мир и порядок для народа. Пусть боги и небо будут свидетелями наших стремлений, а если мы нарушим свою клятву, то готовы понести за это тяжкую кару.

Шин ай-ань. «Речные заводы»

Декапитан Кассий Колхаун точит мачете.
Обычаи гнусных команчей ему не знакомы.
Голову юному Генри отрежут за это.
Кассий Колхаун. Номен эст омен.

Дионисий Декаръ. «Nomen est omen»

ПРОЛОГ

В мае учиться совсем не хочется. Тем более в выпускном классе. И уж совсем нет желания писать диктант.

Павел с неприязнью посмотрел на висевшие на стене портреты Ивана Франко, Тараса Шевченко, Леси Украинки. Взглянул на школьную доску, где аккуратным почерком было написано «13 травня 2011». Всё это было ему неинтересно. Было кое-что, что привлекало его внимание гораздо сильнее.

А точнее – кое-кто.

Агния.

Она сидела впереди него, через ряд. Ему хорошо было видно её чуть вьющиеся тёмно-рыжие волосы, сосредоточенное красивое лицо, тонкую руку, лежащую на парте. Он загляделся на девушку.

Боковым зрением он почувствовал взгляд. Повернулся. И встретился глазами с Дэном Декарёвым. Но, как понял Павел, тот смотрел не на него вначале, а на Свету, эффектную блондинку, сидевшую сейчас перед Павлом.

«Странно, – подумал он, – а почему они расселись, вместе же сидели всегда? Уж кому, а Дикарю писать диктант совсем неинтересно, – продолжал размышлять Павел, – он сам похожего кизяка хоть тоннами накидать может не задумываясь».

Дэн, несмотря на то что ещё учился в школе, опубликовал уже два рассказа и стихотворение в литературных журналах.

Громкий голос немолодой учительницы вернул Павла в школьную реальность.

– Ми – діти України! – впечатывала та слова. – Вона – наша мати. Матерів, як відомо, не обирають... Чесні люди. А малороси, що народилися українцями, залишають рідну матір, йдуть до мачухи і служать їй як матері¹.

Павел принялся выводить сказанное в тетради.

Голос звучал жёстко, обвинительно, почти угрожающе:

– Ось такі серед нас народжуються, такі серед нас живуть і вимагають поваги до себе².

На последнем слове голос сорвался, чуть ли не дав петуха.

«Вот же курица», – подумал Павел и хмыкнул.

Учительница подозрительно посмотрела на него.

– Що смішного? Павло!?

Павел деланно-удивлённо посмотрел на неё, стараясь сдержаться от смеха – уж больно забавно она выглядела. С косой, как у Тимошенко, блузке, сшитой под вышиванку и глазами под эрзац Тараса Бульбы, дескать – не я тебя породила, но я тебя убью.

– Что? – спросил он. – Ничего смешного, по-моему, Ирина Дмитриевна.

Ирина Дмитриевна поджала тонкие, накрашенные ярко-красной помадой губы:

– Розмовляй державною мовою³.

В классе раздалась смехи. Всем была известна нелюбовь преподавательницы украинского языка и литературы к Павлу.

Женщина кинула быстрый взгляд вглубь класса.

– Тихо! Філімоненко, ти дурний, чи що?⁴

Николай Филимоненко, крупный парень с наглým взглядом, сидевший на задней парте, недовольно посмотрел на нее.

– Ирина Дмитриевна, давайте уже заканчивать, – произнёс он.

Чувствовалось, что она ему тоже не нравилась. А также то, что он не особо-то и опасается преподавательницы. Так мангуст не особо опасается кобру. Тем более такой мангуст, что в два раза больше кобры. А Филимоненко, несмотря на недевчьи габариты учительницы, был именно таким.

– У меня сегодня ещё тренировка. Надо домой прийти, помыться, собраться, я опоздать не могу. А то меня тренер с дерь...

Он осёкся. В классе раздалась уже крайне явственные смехи, почти смех.

Учительница смотрела на него с трудом скрываемой злостью и пониманием того, что она не сможет его наказать. Медленно выдохнула и громко произнесла:

– Останні дві пропозиції. Пишемо і здаємо зошити⁵.

«Брешет, как дышит, – беззлобно подумал Павел о Николае, – тренировка у него...»

Никакой тренировки, конечно, у Николая Филимоненко не намечалось. Сегодня небольшой компанией они едут отдыхать.

* * *

Квартира родителей Павла, в которой он жил вместе с ними, находилась в доме, стоящем напротив Днепра, что было, конечно, не редкостью в городе под названием Днепропетровск.

Родители переехали в этот дом, стоявший неподалёку от яхт-клуба, не так давно, полтора года назад, но Павел не стал менять школу, до которой теперь приходилось ехать, а не идти. И во многом из-за Агнии, в которую был влюблён с седьмого класса, когда она впервые появилась в их школе.

¹ – Мы – дети Украины! Она – наша мать. Матерей, как известно, не выбирают... Честные люди. А малороссы, что родились украинцами, оставляют родную мать, идут к мачехе и служат ей как матери.

² – Вот такие среди нас рождаются, такие среди нас живут и требуют уважения к себе.

³ – Разговаривай на государственном языке.

⁴ – Тихо! Филимоненко, ты дурак, или что?

⁵ – Последних два предложения. Пишем и сдаём тетради.

Павел, встав на стул, искал на верхней полке шкафа, рядом с которым находилось пианино, свёрток, который вроде бы положил туда неделю назад.

Агния стояла недалеко от него и наблюдала за его поисками.

– А, вот, нашёл.

Юноша продемонстрировал находку девушке, при этом резко и неловко повернувшись, чуть не упал со стула.

– Осторожно, Паша, – встревоженно произнесла она.

– Да ничего. Так, а это что?

Он попытался вытащить какой-то предмет, который ей был не виден. Агния сделала два шага назад. И вовремя. На пол упало нечто тёмно-синее, тяжёлое и прямоугольное, оказавшееся фотоальбомом. Агния подняла его и выпавшие фотографии.

Павел слез со стула.

Агния отдала ему фотоальбом, оставив в руке одну фотографию.

– Ничего себе – какое ретро, – сказала она.

На чёрно-белой фотографии были запечатлены двое: мужчина лет шестидесяти с орденами и медалями на пиджаке и мальчик лет пяти, которого мужчина держал за руку.

Павел посмотрел на фото.

– Что? А это...

– Это ты? – спросила девушка.

– Я? Да ты что? Это отец мой. А рядом с ним – друг прадеда моего. Воевали вместе во Вторую мировую. Он его от смерти спас. Он иногда приезжал в гости к прадеду. Сам он с Сибири откуда-то. Или где-то там. Урал, кажется, но я не помню точно. Город... название какое-то еврейское. Последний раз приезжал к нам ещё до Пуйла.

Агния непонимающе посмотрела на него.

– До чего?

Теперь уже Павел недоумённо посмотрел на неё.

– Да до Путина, – словно ребёнку объяснил он. – Я знаю, ты почему-то хорошо об этом жулике думаешь. Просто не понимаешь ещё. Ладно, неважно, – махнул он рукой, не желая спорить. – А он частенько заезжал к прадеду. Я про друга прадеда. У него в Украине внук где-то жил. На Лугандонщине, кажется.

Агния, будто впервые услышала это слово, переспросила:

– Где?

Павел рассмеялся.

– Прикалываешься? Ладно, не притворяйся, что ты с другой планеты. Что такое Лугандонщина ты знаешь. Ну, Луганск там, Донецк, где все эти коммуняки совдеповские проживают.

Агния пожала плечами. Перевернула фотографию и прочитала надпись.

– Тут на оборотной стороне что-то написано. Дым?

– Ну да. Прозвище его. А фамилия – Дымов. Касьян Дымов полностью. Трудно забыть такое имя – да? Особенно с фамилией, когда вместе.

Агния непонимающе смотрела на него.

– Почему?

Павел показал жест, обозначающий курение.

– Косяк, понимаешь?

Агния широко открыла глаза.

– А ты что, покуливаешь?

– Нет, конечно. Я и простые сигареты не курю. А имя его наизусть запомнил. Да тут везде подписи на оборотных сторонах фотографий. Я помню этого Дымова, хоть и малой был, а он уже старый очень. «Птичку» мне сделал. Знаешь, что такое?

– Нет.

– Смотри.

Юноша огляделся. Увидев газету «Днипровские Вести», взял её со стола, после чего сложил из неё несколькими резкими движениями головной убор.

– Вот это и есть такая пилотка, чтобы голову не напекало. Мой прадед её «птичкой» называл, а Дымов картузом. Картуз – это такая фуражка, раньше все носили, ещё при Совдепе. Да даже ещё раньше.

Агния надела «картуз» на себя. Подошла к зеркалу. Поправила прядь, выбившуюся из-под головного убора.

– Круто, – заметила она с улыбкой.

Павел засмотрелся на девушку так же, как в классе. Но быстро спохватился.

– А сына его, знаешь, как звали? Касьяна этого.

– Как?

– Дементий.

– И что? Красивое имя. Мне нравится.

– Но как так можно назвать? Ведь сразу ассоциация с деменцией. Если бы меня так назвали, я поменял бы такое имя. На Демьяна, например.

Звонок на мобильный телефон прервал их беседу.

– Да? – ответил Павел.

Агния ещё раз взгляделась в фотографию. «Как похож Паша на своего отца в детстве», – подумала она. Детские фотографии Павла она уже видела в его компьютере.

Она взглянула на Павла, говорящего по телефону. И засмотрелась. Поймав его взгляд, быстро отвела глаза, смутившись.

– Да, мы уже выходим, – сказал Павел, даже не обратив внимания на её смущение. – Да, ветерок усиливается, но я слышал прогноз, да и ты тоже слышал – усиления ветра вечером не будет. Всё, хорошо, мы сейчас выходим.

Он нажал на «отбой» на телефоне:

– Коля звонил. Давай уж пойдём, а то он нас, как он выражается, с дерьмом съест и не закашляется.

Они рассмеялись.

– Дебильное выражение, – заметила Агния.

– Согласен, Агния, дочь Магния.

Он улыбнулся какой-то только им понятной шутке и положил обратно фотоальбом. Агния шутливо-строго погрозила ему пальцем. Молодые люди вышли из комнаты.

Быстро обувшись в коридоре, они взяли заранее приготовленные рюкзаки – большой у Павла и маленький у Агнии.

– Так, ну всё – пойдём? – предложил он.

– Пойдём, – энергично согласилась она.

После того как закрылась входная дверь, в комнате под порывом сквозняка хлопнула форточка. Фотография с прадедом Павла и его другом упала на пол лицами вверх.

Но молодые люди этого не видели, увлечённо спускаясь вниз, навстречу новым впечатлениям.

* * *

Одноклассники – Павел, Агния, Света, Дэн и подруга Николая Руслана, выглядевшая немного старше остальных, что было неудивительно, ведь она училась уже на третьем курсе одного из киевских институтов, сидели у ярко горящего костра.

В этом месте течение Днепра, и так не быстрое, было особенно медленным.

Недалеко от костра стояли три палатки и большой джип Николая, который что-то искал в «бардачке». Наконец достав зажигалку «зиппо», он удовлетворённо улыбнулся и возвратился к ребятам.

Николай несколько раз прокрутил колёсико зажигалки.

– Горит пока. Но это – пока, предупреждаю. Ладно, я – некурящий. Но вы-то должны были подумать об огне, пупсики.

Руслана, держа в руке стакан со спиртным, усмехнулась:

– Да уж, курильщик без спичек, как, сами знаете, кто...

– А зачем спички, если есть костёр? – спросил Павел.

Николай скривил губы.

– Пепел, он же потухнет когда-нибудь. Или вы с Агнией его всю ночь будете поддерживать?

– Да ладно, не пропадём, – махнул рукой Дэн. И как-то неуверенно посмотрел на Свету. Та отвела глаза.

* * *

Уже совсем стемнело.

Николай шёл к берегу походкой уверенного человека. Увидев сидящую Свету, Николай молча сел рядом. Девушка сделала последнюю затяжку, выпустила дым и потушила сигарету в пустой пачке.

Положила в рот жевательную резинку.

Николай посмотрел на неё с интересом, который принято называть холодным. Но когда девушка повернулась к нему, выражение его лица вмиг приобрело некое подобие участия и теплоты.

– Родители знают, что ты куришь?

– Нет. Они не знают даже, где я сейчас.

– Ты что – не предупредила их?

– Нет.

– Смотри. Папа у тебя такой, что... с дерьмом съест и не закашляется.

Света хмыкнула.

– Мой папа обычный человек. В Афгане служил, в плен попал, потом бежал, убив душманов, пробирался к своим долго – это на нём отразилось. Вот твой папа необычный. Я всегда хотела тебя спросить – а почему ты в нашей школе учишься?

– А где, по-твоему, я должен учиться?

– В Лондоне. Ну, или в элитной школе какой-нибудь. Почему в нашей?

– Так задумано партией, – с усмешкой произнёс Николай.

– Какой партией? – не поняла Света.

– Батько мой так говорит. А в данный момент получается, что «Батькивщина».

– Я знаю, что он состоит в ней, но он же бизнесмен, политика для него не главное, – полувопросительно произнесла она.

Николай усмехнулся.

– Для него главное... чтобы украинцы жили достойно, как в Европе.

– Ой. Хватит ёрничать.

– Я не ёрничаяю.

– Ну – прикалываешься.

– И не прикалываюсь. Честное слово.

– Ну ты-то у нас «чеснок» известный, – сказала она слегка насмешливо.

Николай посмотрел на неё несколько уязвлённым взглядом.

– От меня что – чесноком пахнет?

– Да с чего вдруг? – удивилась Света его словам. – Ты же понял, о чём я. Та и ерунда это всё, вообще не обращай внимания. Всё это ерунда.

Света допила пиво из баночки. Посмотрела на Николая.

– А чем ты Дэна озадачил? – спросила она. – Я видела, ты сказал ему что-то, он сидит, на телефон что-то нащёптывает.

– А, это, – отмахнулся Николай, – задание дал.

– Задание? И какое же, пан Филимоненко?

– За сто евриков написать стихотворение про что-то не нужное ему и всем нам от слова «совсем», но этому чему-то и он и мы не нужны тоже. Но в стихотворении должен быть смысл.

– И он согласился?

– Ещё как, – усмехнулся Филимоненко, – сама же видела – диктует на телефон. Значит – сочиняет. Он смотрел на неё нагло, уверенно. «Так, как смотрит владелец», – подумала Света.

– А где Руслана? – спросила она.

– Не знаю. Мне-то какое дело? Мы с ней, считай, расстались уже.

– Уже? Так вы только приехали?

– И что? Вы тоже с Дикарём приехали.

– При чём здесь он сейчас?

– Вот именно – совсем ни при чём. Согласен. Зачем тебе этот лошок нужен? – Николай придвинулся к Свете и приобнял её. – Прохладно стало, да?

– Что ты делаешь? – недовольно произнесла девушка, но не сделала попытки освободиться. – А, кстати, кто она?

– Руслана-то? Она с Киева. С братом приехала неделю ещё назад. У брата её делюга какая-то с моим отцом. Он уехал, а она вот решила немного у нас побыть. Да шо она тебе сдалась?

Николай с силой привлёк её к себе и стал жадно целовать. Девушка попыталась вначале отстраниться, но когда Николай посмотрел на неё взглядом, полным удивления, сама притянула его к себе...

Чуден был Днепр в ночь с пятницы тринадцатого на субботу четырнадцатого мая две тысячи одиннадцатого года.

* * *

Лёгкая дымка над водой и тишина. Только шелест волн, и никаких других звуков. Таким был рассвет над Днепром.

Но приехавшие на отдых ребята проспали его, начав выходить из палаток почти одновременно уже тогда, когда утро уже не принято называть очень ранним.

Потихоньку, ёжась от утренней прохлады, все, кроме Светы, подошли к потухшему костру.

Николай, поджав губы, покачал головой:

– Ого. То, о чём я говорил. Где зажигалка?

– У Светы, наверное, – предположила с нехорошей улыбкой Руслана, стоявшая рядом с Дэном, который выглядел несколько смущённым.

– А где она? – начал озираться Николай.

– Вот ничего себе. Ты что – не знаешь, где Света? – деланно удивлённо произнесла Руслана. – Чем вообще ты занимался?

– Онелки смотрел, – усмехнулся Николай Филимоненко.

– Што смотрел? – переспросила Руслана.

– А вот знать надо, – заметил молодой человек.

Похоже, из присутствующих только Дэн понимал, о чём идёт речь. Если бы кто-то в этот момент пригляделся к нему, то увидел бы, что он побледнел.

– Да где же Света? – раздражённо спросила опять Руслана.

– Да здесь я, – слышался голос.

Все обернулись и увидели девушку, выходящую из подлеска.

– И зачем вы меня ищете? – спросила она, подходя.

Руслана хотела сказать явно что-то неприятное. Николай это понял и быстро обратился к Свете:

– Зажигалка у тебя?

– У меня.

Света достала из кармана «зиппо».

Чиркнула.

Огня нет.

Ещё раз.

И ещё раз.

Без результата.

Николай с интересом смотрел за её действиями. Потом повернулся к Дэну:

– Ну вот, Дикарь, готовый сюжет, сможешь рассказ написать. «Как мы профукали огонь». Хорошее название?

– У меня лучше есть, – сухо ответил Дэн. – «Эстония».

– А причём здесь Эстония? – удивился Николай.

– Это всё хорошо, – перебила их Руслана, – но надо или с этой зажигалкой что-то решить, или ехать в ближайший магазин.

– Так ведь дымится ещё, – заметила Агния.

Она встала на колени и начала дуть на пепел. Через какое-то время дымок стал сильнее. И через несколько секунд появился огонёк.

Павел стал осторожно подкладывать в огонь маленькие сухие ветки. Агния стала что-то искать в карманах.

– А, ерунда, – сказал Николай Филимоненко, – поехали в магазин. Всё равно надо ещё бухлишка прикупить, да Света там что-то хотела взять.

– Поехали, – сказала Руслана. – Мне тоже кое-что надо. Не только Свете. Поедешь с нами, Денис?

– Нет, – хмуро покачал головой Дэн. – Мне ничего не надо.

Когда Николай, Света и Руслана направились к автомобилю, Дэн вытащил из кармана сложенный пополам лист бумаги и протянул его Павлу. Тот взял его, но перед тем, как поднести к огню, бросил на лист внимательный взгляд.

– О, так это же стихи.

– Жги, Пепел, – коротко бросил Дэн. – Это тебе и огню, – добавил он, нервно рассмеявшись.

– Дай мне, – небрежно сказала Агния, всё ещё стоявшая перед начинавшим разгораться костром на коленях.

Павел протянул ей листок. Агния взяла его и принялась опять «колдовать» с огнём.

– Вот теперь уже точно не погаснет, – сказала она. – Вот только пару полешек добавим.

– Не жаль? – спросил Павел, глядя на хмурое лицо Дэна. – Свою рукопись? Это её ты назвал «Эстонией»?

– Не важно. Нет, не жаль.

– Понятно, – Павел отряхнул руки. – А говорят, что рукописи не горят.

– Горели, горят, – глядя в огонь, произнёс Дэн, – и будут гореть.

Глава первая

РАЙОН КАХОВСКОЙ ГЭС. 2023 ГОД. НАЧАЛО ИЮНЯ. ДЕНЬ

Ткань вещмешка, брошенного в окопе, горела ярко, как светит солнце, пусть происходящее вокруг ткани, окопа и огня сложно было бы назвать солнечным. Хотя бы из-за того, что война и смерть не ассоциируются с этим словом.

Два бойца в масках в виде черепов, находившиеся в окопе, вели автоматный огонь. Шлемы бойцов были накрыты капюшонами, что придавало им жуткий вид.

Их противник, Пётр, крепкий мужчина пятидесяти семи лет, находился в соседнем окопе, соединённым с первым. Расстояние противников друг от друга составляло несколько метров.

Первый боец прекратил стрельбу. И громко выкрикнул на английском языке:

– Red!

После чего стал сидя быстро перезаряжать автомат AR-15. Второй продолжил стрелять в сторону Петра, стоя на колене и стараясь не высовываться.

Всё это было похоже на неожиданное боестолкновение. Так оно и было: все трое встретились почти лицом к лицу буквально несколько секунд назад.

Второй боец прекратил стрельбу. И точно так же, как первый, громко выкрикнул:

– Red!

У него тоже закончились патроны. Ему надо перезарядить свою FN SCAR. На это ему необходимо несколько секунд. Несколько мгновений жизни.

Пётр появился перед ними быстро и, какими бы опытными они ни были, неожиданно.

Пётр увидел перед собой двух бойцов с «черепами» вместо лиц. У одного из них не было магазина в штурмовой винтовке.

У второго магазин находился в его AR-15.

И этот второй успел два раза нажать на досылатель затвора, который находился сбоку. Обычная кнопка, чем-то похожая на автомобильный прикуриватель.

Пётр выстрелил два раза. Головы наёмников просто исчезли. Их безголовые тела отбросило на стены окопа.

Мужчина опустил руки вниз. В одной из них он держал РШ-12 «Слонобой», самый мощный штурмовой револьвер в мире.

Пётр быстро зашёл под деревянное перекрытие, где так же быстро перезарядил магазин своего АК.

Оставаясь в укрытии, он осторожно посматривал на небо.

Глава вторая

В этом доме их было шестеро. Самому старшему, Андрию, было тридцать четыре, самому младшему, Тарасу, – двадцать четыре. Павлу – двадцать семь, Виталию – двадцать девять, Мыколе – двадцать шесть. Все в военной форме.

Отличались двое: Тарас, к поясу которого был прикреплен кинжал СС в черных ножнах, и Андрий, одетый в камуфляж с гражданскими элементами.

И вообще, Андрий чем-то неуловимо был не похож на других. Так, например, неуловимость не похожа на незаметность.

Андрий, держа в руке видеокамеру, снимал помещение, в котором находилась вся шестёрка. Помещение выглядело потрепанным. Разбитая кое-где мебель, выбитые окна.

Андрий навёл камеру на стол, где находились несколько снаряжённых дронов.

Андрий начал говорить на английском, который из всей группы хорошо понимал только Павел:

– Сегодня пятое июня. И это секретное задание боевой группы «Божье Око». Я не посвящён во все детали. Но у моих зрителей будет возможность увидеть всё своими глазами. У ребят, кроме оборудованного места с беспилотниками, есть запас еды, стрелковое оружие, даже резиновая моторная лодка на случай, если русские взорвут плотину.

* * *

Тарас стоял рядом с окном, загороженным досками. Было видно, что ему доставляет удовольствие говорить в камеру Андрия. А вот рядом стоявшие Мыкола и Олександр чувствовали себя не совсем в своей тарелке.

Тарас поправил кинжал СС на поясе и продолжил, чуть иронично улыбаясь:

– Когда вот этот выступ обороняли орки, мы называли его Писюн. А сейчас называем Хортица. Потому что мы не можем держать оборону на Писюне.

Все захохотали.

– А чому назвали Хортицею? – Андрий перешёл на мову.

– В честь Запорожской Сечи, князей киевских. Ну и мы тут же в отдалении. Сёла вон там, – он показал пальцем в узкую расщелину между досок, – а дом этот стоит в километре почти. Хороший дом, справный.

– А що за будинок? Тут інтелігенція жила якась? Я в іншій кімнаті бачив фортепіано навіть¹.

– Фортепиано в «пилотной» стоит. За интеллигенцию не знаю. Но какая интеллигенция в селе? Хотя... Я о другом хочу сказать. Вот двухэтажный дом, хозяйство, видно, справное. А у орков такое может быть? У них только в Москве да в Питере ещё нормально всё. А так, чтобы в селе было хорошо, – нет такого у них. Вон, тащат из домов стиральные машины. Даже такой мелочи нет.

– Вот я и говорю, человеческое сознание – это пшик какой-то, – подключился к разговору Павел. – Можно всё заменить, перепрошить с помощью того же российского ТВ. И человек, люди, народы будут думать, что было так, а не иначе. Вот в России, например, опять же. Они же все уверены, что хорошо живут, а у самих газа нет в квартирах. Я видел, по телевизору показывали.

– А доводилося самим бачити, як тягнуть? Розповівши².

– Не, но мы-то не мирные жители. Но у нас не будут брехать. Вон я по интернету видел. По новостям нашим тоже. Так у нас же свободная страна, у нас народ на майдан всегда выйдет. Телевидение у нас свободное. А у москалей как было ордынское право, так и осталось. Всё как хан скажет.

Тарас рассмеялся и добавил:

– Пахан.

Его добавление было встречено одобрительным смехом.

* * *

Андрий внимательно слушал Виталия, продолжая снимать. Виталий, показывая пальцем, объяснял:

¹ – А что за дом? Здесь интеллигенция жила какая-то? Я в другой комнате видел фортепиано даже.

² – А приходилось самим видеть, как тянут? Рассказав.

– Ты же видел – у нас растяжки поставлены. Днём могут заметить, а ночью – вряд ли. У нас свет только в одной комнате. Там даже окон нет. Но днём мы их сами не пропустим. Мы кацапов ненавидим.

Андрей, перестав снимать, кивнул, соглашаясь:

– Это понятно. Их весь цивилизованный мир ненавидит. Мы в Канаде их вообще за людей никогда не считали.

* * *

– Вчера пасмурно было, – объяснял Павел. – А сегодня день просто предназначен для полётов.

Андрей внимательно снимал пояснения.

– В нашей группе два пилота, сапёр и два стрелка, – продолжал Павел. – Все мы с большим опытом. Александр и Мыкола раньше в ДРГ служили. А вот сейчас с нами. Тарас тоже в ДРГ служил, кстати.

* * *

Андрей направил камеру на себя.

– Телефоны у нас есть, але для особливих випадків. Взагалі, включений стільниковий телефон, з вбудованою «сімкою» і з вимкненим режимом «в польоті», – це ідеальний сигнал для пеленгації противником. Прослушка розмови по стільниковому зв'язку і наведення вогню арти по точці, звідки йде сигнал з телефону, дуже тоді ймовірні¹.

Виталий, стоявший недалеко, заметил:

– Да и вообще. Тут ДРГ сейчас шастает, нам сообщили.

– ДРГ, поясни, будь ласка, що це?²

– Диверсионно-разведывательная группа. Сейчас тут «серая зона» как бы, поэтому и наших и ихних можно встретить.

– Я сам в такой был, – Мыкола появился в двери. – Вот в десяти километрах отсюда. Тут же сепаров дофига было всегда.

– Будь ласка, розкажи випадок який-небудь³, – попросил Андрей.

Мыкола растерянно посмотрел на него.

– Випадок? А! Да тут, говорю, сепаров дофига. Вот мы зашли в село в форме кацапов. А тут мать с дочкой лет шестнадцати. Мы им: «Ждали?» Те: «Ждали, ждали, родимые!» Ну, мы их сразу и почитали, щоб другим ждунам неповадно было.

Павел быстро посмотрел на Мыколу. На его лице читалось смущение. Андрей нажал на «стоп» и улыбнулся.

– Так, но это сразу убираю. Не все наши зрители понимают, что на войне как на войне. А в любви и войне правил нет.

– Но как нет? Должны быть, – не очень уверенно предположил Павел.

– Ой! Вы, когда раненых добиваете, о правилах думаете, операторы дронов? – пошутил Мыкола.

Окружающие начали смеяться, оценив шутку. Павел в некоторой растерянности смотрел на лица своих товарищей.

– Но так они военные. С оружием, – сказал он всё так же не очень уверенно. – Оккупанты.

Андрей, снимая Павла, спросил его:

– А який твій позивний?⁴

– Пепел.

Андрей, укрупняя план, сделав два шага навстречу Павлу, деланно-удивлённо поинтересовался:

– Чому Попіл, а не Око Хосподнє? Або Добрий самаритянин?

Все опять негромко рассмеялись.

¹ – Телефоны у нас есть, но для особенных случаев. Вообще, включенный сотовый телефон, со встроенной «симкой» и с выключенным режимом «в полёте», – это идеальный сигнал для пеленгации противником. Прослушка разговора по сотовой связи и наведение огня арти по точке, откуда идёт сигнал с телефона, очень тогда вероятны.

² – ДРГ, объясни, пожалуйста, что это?

³ – Пожалуйста, расскажи, случай какой-нибудь.

⁴ – А какой твой позывной?

– Ну, таких позывных не бывает, – пожал плечами Павел. – Одно слово должно быть. А меня Пеплом ещё со школы так кличут.

* * *

Павел и Виталий сидели перед двумя мониторами. У обоих на глазах были надеты очки операторов дронов.

На очках были изображены треугольники с открытым глазом внутри него и надписью «God's eye».

Павел, держа в руке пульт, объяснял Андрию:

– Мавики – это как расходный материал у нас. РЭБ у москалей работает не так уж и плохо. Надо признать это. Но тут они нас не особо ожидают. А мы «светиться» сильно не будем.

Андрей внимательно наблюдал за экранами. На них видео в реальном времени с двух дронов.

Перелески, поля, где-то далеко виднелись дома...

Виталий кивнул:

– Вот, вижу.

Андрей навёл камеру на монитор. Мавик приблизил объект. Это военный, быстро направляющийся в сторону небольшого леса.

– Пепел, сбрось ему подарунок¹, – произнёс Виталий.

Павел помолчал несколько секунд, потом заметил не очень довольным голосом:

– У нас другое задание.

– Да ничего, сбрось. Шо, тебе жалко, что ли?

Андрей выключил камеру. Напряжённо вглядевшись в экраны, переводя взгляд с одного на другой, он спросил:

– Павло, но мы можем позволить себе это маленькое развлечение? Хочется хороший кадр сделать. Чтобы в клочья тварину² разорвать.

В его голосе слышалось возбуждение, нетерпение и что-то ещё, чему было трудно подобрать определение.

Павел ответил после некоторого раздумья:

– Ну, в клочья не получится.

Виталий хмыкнул:

– Но попытаться можно. Давай, Пепел, покажи класс.

Андрей включил камеру.

Мавики показывали чёткую картинку – быстро идущего в сторону леса военного.

– А це не може бути наш боєць? – обеспокоенно спросил Андрей.

– Нет. Не наш, – коротко ответил Павел.

На мониторе было чётко видно, как мавик начал заходить на цель.

– Уже деревья близко, – встревоженно заметил Виталий.

На мониторе военный приближался к посадке.

Сброс гранаты.

Граната полетела и быстро и медленно. Как время жизни.

Военный повернул голову налево и быстро прыгнул в противоположную сторону. Раздался взрыв. Военный замер.

– Готов, – хрипло произнёс Виталий.

Военный неподвижно сидел спиной к дереву. Его голова была чуть наклонена вбок. Правая рука находилась между ног. Левая лежала на ноге.

– Чим ви ехо? – спросил Андрей.

– РГД-5, – с каким-то мрачным удовлетворением и в то же время усталостью ответил Павел.

Андрей продолжал снимать.

– Можно його ближче зняти? – поинтересовался он.

На мониторе фигура военного стала ближе. Ещё ближе.

Второй монитор – уже было видно лицо военного. Военный открыл глаза. Неожиданно он резко выпрямился. И выстрелил в сторону мавика. Изображение исчезло.

¹ подарок.

² животное.

В комнате наступило гробовое молчание.

Оно нарушилось через три или четыре секунды поражённым возгласом Тараса:

– От же падлюка!

На втором мониторе было видно, как военный встал и быстро скрылся в лесу.

– Я-то без нагрузки, – с досадой сказал Виталий.

– Чому?! – громко, почти запальчиво спросил Андрий. По нему было видно, что его очень расстроила эта неудача.

Виталий пожал плечами.

– Меньше нагрузки – дольше провисит. У нас задание ж не одиночек подрывать. Мы ж... – он остановился. Всем и так было ясно, зачем они здесь.

Олександр покачал головой.

– Шо скажу, гадёныш этот старый – хваткий очень. Подстрелить дрон – это очень непросто.

Павел укрупнил на мониторе лицо российского военного на записи. Он не знал и не мог знать, что зовут его Пётр. И то, что это тот самый боец, что совсем недавно уничтожил двух иностранных наёмников.

Павел внимательно, в серьёзной раздумчивости всматривался в военного. Где же он мог видеть это лицо?

И тут же словно вспышка, его мозг озарило воспоминание.

Он вспомнил, как Агния, тогда, когда они собирались на природу всей компанией, держала фото прадеда Павла и его друга. Это было у него дома. И вспомнил свои слова: «Это друг прадеда. Касьян Дымов. Трудно забыть такое имя».

И действительно – Касьян Дымов и Пётр были удивительно похожи друг на друга.

Павел нервно усмехнулся, продолжая смотреть на экран.

Тарас недоумённо посмотрел на него:

– Ты шо?

– Да так. Вспомнил один древний сериал.

– Какой?

– «Горец».

– Шо за сериал? Не помню такого.

– Там про бессмертных. Правда, убить-то их можно, если голову отрубить. Но это единственный способ.

– Ничего, мы этому москалю голову ещё оторвём, – злобно пообещал Тарас.

* * *

Пётр лежал, укрытый с одной стороны кустом, с другой деревом, и словно прислушивался.

К чему? К звуку дрона? Шуму ветра?

К течению времени?

Он понимал, что, скорее всего, повторной атаки не последует. А также то, что сейчас он был невидим для врага. Хотя бы на какое-то время.

Пётр закрыл глаза.

Казалось, он заснул. Дыхание его было ровным, несмотря на то что буквально минуту назад он был на волосок от гибели.

Он открыл глаза. И посмотрел в небо. На это неизмеримо высокое, ясное, безоблачное небо. «Как всё тихо и торжественно, как всё спокойно, – подумал он, – совсем не так, как было буквально мгновения назад. Всё, возможно, обман, кроме этого бесконечного неба. Ничего ведь нет, кроме него. Быть может, даже и его нет, а есть только эта бесконечная тишина. Что ж... и слава Богу».

* * *

Ночью в «пилотной» комнате негромко переговаривались Павел, Виталий и Андрий. Горела только настольная лампа.

Зашёл Тарас, держа в руках чёрный фрак и белую рубашку. На губах его играла, как играет кошка с мышкой, заинтересованная улыбка.

– Смотрите, что нашёл. Хозяин-то музыкант, это точно. Даже «бабочка» вот есть.

- Ну вот, Павло, одевай и за рояль садись, – предложил Виталий.
- Так я о чём? – подтвердил пожелание Виталия своим вопросом Тарас. И протянул вещи Павлу.
- А что – отличная идея! – загорелся Андрий. – Это хорошо будет, если спеть «Червону калину» или «Гимн». Ты же розмовляєшь, Павло, чому нет?
- Павло и по-английски розмовляє, дай боже каждому, но это чересчур будет непрофессионально, – сказал Виталий.
- Андрий бросил на него быстрый взгляд, не очень, видимо, понимая смысл сказанного. Но решил не углубляться в вопрос.
- Really? Do you speak English? – спросил он.
- Павел кивнул.
- Yes, I do. My mother was a teacher of English.
- What about the Canadian national anthem?
- Павел удивлённо посмотрел на Андрия.
- Ну, мы здесь не за Канаду воюем, а за Украину.
- Андрий отрицательно покачал головой.
- Не только. И за Канаду. За весь свободный мир. Но можно спеть? Если не очень громко.

* * *

Павел сидел за фортепиано, одетый в концертный фрак. Он, как и все присутствующие, за исключением Андрия, пел гимн Украины.

Андрий в это время тихо говорил за кадром:

- The soldiers of freedom are fighting here for Europe and the entire civilized world.

Павел смотрел на стену. На стене отражались силуэты поющих. Тени были отчётливы, так как единственная лампа в комнате стояла за спинами бойцов. Пели они негромко, но с чувством. Последние слова, правда, прозвучали чуть громче, чем вначале:

Душу й тіло ми положим за нашу свободу,
І покажем, що ми, браття, козацького роду.

Андрий в восхищении показал большой палец.

И выключил камеру.

- Это было круто! – признал он. – Вот бы...

Раздался резкий звук. Его длительность была не более секунды. Возможно, в каком-либо из микромиров за это время родилась и умерла великая империя, но в нашем – это время моргания, шага, падения из рук камня, мимолётного взгляда.

И взрыва.

Никто ничего не понял. Просто всех поглотил страшный грохот и темнота.

* * *

Комната представляла собой разрушенное помещение. В стене зияла дыра.

Андрий и Олександр лежали в четырёх разных местах дома. Основной удар пришёлся по ним.

Как иногда бывает на войне – остальные чудом почти не пострадали.

Тарасу немного посекло стеклом лицо. Виталия и Мыколу слегка придавило кирпичами и мебелью, что была в помещении.

Павла ранило в голову. Он лежал без сознания. И ещё не понимал, что находится в гораздо лучшем положении, чем Андрий и Олександр, потерявшие по конечности, отлетевших далеко от тел. Оба скончались почти мгновенно.

* * *

Павел всё ещё не приходил в сознание. Его голова была перевязана. И он по-прежнему был одет в концертный костюм.

Войдя в комнату, Тарас сообщил:

– Ну понятно – плотина взорвана. Вода очень быстро прибывает.

Виталий мрачно кивнул.

– Надо уходить. Тут низина. Нас затопит к чертям. И Павла надо в госпиталь.

Мыкола с таким же сумрачным выражением лица, как у Виталия, произнёс, глядя на стенную дыру, в которой уже разыгрывалось, как оркестр перед выступлением, утро:

– Что-то не так пошло. Я вот думаю, может, на чердак? Там пересидим, Павло вроде не так плох.

Виталий отрицательно покачал головой:

– Нет. Говорю же – затопит здесь нас. И Павла надо к врачам. С чего вдруг «не так уж плох»? Задачу нам свою уже не выполнить, так хоть побратима спасти...

Этим ранним утром от дома отошла лодка с оставшейся в живых четвёркой. Трое – Виталий, Тарас, Мыкола – выглядели даже бодро, словно и не пережили прямого попадания в дом. Единственное, что портило их вид, – это пыль и грязь, оставшаяся после взрыва на коже и одежде. Четвёртый, Павел, смотрелся среди них белой вороной из-за бинта на голове. Павел находился в полусознательном состоянии. И лежал на заполняющемся водой днище. И по-прежнему был одет во фрак.

Лодка стремительно мчалась к полузатопленному двухэтажному дому. Перед его левой половиной располагалась крыша затопленного гаража. Крыша соприкасалась со вторым этажом дома, имеющим три окна. Два из них были закрыты и занавешены шторами. Третье, левое, было открыто. Мотор стал медленно глохнуть. Лодка так же медленно начала подплывать к крыше гаража.

Люди приготовились переходить с лодки на крышу. Первым это сделал Виталий. Он протянул руки.

– Так, давайте быстрее. Пепла давайте! Да. Всё. И лодку перетаскивайте. Залатаем потом её.

На крыше оказались все. Туда же осторожно перетаскивали повреждённую лодку.

Виталий осмотрелся. Можно было идти как в левую часть этажа, так и в правую. И принял разумное решение – идти в левую, которое было ближе и в котором было открыто окно.

– Так, пошли через окно теперь, – произнёс он.

Виталий не успел сделать шаг, как раздался резкий звук. Это точный одиночный выстрел – прямо в его голову. Виталий упал назад, в воду. Тарас и Мыкола судорожно схватились за оружие. Раздались ещё два выстрела. Мужчины упали. Тело Мыколы оказалась за пределами крыши. Оно, как и тело Виталия, начало плыть, постепенно исчезая в воде. Тело Тараса, с лицом, залитым кровью, осталось на крыше гаража. Его автомат утонул.

Павел, минуту назад немного пришедший в себя, с трудом посмотрел в сторону чердака.

Павел смутно увидел, как из открытого окна вылез человек в камуфляже. Человек подошёл ближе, наклонился. Павел узнал это лицо. Тот самый руснявый, что сбил его дрон. Тот самый, кого он, Павел, хотел убить.

Он почувствовал, как всё перед его глазами закружилось, и потерял сознание.

Или умер и попал в рай.

Потому что теперь перед ним лицо Агнии, обрамлённое её рыжими локонами.

Он лежит в палате больницы. Могут в раю быть больницы? Странно, он не думал, что могут.

Агния участливо смотрит на Павла, у которого перевязана голова и рука.

– Как ты, Паша? – спрашивает девушка.

– Не дождутся, – хрипло отвечает он.

Откашливается.

– А я вот приехала вчера. Как знала, что ты на Майдане будешь. Ну зачем, скажи мне?

Павла охватывает возмущение:

– Ну как, зачем?!

Он морщится от боли. Ему нельзя делать резкие движения.

– Тихо, не шевелись. Меня не хотели к тебе пускать, сказали – тебе нужен отдых. Не поднимайся. Я еле уговорила.

– Как зачем? – не может успокоиться Павел. – Чтобы снести всю эту продажную пропутинскую шайку Януковича.

Агния устало улыбается.

– Да, я слышала про эту кровавую панду уже давно. Или какая она? Злочинная?

Павел молчит. Он пытается вспомнить последние события, в которых участвовал. Но это только заставляет его почувствовать головную боль. Да, напрягаться нельзя, даже так.

– Так ты в Киеве... почему? – наконец, спрашивает он.

– Вот... тебя проведать. Может быть, ты всё-таки подумаешь над моим предложением?

Павел молчит.

– Понимаешь... – медленно начинает он.

Он пытается подняться чуть выше. Одежда сползает с его груди. И Агния видит на её правой стороне татуировку в виде тризуба.

– Да, я понимаю, – тихо и печально говорит она.

Павел удивлённо смотрит на неё.

– Ты маэстро, – говорит она неожиданно каким-то грудным, низким голосом.

– Маэстро? – переспрашивает он.

Какой «маэстро»? Она что – с ума сошла в своей Москве? Или где она сейчас? И почему он опять в той же киевской больнице? Он же был уже в ней, и давно!

Павел открыл глаза и увидел перед собой лицо того немолодого русского бойца, что сбил его «птичку». Он сразу понял, что – да, это он, нет никаких сомнений.

Ещё он понял, что находится на втором этаже, к которому они подплыли вместе с группой. Или это место лучше назвать чердаком?

И по яркому свету было понятно – уже день.

– Как ты, маэстро? Пришёл в себя? – спросил его мужчина.

– Да вроде как... – осторожно ответил Павел, удивляясь тому, что всё ещё жив.

Мужчина подошёл к окну. Посмотрел в окно. Тела Тараса на крыше уже не было.

Губы мужчины разрезала усмешка.

– Смылся, – констатировал он.

Он прошёл вглубь, сел в старое кресло. Рядом с креслом лежал вещмешок. У стены находился стол, на котором были разбросаны какие-то предметы. На стене висели три полки, заставленные книгами.

– Не удивительно – столько воды. Да, кстати, вот.

Он встал и принёс Павлу кружку с водой.

– Вот, выпей таблетку. Укол я тебе поставил, пока ты был без сознания, но таблетка не помешает. Тебе отлежаться надо. Череп не проломлен – уже хорошо. И рану на ноге я тоже ещё раз обработал и перевязал.

– Где я?

– В доме. Дом хороший, высокий, второй этаж тоже большой. Вот за стеной его вторая половина. Так понимаю, маэстро, на двоих дом был. Ту половину я уже осмотрел. За окном лестница идёт снизу во вторую половину. Но здесь и кровать удобнее и обзор лучше. А это кресло мне просто понравилось, скажу я тебе.

– Почему ты меня маэстро называешь?

– А кто ты? Артист?

Павел смотрел на мужчину, абсолютно не понимая, о чём он. Постепенно до него начало доходить. Он поднял руку, чтобы увидеть свою одежду.

Да, это концертный фрак. Всё правильно – его не переодевали, само собой.

– Получается, так, – согласился он.

– А чего они тебя с собой потащили? Спасли решили?

– Да я вообще ничего не понимаю. А что случилось?

– Ну, насчёт тебя я сказать не могу. Понятно, что прилетело тебе в голову хорошо. Но, как сказал, кость цела. Значит, и мозг не задет. Хотя есть серьёзный сотряс, конечно. И крови ты потерял изрядно. Нogu задело. А вообще, если по обстановке – хохлы Каховскую ГЭС подорвали. Плотины, в смысле.

– Хохлы? А...

Он опустил глаза. Потом снова поднял их.

– А точно хохлы? Не наши взорвали? – спросил он.

– А нашим-то зачем? Столько минных полей, сооружений оборонительных настроили. И для чего – чтобы всё водой затопить? Ты сам же местный, получается?

– Да... Ну не совсем. С Цурюпинска. А почему ты спросил?

Мужчина устало улыбнулся.

– Тебя как зовут-то, маэстро?

– Павел.

– А меня Пётр. Позывной «Дым».

Услышав позывной, Павел внимательно всмотрелся в Петра.

– Что ты так смотришь? Как Муму на Герасима, – поинтересовался Пётр.

– Да просто напомнил сейчас мне одного знакомого, – ответил, стараясь сделать это как можно естественнее Павел, тем более не спрашивая, кто такие эти Муму и Герасимов. Явно этот Пётр не про генерала говорил же?

– Знакомого, говоришь? Надеюсь, хорошего.

Пётр встал, подошёл к столу, взял с него видеокамеру. По виду – это камера Андрия. Павел напряжённо следил за действиями Петра.

Точно! Это камера Андрия! Сердце забилось сильнее.

– Ты в технике разбираешься? – спросил мужчина. – Вроде энергия есть, включается, вот огонёк, но «кина не кажет». Хотя, ладно, отдыхай. Потом, посмотришь. Так ты с Цурюпинска, говоришь...

– Ну, не совсем. Я родился здесь, – отвёл Павел глаза, – жил в детстве, потом в Киеве учился. И вот приехал. Тут же гражданство стали давать российское. Российское, в смысле, – быстро поправился он.

– А на кого учился в Киеве, маэстро?

Павел ответил после небольшой паузы:

– На музыканта. Вот, а тут родственники жили. Эти... бандерлоги... заставили меня надеть фрак и сыграть им гимн украинский.

– Щеневмерлу? – усмехнулся Пётр. – Ну, это не самый плохой вариант. Могли и убить. Они на это мастера – мирных жителей, как они говорят – сепаров, убивать. Я ещё в Донбассе навидался.

На некоторое время в комнате повисло молчание, как согласие. Но это в корне было неправильным согласием с точки зрения Павла. Слова Петра показались ему лицемерными. Но он рассудил, что вступать в спор было бы глупостью.

И промолчал.

Когда молчание стало слишком долгим, он нашёл вопрос:

– А ты с Донбасса родом?

– Нет. Я вообще в Свердловской области родился. В Берёзовском. Сейчас это, считай, Екатеринбург.

– А, понятно. В Берёзовском. Слышал, кажется. Я сразу понял, что ты издалека. Чёкаешь. И вообще – слышно.

Пётр удивился.

– Разве? Я родом не с Донбасса, но в девяносто третьем в Донецк переехал. Из-за жены. Вот уж не думал, что осталось что-то от уральского говора. Тем более, чтобы чёкал.

Павел не знал, что ему ещё сказать. Голова уже не болела так сильно, как раньше, и вообще – он чувствовал небольшой прилив сил. Но это не помогало разговору.

Заговорил Пётр:

– Долго здесь нельзя оставаться. Лодка, конечно, не ахти. Там дыра довольно большая. Но починить можно. В углу, кроме линолеума, резина есть и клей. Только вот чем, маэстро, надуть её? В гараже, думаю, должен быть насос.

– А что, спасателей не будет, что ли? – осторожно спросил Павел. – Тут же мирные жители есть ещё.

– Да кто знает, когда они появятся? Да и появятся ли, правда? И вызвать никак нельзя. У тебя же нет телефона?

– Нет.

Опять повисло молчание.

– Во второй половине ничего нет такого, чтобы лодку починить, но в гараже можно посмотреть, – наконец сказал Пётр.

– Он же подтопленный.

– Да, но занырнуть можно. Тут село в километре. Доплывём. Правда, я думаю, что скоро спасательные работы начнутся. Но есть нюанс – где-то ДРГ пиндоская.

– Откуда знаешь? – быстро спросил Павел. И тут же спохватился – откуда ему, музыканту, знать, что такое ДРГ? А ведь он быстро спросил, значит, понимает, что ДРГ – это диверсионно-разведывательная группа.

– Встречались тут недавно, – усмехнулся Пётр, не обратив внимания на вопрос Павла.

Его лицо оживилось:

– Кстати, ты по-английски кумекаешь?

– Да. Очень даже прилично.

– Прилично? – усмехнулся Пётр. – Что такое – рэт?

– Крыса.

– Да? Смешно. А больше ничего не значит?

– Только, если рэд. Это красный значит. Или рыжий. Пишется по-другому. Rat и red, – попытался объяснить Павел.

– А, скорее всего – рэд, да. Ну, рэд я знаю, учил в школе английский. Точно – «рэд» он крикнул.

– Кто?

– Да я же говорил – на группу наткнулся. Наёмники-иностранцы. Они по-английски разговаривали. Патроны у них закончились, а я не стал ждать, пока перезарядят. Расстрелял. Но, думаю, там ещё есть.

– Ещё?

Пётр вздохнул.

– Не всех уничтожил, судя по всему.

«Да, – думал Павел, – очень интересная ситуация. Экзистенциальная, как Дэн бы сказал, – вспомнил он одноклассника. – В самом прямом смысле. Смысле существования».

Они ещё поговорили немного, а потом, заметив, что Павел стал замедлять речь, Пётр предложил ему подремать. И Павел не стал отказываться. И это действительно была дремота. Не сон. Но дремота во многом тоже необходимая. Именно сейчас.

Именно сей... час.

Павел провалился в настоящий глубокий сон...

* * *

Увидев, что молодой человек заснул, Пётр встал, подошёл к книжным полкам. Его внимание привлекла толстая книга с несколько странным названием «Бессмысленный и Беспощадный: в поисках Имени».

Имя автора тоже казалось необычным – Дионисий Декарь.

Он открыл книгу на пятидесятой странице, где была закладка и прочитал: «За 985 лет до Н.Э. (Начала Эпидемии) родился Великий Рихтер, он же Тулин, он же Бланк, он же Владимир Ильич, который указал людям дорогу к Труду и Правде. Но только тогда люди найдут эту дорогу, когда узнают сотое имя Рихтера, – начала свой урок Аврора-Энгельс Климовна, учитель “Основ коммунистического строительства”».

Пётр усмехнулся.

«Сотое имя, скорее всего – Ленин», – подумал он.

Начал читать следующую страницу, на которой Аврора-Энгельс Климовна продолжала урок: «Бунд и его сестра РСДРП вступили в социалистический брак. Бунд и сестра его родили двух сыновей – Бессмысленного и Беспощадного».

Пётр тихо рассмеялся. Этот кровосмесительный юмор – или что это? – порядком его забавлял.

Он открыл книгу в самом начале, решив прочитать аннотацию.

Там было: «Плоская Земля подверглась потопу много лет назад. А теперь новая беда – приближающееся нашествие на Землю безводородных космополипов. Молодой, знатный пролетарий Руслан отправляется на двух кораблях “Бессмысленном” и “Беспощадном” на поиски допотопного оружия».

Это оружие должно позволить справиться не только с космополипами, но и дать установить на Земле самую справедливую форму правления – диктатуру пролетариата.

Поиски приведут героя к неожиданным открытиям, которые станут для него ступенями к катарсису».

Пётр взял книгу и сел в кресло.

Чтение романа автора Дионисия Декаря неожиданно увлекло его, несмотря на то что подобное он не читал с детства. Фэнтези вообще ему особо никогда не нравилось. Но в детстве – да – любил он роман «Речные заводы», про китайских благородных разбойников. Тоже в своём роде фэнтези.

Итак, что там дальше?

Глава «Падение Мондиалья»

«К вечеру Мондиаль был полностью взят. Кое-где, правда, ещё продолжались ожесточённые стычки с остатками мондиалистских наёмников, но в целом город был в руках тоталов. Благодаря приказу Руслана не грабить дома и не убивать никого кроме тех, кто защищался с оружием в руках, жертв среди мирного населения было немного, не более трёх четвертей общей численности.

Руслан легко поднимался по лестнице дворца Конгресса. Как много изменилось за несколько часов! Ещё утром он смотрел из лагеря на казавшиеся неприступными, несмотря на ночной катапультный обстрел, стены огромного города, жители которого с начала осады подвергались массовой пропаганде мондиалистских правителей, уверявших их, что тоталы не пощадят никого, что они хотят не победы, а расправы, что только смерть или рабство ожидают жителей Мондиалья, если армия Руслана возьмёт город, и из-за этого дрались с одержимостью обречённых. А сейчас он, под приветственные крики своих бойцов, пролетариев и простолюдинов, поднимается по лестнице дворца, в котором сотни лет плелись заговоры против одной половины человечества и издавались указы для другой. Сейчас...

Сейчас под ногами Руслана лестница, по которой ходили интерзоновские сенаторы, а днём в его руках была другая лестница, лестница в небо над оплотом мирового мондиализма, лестница, покрытая кровью его боевых товарищей. Когда солнце находилось в зените, защитники Мондиалья словно сговорились скрыть его под лавиной камней, дротиков и чёрной кипящей смолы. У Руслана никогда не повернётся язык упрекнуть своих бойцов в отсутствии храбрости и в недостатке презрения к смерти. Солдаты, начиная от знатных пролетариев и заканчивая дворянами, сражались как урсусы, легендарные звери тотемных татуировок. Но когда смерть презирает храбрость, победить можно только верой, а её уже не было в батальонах. Символ – вот что надо победе. Как когда-то символом веры был Рихтер, оставивший своё тело, так сейчас им стал священный штандарт. Руслан выхватил его из рук знаменосца и перебросил за городские стены.

– Бойцы! – закричал он. – Проклятие ждёт того, кто живым оставляет своё знамя врагам! Тулин и Рихтер с нами, вперёд!

И он первым кинулся в это всепобеждающее “вперёд”, приставив красную от крови штурмовую лестницу к крепостному камню. Вокруг него поднялся чудовищный неистовый крик, десятки, сотни лестниц взлетели над головами солдат. Тысячи сердец, цепляясь за ступени и впадины стен, стали ровень с господом и поднялись, ломая сопротивление мондиалистов, над их трупами.

Руслан не был полководцем в этот момент, он был одним из воинов, обычным тоталом, если тоталы могут быть обычными. Уже почти поднявшись на стену, он увидел, как толстый, с традиционным цилиндрическим шлемом на голове интерзоновец пытается опрокинуть вниз котёл с кипящим маслом. Понимая, что он не успеет ударить интерзоновца мечом, Руслан вытащил один из бронзовых шариков и метнул его, целясь в глаз, не потому что поганая шкура мондиалиста представляла хоть какой-нибудь интерес для него, а потому что тот до подбородка был защищён кожаными доспехами, и Руслан не был уверен, что шар, пролетевший двадцать локтей, сразу же выведет интерзоновца из кровавой игры в живые и мёртвые. Руслан промахнулся. Шар выбил передние зубы, заткнув интерзоновцу горло, и избавил задыхающийся от криков воздух ещё от одного дикого вопля, когда выплеснувшееся из котла масло поджарило мондиалисту ноги. Полное избавление всего и вся началось...

Руслан поднялся по лестнице и вошёл во дворец Конгресса. Алый, красно-коричневый от пролитой крови стяг Диктатуры Тоталитарии уже несколько часов реял над ним. Руслан сам был весь в крови, словно после омовения жертвенным дождём. Он прошёл несколько залов и оказался там,

где его должна была ждать Светлана. Пять долгих лет она, дочь Ага Фирса, изображала преданную мондиалистку, жену и, слава Рихтеру, не мать. Страшно представить, что значил бы для её детей интерзоновский “МК-ультра”.

– Рус! – услышал он негромкий, но отчётливо прозвучавший в тишине пустого помещения голос Светланы. Именно так она всегда звала его.

– Света! – он подбежал к ней и обнял, его лицо утонуло в её, окрашенных как у всех агафирсов в синий цвет, волосах.

Он посмотрел в её глаза. Они отражали накопившееся за пять лет чувство. Непреходящее одиночество любви. Невыводящуюся бесконечность вселенных. И... что ещё? Обрезанный член Конгресса.

– Мне пришлось убить его, – сказала Светлана. – Он мог бежать на Рейв. Его ждал корабль в бухте Дрейфуса.

Конгресс III лежал на спине, смешно подогнув под себя ноги. Можно было сказать, что его горло перерезано от уха до уха, если бы они у него были. Ещё подростком он попал в плен к экваториальному пирату Хосе Спида, прозванному так за безжалостность. Спид потребовал у старика Конгресса II кругленькую сумму, пригрозив в случае неуплаты “замочить” маленького Конгрессёнка. Конгресс II, готовый как все настоящие мондиалисты удавиться за сентаво, до последнего тянул время, пытаясь найти Спида в Океане. Но пиратские спидоносцы и небольшие спидоноски легко ускользали от “акул” Мондиала. В конце концов пирату надоело, и он прислал папаше два уха, в которых тот опознал родные черты.

Но даже после этого он не уступил требованиям Спида, который заявил, что в следующий раз, если его условия не будут выполнены, он пришлёт Конгрессу на завтрак традиционное блюдо мондиалистов всех времён и народов – “горячую собаку”, но вместо сосиски в тесте будет запечено то, что сейчас лежало на полу мерзким кровавым куском. Спид не успел продемонстрировать свои кулинарные способности, его поймали и повесили на собственных кишках, а будущий Конгресс III сменил причёску, и она стала модной во всей Интерзоне.

– Я отрезала ему член, – улыбнулась Светлана. – Прости.

Руслан расхохотался, запрокинув голову.

– Ты думаешь, что я взял Мондиаль, чтобы набить руку в оскотлении?

Смех снял некоторое напряжение, неожиданно для них обоих возникшее в первые мгновения.

Огонь, охвативший восточную часть города, делал комнату светлой. Руслан расстегнул застёжки на плечах Светланы. Одежда упала к ногам. Руслан посмотрел вниз. Волосы на лобке тоже были выкрашены в синий цвет и выбриты в форме священного знака.

– Как он тебе позволил это? – поразился Руслан.

– Чем, ты думаешь, я занималась последний час, после того как перерезала ему горло? – прошептала она и закрыла его рот поцелуем. Руки Руслана как при молитве поднялись вверх и опустились на её полные груди, оставляя на коже кровавые пятна. Она жадно стала срывать его одежду...

Они стояли на балконе. Руслан смотрел на огромную поверженную столицу Интерзоны со смешанным чувством удовлетворения и печали. Ведь всё могло быть по-другому. Если бы не подлость правителей Прото-Мондиала, сколько прекрасных событий могло произойти за эту тысячу лет, прошедших с момента, когда трёхпалый Эльс, обманом захвативший власть в Империи, развалил её и предопределил этим распад Атомного мира! Руслан потрогал золотой пентаграмматон на груди. Последнее, сотое имя Господа... Все остальные священные 99 имён: Рихтер, Тулин, Ильич и другие, произносимые вслух с благоговением и восторгом на островах Диктатуры, Тоталитарии и в дружественных им государствах, воплотив в древности свои физические формы, с ужасом видели, как рушится последняя надежда на спасение мира. Они надеялись на разум людей, уже не надеясь на их благородство и честность. Их было немного, тех, кто вышел на улицы, но они были. И, тем не менее, предатели, с алчными пальчиками и рыжим тараканом в груди вместо сердца, пришли ночью к мавзолею. Жёлтый Дьявол смеялся, глядя на них. И когда уже не осталось последних сомнений в том, что тело Господа будет принесено в жертву Червю, Озон, небесная аватара Данко, вырвал из своей груди горящее сердце и поднял его над головой. И растаяли древние снега... И был потоп»...

* * *

Проснулся Павел, когда уже стемнело. К его удивлению, Пётр читал книгу. Заметив, что Павел открыл глаза, он сказал:

- Книгу тут нашёл. Автор Дионисий Декарь. Не слышал?
- Слышал, – после секундной паузы, задумчиво ответил Павел. – Даже знаю его.
- Серьёзно? А где же вы виделись?
- В школе. Одноклассник мой. А что за книга? «В поисках Имени»?
- Точно. Говоришь, одноклассник? Это псевдоним у него такой? Дионисий Декарь – что-то уж очень навороченное. В Декаря я ещё поверю, а вот в Дионисия – нет.

Павел рассмеялся.

– Вот как раз зря. Дионисий – это его настоящее имя, а фамилия не Декарь, а Декарёв. Но мы его Дэном звали. Учителя – Денисом. Ну, мы тоже иногда Денисом. Талантливый был ещё тогда. Новые слова придумывал. Онелок, например. Знаешь, что такое?

– Нет, конечно. Откуда?

– Это обратная сторона колена. Вот эта самая впадинка. Просто ни в одном языке мира нет слова для неё. А он придумал.

– Ловко, – похвалил Пётр. – Ну, я вот больше половины прочитал книги. Да, круто закручено. Но, кажется, я понимаю, в чём дело. Главный герой... он воспитан на мифах о том, что большевики, Ленин, у которого сто имён и только одно из них священное, но его нельзя назвать, хотя уже становится понятным, что имя это Ленин... в общем, он переосмысливает свои идеалы... понимает, что его и весь его народ обманули. Я это хорошо понимаю – сам ещё в детский сад ходил, когда портреты этого упыря везде висели.

– Уж, конечно, – согласился Павел, – упырь. Как и прочие коммунисты. Твари, устроили голодомор в Украине...

– Да только на Украине, что ли?

* * *

– А как ты к Навальному относишься? – спросил Павел Петра.

– Козёл.

– Ты с «Вагнера», что ли?

– Нет. А причём здесь «Вагнер»? А, ты про это? «Козёл». Типа слэнг уголовный? Ничего себе у тебя представления. В корне неправильные.

Пётр рассмеялся.

– Знаешь, есть козлы, которые ведут овец на убой. Но только вот русские овцами не оказались. Правда, стоит ли винить таких козлов, что они выполняют такую работу для мясников? Не уверен.

Павел постарался подняться.

– Ты пока отдыхай, маэстро. Тебе что – воды дать?

– Нет. Я поссать.

Пётр встал, взял что-то в углу комнаты.

– Вот банка. Ссы, я выплесну потом. Как голова?

– Лучше.

Он бросил взгляд на стол.

– Есть хочешь? Нет? Понятно. Ты и не должен, по идее. А камеру я, кстати, выбросил. Не фурычила совсем.

Павел постарался скрыть облегчение, но тем не менее громко выдохнул воздух из груди. Теперь ему стало спокойнее.

* * *

– Тарас Бульба? – переспросил Пётр. – Ну так – это одно дело, когда Гоголь написал, а совсем другое, когда американцы фильм снимают. Помнишь фильм с Юлом Бринером? Хотя... Что я спрашиваю? Откуда ты можешь знать? В принципе, даже я сам его знать не должен. Это фильм ещё тех лет, когда мой отец был молодой. Ну я про то, что там запорожцы – это просто команчи.

– Индейцы?

– Они самые. То есть показаны дикарями. Да, благородными, может быть, но дикарями. Были для них дикарями и остались, я уверен.

– А ты кем работал? До войны? Или ты просто читал много?

Пётр усмехнулся.

– Был учителем в коррекционной школе.

– Коррекционной? То есть это дебилов учил, что ли?

Пётр нахмурился.

– Не надо так говорить. Я даже хохлов так не называю, а у моих учеников ума было больше, чем у них.

Павел недоверчиво вглядывался в лицо собеседника. В темноте его было видно плохо. Павлу казалось, что тот улыбается.

– А учителем чего? Предмет какой?

– История.

– Киевская Русь. Святой Владимир. Понятно.

– Всё тебе понятно, я гляжу. А откуда пришёл Владимир в Киев, кстати, знаешь?

– Как откуда?

– Из Новгорода. Новгород ведь не Украина?

– Новгород на Волге. Значит – нет.

Последовавшее молчание от Петра показалось Павлу странным. Наконец Пётр спросил:

– А река Волхов – тебе говорит о чём-то такое название?

– Нет.

– А какой твой любимый композитор?

– Чайковский. Родился он в Воткинске. Но украинец.

– Он бы, возможно, удивился, если бы его так назвали.

– Почему? Его прадед был шляхтичем. Почему бы он удивился?

– А вот, кстати. Фамилия Чайковский – вот это, скорее всего, разбойничья фамилия. От «чайки» – корабля запорожцев, на котором они делали набеги. А точнее – шайки. Но это долго рассказывать. Но украинцем он вряд ли себя назвал. Скорее – признал бы, что из разбойников.

Пётр рассмеялся.

– Я шучу, конечно.

Павел сел, прислонившись к стене.

– А мы торопимся? Ты сказал, что долго рассказывать.

– Нет. Не торопимся в данный момент. Вода есть в канистре. Еды, правда, так себе. Сухпай заканчивается. Но я не знаю – будет ли вода ещё прибывать. Вот это главное. Тепло – жить можно. Гематогена хочешь?

– А есть?

– Есть, – Пётр подошёл к Павлу. – Держи, запивай водой. Да почаще.

* * *

Ночь постепенно становилась утром.

– Они там в своей Галиции во злобе рождаются и в злобе помирают, – продолжал Пётр свою мысль. – Читал «Олесю» Куприна?

Павел отрицательно покачал головой.

– Ну да... что это я? Глупый вопрос. Так вот, он там хорошо описал галичан – глупые, тёмные создания... Ты знаешь, что австрийцы для них свою библию напечатали? Ну там – Одарка, Остап и так далее... Мне поэтому их и не жаль несколько. Вот за вырусей – обидно.

– Почему?

Пётр как будто не обратил внимания на вопрос, продолжал:

– Вот хохлов и накачали оружием и заставили убивать как можно больше русских. И главное – убивать как можно больше русских в самих себе.

– Шо?

– Шо слышал. Я вроде по-русски говорю. Ещё Трумэн сказал: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, мы должны помогать России, если мы увидим, что выигрывает Россия, мы должны помогать Германии. Пусть они убивают друг друга как можно больше».

Павел наморщил лоб, вспоминая.

– Трумэн? Это ведь из фильма «Шоу Трумэна»? Хороший фильм, но там не было такого.

Пётр смотрел на Павла в изумлении.

– Чему вас вообще в школе учили на уроках истории? Гарри Трумэн – был такой президент американский. Тот самый, что сбросил на японцев атомные бомбы. Так он, когда сенатором ещё был, двадцать четвёртого июня сорок первого года сказал это в интервью газете «Нью-Йорк Таймс». Газета – это такие бумажные листы со словами.

– А ты что, историк? – несколько уязвлённо спросил Павел.

Пётр сокрушённо покачал головой.

– У тебя ещё и память плохая. Хотя, шандарахнуло тебя нехило, это понятно. Я тебе говорил уже. Да. Учитель истории.

Павел не стал сдерживать смех.

– Та не бреш. Откуда же тогда так стреляешь? С пятидесяти метров попадаешь в дрон?

Павел осёкся, почувствовав, как его прошиб холодный пот. Он понял, что проговорился.

На удивление, Пётр отнёсся к его замечанию очень спокойно.

– Откуда ты знаешь? – просто спросил он.

Этот спокойный голос, время, которое занял вопрос, но больше всего – желание жить, заставили Павла быстро найти ответ.

– Да я видел в доме. Это же ты был? Они показывали видео. Говорили, что впервые видят такую меткость.

Пётр усмехнулся.

– Вот как? Дроноводы, значит, они были? Понравилось им? Я с восемьдесят шестого по восемьдесят девятый в Афгане. ГРУ.

– А потом учителем? – недоверчиво произнёс Павел.

– Всегда хотел, – через паузу ответил Пётр.

И вздохнул. Павел понял, что Петру тяжело говорить.

– А шо?

– Шо, шо? Жена попросила. Я ведь уже двадцать пять лет не пью.

В очередной раз в помещении повисла пауза.

– Я связь не понял...

Пётр молчал.

– А что – пил?

– Да, но не сильно. Я думаю, что не сильно. Или думал.

Пётр подошёл к окну. И стал смотреть на небо.

– Звёзд и не видно почти. А вчера ночью было ясно. Раньше, кстати, не было астрономии. Только астрология.

– А какая разница?

– Ну... Астрология для бога, астрономия для людей.

– Не понимаю.

– Ну вот, жили-были в Вавилоне люди. И считали, что живут под куполом, на котором боги им звёзды прикрепили. И смотрели, гадали – что им боги хотят сказать. Вот так, примерно.

– Начитанный ты.

Пётр устало усмехнулся.

– Было время читать.

– Так ты что – из «Вагнера» всё же? «Было время читать» – где есть время читать – в колонии.

– Не только там, – ещё раз усмехнулся Пётр. – С какой целью интересуешься? – иронично добавил он.

– Что?

– Ничего, братан. Ничего. Завтра попробуем отчалить до дома, до хаты. Ты в Киеве где жил? Я был там проездом. Оболонский район.

– Я на Троещине жил.

- С родителями?
- Я жил сам в Киеве.
- Один, что ли?
- Та говорю же – сам, – подтвердил, удивляясь непонятливости мужчины, Павел.

Пётр отпил воды из кружки. Посмотрел на Павла и, опять по-доброму усмехнувшись, подытожил:

– Понятненько.

Сделал ещё глоток и спросил:

– А девушка есть? Так, чтобы серьёзно.

Павел задумался. Наконец, нашёл точную формулировку ответа.

– Была. Но я её давно не видел. Много уже времени прошло. Думаю, забыла меня. И это понятно.

– А ты, стало быть, не забыл? – сделал свой вывод мужчина. – Это тоже понятно. Скучаешь?

– За ней-то? Да что скучать теперь?

– Как звали девушку-то? Зовут, в смысле.

Павел машинально потянулся к груди, там, в кармашке, у него обычно лежала пачка сигарет и зажигалка. Но в концертном фраке не было кармашка, не было в нём сигарет и зажигалки. Да и девушки-то у него, наверное, не было. Так, показалось, видимо.

– Агния, – наконец сказал он.

– Редкое очень имя, – отметил Пётр. – Я только одну Агнию встречал в жизни. Родители её так называли из-за повести Василия Ливанова «Агния, дочь Агнии». Не читал?

Павел не ответил.

– Не читал? – переспросил его собеседник.

Павел кашлянул.

– Читал.

– Ничего себе! Это же в советское время ещё издавалось! Я-то спросил так, случайно. И как, понравилось?

– Грустно заканчивается.

– Да, не очень весело. Я в четырнадцать лет прочёл. В журнале «Юность». Вот тогда по-настоящему историей заинтересовался, кстати. Красивая деваха, эта Агния. Рыжая такая, эффектная. Но не твоя, точно. Она из Днепропетровска. Из Днепра сейчас. А когда-то изначально город этот назывался Екатеринославом. Вообще Днепр, название, конечно, лучше, чем Днепропетровск. Эти бандерлоги только одним хороши, что памятники основателю своего государства снесли – Ленину. Да некоторым городам вернули исторические названия.

Павла второй раз за сегодня бросило в пот. Но в этот раз его нельзя было назвать холодным.

Думая о своём, он спросил:

– Так ты российский монархист, получается?

– Монархистом можно было в семнадцатом году быть. В прошлом веке, в смысле. А сейчас...

Он задумался.

– А Агния эта твоя, она кто? – спросил Павел.

Пётр словно очнулся от своих мыслей:

– Что? А... Агния... Да какая же она моя? Она, скорее, твоя. Вы с ней одногодки, думаю. В смысле – кто? Монархистка или коммунистка, что ли? – он тихо рассмеялся.

– Это тоже, конечно, интересно. Но я так, вообще... По профессии.

– Она университет какой-то в Москве закончила крутой. Там с мужем будущим познакомилась. Он погиб в прошлом году. А Агния сейчас волонтерством занимается. Я с ней в Донецке познакомился. Такие вот перипетии судьбы. Чего только не бывает. Она мне рассказывала, как неожиданно знакомого встретила. История ещё та, конечно. Но тебе не интересно это, думаю.

– Почему не интересно? Интересно. А что за знакомого?

Продолжение в следующем номере

Валерий Иванов-Таганский



Валерий Иванов-Таганский – писатель, драматург. Окончил Щукинское театральное училище, Литературный институт им. М. А. Горького и ГИТИС. С 1966 по 1977 год работал ведущим артистом Московского театра на Таганке, заслуженный артист РФ.

Академик, первый вице-президент Петровской академии наук и искусств. Многолетний ведущий передачи «Искатели» на Первом канале. По роману автора «Семь отечества» снят многосерийный фильм «Репортёры», член Союза писателей России, лауреат Международной премии по литературе «Имперская культура».

МЫ ТАМ НУЖНЫ

Повесть

Окончание. Начало в № 3-2025

Когда «жигулёнок» стал тонуть, поделщикам показалось, что это конец. Первой вцепилась в дверь Лиза. Она стала толкать её обеими ногами и начала уж проталкиваться наружу. Выбравшись из кабины, она сквозь воду увидела безжизненно распластанного на руле Германа. Видно было, что напарник ударился головой о руль и вряд ли живой. Однако через секунду она заметила, что Герман пошевелился, пришёл в себя и принялся плечом и обеими руками изо всех сил толкать дверь. Тогда Лиза подплыла с другой, левой стороны и обеими руками потащила дверь на себя. Появился зазор, и Герман, тут же сунув в него плечо, начал изо всех сил расширять просвет. Вода хлынула внутрь, и дверь открылась шире. Герман пролез в открывшееся пространство и, захлёбываясь и отплёвываясь, вылез наружу. Они проплыли метров пять, когда почувствовали под ногами землю. Через минуту оба уже были на берегу и, не оглядываясь, побежали по узкой тропинке, тянувшейся вдоль берега.

Берег с этой стороны зарос мелким березняком, кустарником и был завален каким-то случайным хламом. За излучиной внизу у реки они натолкнулись на рыбаков в разноцветных плащах, с удочками и спиннингами. Несмотря на погоду, они с упорством рыбачили и были так увлечены, что не видели ни суматохи на мосту, ни падения в воду машины.

В стороне от тропинки шла узкая дорога, накатанная рыбаками для удобного подъезда к реке. Несколько машин уныло стояли под дождём на берегу, почти уткнувшись друг в друга. Один старенький ВАЗик хозяин оставил на самом краю дороги, видимо для того, чтобы сразу возвращаться в нужном направлении. Герман выбрал этот ВАЗик с первого взгляда. Достав из куртки специальный швейцарский нож, он легонько ударил стекло, ткнул его локтем, протянул руку и открыл дверь. Это «упражнение» было изучено им до мелочей. Дальше он рукой нащупал под панелью замок зажигания, дёрнул за пучок проводов, зачистил доступ на пару сантиметров и скрутил их между собой. Затем к аккумуляторным проводам присоединил провод от зажигания. Тотчас вспыхнула подсветка на доске приборов и другая электроника. Он включил стартер, разогнал двигатель на холостом ходу и резко дёрнул руль, сломав блокировку. Всё это время Лиза с пистолетом в руках стояла «на шухере» и села в машину, только когда она хорошо разогрелась. Один рыбак в зелёном плаще и очках нехотя оглянулся на проезжающий ВАЗик и, не узнав свою машину, продолжил рыбачить.

Герман хоть и знал город по карте, долго не мог сориентироваться, куда ехать. У него болела голова, опух нос и затёк левый глаз... Поэтому, отъехав на приличное расстояние, Лиза сменила его за рулём. Только когда они выбрались на улицу Фрунзе, Лиза вспомнила, что они едут в сторону Жовтенского района. Неподдалёку от сквера «Победа» они остановились и, удостоверившись, что телефон в сумке не успел промокнуть, позвонили Любе. Та уже знала через «связного», что от «сус-

ликов» – кличка засланной пары – не последовало звонка и, по всей видимости, операцию не удалось осуществить. Находиться в украденной машине было опасно, поэтому они договорились, что Люба их заберёт. Условились, что они будут ждать её в глубине парка, за пьедесталом «Сквер Победы».

Любы не было больше часа. Дождь прошёл, Герман и Лиза успели подсохнуть, когда появилась «связная». Она быстро рассказала, что из-за стрельбы в районе «Правительственного дома» в городе кипиш – у каждого второго проверяют документы, и, чтобы не привлекать внимания, она сделала круг, проехала рядом с мостом, где вытаскивали машину и где до сих пор полно «ментов». Действительно, в городе объявили «план перехват» и круглосуточное патрулирование. Народная милиция колесила по всему городу в поисках диверсантов.

Надо заметить, что боевые действия в январе – феврале серьёзно усугубили социально-экономическую ситуацию в ЛНР. Проблемы начались ещё в начале января, когда вскоре после Нового года украинские подразделения попытались ввести пропускную систему для въезда-выезда с территории ЛНР, а потом и вовсе заблокировали всякое движение по трассам, ведущим на территорию так называемых сепаратистов. В результате десятки тысяч местных жителей, даже своевременно перерегистрировавшихся на украинской территории, так и не смогли попасть из ЛНР за пенсиями и зарплатами.

Все эти проблемы Люба хорошо изучила. Она отлично знала обстановку не только в городе, но и на границе въезда и выезда из ЛНР. Проезд был ограничен, а регулярных пассажирских перевозок не было вообще. Даже «таксисты», как правило, нахальные люди, если решались ехать через блокпосты, просто платили военным без всякого пропуска. Такса разная – если просто надо проехать человеку, могут взять 50–100 гривен, если едет машина с продуктами, то приходится платить от 1000 гривен и выше. Даже для проезда по городу у Любы на всякий случай были заготовлены деньги и в рублях, и в гривнах. На блокаду самопровозглашённой республики местное население нашло ответ. Те, кому срочно понадобилось оказаться на украинской территории, стали добираться туда через Россию. Перевозчики, которые ранее ездили через украинские блокпосты, стали ездить на Ростов-на-Дону через бывший украинский пункт пропуска Изварино.

На границе с Россией контроль был не очень жёсткий, транспорт и людей проверяли в первую очередь на наличие оружия, боеприпасов, наркотиков.

Таким образом, в обе стороны от границы регулярно перемещалось большое количество луганчан, правда, без оружия. С российской стороны ехали автобусы и автомобили на украинско-российскую границу в Белгородскую область. Вплоть до начала февраля на Украину без особых проблем можно было въехать прямо в автомобиле, а автобусы, как правило, добирались до Киева и Харькова. Все эти тонкости и ухищрения Люба учла, когда повезла незадачливых напарников к месту расположения.

И Герман, и Лиза почти не говорили, так перепугала их автокатастрофа и срыв важного задания. Все попытки Любы успокоить партнёров ни к чему не привели. Только добравшись до дома, предварительно сделав несколько проверочных кругов, они чуть успокоились, завалившись ничком на свои лежанки. Первое, что Люба сделала, это через «связного» доложила, что «операция не удалась, наши “суслики” чувствуют себя лучше и причин волноваться нет».

Герман кое-как спустился в подвал, притащил бутылку настойки «Луганова медова на коньяку» и предложил «лечиться». Пьянея, он всё больше заводился и крыл матом. Обе женщины пытались его успокоить, но он не унимался и договорился до того, что всех этих «газельцев-строителей» он уничтожит.

– А чего, собственно, ждать? – кричал он. – Долбануть по этому общежитию, и готово. Сегодня май, это значит, нам ещё три месяца ждать, когда эти «москалии» им сделают хорошо: отремонтируют библиотеку, университетское общежитие, школы... Мы должны прятаться и из-за этих пидоров не сметь появиться в городе, на улице, в магазине... Почему я должен из-за них оглядываться и бояться? Я не трус, я – казак, я – хохол, я их всех в гробу видел, вместе с их энтузиазмом. Что ты молчишь, Лиза? Вот ты, Лиза, отличный снайпер, почему не решить этот вопрос раз и навсегда. Выследим, подберёмся – и им хана. Главное, убрать этого – «антифриза», который нас видел в Молодогвардейске.

– А что это ты Лизу вперёд толкаешь? – взорвалась прямолинейная Люба. – Сам, что ли, на шухере будешь, а она, значит, стреляй, так, что ли?

– Я видел, как она стреляет – всё в «десятку». Мой пистолет против её винтовки – урод, из семи выстрелов пять «восьмёрок».

Лиза долго молчала, но не выдержала, завелась:

– Ты ещё давеча мне намекал убрать этого «антифриза», но я этого не сделала. И знаешь, почему?

– Почему? Почему? Я знаю, почему, – осклабился Герман и подмигнул Любе.

Люба не сразу схватила намёк и, уставившись на Лизу, с интересом спросила:

– А что, эта идея уже появлялась?

– Появлялась, появлялась... Она даже ходила наверх, примерялась, но не смогла. Она у нас вроде Марютки. Есть у москалей такой фильм, «Сорок первый» называется. Так та Марютка могла шлёпнуть своего офицера, а наша Лиза нет. Влюбилась, рыба холера, и говорит мне, красивый парень, пусть ещё поживёт. Вот как стоит вопрос у нашей Лизы. Она, когда ей плохо стало в машине и побывала у него на руках, так сразу слюну пустила, амарой¹ стала.

Неожиданно Люба как-то по-бабы прониклась такими простыми доводами и с брезгливым чувством набросилась на Германа:

– Что за глупость ты несёшь, Герман? Какая она тебе амара и рыба холера?! Какая она тебе шлюха! Во-первых, тебя никто не уполномочивал решать больше положенного, тем более кого-то убирать. Мы должны не самовольничать, а выполнять поставленные задачи. Мы здесь, в Луганске, для этого. И вас сюда прислали для этого. А в результате что получилось? Важнейшее задание вы провалили. А ты к тому же, оказывается, большой сочинитель, болтун, несёшь на женщину напраслину. Этим алиби себе ты не обеспечишь. Эти ребята вас ещё на дороге узнали. Не надо было на второй день в магазин за куревом ездить. А то решил, что, раз до базы добрался, теперь всё будет в порядке. Нет, Герман, «жопа» получилась, вы с первых дней на крючке. Хорошо, сумели удрать, а так придётся всё время оглядываться.

– Да кто же знал, что «антифриз» туда, к магазину, припрётся. По твоей логике, нам теперь действительно из дома не выйти. Убрать его надо – и кончено! Уберём, тогда всё будет в порядке. Другие нас не знают.

– Вот что, лихой казак, доложи обстановку наверх, и, если получишь приказ, пусть Лиза его уберёт, а пока приводи свой фейс в порядок, отсыпайся и не лезь на рожон. И кстати, перестань из подвала таскать водку, так и спиться недолго.

Лиза, с трудом слушая их перепалку, закрыла глаза и вновь ощутила на себе большие и надёжные руки Николая. Как и в тот раз, когда он выносил её из загазованного «жигулёнка», она почувствовала какое-то глубинное волнение – и загорелось истосковавшееся по миру и непохотливой мужской ласковости женское естество.

– Я его не уберу, – удивляясь самой себе, тихо, но твёрдо сказала Лиза. – Убивать надо врага, а он не виноват. Да, он свидетель, опасный свидетель, но не враг.

У Любы округлились глаза, и она осторожно, с каким-то недоверием спросила:

– Так что, получается, Герман прав? Ты действительно, того, влюбилась?

Лиза сжалась в комок. Видно было по ней, что Люба попала в точку. Она с ненавистью посмотрела на Германа и срывающимся голосом сказала: – Если надо, я без тебя разберусь.

– Ах вот как, «если надо»! Люба, что я тебе говорил? – свирепо закричал Герман. – Она типичная амара.

Лиза сорвалась с места, подскочила к нему и закатила такую пощёчину, что Герман кубарем слетел с дивана и принялся обкладывать её таким матом, что Люба заткнула уши.

* * *

Подполковник Бессонов, прежде чем ехать в общежитие к Фатееву, позвонил в больницу и узнал о состоянии Сашки Кривых. Рана оказалась средней тяжести, но пострадавшего оставили в больнице, причём на неопределённое время. Надо сказать, что этот день у Виктора Владиславовича получился на редкость тяжёлым. Будучи в милиции офицером среднего звена, ему, как правило, перепадало «тумаков» больше обычного. Вот и сегодня, в связи с тем что о Фатееве и его подозреваемых он докладывал наверх сам, то вся вина, что у Дома правительства появились диверсанты, стали стрелять и скрылись, опять легла на него. Мысленно он даже «чертил» эту приезжую группу, в одночасье принёсшую столько хлопот и волнений. А поведение Николая и вовсе его вывело из себя. Старый служака

¹ «Амара» на сленге – проститутка.

Бессонов рассуждал просто: раз москвич и энтузиаст-строитель, это не значит хамить и к тому же выдвигать свои условия представителю власти. Сейчас он ехал с умыслом: конечно, легче было вызвать Фатеева в «контору» и там провести разговор, но ему хотелось увидеть, как идёт работа и что сделано московскими строителями.

Подполковник исправно многие годы служил в Луганске, причём и при старом режиме, и при новом. Его ценили, потому что он был не только ответственным служакой, но и неплохим профессионалом, знающим подноготную города. Действительно, Луганск он знал как свои пять пальцев и по-своему любил и город, и свою, как он выражался, «каторжную работу». Но, подъехав в этот раз к общежитию, он был до глубины души поражён. У него в какой-то момент даже накатили слёзы. И было отчего: буквально в несколько дней облик этого дома и участка в целом разительно переменились. Высокие краны обступили дом со всех сторон. Всюду двигались люди, работали машины, толпились зеваки... При этом шпаклевались стены, вставлялись окна, пахло краской, всюду мелькали незнакомые, но радостные лица строителей, и, ко всему прочему, на весь квартал гремела музыка. При этом этот «муравейник» жил по каким-то определённым законам, за которыми виден был и план, и цель этой работы. Стало заметно, как в короткий срок здесь, в зачуханном общежитии, где в своё время милиция вылавливала бомжей, закипела настоящая работа и возвращалась мирная жизнь, которую так долго все ждали. Настроение у него улучшилось, и он, предъявив на входе удостоверение и узнав, с какого края живёт фатеевская бригада, направился к москвичам уже не таким раздражённым.

Шагая по длинному коридору, где, как он помнил, находилась «налево» комната Фатеева, Бессонов вдруг понял, как правильно поступить с Николаем. Решение, пришедшее внезапно, показалось ему единственно правильным, хотя и неприятным.

Громко постучав в дверь, он тем не менее вошёл в комнату без разрешения, с привычной милицмейской самоуверенностью. Ребята были полураздеты, разгорячены, пахло потом и куревом. Оставшаяся тройка всё ещё не переставая обсуждала погоню за диверсантами и как непрофессионально и разболтанно проявили себя местная охрана и милиция.

Краем уха Бессонов услышал свою фамилию, но суть разговора уловить не удалось. Чтобы его доброжелательно приняли, он начал с того, что выразил благодарность за смелое поведение и помощь в поимке диверсантов. По жизни неразговорчивый, прослуживший несколько лет в Афгане, моторист Сергей Солодков на комплименты Бессонова недовольно сказал:

– Чего гнать, товарищ подполковник, ничего мы такого не сделали, только что нашего «бронелоба» потеряли. Ещё неизвестно, что у Сашки Кривых с его ногой будет. А мы ведь сюда не только за «бабосами» приехали, мы – команда. Вот сейчас двух рук не будет, и работать придётся в полтора раза медленнее. А дел здесь вагон и маленькая тележка.

– Я звонил в больницу, – тут же перебил Бессонов, – рана не такая опасная. Два-три дня, и он будет в строю. Конечно, ситуация получилась неприятная, но и вы, согласитесь, проявили, прямо скажу, излишнюю инициативу.

Тут уже не выдержал Николай, и его начало заносить:

– Товарищ подполковник, если бы не услуга вашего лейтенанта, – Фатеев тряхнул бронежилетом, который валялся на кровати, – то сегодня «неприятная ситуация» обернулась бы для вас большими неприятностями.

– Что вы имеете в виду? Какие такие неприятности?

– А вот какие! – повысил голос Николай. – Мы с начальником безопасности приехали к вам в отделение, я дал показания, как выглядят диверсанты, предупредили, что они опасны и, возможно, с их подачи была атакована вертолётными колоннами машин. А что получилось в результате? Диверсанты разгуливают у Дома правительства, стреляют, как снайперы, и, если бы не бронежилет, я бы уже с вами не разговаривал. Как вы думаете, приятно мне понимать, что только случайность спасла меня? Вон, посмотрите, выстрел прямо в сердце. Слава богу, хороший бронежилет, ещё старого образца, а новый, может, и не выдержал бы. А Саша Кривых? Да, у него лёгкое ранение, но задет нерв, и он может стать инвалидом. Да, мы поступили самоуверенно, хотели помочь вам, но, согласитесь, теперь вы хоть знаете, какие преступники у вас в городе и что надо в разы увеличить качество работы.

Ребята зашумели, поддерживая доводы бригадира и тоже вперемешку стали обвинять милицию и Бессонова.

Бессонов слушал и еле сдерживал себя. Особенно его раздражал Фатеев. «Откуда у него такая уверенность? Ну, бригадир, ну, отвечает за людей, но ведь он говорит как какой-нибудь Вышинский, что ни слово – приговор. Знал бы этот многоречивый москвич, сколько таких преступников гуляет по городу, – думал он, – скольких он, Бессонов, поймал и ещё поймаёт».

Но чем больше он прислушивался к Фатееву, к его назидательному тону, тем яснее понимал, что план, который у него возник по дороге, очень верный. Единственно, чего он побаивался, как сообщить его решение, не вызвав неприятные выяснения с приехавшими московскими начальниками и своим руководством?

Наконец он не выдержал и, вскинув руки, остановил поднявшийся гвалт.

– Значит, так, дорогие москвичи. Спасибо за критику, но теперь послушайте внимательно и меня. Да, мы не сумели сразу по горячим следам подключить наших людей для поимки диверсантов, о которых доложил Николай. Но я вам обещаю, что их поимка не за горами. Ещё раз выражаю вам благодарность, что вы не побоялись и стали этих преступников преследовать. Но давайте договоримся – больше никаких инициатив. Вы приехали работать, занимайтесь своим делом, а мы будем заниматься своим. Но есть одно обстоятельство, которое стало для нас очевидным и очень опасным. Преступники знают вас, товарищ Фатеев, в лицо. Сейчас вам удалось спасти свою жизнь благодаря своевременной помощи сотрудника нашей милиции лейтенанта Руднева. Но в следующий раз это может закончиться драматичнее. Поскольку ваша жизнь подвергается опасности, мы можем предложить вам, товарищ Фатеев, на время вернуться в Москву, пока мы не поймем преступников, которые знают вас в лицо.

Когда ребята услышали такое предложение, они буквально потеряли дар речи. Минуту царила такая тишина, что стало слышно, что в комнате есть мухи.

Бессонов, почувствовав, что надо ситуацию дожимать, на этом не остановился.

– Николай, поймите меня правильно, есть риск, что они попытаются вас убрать.

Николай, наконец, пришёл в себя и начал приводить свои аргументы:

– Подождите, товарищ подполковник, но ведь и вы с моих слов знаете, как они передвигаются и как они выглядят, ведь так? Вы же продолжите их преследовать?

– Мы – другое дело. Мы живём, рискуя жизнью каждый день, а вас мы не имеем права подставить, зная, что они видели вас, – горячо проговорил Бессонов. – Николай, поймите меня правильно, им ничего не стоит проследить, куда вы ездите на работу или, положим, в какое время передвигаетесь по городу, и, поскольку вы опасный свидетель, избавится от вас.

– Постойте, – воскликнул Фатеев, – у меня есть встречное предложение.

– Какое? – удивился Бессонов.

– Вы не хотите меня подставить, потому что боитесь за мою жизнь. Спасибо! Но я на это отвечу: а вы не бойтесь. Сделайте вот что: на один из моих выходов поставьте людей, чтобы у них был обзор и просматривался весь периметр, откуда можно было произвести нападение. Судя по застройкам вокруг общежития, их не так много. Я уверен, что в считанные дни вы задержите преступников. За меня не бойтесь, я буду в бронежилете, надо – буду в каске и буду предельно осторожным.

Фатеев сделал паузу и уже примиряюще добавил:

– Если такая операция не будет успешной, я, так и быть, уеду в Москву и не буду вас больше беспокоить. Убеждён, что такая «приманка» сработает и мы поймем эту парочку. Фатеев быстро надел бронежилет и так уверенно улыбнулся, что Бессонов тотчас простил ему и тяжёлый характер, и московский выпендрёж.

Ребята загудели, услышав смелое предложение своего бригадира. А Бессонов неожиданно сказал:

– Надо подумать. Всё-таки очень рискованно. Но я обещаю ваше предложение обсудить и согласовать.

* * *

Кураторы из киевского СБУ были крайне недовольны. Из центра «связному» пришло короткое зашифрованное сообщение: «Кажется, что “Суслики” плохо едят, не иначе заболели». В переводе это «заболели» было – «провалили работу». На каждом совещании начальство, ещё недавно ставившее в пример пару Германа и Лизы, теперь ругало их за всё: за срыв важной операции, за то, что попали «в разработку» луганской милиции (Люба об этом сообщила «связному») и, наконец, за подозрительное бездействие.

В результате СБУ вынуждено было послать ещё одну дополнительную группу диверсантов, которой было поручено действовать по новому плану и автономно. В результате в Луганске за последние дни случились две террористические атаки. Поступило сообщение, что в центре Луганска, недалеко от Дома правительства, сработали два взрывных устройства. По предварительным данным, один человек погиб, двое получили ранение. Взрывы прогремели в густонаселённом районе, неподалёку от места массового отдыха жителей города. Предположительно, первое устройство было заложено в урну возле магазина, второе – в автомобиль. Дополнительно по радио и телевидению было сообщено, что правоохранительные органы и спецслужбы работают в усиленном режиме.

Бессонов доложил начальству о предложении Фатеева. Понимая, что риск велик, тем не менее руководство решило, ввиду негативного резонанса и полученного от руководства города нагоняя, попробовать провести эту рискованную операцию. Фатеева, «забронированного» сверху донизу, выпускали гулять после конца рабочего дня, предварительно расставив по всему периметру вооружённых сотрудников милиции. Поскольку дом, где прятались Лиза и Герман, был перекрыт высокой полуразрушенной «девятиэтажкой» и напрямую «не смотрел» на площадку перед общежитием, то никакой засады в нём не организовали. Правда, однажды милицейский наряд приезжал осмотреть дом и двор. Однако, увидев забитые окна и большой амбарный замок на дверях, решили, поскольку помещение частное, бывшей директрисы ресторана «Палуба», уехали, толком ничего не проверив. Впрочем, если бы милицейский наряд досмотрел, а главное, прощупал подвальные окна, то мог бы обнаружить хорошо сделанный проход из подвала в дом, а там и по всему пристанищу, вплоть до чердака, из которого Лиза через разбитые окна «девятиэтажки» видела всю разыгрываемую милицией конспирацию. Глядя через оптический прицел на Фатеева, она всё больше влюблялась в него. «Какой смельчак, – думала она, – ходит павлином, улыбается, делает вид, что ему море по колено, когда стоит мне чиркнуть по шее или попасть “под мышку”, и вся твоя жизнь, голубчик, прервётся, а операция закончится полным провалом».

В это время Герман, получив от начальства «пи...лей», ничего лучше не придумав, налёг на водку, которой в подвале было много, вполне для хорошего запоя. Вот это и случилось. Чуть только он отошёл после увещаний и ругани Лизы, как тут же питье вцеплялось ему в горло, и он снова набирался, начинал галлюцинировать и, наконец, засыпал, пока его не будила напарница, заставляя что-нибудь съесть. Проснувшись, Герман первое что спрашивал: видела ли она «антифриза». «Антифриз» стал для него средоточием всех его бед и несчастий. Наконец, однажды она сообщила, что «антифриз» стал появляться вечером, гуляет по участку и даже играл в домино.

– Так почему ты его не застрелила? – не закричал, а заревел Герман, весь трясаясь.

– Отсюда стрелять нельзя, – категорически заявила Лиза. – Любой толковый «следак» может увидеть, что могли выстрелить с нашего чердака. Здесь кроме «девятиэтажки» нет точки, чтобы уйти незамеченным.

Роковое слово «девятиэтажка» неожиданно запало Герману в сознание, да так, что он сразу отрезвел. Однажды к вечеру, когда Лиза задремала, он взял её спрятанную в чехле снайперскую винтовку, тихо прошёл в подвал, вылез через окно и двинулся к упомянутой Лизой «девятиэтажке». Дни удлинялись, и даже после семи из черневшего прогалинами окон дома общежитие было как на ладони.

Герман тихо прошёл мимо двух жилых квартир на первом этаже и, услышав, что за дверью нет никакого движения, стал крадучись подниматься вверх. Остановился он на последнем этаже и, достав винтовку, стал её заряжать. Запой сказались: руки у него дрожали, его колотило, но ненависть и злоба делали его безрассудным. Когда появился Фатеев, он прицелился, но почувствовал, что глаза не могут сфокусироваться, их заливают глазная слизь. Он протёр глаза, глубоко вздохнул и, широко высунувшись из окна, стал целиться. Наконец Фатеев попал в прицел, и у Германа забилось сердце от предчувствия. Он целился ниже каски, прямо в горло ненавистному красавцу... И вдруг он почувствовал, как что-то «щёлкнуло» не в шею Фатеева, а в его собственную. Он осел, свалился с грязного подоконника и, не выпуская винтовку, потерял сознание.

Германа нашли через два дня. Местные ребятишки, играя в развалинах, добрались до «девятиэтажки» и натолкнулись на труп. Нашли и паспорт на имя Германа Войтухи. С этим паспортом ребятишки бросились к первым попавшим взрослым. Ими оказалась охранный бригада в общежитии. Дежурные сообщили в милицию о найденном трупе, а ребят попросили никому ничего не говорить.

Бессонов долго пытался понять, что это за человек и кто стоит за этим убийством, пока ему не пришло в голову пригласить в морг Фатеева. Николай сразу его узнал:

– Это тот мужчина, который просил у меня воду для радиатора в Молодогвардейске, – сообщил он, – и он же сидел за рулём вишневого «жигулёнка» у магазина.

Теперь у Бессонова все пазлы сложились: стало понятно, что это один из диверсантов, стрелявших у Дома правительства. Тем не менее загадкой оставались для него два вопроса, как и для чего этот человек оказался на верхотуре «девятиэтажки». И главное, кто его убил: свои или чужие? Интрига была ещё в том, что застрелили диверсанта из малокалиберной винтовки, применяемой на лыжных гонках в биатлоне. Специалисты установили, что выстрел был произведён из винтовки БИ-7-5 с кривошипно-шатунным затвором, изготовленной конструктором Суслопаровым. Подобную винтовку в своё время с блеском опробовал в победной эстафете ставший уже четырёхкратным олимпийским чемпионом Александр Тихонов. Биатлон хоть и добавил загадок в это убийство, но что было несомненно, что Войтуха оказался в заброшенном доме не случайно. По обзору местности и возможности убить Фатеева лучшее место трудно было найти. Загадкой оставалось и то, как сумел преступник обойти засаду, расположенную в этом доме на первом этаже у восьмидесятилетнего пенсионера Пирогова. Вывод сделали своеобразный: засевшим на страховке милиционерам объявили выговор. Подполковника Бессонова спасло, что приказ о проведении операции подписывал не он. С Фатеевым поступили просто: после согласования с начальником службы безопасности Гормоста Ивлевым и полковником Ляховым решили в целях безопасности на время вернуть Николая в Москву.

Через день пришла повестка с приглашением Фатеева и Ивлева в Министерство внутренних дел Луганской Народной Республики. На повестке был адрес: ул. Луначарского, 38.

Когда они пришли, в кабинете Ляхова шло совещание. Фатеев запомнил полковника ещё на мосту, когда тот быстро и умело допрашивал группу рабочих, потом без труда спустился к реке, спрыгнул в лодку и с лейтенантом Рудневым добрался до затонувшего «жигулёнка», проверив, нет ли в кабине погибших людей.

Кабинет Ляхова был на втором этаже. Рядом на стене висела Доска почёта, где красовались портреты знакомых Фатееву Бессонова и Руднева. Из кабинета доносились голоса, поэтому Фатеев и Ивлев невольно стали свидетелями того, какие задачи решает городская милиция.

Из всех голосов выделялся властный голос полковника, который каждой фразой словно вбивал поставленные перед собравшимися задачи.

– Я неоднократно вам докладывал, товарищи, – слышалось из-за двери, – что в специальной военной операции для нас, работников милиции, наступил новый и очень тяжёлый этап. В связи с этим на повестку дня встают поиски новых форм работы. Кстати, недаром многие сегодня вспоминают самую успешную спецслужбу во Второй мировой войне СМЕРШ. Совсем не исключено, что такая служба может появиться вновь. Почему? Потому что у нас на первый план сегодня выходит самая ответственная задача: «зачистка» от бандеровских нацистов практически всех населённых пунктов ЛНР. Я уже не говорю о борьбе с десятками диверсионно-террористических групп. Вы знаете, нас справедливо ругают, но иногда и хвалят. Если вести счёт, то мы в возникшем противостоянии всё-таки побеждаем. Почему? Потому что мы лучше подготовлены чем те, кого нам засылают. Конечно, и в нашей работе есть непростительные ошибки и недоработки. Главное, нам надо помнить: не ищи ошибку – ищи, как её исправить. – В какой-то момент голоса полковника не было слышно, видимо, Ляхов ходил по кабинету, но вдруг его резкий тенор с новой силой и уверенностью возвращался.

– Нам на-до пом-нить глав-но-е! – вбивал он по слогам: – В ходе борьбы опасность проникновения вражеской агентуры на нашу территорию не уменьшается, а возрастает. По данным нашей контрразведки, сегодня основную часть украинской агентуры составляют наводчики и координаторы огня, большинство из которых, к сожалению, по-прежнему остаются местными жителями. Надо помнить, что СБУ, не стеснясь, открыто формируют группы в соцсетях, где обмениваются координатами выявленных объектов ополчения и российских войск. Использование Интернета, этой «дани моды» и бесспорно мощной технологии, тоже подключается киевским руководством. Эти новоявленные интернетные агенты состоят в технической связи с украинскими разведывательными органами и выдают информацию прямо «в эфир». А дальше СБУ и военная разведка принимаются через соцсети «раздавать задания». Мы таких интернет-агентов быстро вычисляем, поскольку они не удосужива-

ются шифровать свои ip-адреса. Сегодня подполковник Бессонов раздаст руководителям отделов дополнительные ip-адреса, которые следует в ближайшее время проверить.

Потом пошла тихая часть совещания, видимо, конфиденциальная.

Минут через пять совещание закончилось, и Фатеева с Ивлевым пригласили в кабинет. В кабинете находились только Ляхов и Бессонов.

Полковник дружески поздоровался и извинился, что пришлось ждать.

– К сожалению, дорогие товарищи, работы у нас, «как у барбоски блох», – пошутил он и пригласил Фатеева и Ивлева присесть.

– Мы вас вызвали по очень важному делу. Появление в нашем городе строительной бригады Гормоста для Луганска большая честь, но и немалая ответственность. В нашу обязанность входит не только всяческая помощь строителям, но и их охрана. Поймите, это не Москва, это – Луганск. Фронт от нас в ста километрах.

Полковник обернулся к Фатееву, широко улыбнулся, и его голос зазвучал мягче и доверительнее. Взглянув на свой стол, он подвинул какую-то бумагу и продолжил:

– Дорогой Николай...

Он сделал паузу, и тогда Фатеев подсказал:

– Я, как и вы, Васильевич.

– Спасибо, теперь буду знать. Так вот, Николай Васильевич Фатеев, во-первых, Министерство внутренних дел ЛНР объявляет вам благодарность. Вы проявили мужество, помогли нам выявить очень опасного диверсанта. Однако работа не завершена, и вы, как свидетель, подвергаетесь большому риску. Мы посоветовались с вашим руководством, – полковник указал на Ивлева, – с другими людьми, участвующими в операции, к которой вас привлекли, – он кивнул в сторону Бессонова. Вывод однозначный: мы не вправе рисковать вашей жизнью. Сложилось мнение, чтобы вы на время уехали. Уехали в Москву или отдохнуть, пока мы здесь не решим вопрос с поимкой второго диверсанта, женщины, которая в вас стреляла и которая, что не исключено, попытается, как опасного свидетеля, вас убить. Как только мы её поймем, мы тотчас дадим вам знать, и вы продолжите работать. Вашей бригаде товарищ Ивлев – начальник безопасности – всё объяснит. На время вместо вас назначат другого человека. Поймите, всё делается для того, чтобы не подвергать вашу жизнь опасности. Повторяю, как только мы её поймем, вы тотчас вернётесь к работе. Неустойка будет, соответственно, возмещена.

Слово «неустойка» неприятно кольнуло Николая, он заёрзал и неожиданно поднял руку.

– Пожалуйста, – охотно отозвался полковник, присаживаясь на своё место.

– Во-первых, спасибо, товарищ полковник, что вы мне доверили участвовать в вашей работе. Всё-таки одного диверсанта удалось выловить. Я был уверен, что вы дадите мне быть приманкой и для другого, вернее, для другой... Думаю, что с женщиной я бы справился.

– Не забывайте, что эта женщина чуть вас не убила, – подал голос Бессонов и недовольно заёрзал на стуле. – Если бы вам не вручили бронезилет, вас уже не было бы в живых.

Фатеев опустил голову, потом исподлобья взглянул с надеждой на Ивлева, но, видя, что тот упёрся глазами в пол, заговорил решительно и, по всей видимости, заранее продуманно:

– Товарищ полковник, Николай Васильевич, здесь у вас, как вы сказали, в ста километрах идёт война, а вы здоровому сорокалетнему человеку предлагаете вернуться в Москву, отдохнуть... Как же это не по-мужски, товарищ полковник! Я служил в армии, у меня есть воинское звание старший сержант. Неужели я не могу это время использовать так, как следует: на фронте? Я не рвусь в штурмовую роту, но моего класса автомеханик может пригодиться и там, допустим, во втором эшелоне. Обещаю вам, товарищ полковник, что не подведу и буду работать, пока вы не отзовёте меня обратно.

Пока Фатеев говорил, у полковника менялось настроение. Вначале он насупился, потом с возрастающим удивлением взглянул на Фатеева и наконец развёл руками:

– Спасибо, Николай! – его сухой голос дрогнул, и он тихо добавил: – Вот это по-мужски!

Ивлев хотел было что-то возразить, но полковник так посмотрел на него и Бессонова, что они замолкли. И, словно делая выговор обоим, бросил: – Вот так! И не иначе! – Он глубоко вдохнул и уже делово спросил: – Какая специальность была в армии?

Фатеев пружинисто выпрямился и чётко доложил:

– Оператор-наводчик БМП-2.

– Где военный билет?

– С собой.

Полковник посмотрел военный билет, а дальше всё пошло по какому-то «неутверждённому уставу». Он позвонил в военкомат, коротко рассказал о случае с Фатеевым и через несколько минут договорился, что Николая специальным рейсом отправят на фронт под Лисичанск. Тут же полковник распорядился выделить машину. Николай заехал в общежитие, собрал вещи, кое-какие инструменты и побыл с ребятами. Особенно не распространялся. Сообщил, что едет на время по заданию в другое место. По предложению сбежавшего раньше времени из больницы Сашки Кривых решено было назначить бригадиром афганца Сергея Сладкова. Перед расставанием присели, помолчали, а афганец пошутил:

– Ты, Николай, на новой работе голову всё-таки пониже держи, чтобы птички крыльями не задели.

Опытный афганец догадался, что их бригадира посылают туда, где «пуля – дура, штык – молодец». В военкомате к Фатееву отнеслись с уважением. Быстро оформили назначение в город Первомайск в ремонтную команду пятнадцатой бригады ополчения. Перед отъездом он попросил разрешение позвонить жене. Разрешили. Завели в отдельную комнату, и Фатеев, стараясь спрятать волнение, быстро рассказал, что у него всё идёт нормально: работа интересная, трудная, но полезная. Потом жена признавалась, что чувствует себя по-разному и борется с плохим самочувствием, советовалась, нравится ли ему имя Виктория (что будет дочь, ещё раньше показало УЗИ), и последнее – настойчиво просила, чтобы он приехал к родам. Фатеев, как мог, успокоил жену, обещал, что непременно приедет к рождению дочери и чтобы она ни о чём не волновалась.

Фронт от Первомайска был в семи километрах. Но и здесь, в городе, не переставая гремела война. Видно было, что Первомайску достаётся «по полной». Многие улицы и дома были разрушены и глазели обожжёнными зенками окон, люди двигались быстро, проезжали машины, слышна была артиллерийская дуэль, ухали разрывы снарядов и мин.

Фатеева расположили в небольшом дощатом доме неподалёку от многопрофильной больницы. Перед домом находилась маслянистая с чёрными прогалинами площадка для ремонта транспорта. Стояли разобранные на запчасти уазики, как карточная колода, были сложены колёса, теснились боками чёрные бочки для смазочных материалов и куча запасных частей. Большую часть площадки занимали подбитые танки, притащенные сюда разными способами фронтовой командой эвакуаторов.

Здесь были устаревшие Т-55, что хранились когда-то в резерве, но и не потерявшие своих боевых возможностей Т-62 и Т-64. Команда здесь подобралась неплохая. Большей частью это были автомеханики, слесари, подсобные рабочие. Когда подгоняли танки, сразу же начинались восстановительные работы; там, где были незначительные повреждения, ремонтировали быстро, и эти танки снова вставали в строй. Чаще всего были повреждения ходовой части, выход из строя опорного катка, перебитая гусеничная лента. У некоторых танков были не пробоины, а вмятины. У танков, где были пробоины, – и ремонтировать нечего. Если пробита броня – танк загорается, и его уже не спасти, а, когда пробита, допустим, моторная часть, танк не загорается, но там уже нечего ремонтировать – такие танки отправлялись на завод, где им делали капитальный ремонт.

Бригада приняла Фатеева хорошо. Когда ребята узнали, что у вновь прибывшего звание «старший сержант» и есть армейский опыт по вождению БМ-2 и даже Т-64, сразу зауважали. Николай включился в работу легко, ответственно и с хорошим настроением. Но было одно, что больше всего напоминало о войне: это не артиллерийская канонада, не свистящие звуки летящих снарядов, а не уменьшающаяся, иногда с острыми тревожными сигналами вереница подъезжающих машин «скорой помощи». Больница была переполнена. Невооружённым глазом видно было, что раненых было больше, чем возвращающихся на фронт.

На третий день Николаю выпала утренняя смена, и он занялся «ходовой» знакомого Т-62. «Скорая помощь», как правило, проезжала по краю площадки и останавливалась у больницы. А тут неожиданно какая-то машина шумно притормозила рядом с ногами Фатеева.

– Танкист! – послышался требовательный голос.

Николай высунулся из-под танка. Перед ним стоял как лунь седой, но моложавый офицер лет тридцати.

– Что надо? – не вылезая из-под танка, отозвался Фатеев.

– А где у вас такой – рыжий, конопатый – главный механик. Сашка, по-моему.

– Он во вторую смену, после двенадцати будет. А в чём дело? – спросил Фатеев.

- А ты что, новичок?
- Да, третий день как работаю.
- Танкист, что ли?
- Да, вот занимаюсь этим танком.
- Поднимешь на ноги?
- Подниму, не велика тяжесть.
- Ах, даже так? А танк Т-90М знаешь? – неожиданно спросил офицер, как показалось Николаю, майор.
- Знаю.
- А отремонтировать сможешь?
- Смотря что. Танк-то новый, считается лучшим. Если поковыряюсь, думаю, что смогу.
- Вот что, друг мой, возможно, ты мне и нужен. Во-первых, как тебя зовут?
- Николай.
- Русский?
- Конечно. Из Подмосковья. Из Ожерелья.
- Что за Ожерелье?
- Есть такой городок. Его в своё время старoverы строили.
- Так ты что, старover?
- Получается, так.
- И чем вы отличаетесь в Ожерелье?
- Чем? Слово держим. Работать умеем.
- Да что ты! Здорово! – Майор, словно прицеливаясь, окинул Фатеева взглядом и широко улыбнулся: – Вот что я тебе скажу, Николай, отличный ты парень. Значит, так, я командир штурмовой роты 12-го батальона, майор Киселёв. Александр меня зовут.

Майор протянул руку и, как клещами, сжал ладонь Фатеева.

– У нас, Коля, с моим другом, он здесь в больнице лежит, беда случилась. Я его приехал проведать. Тяжёлый случай. Он работал на Т-90М, его подбили... Ребята спаслись, Тимофея с обожжённым лицом привезли сюда в больницу. А танк остался в серой зоне. Понимаешь? Его взэсушники пытаются забрать, уволочь... У танка новая броня и новая пушка. Если его захватят навики, то у них этот ценнейший трофей долго не задержится. Передадут америкосам, а там – на платформу до аэродрома, а дальше самолёт унесёт танк, скажем, в объятия специалистов какого-нибудь испытательного полигона, в каком-нибудь штате Мэриленд, в США. И после этого всё, что было новое и секретное, таковым быть перестанет. В итоге в США будет праздник. Потому что три человека в форме, причём один ещё и с офицерскими погонами, не выполнили своих должностных обязанностей и не взорвали танк.

Киселёв сделал паузу, закурил и внимательно уставился на Фатеева.

– Машина-то, если помнишь, названа «Прорыв», а тут «Прорыв» застрял. Мы, конечно, его забрать не даём, держим под прицелом весь район. Но цель у нас – пригнать танк назад. Понимаешь? Сейчас возможность только одна, пробраться к танку и поставить его «на ноги». Единственный, кто мог это сделать, это Тимофей, но дружок мой плох! Вот я сейчас и подумал, а если ты нам поможешь? С начальством твоим я договарюсь, такой танк – дело государственное. Если ты возьмёшься, что хочешь проси – наградим...

– А что с танком? Пробоина, вмятина, отказала ходовая? – спросил Фатеев.

Было видно, что майор всё больше загорается своим замыслом и уже по-дружески, похлопывая Фатеева по плечам, стал предлагать план:

– Вот что, давай, не теряя время, пойдём к Тимофею. Он всё про этот танк расскажет, а ты решишь – возьмёшься или нет.

До больницы было рукой подать, но, войдя в неё, они очутились словно в «коптильне»: пахло фенолом и какими-то антисептиками, которыми протирают поверхности от бактерий. Наружу, в коридор, доходил устойчивый и едкий запах человеческого пота.

Сразу было понятно, что Первомайская многопрофильная больница была переполнена, она давно не выдерживала такого количества раненых. В ней лежали в основном либо элэнеровцы, либо россияне, те, кого доставляли с передовой. Как правило, когда боец поступает в отделение, с него срезают одежду, потому что снять её по-другому не получается. Сёстры укрывают бойцов одеялами.

К сожалению, одеяла быстро приходят в негодность. Медики постоянно требовали у Министерства обороны одеяла, простыни, постельное бельё, носки, трусы, спортивные штаны и особенно тапочки.

Постепенно положение исправлялось, но потребность в одежде, в которую можно было бы свободно облачить покалеченное тело, была мечтой каждого раненого. Вот почему майор захватил рюкзак, в котором помимо еды была и одежда.

– Молодцы, волонтёры... Видишь, – показал он рюкзак, – подбрасывают нужные вещи.

Тимофей лежал на первом этаже среди тяжелораненых. Лицо его было забинтовано. Торчали только с обожжёнными ресницами глаза, которые загорелись, когда он увидел майора Киселёва.

Киселёв близко нагнулся и, чтобы не мешать соседям, которых было трое, стал расспрашивать друга о самочувствии, показывая подарки, которые он привёз. После этого он представил Николая, предварительно рассказав Тимофею о родившемся замысле.

Фатеев нагнулся ближе к раненому и тихо спросил:

– Что с танком? Цела ли «ходовая»? Какой ремонт нужен?

Тимофей говорил вразумительно, зная, какое из попаданий сбilo электронику и заклинило пушку. Слушая Тимофея, Николай кивал головой и всё больше представлял, что произошло во время боя. Наконец он повернулся к сидевшему с краю Киселёву и уверенно сказал:

– Я всё понял. Ему надо отдохнуть, он начал повторяться.

Киселёв шепнул что-то Тимофею, помахал рукой перед глазами, и они вышли из больницы.

Разбудив «рыжего, конопатого» Сашку, майор договорился, что Фатеева отпустят на сутки на передовую для срочного ремонта. Оба решили, что Сашку в подробности вводить не надо. Майор хоть и надеялся, что дело «выгорит», но в случае провала не хотел, чтобы об этом знал Тимофей и особенно нервно реагирующее на историю с танком начальство. Фатеев собирался продуманно. Помимо бронежилета, в рюкзак положил всё, что нужно было для работы с электроникой: провода, кабели, паяльную станцию и большой бустер, который выдавал двести двадцать вольт на протяжении четырёх часов. Прихватил с собой аптечку «АИ-4», когда-то подготовленную ему ещё в Москве сестрой Катей – «младшенькой», как он её звал. На всякий случай взял пару банок белорусских мясных консервов, захваченных из дома.

Добрались до Лисичанска быстро. Разместил его майор в блиндаже на свободном месте недавно погибшего парня из Ростова-на-Дону. Майор старался не распространяться, зачем приехал Фатеев, поэтому они поужинали вместе. Фатеев всё время мысленно вспоминал, как выглядит танк Т-90М. Он знал, что этот танк был последним инженерным чудом российского производства. Как понял Фатеев Тимофея, они во время боя загнали танк в лощину, в дубовую посадку. Он уже успел заметить, что в Лисичанске этих посадок было много. Дубы были особенными: не слишком широкими в обхвате, но стройными, тянувшимися ввысь.

Помнил он по рассказу Тимофея и о том, что танкисты для оптимальной позиции для стрельбы поставили башню в бок от себя, на девяносто градусов. В таком естественном капонири их не видели и был широкий угол прострела. Однако долго это продолжаться не могло, разведка ВСУ в какой-то момент обнаружила скрытый в лощине танк, доложила артиллерии, и та начала артобстрел. Один прямой миномётный выстрел попал в корпус танка. Динамическая защита сработала, но взрыв повредил силовую проводку. От удара всех троих контузило, а Тимофею вспышкой от электрического замыкания обожгло лицо. Танк мгновенно полностью отключился. Фатеев ещё раз прокрутил в голове рассказ Тимофея, пересмотрел взятые с собой провода и инструменты и, перебирая их, примерно понял, что придётся делать.

Правда, от нервного напряжения и незнакомой обстановки он несколько подрастерялся. В Луганске к вечеру можно было расслабиться, полежать на кровати, подаренной старым другом, вспомнить своих. Здесь, на линии боестолкновения, всё было как во время атаки: совсем рядом, как огромные жабы, «чавкали» мины, громыхали гаубицы, шла постоянная канонада и, казалось, что через мгновение в этот обжитой капонир влетит снаряд и освободит его от всех обещаний, данных майору. Киселёв, принёсший ему еду, то появлялся, то исчезал. Но где-то под вечер майор, понимая состояние Николая, пришёл за ним и повёл по длинному окопу в большой командирский блиндаж. Народу было много, кое-кто стал подходить к Николаю и здороваться. Почти никто не курил. В центре внимания оказался паренёк с гитарой. Все, увидев пришедшего майора с гостем, начали просить парнишку что-нибудь спеть.

– Серёга, спой для нашего гостя Володю Скобцова, – неожиданно предложил Киселёв и ободряюще подмигнул Фатееву.

Паренёк довольно умело перебрал струны и, осмотревшись и поудобнее сев, запел негромко какую-то незнакомую Фатееву песню. Песня сразу привлекла внимание. Потом Николай удивлялся, как легко он запомнил слова. Ему даже показалось, что эта песня о нём.

Хоть режьте Родину, хоть ешьте,
от злых невежд мороз по коже,
и жизнь уже не станет прежней,
и смерть становится моложе.

Уже не скроешься в столице
и не укроешься в морозы,
к тебе воротятся сторицей
чужая боль, чужие слёзы.

Уже забудется едва ли
судьба, пробитая осколком,
нас слишком долго убивали,
но жить в России надо долго.

Над нами звёзды, словно в тире,
беда течёт по небу Волгой,
мы слишком долго жили в мире,
война с чертями будет долгой.

В блиндаже пробыли недолго. Майор заторопил – надо было до утра отдохнуть. По дороге он захватил «калаш», два «рожка» и сунул в карман Николая баллистические очки. У Фатеева потеплело на сердце, подумалось: «Смотри-ка, командир заботится о нём». Странно, но Фатеев заснул быстро. Нервы «распустились», и ему даже что-то приснилось.

Холодная железяка – калашниковский ствол – тронул его щеку, и он открыл глаза.

– Четыре утра, вставай! – скомандовал Киселёв.

Фатеев спал до побудки не раздеваясь, только снял выданную Гормостом специальную обувь. Киселёв проверил ботинки и одобрил. Затем посмотрел рюкзак и, с трудом всунув туда сухой паёк, удовлетворённо хмыкнул. Затем подкинул Фатееву рюкзак на плечи и передал каску. Когда всё было готово, вышли наружу. Окопы были глубокими, насыпной бруствер был выше рослого Фатеева. Шли довольно долго, или Николаю так показалось. Наконец остановились. Майор сдвинул два ящика и выплянул наружу.

– Смотри, – тихо пригласил он Фатеева.

Ящик под ногами Николая зашатался, но он удержался.

– Смотри вот в ту сторону, – протянул Киселёв руку. – Видишь, между кронами чёрная прогалина – это дорога. Танк метрах в двадцати, в левой стороне. Днём его даже видно. До него чуть больше километра. Главное, быстро пройти первые триста метров. Они следят за окопами – дальше будет легче. Если наткнёшься на вэсэушников, открывай огонь. Мы поддержим. Я пошлю людей. Вон, кстати, идут трое из второго взвода.

Действительно, тихо, как кошки, подошли трое ребят, один из которых сидел рядом с Фатеевым в блиндаже.

– Ну вот! Пошёл! – скомандовал майор.

Николай навалился на бруствер, сзади его ноги сильно толкнули, и он вылетел далеко вперёд. Только лёжа он увидел, что по земле стелется туман. В просвет между землёй и туманом он быстро пошёл в указанном направлении.

На той стороне было тихо. Только по ходу что-то бренчало в рюкзаке. «Весь набит и все равно бренчит», – подумал он. Он пошёл медленнее. Хотел прилечь, отдышаться, но решил не останавливаться, гнать вперёд. Неожиданно ноги его сорвались вниз, и он свалился в яму-воронку от взрыва.

Вскочив на ноги, обрадовался, что никто не услышал его падения. Наконец, он дошёл до первых деревьев, перебежал дорогу и пошёл влево, куда указывал майор.

«Стой, вот он! – кто-то скомандовал в его сознании. – Да, это он».

Видно было, что Т-90М был оставлен вместе с «накидкой» – спецматериалом, который неплохо должен маскировать танк в тепловом и радиолокационном диапазонах.

Пушка – влево, а сам торчит, как носорог из ямы. Увидев танк, он от радости повис руками на дереве и замер. Слышно было, как в голове стучит сердце и как на плечи давит рюкзак, забитый до предела. Минуты две он стоял, присматриваясь, с какой стороны подойти к танку.

* * *

Именно в этот момент его увидели. Смена снайперов была в четыре утра.

Вэсэушники пристально следили, чтобы к этому танку не подошли лазутчики или эвакуаторы. Когда Лиза увидела в прицеле Фатеева, она не поверила, растерялась... Она даже высоко высунула голову из схрона, чтобы убедиться наверняка.

«Нет, это не он», – кричало её сознание. Тогда она ещё раз присмотрелась, но вывод был однозначным: он! Судьба второй раз сталкивала её с ним. Второй раз ей приходилось решать: жалеть его или... Первое, что она вспомнила, как из-за него убила Германа, как, удостоверившись, что он мёртв, бесшумно вернулась назад, положила винтовки на место и принялась ждать Любу. Как назло, Люба долго не появлялась, а, когда приехала, Лиза разыграла перед ней «цирк» по поводу исчезновения Германа. Всё прошло гладко, потому что Люба привезла известие, «подброшенное» милицией: Германа арестовали и сообщили об этом в новостях. СБУ, боясь, что Герман расколется, приказало срочно сменить адрес схрона, а Лизу вывезти из ЛНР на территорию Украины. С трудом, за большие деньги Люба вывезла её «к своим». В Киеве, после длительного дознания, Лизе, как провалившемуся агенту, руководитель отдела департамента контрразведки СБУ Косолапов вернул прежние документы на имя Веры Кравчук и отправил на фронт по старой специальности – снайпер. Уже несколько дней, как она была прикреплена снайпером 42-го батальона 57-й мотопехотной бригады.

И вот теперь он снова был рядом, в ста метрах. Голова Фатеева красовалась на мушке. Это была недавно выданная ей винтовка СВД, 7,62-мм, переданная, прежде всего, снайперам Сил специальных операций десантно-штурмовых войск.

«Первое, зачем он здесь? – злилась она. – Танк подбит, наши его всё равно заберут, тогда какого чёрта он здесь? Неужели из-за танка? Нет. А если да?! Тогда что? Второе, если его вижу я, то видят и те, кто на моей подстраховке. Эта “овца” Полина тоже наверняка глазееет на него». Лиза ненароком узнала, что снайпер Полина изменила родине, застучала какого-то русского капитана, вступила с ним в отношения и отпустила. Ещё в Киеве Лиза видела, что украинские мужчины выкладывают в Интернет видео с обвинениями в адрес женщин своей страны. Они бесились, что, в то время как Украина сражается до последней капли крови, на подконтрольных России территориях местные девушки пускают в свою постель русских мужиков. Это равняется госизмене, за которую следует жестоко карать, – грозили они приговором. «Эти мужики – “чмо болотное”», – считала Лиза. Сейчас, несмотря на войну, убийства, ненависть, она как никогда чувствовала, что любовь не имеет национальности и политических взглядов.

«Ведь он у меня не захватчик, а красивый мужчина, пусть даже в форме», – уговаривала она себя, любясь Николаем.

Неожиданно и стыдливо Лиза вспомнила, как он вытаскивал её из «жигулёнка» на дороге города Молодогвардейска. И как её, даже в полубоморочном состоянии, обожгли два противоположных чувства. Сначала – страх разоблачения её поддельного живота мнимой роженицы. Затем – лёгкость и блаженство в могучих, спасительных руках русского, после того как вдохнула его запах и увидела его озабоченное красивое лицо.

Не стесняясь, призналась себе, как бы она хотела закрутить военно-полевой роман, да ещё с таким крутым парнем. «Боже мой, – открывала она себя, – какой же у нас, у баб, инстинкт размножения».

А ещё Лиза призналась себе, что давно мечтала о счастье. Её мечта была неосознанной, как смутное видение, она не отдавала себе отчёта о его смысле, а просто видела туманную картину: они идут с Николаем по большому-большому полю, а вокруг никого, только синее небо над головой. Такое же синее, как её платье, которое ей мама сшила в детстве. Синее платье и раскинувшееся поле – было

одно из немногих счастливых воспоминаний, сохранившихся в её памяти, когда она была маленькой девочкой. С тех пор в жизни Лизы многое изменилось, но безмятежные ощущения детства она хотела пережить вновь. Она мечтала когда-нибудь сесть за мамину старую швейную машинку и сшить себе синее-синее платье, как в детстве. И выйти в этом платье в поле. И так, чтобы никого вокруг, только поле и она в синем платье с венком из ромашек на голове. Теперь в этом смутном видении она оставила место и Николаю.

Глаза её наполнились нежностью, она облизала губы и мысленно поцеловала Фатеева. Невольно вспомнила «своего козла» – Давида, с позывным «Хан». Когда её прислали в пятьдесят седьмую бригаду, кто только «не мял» её, пока командир батальона не осадил всех, выделил ей отдельное место и стал через ординарца вызывать к себе в любое время. Когда он, причиняя боль, елозил на ней, с каким-то изуверским чувством подбрасывая на руках, перед ней как маятник мелькала пятиконечная звезда в круге с головой козла. В такие минуты ей казалось, что она живёт не с человеком, а с животным. Лиза ещё пристальнее взглянула на Фатеева и вдруг твёрдо поняла, что на этот раз ей придётся с ним что-то решать, иначе её выдаст Полина, а его пристрелят. Вдруг Лиза заметила, что Фатеев опёрся спиной с рюкзаком о дерево, сдвинул ствол «калаша» вниз, внимательно огляделся и с разбегу по лобовой броне взлетел вверх, схватившись за ствол. Лиза хоть и растерялась, но успела взять его на прицел и, повернув мушку в центр целика, затихла, чтобы успокоить дыхание. Она давно видела в прицеле не людей и не агрессора, а видела лишь мишень. Но сейчас было другое дело, она целилась в любовь.

Фатеев снял с плеч рюкзак, двумя руками вскинул его вверх и медленно опустил в люк. Улыбка осветила его лицо, когда он огляделся и, подтянувшись, просунул обе ноги в люк. Лиза быстро навела мушку на его голову, ниже каски и прицелилась. Зная, что на солнце и на смерть нельзя смотреть, она закрыла глаза и выстрелила. Фатеев, как подкошенный, свалился вниз. Слёзы градом покатились из её глаз. Она вздрагивала, перчаткой утирала лицо и, повернувшись на спину, бессмысленно смотрела в небо. Больше двух часов она пролежала в своём схроне, ожидая, а вдруг он появится. Но всё было напрасно. Еле живой она доползла до окопов и спряталась в своём углу. Её трясло. Вся недолгая жизнь прошла перед ней. Лиза была уверена, что война закончится не скоро. В никакое перемирие она давно уже не верила. Она предположить не могла, чем всё завершится, но втайне ей нравилась мысль, высказанная однажды Полиной: «Война закончится тем, что Киев сам себя съест. Кто берёт в долг и не отдаёт, в конце концов хорошо не закончит».

К жителям юго-востока, которые захотели жить в другой стране, Лиза относилась плохо. Как и к западным украинцам, которые любили работать у поляков. В какие-то минуты, когда её не сдавливала тоска и отчаяние, она рассуждала здраво: «Если в стране бардак, не нужно менять страну. Нужно менять что-то в своей голове и делать так, чтобы в твоей стране было так же хорошо, как и у соседей. Эти люди бегут от проблем, а не решают их».

Но были те, кого она искренне ненавидела, это были ополченцы. Для неё они были просто врагами, которые хотят смерти ей и её соотечественникам. Со временем для неё сделалось неважным, кто по ту сторону фронта – девушки или мужчины – агрессоры, Лиза видела мишени и говорила себе: «Есть такие люди, которых может вылечить только свинец».

Казалось, что со временем она научилась жить, даже привыкла, что «козёл» вызывает её чуть ли не каждый день. Эти вызовы она ненавидела, но покорялась. Она знала: ненависть умиряет страх. Но сегодня, после выстрела в него, в любимого человека, ей всё было противно, ей не хотелось жить. Она не услышала, как бесшумно вошёл ординарец и, взяв за руку, молча, как овцу, повёл её к Давиду.

«Сейчас всё повторится, как всегда», – думала она, – он заставит её стягивать пахнущие потом кальсоны, долго готовить его к сношению, а потом опять перед её глазами замелькает пятиконечная звезда с лицом зверя. Но на этот раз она не далась, оттолкнула его и от нахлынувшей ярости плюнула ему в лицо. Вначале он ударил её кулаком, потом повернул спиной и лупил по ягодцам, пока не лопнула кожа. Подтолкнув к двери, он со словами «шлюха» пинком вытолкнул её из блиндажа. Кое-как она добралась до своего места, прилегла на дощатую постель и вспомнила Фатеева. Мелькнула мысль, какой плохой у неё сегодня день. Она сняла берцы, вытянула ноги и вдруг кончиком пальцев почувствовала ствол снайперской винтовки, оставленной в ногах. Она протянула руку, медленно протаскала винтовку к себе, приставила ствол к шее и... выстрелила. Через полчаса её нашла Полина. Лиза лежала в обнимку с винтовкой и улыбалась.

* * *

Он упал на рюкзак и почувствовал, что от падения заныла шея. Сбросив каску, он рукой коснулся головы, чтобы вправить шею на место, и увидел, что рука в крови. «Шальная пуля или выследили?» – подумал он. Прислушался. Снаружи была тишина. Хотел закрыть люк, но остановился: «В темноте ничего не сделаю». Усилилась боль, и он начал подгонять себя. Вспомнил, как в армии учили оказывать себе первую помощь. «Нет, не так всё плохо, – уговаривал он себя, – действуй по инструкции». Он расстегнул рюкзак, достал сестрину аптечку и нашёл бинт с набалдашником – ватным тампоном. Сбоку нашупал перекись водорода и чиркнул из бутылки на рану. Струйка попала в рану, но не обожгла. «Ничего, терпим!» Он протёр рану свободным тампоном и ещё раз чиркнул перекисью. Рана ныла, жгла, но он принялся медленно её забинтовывать. Вспомнил, что есть ампула с обезболивающим. Превозмогая боль, нагнулся и долго искал её в аптечке. Ампулы, закрытые картонкой, лежали в самом низу и словно прилипли к нижней стенке. Наконец вытащил одну, переломил и тут же вколол иголку себе в плечо. Стало легче, и он затих. Откинувшись на спинку кресла, Николай задумался, с чего начать. Осматривая оборудование, задержал взгляд на оплавленных проводах. Вспомнились слова раненого Тимофея о том, что именно они вспыхнули прежде всего. Достав из рюкзака инструменты, он стал аккуратно вырезать оплавленные провода, заменять их новыми, тут же пропаивать и ставить каучуковую термоусадку, которая прихватывалась намертво.

Только делая паузы, Фатеев чувствовал, как кружится голова и как медленно мокнет грудь и плечо от стекающей крови. Наконец он пропаял последний провод, включил монитор, и вдруг на всех приборах вспыхнул свет. Сразу возникла шальная мысль повернуть башню в походное состояние. Он понимал, что принцип работы его БМ-2 и Т-90М одинаковые, только здесь всё было массивнее и мощнее. Армейский опыт не подвёл, он включил управление башни, она повернулась и встала в походное положение. Теперь надо было перелезть из кресла командира на место механика-водителя. Когда этот манёвр удался, Фатеев включил зажигание, топливную и масляную системы. Теперь надо было ждать, пока танк наберётся сил.

Но вот наступил самый ответственный момент, он включил двигатель и начал его гонять. Рывкнув, зашумели выхлопные трубы, и, выдав клубы дыма, танк взревел. Но почему-то слух Фатеева воспринимал этот рёв через какую-то преграду, словно он от радости оглох. Теперь Фатеев уже не сомневался, память помогала действовать уверенно: он сдвинул танк с места и стал медленно выводить его из критической посадки. Выехав на дорогу, Фатеев прибавил скорость и погнал к своим позициям, высматривая проезд для танка. Люк танка по-прежнему был открыт. Однако, несмотря на пропадающий слух, он понял, что по нему начали стрелять. «Засекли!» – отозвалось в сознании. Он пошёл на пределе и увидел впереди солдат. Это были наши. Чувствуя, что теряет сознание, он стал повторять какие-то слова. Сверху мелькало небо, пролетали тучи... Фатеев понимал, что начинается бред, в котором повторялась только одна строчка: «Беда течёт по небу Волгой». Он уже не мог остановить танк. «Прорыв», натужно рыча и звякая траками, заскользил на месте, уткнувшись в ствол дерева.

Подбежавшие солдаты вытащили Фатеева из танка и помогли уложить в переполненную «скорую помощь», которая последним приняла Николая. Он был без сознания.

Привезли в Первомайск вовремя. В профильной больнице его положили по соседству с Тимофеем на первом этаже. Хирург, осмотревший Фатеева, сообщил следом приехавшему майору Киселёву, что основной причиной глухоты является острая массивная кровопотеря вследствие повреждения сосудов шеи. Майор торопливо рассказал хирургу, какой подвиг совершил старший сержант Николай Фатеев. Однако откровенность хирурга с глазу на глаз с майором была неутешительной.

– Поймите, майор, – говорил хирург чеканным слогом, глядя Киселёву в глаза, – повреждение слуховых органов определяет прогрессирующую дестабилизацию жизненно важных функций организма, тяжесть состояния и, к сожалению, высокую летальность данной категории раненых. К счастью, у него симптомов перелома нижних шейных позвонков нет. Но чтобы не было головокружения, тошноты, надо больше молчать, потому что из-за боли в месте ранения возможно нарушение речи.

Прощаясь с майором, хирург сказал и несколько утешительных слов:

– Для постановки точного диагноза сделаем рентген или МРТ. Лечение будет зависеть от его физической выносливости, но кажется, что по виду он богатырь, если четыре часа, истекая кровью, спасал танк, чуть не попавший к ВСУ.

За Фатеева боролись в профильной больнице долго. Постепенно он возвращался к жизни. Хирург был прав, могучий организм Николая выдержал, и он пошёл на поправку. В один из субботних дней, в начале июля, Николаю сообщили, что в больницу для личного знакомства с ранеными прибудет заместитель командующего 8-й армией Южного военного округа генерал-майор Эседулла Абачев.

В этот день в хорошо прибранную палату пригласили четырёх выздоравливающих раненых и в торжественной обстановке всей четвёрке вручили ордена Мужества.

Когда в Луганске начальник безопасности Гормоста Константин Ивлев узнал о награждении Фатеева, то через день приехал в город Первомайск. Уговорив хирурга отпустить героя к друзьям и пообещав, что лечение их бригадира продолжится в городе, Ивлев привёз Фатеева в Луганск. Наконец Николай мог воспользоваться телефоном и после долгого молчания позвонить домой. Звонил несколько раз – связи не было. Волнение его достигло предела, когда он, сумев созвониться с соседом по деревне, узнал, что Татьяна в больнице города Ступино на сохранении. Не теряя ни минуты, он попросил начальство отпустить его домой.

Главный механик разрешил ему сесть в один из курсирующих по маршруту Луганск – Москва – Луганск КАМАЗов, и без остановок на следующий день к обеду он приехал в город Ступино. Как раз в этот день Татьяну с девочкой выписывали из роддома. Её встречали Нина Семёновна и сын Миша. Когда Татьяна с ребёнком вышла из дверей роддома, раздался громкий сигнал КАМАЗа и из кабины выпрыгнул Фатеев. Быстрым шагом, с повязкой на шее и орденом на груди, он шёл и громко, махая рукой, кричал:

– Я здесь! Таня, я здесь! Они уткнулись друг в друга, затем он бережно взял на руки дочь и на заранее вызванном тёщей такси поехали к себе в Грабченки.

Весь июль он был у себя в деревне. Занимался хозяйством, выложил камнем проход к дому и каждый день торжественно присутствовал при кормлении дочери Виктории.

Через месяц Николай Фатеев попрощался с женой и, сказав ей: «Мы там нужны», возвратился в Луганск.



Георгий Масленников



Георгий Дмитриевич Масленников – родился в 1998 году в городе Самаре. До ВУМО окончил Московское военно-музыкальное училище имени генерал-лейтенанта В. М. Халилова. Ранее публиковался с очерками и эссе в Международном литературно-публицистическом журнале «Клаузура», московской газете «День литературы». Неоднократно участвовал в параде на Красной площади в составе суворовцев Военно-музыкального училища. В настоящее время служит начальником пресс-службы в одной из крупнейших ракетных частей.

ТОРПЕДНИКИ ОТ МОРЯ ДО АНСАМБЛЯ

Драматургические фрески флотской службы в СССР

- Товарищ старшина, разрешите доложить! – обратился к Семаге первогодок Евген Чукалин.
- Ну...
- Приборка закончена.
- Второй час ковыряешься, ползаешь по казарме беременной вошью... – Семага сверился с наручными часами. Перевёл стул в более устойчивое положение – на четыре ножки вместо двух – и убрал ноги со стола. Опершись о стол руками, встал и спросил:
 - Точно всё сделал?
 - Проверьте сами – мне спать...
 - Значит, так: если я с ходу найду косяк, ты заступишь завтра в наряд и выдраишь галюн до блеска.
 - Так точно.

Независимый, ироничный тон Чукалина шаркнул колючками по самолюбию старшины. Семага, зыркнув глазами, вышел из офицерского кубрика – его царства на то время, пока в нём нет командира части. Выпрямился, сдвинул бескозырку на затылок и пошёл на осмотр своих владений.

Чукалин вышел вслед за старшиной в длинный коридор, по бокам которого располагались кубрики с мирно сопящими матросами. На тускло-жёлтых стенах висели портреты видных военачальников. Между ними переливалась красками и радовала интересным текстом стенгазета, написанная им, Евгеном Чукалиным, которая уже не раз становилась предметом гордости командира части перед другими старшими офицерами флотилии.

Старшина, мягко, по-кошачьи ступая, шёл по коридору, попутно ведя пальцами по всем неровностям казармы в надежде найти следы пыли. Дойдя до галюна, сказал:

- Иди, окно в каптёрке закрой.

Чукалин развернулся, пошёл выполнять приказ, отчётливо помня, что окно в каптёрке закрыто. Через несколько шагов обернулся.

Старшина склонился над ящиком с песком, норовя подсунуть за него конфетный фантик, загодя припасённый в кармане. Чукалин кашлянул, спросил с брезгливой, издевательской заботой:

- Конфетка сладкая была, товарищ старшина?
- Ты как со мной базаришь, сопляк?! – зло спросил старшина, пряча в карман несработавший «косяк». – Думаешь, если драться самбой умеешь, значит, всё позволено?
- Не всё, товарищ старшина. Только то, что положено по Уставу и на что есть «одобрямс» любимого старшины.

Они оба хорошо помнили их первую стычку.

В знойный вечер новобранцы стояли в строю ещё не знакомые друг с другом. Перед строем вышагивал старшина-годовик, последнего года службы, цедил ухмылисто, лениво, снисходя до вновь прибывшей толпы салабонов:

– Ну шо, салаги неструганные, будем из вас мужиков робить... – Походка старшины со сцепленными сзади руками походила на манеру всяких авторитетов из военных фильмов.

– Я старшина Семага Антон Иванович, старший помощник командира звена торпедных катеров капитан-лейтенанта Левина. Мотайте на ус: когда нет командира, я тут царь и бог в одном флаконе. Всё, шо я скажу, – закон. У вас два пути: либо вы бежите на цырлах выполнять любой мой приказ, либо гниёте в нарядах или на губе. А при особом удовольствии – одно будет сменять другое безо всякого передыха.

С застывшей ухмылкой он замолчал. Осмотрел строй, спросил:

– Это всем понятно?

Молчание строя прорезал лишь звон ночных цикад с плаца.

– Не слышу ответа! – рявкнул старшина. – Всем понятно?!

– Так точно, – унылым разнобоем отозвался строй.

– Вот так, губошлёпы. На умывание ра-зой-дись!

Матросы рассыпались по казарме. До отбоя предстояло всем помыться, подготовиться ко сну и первому служебному дню, когда будет приниматься присяга.

Старшина со своими ботинками в руках остановил одного рослого матроса, положив руку на плечо:

– Стоять, дылда. Фамилия?

– Матрос Чукалин.

– Тебе сегодня повезло, Чукалин. Сегодня для тебя ответственное задание. Начисть мне чоботы. По-брацки.

Сунул ботинки в руки матросу. Чукалин тяжело, пристально смотрел на старшину.

– Шо молчишь, буркалы выпучил? Есть возражения?

– Не получится с заданием. Я пришёл служить Отечеству, а не прислуживать старшинам.

– Ш-о-о? Ты не понял, шо я вам перед строем в мозги ваши запихивал? Повторяю последний раз: чоботы начистишь, поставишь возле моей койки. И доложишь за исполнение по всей форме. Свободен.

Семага развернулся и зашагал к выходу. Чукалин заговорил:

– Расставим точки над «и». Во-первых, по-братски не получится, ты мне не брат. А во-вторых... – Обувь старшины полетела на пол, грохот разнёсся по казарме. – Во-вторых, полезно научиться самому ручками работать.

Чукалин тяжело, не мигая, смотрел на Семагу, от неожиданности разевавшего и закрывавшего рот. Старпома на третьем году службы нагло отшивает какой-то первак?! В первый день прибытия салаг на службу?!

Из горла старшины вырвался рык:

– Молись, скотина!

Семага ринулся на Чукалина. В шаге от разъярённого годка Чукалин скользнул влево, цепким захватом с грохотом бросил тушу через бедро на пол. Запрыгнув на поверженного, придавил коленом правую руку старшины, обездвижил вторую и взял Семагу за горло.

– А теперь слушай меня. Если ещё раз полезешь ко мне со своими чоботами, выключу нокаут и отполирую задницу твоим же ремнём. Я не для того институт заканчивал, не для того России служу, чтобы бандеры вроде тебя надо мной выкобенивались... Ты всё понял?

Стиснул ладонь на горле старшины.

– Не слышу ответа!

– Фсё-о-о-о... понял... – прошипел придушенным гусаком старшина.

Чукалин встал. Взялся заправлять свою койку. Матросы, застывшие в столбняке, отворачивались. Давя в себе испуг вперемешку с хохотом, возобновили свои дела: вид старшины был не для слабо-нервных.

– С-сука, мразь... Погоди-и. Я с тобой ещё разберусь. Ты доигрался, щенок. Тебе конец. Завтра ещё поговорим, – выхрипнул Семага, потирая горло.

Пошёл к своему кубику, скрылся за дверью. Чукалин несколько раз глубоко вдохнул и выдохнул, выгоняя из крови лишний адреналин, и стал готовиться к отбою. Истаивало в памяти и распадалось на клочки панно из прикипевших к сердцу фресок о недавней жизни на гражданке: ликующе-победные финалы схваток на татами, гремевший славой на весь Северный Кавказ их народный оперный театр в Грозном, ночные бдения за фортепиано, студентка музучилища Ирэн, которая любовно шлифовала душу и руки молодого пианиста, – всё уходило в чёрную бездну нынешней тоски по былому.

* * *

Через колдобины, надолбы и ухабы неслась отныне служба первогодка, пропитанная мстительной изобретательностью Семаги. Тот был неистощим на издевательства, когда в дивизионе отсутствовал командир.

На утреннем подъёме во время уборки кубрика старшина уже бдительно стоял над согнутым Чукалиным. С заправленной койки первогодка он раз за разом сдёргивал на пол одеяло с простынёй:

– Пер-р-резаправить по Уставу! И шоб всё ровненько... шоб без единой складочки!

И так – по десять, по пятнадцать раз. На утренней часовой пробежке на стадионе Семага держался рядом с отделением. И, выждав пару кругов, давал команду:

– Матрос Чукалин, выбежать из строя! Стоять! Смир-р-рна-а! Это шо за «смирна»? Глиста в коровьем брюхе стоит «смирнее», чем матрос Чукалин! Шо вытворяем на пробежке?! Бежим не в ногу! Бежим зачуханной коровой и гадим всему строю! Всё отделение бежит впритрусочку два круга! Матрос Чукалин, смир-р-рна! Ать-два! Чукалин, учимся вставать, ложиться по Уставу. Встать! Лечь! Встать! Лечь! Отжаться десять раз! Встать! Лечь!..

И так всю остальную физзарядку, пока Чукалин не посылал Семагу непечатным слогом далеко и несмываемо изящно – под нескрываемое удовольствие экипажей катерников. И отправлялся отбывать свою очередную гауптвахту.

Одна отрада была у Чукалина – боевая учёба, на катере, на БЧ-2 он был назначен пулемётчиком спаренной турели. А уже вскоре Евгений стал ведущим, а затем и первым на учебных стрельбах дивизиона по мишеням.

* * *

Чукалин со старшиной стояли в коридоре. Не прорезало у Семаги с «косяком» – конфетной обёрткой, которую он нацелился подбросить под ящик с песком.

– Старшина, вам можно посочувствовать в этой паршивой ситуации, – усмехнулся Евгений. – Салага заявился в дивизион и выламывается из всех ваших правил. Но вы никак не хотите понять, что мы одного возраста, что я закончил институт, и десять лет, которые я провёл в схватках на татами, не позволяют мне лечь под кого-то без боя. А вам надо, чтобы я лежал и не дрыгал ножками. Вы никак не поймёте...

– Это ты не понимаешь ни черта! Здесь всегда так было и будет... здесь право дедов! Моё право! И его никто не отменял! Я третий год уродуюсь за Родину мореманом, а ты, салага, губошлёт, меня мордой в грязь. За это ответишь. Ломать буду нарядками! Губой! Пока не приползёшь на карачках прощения просить! И офицерё на моей стороне: им при таких, как я, спокойно спится! Усёк?! Забыл, как загудел на губу сразу на второй день после рапорта командиру...

– Не рапорта, а доноса. Только ты не сказал в нём, что ботинки были не мои, а твои. И ты первый полез на меня с кулаками. Так, может, подойдём завтра к командиру Левину и объясним всё, как было?

– Закрой пасть! – Семага было дёрнулся к Чукалину, но опомнился. – Опять на губу захотел?

Евгений развернулся и пошёл прочь. Зашёл в свой кубрик. Ночная духота втекала в окно. Он снял влажную от пота робу и сел на кровать. За окном слаженно звенел хор цикад. Чукалин растянулся на кровати, под грузным телом взвизгнули пружины. Услышал: сосед по койке Паша-моторист прервал храп, стал поворачиваться на бок. Немного погодя позвал:

– Чукало... не спишь?

– Ну.

– Что, опять старшина доставал?

– Он, родимый.

– Может, повторишь катаклизму, как в первый день: бросок через бедро, верхом на тушу и лапой за горлышко? Весь дивизион до сих пор смакует.

– Полезет с кулаками – напомним. Но, видно, не дождусь – он умный стал, уроки помнит.

– А может, сам повоспитываешь? Он – крыса. И сексот. С такими только так и надо.

– Вот ты и начни, если не терпится. Всё, Пашок, спать. Завтра стрельбы с выходом в море.

– Да ладно, тебе-то чего трепыхаться? В перваки средь пулемётчиков уже вымахнул. За это командир по два увала в неделю стабильно тебе отстёгивает. Мне бы так.

– Ну вот и спи, чтоб так же.

– Ты, говорят, их тратишь на фоне при Доме офицеров? Чтоб я пропал – не понимаю: потратить все свои увалы на протирание штанов за дрынканьем...

– Закружи рот. Отбой...

Евген лежал с десяток минут, прислушиваясь ко всем звукам, потом осторожно поднялся с кровати. Ступая с носка на пятку, бесшумно вышел в коридор и направился к выходу из казармы, замедлив шаг у кубрика, где спал старшина. За дверью храпел его неуголимый надзиратель.

На улице лёгкий ветерок благодатно опанхнул горячее, потное тело.

Евген пошёл к трёхметровому кирпичному забору, избегая освещённых мест. На углу части стоял железный сарай, оборудованный под склад. По его бокам топорщились кусты. За забором, пристроившись к нему, вплотную высилась шершавым осанистым стволом мохнатая пальма. Чукалин поравнялся со складом, как вдруг услышал голоса: по периметру части шёл патруль. Два старшины-контрактника с офицером обходили территорию. Евген перепрыгнул через кусты и распластался на земле. Старшины шли, перебрасываясь фразами:

– Ну как тебе та блондиночка на причале? Ты на неё тоже глаз положил.

– Чего ж не положить, там всё на месте, особенно с кормы. Ей бы в пару брюнеточку, такую же, чтоб у матросов не было вопросов.

– Р-разговорчики на службе отставить! – негромко, с усмешкой прервал ценителей женских форм офицер.

Евген дождался, когда патруль удалится и, обогнув склад, остановился у двери, запертой на массивный висячий замок. До заветной цели оставалась какая-то сотня метров. Немного лёгкой трусцы – и он уже шёл вдоль массивного четырёхэтажного здания Дома офицеров. Парадный вход был выполнен в изысканном восточном стиле.

Евген шёл, вглядываясь в окна второго этажа. Одно из них, рядом с ветвистой кроной клёна, было слегка приоткрыто. Евген забрался на дерево. Держась за одну ветку руками, переступая по другой, он пробрался к окну и спрыгнул в кабинет, всё убранство которого составляли стол, два стула и фортепиано.

Взяв со стола пару газет, Евген приподнял верхнюю крышку инструмента, опустил их между струнами и молоточками фортепиано. Затем открыл крышку клавиатуры и нажал на клавишу. Приглушённый, шершавый звук вылетал из инструмента и тут же опадал в тишину. Лакированное покрытие пианино отражало слабый свет улицы. Он шагнул к окну и выглянул на улицу: всё было тихо. Город спал.

Плотно закрыв окно, Чукалин наконец сел за фортепиано. Надо было закончить своего «Сонатёныша»... Из-под пальцев вырвались аккорды – ни на что не похожие, свои.

* * *

Время ушло за полночь. Квартира контр-адмирала Пильщикова затихла в сонном забытье. Пильщиков лежал на большой двухместной кровати рядом со своей безмятежно спящей женой. Окна в комнате были настежь распахнуты, лёгкий ночной ветерок мерно раскачивал полупрозрачные занавески. Контр-адмирал чуть усмехнулся привидевшемуся образу: их ночное спокойствие словно бы сторожили два сизых призрака.

Он поднялся, нащупал на кресле одежду, взял пачку сигарет со стола и вышел из спальни. Одевшись, спустился в ночную мелодию города. Её озвучивала природа: сотни цикад и сверчков упоённо славили свою короткую, но неистово музыкальную жизнь. Полная луна была так ярка, что казалась чётко вырезанным кругом в чёрном небесном полотне, за которым полыхал свет.

Пильщиков прикурив сигарету и, глубоко затянувшись, пошёл по направлению к пирсу. Сон отгоняли мысли о большой работе, которая ему предстояла. В голове засела просьба командующего флотилией вице-адмирала Олейникова: «Василий Геннадьевич, включайся в создание ансамбля. Бумага в Минобороны давно отправлена. Отказа не будет, намекнули на уровне департамента, идея хорошая. Надо срочно искать артистов: в городе, в театре, в консерватории. Но прежде всего – во флотилии. Тебе, меломану и театралу, с твоими контактами с бакинской элитой – и ветер в паруса».

...Пильщиков дошёл до тенистой аллеи, окольцевавшей здание Дома офицеров. Ветвистые клёны горделиво распустились плотной зеленью, будто позируя ночному фотографу.

Адмирал любил приходить сюда ночью, когда тьма укрощала свирепый дневной зной и обволакивала долгожданной прохладой.

Треск цикад постепенно стихал, с моря усиливался ночной бриз.

До пирса оставалось не больше двухсот метров. Внезапно послышался приглушённый, странно шелестящий аккорд, как упавший откуда-то сверху. Повторился ещё раз, в другой тональности. Затем всё затихло.

Пильщиков собрался уходить, но аккорды возобновились и перешли в мелодию, будто распираемую изнутри сдавленной, рвущейся наружу экспрессией. Мелодия обрывалась, расчленённая паузами, аккорды повторялись раз за разом. Пианист явно разучивал что-то новое для себя... Что? Мелодия, стиль, полифония аккордов были предельно необычными... Уникальное сочетание классической гармонии с музыкальным авангардом... Шнитке? Шостакович? Свиридов?

Адмирала разждало любопытство: глухая ночь и неведомый, мастеровитый пианист на втором этаже Дома офицеров. Там была музыкальная школа для детей офицеров флотилии. Но это был явно не ученик. Педагог? Место коему точно в проекте создаваемого ансамбля! Именно там! Но почему в такое время? И что за странный, шипяще-укрошённый звук у фортепиано?

«Завтра непременно узнать, кто играл. Непременно», – решил Василий Геннадьевич.

Наваливалась сонливость. Пильщиков направился домой досыпать.

* * *

Матросский кубрик слитно и мощно всхрапывал, сопел, подобно ночному прибою во время лёгкого бриза. Лица матросов разгладились, обрели ту безмятежность, какая была на них до армейской жизни, не знавшей строевой шагистики, марш-бросков и нелёгких учений в штормующем море.

Семага нервно подёргивал руками. Ему снилась драка. Черты его соперника во сне явственно подходили на чукалинские. Рука старшины было пошла на замах для сокрушительного удара. Но Чукалин плевать хотел на Семагу с его замахом и нахально ухмылялся. Семага ненавистно крикнул: «Лыбишься, чертило?!.. Ща я тебя...» – И послал кулак в ненавистную рожу. Но бескостно-вялая рука на лету распустилась каким-то ватыным хлопковым бутонем. От такого пугающего превращения Семага судорожно вскинулся на кровати. Его будто выбросило из сна. Старшина настороженно открыл глаза. Поднялся с кровати, вышел из каптерки в спальню. Пошатываясь, зашаркал вдоль двухъярусных коек, машинально фиксируя, насколько идеально сложена форма на табуретках. Некоторые тотчас небрежно спихивал на пол, чтобы утром рыкнуть на такого растяпу: «Сложить, салага, как пол-л-ложено!»

Подойдя к кровати Евгена, старшина остолбенел: пустая койка?! На табуретке одежды не было. «Это што за бардак?! Где этот говнюк?! Самоволка?! Ночь... Побег из казармы?!»

В груди разгорался ликующий пожар: эта самоволка была долгожданным подарком... он выжмет из такой ситуёвины по полной... тут губой не отделаешься...

«Тут тр-р-рибунальчиком в нос шибает, москалик разлюбезный!»

Семага вдавил кнопку боевой тревоги на стене и, перекрывая оглушительный трезвон, заорал:

– Па-а-дъём!! Трево-о-га-а! Строиться на плацу!

Матросы с грохотом рушились с коек. Спустя минуту все стояли одетые в строю. Семага, сдерживая ликующую дрожь в груди, скомандовал:

– По порядку рас-счи-тайсь!

– Первый... второй... третий, – вымётывался из ртов глухой пересчёт.

– Деятнадцатый! – Крайний матрос сделал шаг вперёд: – Расчёт окончен.

– Девят-над-ца-тый?.. – с наслаждением повторил Семага. – Та-ак, салабоны! А где ж у нас двадцатый?! Шо, черти с квасом, зылы?! Кто знает, где Чукалин? Никто. Значит, покрываем драп своего салаги. Смир-р-рна! Стоять до упаду, пока мозги про дезертира не подскажут!

Семага развернулся и, ускоряясь, зашагал в кают-компанию. Взял трубку телефона на письменном столе, набрал номер. Переждав очередь длинных гудков, он наконец услышал недовольный хриплый голос только что крепко спавшего человека:

– Капитан-лейтенант Левин...

– Товарищ капитан-лейтенант, разрешите доложить о происшествии! В кубрике ЧП! Пропал матрос Чукалин. Экипажи подняты по тревоге. Никто ничего не знает. Разрешите организовать поисковую операцию?

Капитан-лейтенант, командир звена из пяти катеров, сидел в кровати. Глаза его были закрыты. Одной рукой он держал телефонную трубку, другой потирал висок, приходя в себя. Понял, кто ему звонит.

– Семага?

– Я, товарищ капитан-лейтенант!

– Какого чёрта поднял по тревоге экипажи?..

– Как только было обнаружено отсутствие матроса!

– А что сразу в штаб флотилии не позвонил?! Не мог сначала меня оповестить, а уже потом матросов мордовать? У тебя мозги в каком месте?!

Левин сморщился, как от зубной боли. Терпеть не мог офицер старшину, всадившего в команды катерных экипажей дедовщину, скрутившего их садистской дисциплиной, напрочь вышвырнув из служебной жизни какие-либо человеческие отношения. Но дисциплинарное спокойствие в дивизионе его устраивало.

Семага мстительно молчал и думал: «А ху-ху не хо-хо? Не-е, в этот раз не выйдет покрыть любимчиков».

– Всё согласно Уставу, товарищ капитан-лейтенант.

– Экипажам – отбой. Сами разберёмся. Скоро буду.

В трубке раздались короткие гудки. В сердце старшины накалялось злорадство: «Чукалу прикрыть захотел? Чтоб всё шито-крыто? Не, бугор пархатый, хрен вам, не дам на тормозах спустить. Последний год на вас уродуюсь! Так дверями хлопну, что вся флотилия на уши встанет...»

* * *

Чукалин сидел за фортепиано, положив руки на колени. Взгляд скользил по чёрно-белой клавиатуре. Концовка его «Сонатёныша» никак не давалась. Он снова и снова подбирал аккорды в разных сочетаниях – не то. Не то-о!

Ночь уходила, наваливалась усталость от хронических недосыпов. Луна за окном потускнела в прорывающемся к небу рассвете. Надо возвращаться в казарму, времени почти не осталось, и раз-ум панически, судорожно искал концовку музыкального произведения. Луна... Теряющая властную силу луна... А может быть, не мажор, а лунный минор в концовке?! Евгений с замирающим сердцем положил руки на клавиши и услышал приближающиеся шаги в коридоре. Дверь распахнулась. В кабинет влетел Семага в сопровождении Левина. Сзади них маячил растерянный дежурный по ОДО.

Семага рыкнул:

– Я говорил, товарищ капитан-лейтенант, здесь он! Рой себе могилу, Чукало! Дезертирство за пределы части ночью – теперь губой не отделаешься...

Не обращая на старшину внимания, Евгений встал из-за инструмента, обратился к офицеру:

– Товарищ капитан-лейтенант, разрешите мне буквально пять минут, найти несколько аккордов...

Старшина взревел, раздувая жилы на шее:

– Совсем оборзел, скотина наглая?! Дезертировал и ещё хлебало разеваешь? А ну, пошёл на выход!

– Отставить, старшина! – сказал Левин, но не успел закончить. Семага прыгнул к Чукалину, схватил за руку, выворачивая её за спину... Бойцовая ярость, полыхнувшая в Чукалине, послала в мозг ответную команду: локоть правой руки в развороте рванулся назад, за спину, и вмялся в лицо Семаги. Старшина рухнул. Кровь заливала его белеющее на глазах лицо.

– Ну и что дальше, Чукалин? – глухо спросил Левин. – Доигрался ты во всех смыслах! Теперь нахлебаемся!

* * *

Левин стоял навтыжку перед столом, за которым восседал красный от ярости командующий флотилией Григорий Васильевич Олейников. В руках он держал рапорт о происшествии в дивизионе торпедных катеров, перечитанный в который раз.

– Товарищ вице-адмирал, – начал Левин, – я понимаю всю тяжесть моей вины и вины матроса, лучшего пулемётчика дивизиона, но он...

– Какие здесь могут быть «но», капитан-лейтенант? Этот ваш ворошиловский стрелок – форменный бандит! Ночной побег из части... Во время задержания изуродовал старшину Краснознамённой флотилии... Вы понимаете, что ему за это светит? Созыв военного совета с оформлением дела в трибунал. И отчёт в Генштаб ВМФ! Нам только этого сейчас не хватало! Я жду важнейшего решения из Москвы об ансамбле, нам такое доверие оказано, а тут офицер Левин со своим матросом нас всех мордой об стол... Кстати, какого чёрта этот... Чукалин делал ночью в ОДО, вы пытались узнать?!

– Заканчивал своё фортепианное сочинение.

– Что-о?

– Чукалин – практически профессиональный пианист, в институте пел в народном оперном театре, имеет высшее образование и сочиняет музыку.

– Та-ак. Ну и зачем этот сочинитель изувечил старшину?

– Старшина Семага бросился к Чукалину, стал заламывать ему руку за спину. Последовала ответная реакция матроса, который плюс ко всему имеет КМС по самбо.

– А вы? Вы же были там! Почему не остановили старшину?

– Он не послушал моей команды. Как мне докладывали, он давно ненавидит Чукалина и издевается над ним, пользуясь своим званием.

– Н-н-да. Выходит, он не исключение. У них нет исключений из правил. Значит, правильно мы их по отдельным подразделениям разбрасываем.

– Простите, товарищ вице-адмирал, я не совсем понимаю...

– Потом поймёте. Кстати, как у вас с дедовщиной?

Левин опустил глаза, сказал, с усилием подбирая слова:

– В моё отсутствие у Семаги... не происходило никаких ЧП. По дисциплине и уставному порядку в подразделении не было замечаний.

– Одним словом, удобненько вам жилось за спиной Семаги, – посмотрел на Левина командующий с жёсткой усмешкой. – Только сколько верёвочке не виться... В общем, допрыгались, орлы. Ступайте!

* * *

В кабинет командующего вошёл контр-адмирал Пильщиков.

– Присаживайся, Василий Геннадьевич, – озабоченно пригласил Олейников. – Ну, что будем делать с этим мордобойцем? ЧП, созыв военного совета? Докладную особого отдела читал?

– Внимательно изучил, Григорий Васильевич.

– Что думаешь по этому поводу? Семага и Чукалин дуэтом сотворили ЧП особой тяжести.

– Позволю себе предположить, что мы думаем синхронно о главном пункте в докладной. Семага и Чукалин – это частный случай, производное от главного.

– Так-так. Продолжай.

– Западенцы-старослужащие из Винницы. Из доклада ОСО: у них на флотилии националистическая смычка... Делятся идеями о самостийной Украине с легендарным атаманом Бандерой. В подразделениях держатся враждебным особняком, насаждают изуверскую дедовщину среди «москалей». Вот её-то мы сокрушительно проморгали. Точнее сказать, если не закрывали, то отводили глаза при сигналах из подразделений. Так было удобно: за дедовскими спинами старослужащих офицерам спокойно жилось.

– Ну что ж... здесь у нас с тобой явное единомыслие, Василий Геннадьевич. Так как быть с военным советом по Чукалину?

– Обязательно созываем. Но не по Чукалину, а по докладной особого отдела и дедовщине. Её итогом стало это чрезвычайное происшествие со старшиной и подчинённым матросом. Над ним явно уже считай год изо дня в день издевался старшина. На совете надо обязать офицеров категорически и жёстко пресекать любые случаи дедовщины. И за слякотный либерализм в её пресечении – наказывать, вплоть до понижения в звании.

– Согласен. Но что будем делать с конкретными фигурантами этого ЧП?

– Каждому Сеньке по шапке. Семагу комиссовать из ВМФ по состоянию здоровья и пусть катится к своему РУХу. Чукалину – двадцать суток гауптвахты особого режима.

– Не понял. То есть как это?

– Выпускать ежесуточно на пару часов для занятий на фортепиано. Я недавно случайно услышал ночью в Доме офицеров блестящую игру на пианино. Потом узнал – это Чукалин завершал своё фортепианное сочинение. Оказывается, он полгода тайком в самоволках ночами занимался музыкой. Спал по этой причине не более трёх-четырёх часов в сутки. Я не представляю, как он после этого нёс службу, а ведь как-никак лучший пулемётчик дивизиона!

– Василий Геннадьевич, а почему бы нам не послушать этого вундеркинда-мордобойца? – спросил командующий.

– Хорошая идея. В нашем актовом зале, завтра. Там есть рояль.

* * *

В актовом зале стояла тишина. Ряды зрительных мест пустовали, кроме первого, где расположились два адмирала. Сзади них сидел капитан-лейтенант Левин.

Чукалин, прибывший на сцену под конвоем, стоял по стойке смирно. Бледное лицо несло на себе оттенок多月есячных недосыпов, но глаза явно выражали решимость. Евгений не мог простить себя за вчерашний срыв, за проблемы, возникшие в связи с этим у его командира Левина, за авральный подъём его товарищей среди ночи... Но именно после всего пережитого пришло окончательное решение по концовке его музыкального опуса...

Он догадывался, что сейчас должен был начаться его самый главный экзамен. Софиты двумя лучами ярко-жёлтого света охватывали сцену.

– Ну что, товарищ матрос, – начал Пильщиков, – интересно послушать, ради чего вы недопустимо нарушали воинскую дисциплину. Вы не отрицаете, что систематически покидали расположение части по ночам, чтобы доделать своё произведение?

– Так точно, товарищ контр-адмирал. Вчера я как раз закончил своего «Сонатёныша».

– Почему «Сонатёныша»? Я что-то не слышал о такой музыкальной форме.

– Это моё добавление. Есть сонаты, сонатины. Я добавил к ним «Сонатёныша».

– Весьма отважно. Подкорректировали Баха, Моцарта и Бетховена? Ну-ну. Продемонстрируйте новорождённого.

Чукалин поднялся на сцену, на которой отблёскивал лаком чёрный немецкий рояль. Сел, открыл крышку. Слегка подрагивали влажные руки – сказывалось волнение. Он вытер их платком. Закрыв глаза... Никогда ещё не приходилось играть столь высокопоставленным слушателям.

Он отодвинул немного стул и положил руки на клавиатуру. В его музыке было всё: бессонные ночи, предельные нагрузки марш-бросков в полной боевой выкладке, шипящий хлест волн в ревушем полёте катера по морю, старшина Семага, конвульсивная дрожь пулемёта в длинной очереди по мишени и горькое письмо от Ирэн из Грозного, в котором она сообщала, что выходит замуж за преподавателя Саратовской консерватории, куда поступила два года назад... Та самая Ирэн, благодаря которой он овладел фортепиано...

Евгений уронил руки на колени. Он сделал всё, что от него зависело, всё, что мог.

В зале два адмирала перешёптывались.

– Ну хорошо, – наконец повернулся к Чукалину контр-адмирал Пильщиков. – Ваш командир сказал, что вы занимались и оперным вокалом, не так ли?

– Да... – вздохнул Евгений и запел, аккомпанируя себе на рояле.

В полумраке зала бархатный бас запел знаменитые куплеты Мефистофеля. Пильщиков удовлетворённо улыбнулся. В свою очередь вице-адмирал Олейников изумлённо всматривался в Чукалина, в его мимику, в движения рук: так властно захватывало это профессиональное исполнение.

Евген допел.

– Вот что, Чукалин, – уверенно сказал Пильщиков, – вы будете участвовать в организации ансамбля песни и пляски после отбывания взыскания. Служба есть служба. Капитан-лейтенант Левин...

– Я! – Капитан-лейтенант вскочил.

– Объявите взыскание своей властью, в рамках Устава. За применение физического воздействия к старшему по званию. Чукалин, после отбытия наказания получите дополнительные инструкции по формированию личного состава ансамбля из служащих флотилии и за её пределами. Думаю, существенно помогут в этом деле Бакинская консерватория и Театр оперы и балета. На этом закончим прослушивание. Капитан-лейтенант, забирайте Чукалина.

Два адмирала пошли на выход, обсуждая принятое решение. Евген всё ещё стоял на сцене. Разум, плаваясь в нахлынувшем счастье, отчётливо отметил: такого подарка жизнь ему не подносила никогда.

Подошёл Левин, сказал, тепло улыбаясь:

– Светишься, как ночной фонарь в дивизионе. В общем, отсидишь двадцать суток на гауптвахте. В особом режиме.

– Что за особый режим, товарищ капитан-лейтенант?

– Два часа в сутки сможешь сидеть за роялем. Под конвоем. Меньше двадцати суток не имею права. А вообще – жаль мне терять такого пулемётчика!

* * *

Через три недели Чукалин шёл к консерватории, прокручивая в памяти разговор с контр-адмиралом Пильщиковым перед увольнением. Из Москвы спущено «добро» на создание ансамбля – вместе с солидным финансированием и фанфарными перспективами: концерты за пределами флотилии, гастроли в другие города, если ансамбль обретёт достойный профессиональный уровень. И многое в этом зависело от Чукалина. Уже им прослушано и отобрано в частях флотилии восемнадцать вполне достойных претендентов для хора ансамбля. Многие из них, как и он, на гражданке пели в сельских и городских кружках самодеятельности, в клубных хорах. Как особый подарок – двое «годков», выпускники консерваторий. Ещё пару десятков отыскать – и хор готов.

Так что он снова спешил в Бакинскую консерваторию. К выпускникам. Нельзя терять времени, ведь некоторых призовут уже через месяц! А потом – новые заботы: переселение отобранных претендентов в специально для ансамбля отремонтированную казарму.

А сейчас он пока радовался улицам весеннего Баку! Каждый шаг приносил наслаждение. Весенние деревья, обмётанные нежной, ещё не заматеревшей листвой, шелестели на ветру, встречные девушки с интересом заглядывались на статного, рослого матроса, чья форма давала ему определённое преимущество перед сверстниками.

Из окон строгого, монументального здания Бакинской консерватории выплёскивалось множество звуков: ревущие басы медных духовых инструментов переплетались с трелями струнных, их перекрывали распевки вокалистов. Звоняще-музыкальный хаос опажнул и ностальгически, щемяще проник в память Евгена: где вы, студенческие оперные спевки во Дворце культуры у маэстро Соколова?.. Ирэн с её нежной и капризной властью над корявыми руками «самбиста-пианиста» Чукало... Где вы, премьеры, партии Спарафучилия в «Риголетто» и Гремина в «Евгении Онегине» с симфоническим оркестром, где всё это?!

Евген переступил порог, открыв массивную дверь, шагнул внутрь. В вестибюле было прохладно, взгляду открылся просторный холл, выложенный мраморной плиткой с рядами колонн.

У дальней стены стоял стол, за которым восседал пожилой охранник-вахтёр. Чукалин направился к нему.

– Здравствуйте, уважаемый, – вполголоса, сдерживая рокот баса, поздоровался он. – Подскажите, где найти вокалистов.

– В актовом зале занимаются, там сейчас сольфеджио.

Прищурившись, с интересом спросил (матрос в консерватории – фигура необычная):

– А тебе зачем вокалисты, служивый? Решил в певцы записаться?

– Я туда давно записан, дедуля, может, кое-кого и здесь перепою.

– Ишь ты, – усмехнулся вслед вахтёр, оценил флотский гонор. – Прыткий! Однако и моряк же ныне пошёл! Вот перепоёшь Магомаева, тогда поговорим.

В актовом зале на сцене какой-то студент готовился к распевке с педагогом Сафаровым. По шёпоту вокруг, в котором отчётливо слышалось одно слово «Муслим, Муслим...», Евгений догадался, что это и есть тот самый Магомаев, который здесь среди всех особо выделялся своим уникальным голосом.

Акомпаниатор за роялем взял аккорд, и Магомаев начал репетицию: бархатистый захватывающий баритон пронизал полутьму зала. Распевка была почти такой, что и в оперном у Соколова, до боли знакомые сочетания: до-ми-соль-до-соль-ми-до; следующий аккорд акомпаниатора и – ре-соль-си-ре-си-соль-ре!

Из зала, врезавшись в секундную тишину меж распевками, повинувшись заданному аккорду, вдруг выметнулся и наложился унисоном на магомаевский баритон сталистый, приглушённый бас следующего в распеве, повышенном на ноту:

– Ми-сольдиез-си-ми-си-сольдиез-ми!

Сафаров вздрогнул, повернул голову к голосу. Магомаев подался вперёд, всматриваясь в полутьму зала. Увидел неожиданного дублёра-нахала в матросской форме. Акомпаниатор тоже увидел Евгения. Усмехнулся и, взяв следующий аккорд распевки, кивнул Магомаеву: «Продолжаем!» Полётный баритон будущего прославленного солиста вся страны взмыл над сценой, принимая вокальный вызов:

– Фа-ля-до-фа-до-ля-фа-а-а!

Акомпаниатор, улыбаясь во весь рот, дал аккорд явно для Чукалина. Чукалин встал. Мощно, коротко, всей диафрагмой сделал вдох, взревел Мефистофелем:

– Соль-си-ре-соль-ре-си-соль!

Услышав происходящее в зале, убыстряя шаг, стали торопливо стекаться студенты, но входили на цыпочках, прижимались к стене.

Распевка и пассажи сольфеджио длились ещё минут двадцать. Концертмейстер, он же педагог по вокалу, закончив урок, спустился в зал вместе с Магомаевым. Всмотрелся в строй любопытных у стены, попросил:

– Господа студиозы, вокальная дуэль закончена, попрошу на выход.

Студенты выходили в коридор, но кучковались у входа: не так часто консерватория баловала подобными сюрпризами. Дождавшись ухода последнего любопытного, Сафаров спросил Чукалина:

– Чем обязаны морскому визиту, коллега?

– Прошу прощения за непрошеное вторжение, товарищ Сафаров, – виновато извинился Чукалин.

– Простим, что ли, соперника? – спросил Магомаева концертмейстер.

Муслим холодно усмехнулся:

– Бас баритону не соперник.

– Кто ставил такой калёный голос? – спросил Сафаров. – Музучилище, консерватория? Для кружка самодеятельности вы слишком большая роскошь.

– Оперная студия Соколова в Грозном.

– Витька Соколов из Грозного?! Мать честная! Вместе Гнесинку заканчивали, и вот на тебе... его ученик пытается на лопатки моего уложить! Как он там? Что нового сотворил? Помню, лет пять назад он в Махачкалу своего «Риголетто» с симфоническим оркестром привозил, настоящий фурор там устроил... А мы концерт в филармонии давали...

– «Евгения Онегина» два года назад премьеру сыграли. А в Махачкале, в «Риголетто», я Спарфучилия пел, – чувствуя, как стискивает горло ностальгический восторг, выдавил Чукалин.

– До чего тесен мир! А здесь... здесь-то почему в моряках?

– После вуза призвали, два года отслужил на торпедных катерах.

– На Баилово? Каспийская флотилия?

– Она самая. А я у вас по приказу нашего контр-адмирала. Он договорился с ректором консерватории о моём визите. Хочу вот поговорить обстоятельно со студентами.

– О чём?

– Товарищ Сафаров, позвольте пока не вдаваться в детали... всё ещё в зародыше, боюсь сглазить.

– Надеюсь, когда зародыш оперится, меня с ним познакомите?

– Не просто познакомлю. Колено преклоню в просьбе о содействии.

– Даже так. Ну-ну, желаю успеха. Муслим, сегодня второе занятие в двадцать ноль-ноль. Здесь же.

– Я помню, Гейдар Юсуфович.

Сафаров вышел.

- Давай знакомиться, – протянул руку Магомаеву Чукалин. – Евгений.
- Муслим, – пожал её Магомаев.

Оценивая неожиданного пришельца, смотрел вприщур, спокойно и настороженно: не укладывалось произошедшее в обычные консерваторские будни, где его статус был выше всех сокурсников. Это скрытое отторжение опажнуло Евгения холодком. И подсказало решение: здесь надо взламывать ситуацию – сразу и желательно наверняка.

– Муслим, я всё понимаю: явился незнакомый мореман, втёрся нагло в распевку и строит из себя солиста. На твоём месте я бы отшил такого сразу и без разговоров.

- Пока подождём, – сказал всё так же холодно Муслим.

– Тебе можно подождать, а у меня через час встреча в оперном с Евграфом Рыжовым, главным балетмейстером театра. Поэтому я сразу, как говорят в России, быка за рога. У вас здесь стипендия, я узнавал, тридцать четыре рубля. Как ты смотришь на дополнительные сто двадцать рублей в месяц, работу солистом на самых престижных площадках Азербайджана и затем России и концерт в Москве, в Кремлёвском Дворце? Всё это без отрыва от учёбы, с разрешения ректора консерватории.

- Ты такие сказки всем рассказываешь или по выбору?

- По выбору. Ты – первый в этом выборе.

- Ни черта не понимаю. Конкретней можно?

– Нужно. Я уполномочен заместителем командующего флотилией контр-адмиралом Пильщикова формировать состав ансамбля песни и пляски. Состав – хор с солистами, танцевальная труппа в сопровождении инструментального ансамбля. Требуются солисты-вокалисты, танцовщики, дирижёр-хоровик. Создание нового ансамбля в армии финансирует Москва. Помещение выделено, там заканчивается ремонт.

– Та-ак. Это уже не сказки, – глаза Магомаева разгорались тёмным угольным блеском. – Хотя... престижные площадки для концертов, гастроли и Кремлевская сцена – это с какого бодуна?

- Из нашего с тобой.

- То есть?

– До юбилея – 20-летия со Дня Победы – полтора года. В Москве на 9 Мая намечен фестиваль военных ансамблей. Я уже отобрал во флотилии восемнадцать кандидатов. Уровень приличных хористов. А сможем ли мы в итоге сколотить ансамбль и войти в пятёрку лучших для Московского фестиваля – зависит во многом от нас с тобой.

- Я уже в твоей упряжке?

– Это решать тебе. Кара-Караев, композитор, друг нашего контр-адмирала Пильщикова. Его сын Фархад помогает подбирать музыкантов в оркестровую группу. И они обговорили с ректором все льготы и особый режим для солистов и выпускников консерватории, которые впрягутся в формирование ансамбля. Я тебя сейчас слушал. Ты – из них лучший.

- Ты же других не слышал.

– Я слушал у Соколова очень многих: Дель Монако, Карузо, Пласидо Доминго. Я слушал распевку и сольфеджио. У тебя природно-итальянское бельканто. И отличный педагог Сафаров. Ансамбль может стать трамплином для карьеры лучшего баритона Советского Союза Муслима Магомаева.

– Не тянешь ты на доблестного советского матроса. Скорее, здесь гибрид из подхалима и дипломата, – улыбнулся Магомаев, и в его глазах растаял холодок, они засветились дружелюбным интересом. – Так что от меня требуется?

– Подбор солистов и хористов из ваших выпускников. Некоторым после окончания идти в армию. В ансамбле уже два таких, кстати, Лёша Хрусталёв – пианист, ваш выпускник. Рома Будовнич – после Ташкентской консерватории. Так почему бы остальным бакинцам-вокалистам не отслужить призыв в нашем ансамбле? Или стать там вольнонаёмными солистами?

- Логично. Ты, говоришь, уже отобрал восемнадцать? Кого?

– Там в основном басы и баритоны. И жёсткий теноровый дефицит. Ещё одно: необходим хоровик-дирижёр. Такого пока нет.

– Замётано, учту. Насчёт хоровика... Наш выпускник Олег Фельзер перебивается на вторых ролях, на подхвате в филармонии.

- Тогда в чём дело? У нас он будет первым с окладом в двести.

- Сегодня же встречусь и переговорю.

Магомаев повернул голову к выходу – там собралось уже около десятка студентов: взволнованно вслушивались в разговор.

Муслим спросил, улыбаясь во весь рот:

- Массовка, вопросы к солистам есть?
- Муслим, а можно подробнее об ансамбле?
- Евгений, а тем, кого зачислят, на флотское питание можно рассчитывать?
- Муслим, нам Фархад Караев уже рассказал про ансамбль...

Евгений поднял руку:

– Товарищи лабухи! Все подробности узнаете у Муслима и Фархада. А сейчас убедительная просьба: найдёте десять минут для меня?

– Найдём и даже больше, товарищ моряк, – сказала стоящая рядом студентка. – Я – Анна, класс фортепиано, второй курс. Вы что-то хотите спеть?

Евген всмотрелся – её милое лицо светилось неподдельным интересом и добротой.

– Я хочу сыграть! Прошу как профессионалов оценить один опус.

Чукалин поднялся на сцену, сел за рояль. Сосредоточился. Отлетало всё остальное: дивизион, приход в консерваторию, дуэт, соперничество с Магомаевым, прекрасная Анна. Он заиграл. Горячие пальцы нашли в клавишах раскалённый, трепещущий «Сонатёныш». В гулкий, резонансный зал, в полутёмное пространство выплёскивалось что-то необычно новое. Гармония выбивалась из классических канонов неожиданными диссонансами и авангардом.

Необычная мелодия, бурлящая морем и матросской жизнью, встряхивала, пробуждала острое любопытство, кто автор?!

Евген взял последний аккорд и снял руки с клавиатуры. Зал взорвался аплодисментами, в которые врывались попытки отгадать автора:

- Сильная вещь. Свиридов?
- Шнитке?
- Шнитке слабоват для этой мелодийности – скорее, Гаврилин!
- Гибрид из Шнитке с Шостаковичем! Нотами поделишься?

Чукалин сошёл со сцены к студентам, ответил:

– К сожалению, никто не угадал. Это мой опус под рабочим названием «Сонатёныш». Запишу – поделюсь с желающими. За оценки – поклон. В ваших отгадках даже бочком приткнуться к Свиридову с Шостаковичем – небывалая честь. Спасибо! Сейчас мне пора, опаздываю на встречу в оперном театре.

Ускоряясь, пошёл к выходу из зала, не переставая пожимать руки. Позади, протискиваясь между сокурсниками, за ним торопилась Анна.

На улице окликнула его:

– Евгений!

Чукалин обернулся. Лёгкие духи пахнули на моряка абсолютно иной, не дивизионной жизнью, лицо девушки светилось острым любопытством и интересом.

– Вы меня ошарашили. Вам необходимо профессионально заняться композицией. Мне кажется, у вас большое будущее.

– Даже так?! Ну, Аннушка, получить такую оценку от профессионала – об этом и не мечталось. Спасибо, давно жизнь не подбрасывала мне такие сюрпризы. Может, пройдемся? Если вам по пути.

– С удовольствием.

Они пошли вдоль ограды.

– Вам в оперный театр?

– Да. Может, оставим выканье?

– Слушаюсь, товарищ моряк. Только давай пойдём через парк. Он как раз по дороге.

– Сахил?

– Да, – она улыбнулась. – Мой любимый. Хоть и маленький, но уютный и очень красивый. Как сейчас помню, как мы с мамой и братом гуляли там в детстве.

– Ты не очень похожа на азербайджанку.

– А я не местная, – Анна поправила прядь волос. – Мои родители в своё время поменяли квартиру на Баку и переехали сюда из Киева. А почему – я не знаю. Они никогда не рассказывали об этом.

– Если не рассказывали, значит, и не надо. Зато спишь спокойней. Когда посчитают нужным – обязательно расскажут.

– Наверное, ты прав, – она посмотрела Евгению в глаза. – Знаешь, с тобой так легко и просто. Не так часто встречаешь настоящих мужчин... особенно в нашей среде.

Они зашли в парк. Маленький и уютный, всё так, как описывала Анна. Деревья за десятилетия вытянулись ввысь и вширь, награждая землю солидной тенью. Несколько бодрых фонтанчиков выбрасывали струйки чистой, прохладной воды. Поодаль немолодая женщина в старомодной фиолетовой шляпке выгуливала шпица.

Анна любовно оглядела здесь, казалось, каждое дерево по-отдельности:

– Вот мы и пришли. Может, посидим на скамейке?

– Только несколько минут. У меня полчаса до встречи с Рыжовым в театре.

– У тебя есть девушка?

Евген дрогнул. Ответил коротко, уминая в себе тоску, норовившую выплеснуться с голосом:

– Была.

– Почему была? И кто она? Та самая, которая научила тебя играть?

– Реалистка. Вычислила, что преподаватель консерватории как муж выгодней матроса Каспийской флотилии...

Анна взяла его под руку, виновато покачалась:

– Ну, прости. Я бессовестная любопытная клуша, сую нос, куда не следует.

– Ничего, проехали, – устало сказал Евген. – Извини, мне пора на встречу с Рыжовым, терпеть не могу опаздывать.

– Да-да, помню.

– Ну... до встречи?

– Считаешь, она нужна? – тепло, с затаённой надеждой спросила Анна.

– Считаю, необходима.

– Странно. У меня такое же ощущение. В следующий раз, когда будешь в городе, позвони. Вот визитка папы и наш домашний телефон. Куда-нибудь сходим.

Они расстались, чувствуя, что между ними произошло нечто важное, которое надо бы сохранить и беречь.

* * *

Вечером в кубрике Евген лежал в своей койке, прокручивая в голове прошедший день: адмирал Пильщиков... сумасшедшая радость от предстоящего события – ансамбль! Приход в консерваторию... встреча и разговор с Магомаевым... затем Анна.

– Евген, спишь? – донёсся до него полушёпот Рената-торпедиста. Два года они служили бок о бок на одном катере.

– Нет ещё. Чего тебе?

– Болтали об флотильских учениях. Годовые, итоговые. Как думаешь, правда?

– Пока на уровне ОБС – одна баба сказала. Но что-то в этом есть.

– У меня паршивое предчувствие, что это шарахнет. Как будто в последний бой пойдём. Сна ни в одном глазу.

– Напридумывал всякой всячины... – усмехнулся Евген. – Наши с тобой враги в этом бою – мишень для пулемёта и деревянный макет эсминца для твоей торпеды. Их и будем побеждать. Спи!

* * *

Спустя три часа спящие в кубрике матросы услышали звон боевой тревоги. Дневальный по казарме заорал: «Подъём!» Матросы спрыгивали с кроватей. Через минуту с небольшим дивизион торпедников выстроился во дворе на плацу.

Через пятнадцать минут Каспийская флотилия отчаливала от берега в море. Крейсера, торпедные и ракетные катера, авианосец – полчище морской силы покидало порт среди ночи. Флотское учение с боевыми стрельбами длилось до трёх утра. После чего капитанам кораблей поступила команда возвращаться.

* * *

Евген сидел в своей БЧ-2: металлокруге с турельным вращающимся пулемётом. Ренат, торпедист, съёжился в сиденье БЧ-1 в конце торпедного аппарата. Возвращались после учений на базу. Отстрелялись на «хорошо». Тела сковывала усталость, сон валил головы, смыкал свинцово-тяжёлые веки.

С чёрно-серого неба моросил дождь, нос катера разрубал волны, заметно нарастившие после полуночи свою мощь и крутизну, приближаясь к штормовым пяти баллам. Дождь совсем не полетнему мочил форму и заползал стужей под тельняшки. Силуэт командира катера Левина маячил в капитанской рубке.

Всматриваясь в хаотично поднимающиеся бугры воды, Чукалин прокручивал в памяти только что состоявшееся: пулемётная стрельба по мишеням, оценка «хорошо», вполне приравненная к «отлично», и пуск торпеды Ренатом с оценкой «удовлетворительно» – с учётом серьёзного волнения на море.

– Чукалин, Эльмурзаев, замёрзли? – окликнул капитан из рубки.

– Терпимо, товарищ капитан-лейтенант, – сцепив зубы, отозвался Чукалин.

– Терпимость – вещь полезная при необходимости. Необходимость отпала. Разрешаю спуститься в машинное отделение.

– Есть... Спасибо, – в унисон отозвались Чукалин с Ренатом.

Евген, держась за леер, направился к корме катера. За ним двинулся Ренат. Палуба под ногами взмывала и опадала, переваливалась с боку на бок: шторм набрал силу. Катер, взбираясь на пологие бугры волн, двигался вперёд на малом ходу, не превышающем 20 узлов в час, сзади за кормой вспухали пенистые буруны от винтов.

Балансируя на полусогнутых ногах, Евген подошёл к крышке люка машинного отделения: он был не задраен вопреки Уставу, и в палубе светилась полукруглая щель. Евген потянул люк за ручку на себя. В лицо пахнуло жаром и рёвом раскалённого двигателя. Опёрся о палубу руками, бросил ноги в круглую, гремящую железным рокотом дыру, сноровисто нащупывая подошвами железные ступени трапа. За ним нырнул Ренат. Они спустились в полутёмную тесноту машинного отделения, блаженно ощущая задубевшими лицами долгожданное тепло.

– Смирна-а! Р-равнение налево! – громыхнул Чукалин.

Машинист Денис и его помощник Артём, сидевшие с закрытыми глазами, привалившись спинами к борту, дёрнулись. Денис недовольно рыкнул:

– Тьфу, твою дивизию! Чего орёшь?

– А ничего, что у вас люк расхлебачен? На учениях как положено? Задраить! Раздолбай!

– Евген, не возникай... – примирительно отозвался Денис. – Стрельбы закончились, жарища давит, люк не задраили, чтобы она в щель хоть чуть выветривалась.

– Ничего, потерпим, жар костей не ломит, – сказал Чукалин. – Ренат, задрай люк как положено.

– Слушай, Чукало, какого хрена ты у меня в БЧ-3 командуешь? – вскинулся Денис. – Твоя громыхалка на палубе, там командуй!

– Евген, – вздохнул Ренат, – в натуре, пусть ещё минут десять проветрится, потом...

Он не успел договорить.

* * *

Командир катера 649 капитан-лейтенант Левин, доложив в штаб по радиации свои координаты, напряжённо всматривался во мглу бушующего моря. Он вдруг увидел: перед самым носом катера внезапно появилась толстая, торчком стоящая дубина бревна, как воткнувшаяся в небесную мглу. Дубина накренилась на гребне чёрного вала и обрушилась на катерный нос. Левин рванул штурвал влево и с тоскливым ужасом ощутил необратимую конвульсию своего корабля, стремительно сваливающегося на бок. Бревно ползло вдоль борта, обдирая о заостренную дюраль лохмотья коры, заваливая катер. Водяной вал, несущий ствол кругляка, навалился, ударил в борт упругой мощью и перевернул судёнышко.

Левина утаскивал в глубину ледяной смерч, в голове истаивала последняя, пропитанная смертной тоской мысль: «Конец!»

В уши моряков машинного отделения толкнулся снаружи мощный ударный звук. Катер содрогнулся, натолкнувшись на что-то массивное. Задирая нос, стал заваливаться на бок. Днище с припаян-

ным к нему двигателем задиралось вверх. Четверо моряков, обдирая бока, руки и лица о дюралевые рангоуты, рухнули на потолок, ставший полом. В распахнувшийся люк рванул снизу столб ледяной воды. Она накрыла четырёх матросов, с жадным, хищным хлюпом заняла треть полутёмного пространства машинного отделения. И остановилась, спрессовав над собой воздушную подушку. В неё вынырнули из воды со стоном и воплями, очумело озираясь, три мокрые фигуры.

Слитный дизельный грохот прервали свистящие хлопки, затем рваные паузы. Стальную махину встряхнуло, рокот свисающего с потолка двигателя оборвался. Воздушную пробку вокруг него обволокла тишина.

– Все живы, мужики? – сплюнув солёную воду, спросил Чукалин, всмотрелся, сосчитал: – Ренат... Денис... Артём... ты где, Артём?! Артёма нет!

Он нырнул в солёную, ледяную стын, двинулся вперёд, обшаривая руками пространство. У торцевой стены отделения ладони наткнулись на вялую, неподвижную плоть. Ухватил задубелую жёсткую робу на теле двумя руками, дёрнул её вверх, встал на ноги. Голова Артёма с закрытыми глазами склонилась к плечу, на виске сочилась сукровицей надорванная кожа.

– Артём... земля... ты чего?! – потрясённо выкрикнул Денис, рванул к напарнику по службе. – Артём, браток, оживай! – тряс сослуживца за плечи механик.

– Тихо! Отставить истерику, – сквозь зубы выцедил Евгений. Всмотрелся в дюралевую переборку с двумя пустыми креплениями для рундука с запчастями, понял:

– Рундук сорвало с креплений. Ему на голову.

Обхватил недвижимого Артёма сзади под мышки, стал сдавливать и отпускать его грудную клетку:

– Ну, давай, братишка... Дыши... дыши... не сдавайся...

Массаж длился несколько минут, но Артём не приходил в сознание.

– Это что было... На что напоролись... Командир где? Что будем делать?! – бросал рваные фразы Ренат, панически обшаривая взглядом плещущий ледяной аквариум.

– Для начала не бабиться! – властно, сосредоточенно отрубил Евгений.

– Конец нам! – потрясённо застонал Ренат. – Не зря с утра почуял: в последний бой идём.

– Сказал, не бабиться! – рявкнул Чукалин. – В штабе учение на контроле, доклады от командиров кораблей в штормовых условиях каждые пятнадцать минут, плюс засветка на экране локатора. Доклада от нашего катера нет. Это уже зафиксировали.

– Евгений, что с командиром? Может, выплыл... держится на днище? – выцедил сквозь зубы, стискивая дрожащие челюсти, Денис.

– Придержи Артёма, – приказал Чукалин. Жёсткая сила исходила от него, принуждая к беспрекословному повиновению.

Денис подгрёб к Евгению, перенял вялое тело помощника, прислонил его к переборке. Чукалин вновь погрузился в воду, ухватил ощупью квадратный рундук с запчастями и инструментом, сорванный с переборки. Выдернул его наверх. Напрягаясь от свинцовой тяжести, задвинул в пазы крепления, откинул крышку. Набор инструментов был цел. Евгений взял гаечный ключ, несколько раз стукнул в металл. Железные лязги толкались в ушные перепонки, оглушая в замкнутом пространстве.

Провальная тишина была ответом.

– Нет нашего командира, мужики. Не отзывается, не выплыл, – сказал подавленно Чукалин. Оглядел серые, мокрые лица выживших. На них напал тоскливый растерянный ужас. Становилось труднее дышать: три пары лёгких гоняли воздух в железной замкнутой коробке, гоняли в авральном, паническом режиме, насыщая отравленной углекислотой. Четвёртая пара – Артёма – едва работала, он был в коме.

* * *

Младший лейтенант Жильцов вместе с другими офицерами сидел перед экраном радара на командном пункте в штабе флотилии.

Он всматривался в экран радиолокации и периодически тёр глаза, начавшие воспаляться от бессонной ночи.

Распределившись во флотилию всего несколько месяцев назад, он ещё не обрёл нужной уверенности. Одно дело – заниматься в военном училище, где за твоей спиной преподаватели и на экранах

всего лишь имитация, а другое – настоящая служба в условиях флотского учения, приближенного к боевому.

Фосфоресцирующий экран устойчиво отражал зелёные точки кораблей, возвращающихся с учений. Их было двадцать. Точки едва заметно сползались к единому центру – гавани порта. За каждой из них скрывался реальный боевой корабль, начинённый сокрушительными ракетами, торпедами, минами. Жильцов мысленно представлял себя капитаном какого-нибудь эсминца, ставил задачи штурману или оператору ракет. Минуты текли неторопливо и успокаивающе. Всё шло по графику, без отклонений.

Из-за спины на его плечо легла тяжёлая рука начштаба. Жильцов развернулся, встал, отрапортовал:

– Товарищ капитан первого ранга, во время моего дежурства происшествий не случилось, корабли возвращаются заданным курсом к порту. Старший оператор лейтенант Жильцов.

– Хорошо, Жильцов. Первые твои учения?

– Так точно.

– Поздравляю. Есть какие-нибудь вопросы?

– Никак нет.

– Задачу помните? Принимать доклады от кораблей каждые пятнадцать минут: заданный курс, время прибытия и состояние хода.

– Так точно. Последняя связь состоялась... тринадцать минут назад.

– Продолжайте дежурство, лейтенант.

Капитан первого ранга отошёл. Жильцов глянул на часы, в душе ворохнулась тревога: с последней связи время прошмыгнуло незаметно. Жильцов надел наушники, отдал команду вполголоса:

– Внимание кораблям. Говорит база. Выйти всем на связь.

После чего стал принимать доклады.

– Татарстан 495, на связи. Корабль следует курсу в квадрате 48.95.8. Без происшествий. До прибытия сорок минут.

– Альфатер 865, на связи. Корабль следует курсу в квадрате 47.95.4. Без происшествий. До прибытия сорок пять минут.

– Бакинец 687, на связи. Корабль следует курсу в квадрате 48.93.6. Без происшествий. До прибытия пятьдесят минут...

Жильцов отмечал на листе отметившиеся корабли.

После девятнадцатого он пересмотрел список. Пересчитал ещё раз, чувствуя, как толкнулась в голову тревога:

– Так... Почему девятнадцать?.. Когда их стало девятнадцать? Твою дивизию, где двадцатка – катер 649?!

Нажал кнопку на селекторе, доложил звенящим от тревоги голосом:

– Товарищ капитан первого ранга, дежурный оператор лейтенант Жильцов. Докладываю: не поступил сигнал от одного из кораблей – торпедный катер 649.

– Что-о? В прошлой переключке он отметился?

– В прошлой... полчаса назад – так точно, доложил параметры, как все остальные...

– Прошлая должна быть пятнадцать минут назад, а не полчаса! – взревел начштаба. – В бирюльки или в куклы играем на боевом дежурстве, Жильцов?!

Нажал синюю кнопку на селекторе, включил громкую связь:

– Антоненко!

– Капитан третьего ранга Антоненко на связи! – тотчас отозвался командир лётного подразделения.

– Сергей Иванович, поднимай грузовой вертолёт с водолазами, – приказал начштаба. – Исчез со связи торпедный катер 649. Ориентировочный квадрат поисков 48.95.8.

* * *

Три тела, колыхавшиеся в замкнутой железной клетке по пояс в ледяной воде, приближались к последней жизненной черте. Четвёртое тело – Артёма – эту черту уже перешло. Трое, прижавшись спинами к остывающему двигателю, уже не чувствовали ниже пояса ни костей, ни мышц. На

известково-белых лицах двоих – Дениса и Рената – застыл тоскливый ужас, учащённое дыхание гоняло разреженный отравленный воздух из последних сил: сердца и лёгкие задыхались без кислорода.

Ренат закрыл лицо руками. Плечи затряслись в тяжком, надрывном плаче.

– Евген, – выхрипнул Денис, – ещё п-п-полчаса, и м-м-мы трупы. Я... пробиваю... дыру в днище... б-б-больше не могу.

– Через дыру воздушная подушка, которая держит катер, выйдет за минуты ... – тускло предостерёг Чукалин.

– Ч-чёрт с ней... с п-п-подушкой... Я сейчас сдохну!

Глаза Дениса стекленели в наползающем безумии, он двинулся к ящику с запчастями.

– Стоя-а-ать!.. – выдохнул Чукалин. Мозг пронизала спасительная мысль, порождённая «дырой». Он уцепил Дениса за робу, прижал спиной к двигателю.

– Дыра, говоришь?.. Ай, молодец... Гений... Дыра – это хорошо!

Он похлопывал Дениса по щекам, повторяя: «Ну ты – гений!»

Глаза Дениса становились осмыслённой. Усмехнувшись, Чукалин стал приказывать жёстко и нетерпеливо, вбивая приказы гвоздями в мозг Рената:

– В движке маслопроводные шланги! Разных диаметров! От каждого отрежь по полметра! Продуй от масла!

– Зачем? – обессиленно спросил Денис.

– Дыра должна быть нам полезной! Выполнять! Держи нож! – уклончиво ответил Евген.

В тусклом свете плафона, врезанного в переборку, вынул из рундучка с запчастями нож и передал Денису. Сам вновь вернулся к рундучку и достал из него два круглых зубила с закалёнными зубцами. Нетерпеливо перебирал их, наблюдая за работой Дениса, замедленно-вялой, из последних сил. Не дождавшись завершения его работы, он нетерпеливо выдернул из руки Дениса три отрезка шлангов и сам продул их от масла. Сравнил с диаметрами зубил и, найдя подходящий, сходного размера, вернул его Денису:

– Держи наготове.

Взял выбранное круглое зубило, молоток, приставил к днищу над головой и ударил по зубилу молотком. Он остервенело бил и бил в железном грохоте, пока зубчатая округлость не продырявила дюраль. С лёгким свистом в отверстие рванул воздух, вода в катере на глазах, по сантиметру стала подниматься, затопляя плафон на переборке, сочившийся мертвенно-синим, слабеющим светом.

– Дай сюда! – рыкнул Евген, выхватил из руки Дениса шланг, выдернул из дыры зубило и втиснул в неё конец шланга. Отметил про себя с неистовой радостью: им сказочно повезло – прорезиненный шланг вошёл в округлость туго, намертво закупорив отверстие.

Чукалин зажал конец шланга пальцем, потрясённо, задыхаясь, выстонал:

– Ай да Женька... ай да сук-кин сын!

Плафон, истощив аккумуляторный запас, погас. Их всех охватила кромешная тьма. Но в руках у Евгена уже был волшебный эликсир, исцеляющий, продлевающий жизни, – доступ к свежему воздуху. Он уцепил шланг губами, вдохнул и задохнулся, закашлялся от хлынувшей в лёгкие озоновой, прохладной свежести, стал дышать. Через минуту выдернул шланг из губ, зажав пальцем конец, нащупал руку Рената, вложил в неё шланг; тот судорожно, из последних сил хватал воздух; сказал:

– Дыши! Минуту, не больше! Потом Денис...

* * *

На пирсе дежуривший грузовой вертолёт запускал двигатели. Четыре огромные лопасти лениво раскручивались, но всё быстрее и быстрее, пока не слились в единый круг. Первый пилот, получив разрешение на взлёт, оторвал машину от земли и взмыл в зыбкую, сумрачную мглу, взяв курс на встречу возвращающимся кораблям.

Через несколько минут вертолёт висел над заданным квадратом 48.95.8. Воткнув в море слепящий столб прожектора, пилоты напряжённо всматривались во взбаламученную стихию под собой, искляксанную белыми бурунами. Дождь заливал стёкла кабины, щётки, их очищавшие, металась по стеклу на предельном режиме.

– Видишь что-нибудь?

– Нет, а ты?

- Как в воду канул катер.
- Да уж, этого нам только не хватало.
- Давай по линии его курса.

Вертолёт медленно поплыл по курсу катера, высвечивая прожектором бесконечный танец волн. Пилоты напрягали глаза, пытаясь разглядеть очертания малого судна. Сидевшие в вертолёте четверо водолазов тоже не отрывались от иллюминаторов. В сознание всех невольно вползало чувство, что всё тщетно, напрасно, но пилоты ещё и ещё раз проходили весь маршрут.

Наконец первый пилот сказал:

– Ладно, давай докладывать. Всё, ничего не отыщем. Каспий, стервец, разбушевался по полной. Похоже, «шестьсот сорок девятому» Царство Небесное. Если так, то дальше уже не наша работа, а подводников.

– Похоже на то, – первый взял рацию, поднёс микрофон ко рту, но был остановлен окликом второго пилота:

– Стой! А ну давай влево на 20 градусов. Смотри, что там?

Они оба увидели нечто красное среди громоздких валов, увенчанных пенистыми гребнями. Вертолёт развернулся и пролетел с десятков метров вперёд. Спустя минуту луч прожектора накрыл отливашающее красным днище катера.

Пилот схватил вновь рацию:

– Внимание, база! Видим днище «шестьсот сорок девятого». Перевернут, держится на плаву, скорей всего, за счёт воздушной подушки. Приступаем к высадке водолазов!

Вертолёт завис в трёх метрах над морем, шипящие валы почти касались его днища. Второй пилот распахнул дверь кабины, крикнул водолазам, перекрывая рёв двигателя:

– Мужики, теперь ваша работа! Цепляйте тросы к катеру.

Водолазы, нацепив маски, по очереди вывалились в море через распахнутую дверь.

С вертолёта, извиваясь гибкими удавами, опустили четыре троса с крюками. Водяные валы заглатывали их в себя, растаскивали в разные стороны. Когда водолазам удалось поймать все концы, они, держась за тросы, сплылись к красному днищу катера и увидели ещё не виданную и необъяснимую реальность: из днища торчал конец резинового шланга. Когда, кто, зачем?! На отгадки не было времени, и водолазы стали подныривать к утопленной ватерлинии и цеплять металлические крюки за массивные проушины вдоль неё: виват, честь и хвала прозорливому разуму конструктора, предусмотревшему подобные ситуации.

Крюки держались в проушинах у всех; четверо вцепились за тросы мёртвой хваткой, упершись ногами в днище, а старший, зафиксировав конец общей адской работы, трижды мигнул фонарём пилоту вертолёта, крикнул осипшим голосом:

– Майна!

* * *

Моряки слышали снаружи глухое звяканье металла о борт катера. Оно было настолько нереальным в кромешной утробе ледяной мглы, что трое содрогнулись, простреленные звуковым током.

Звяканье прервалось, катер вдруг выровнялся и пополз вверх. Водяной пресс, давивший их тела, сползал вниз к бывшей палубе. Катер на тросах, оторвавшись от крутых валов, завис над ними. Из распахнутого люка буйным водопадом хлынула вода.

Трое в ледяном бункере, освобождённые из мучительного плена, бессильно рухнули навзничь, не чуя под собой ног. Увидели в распахнутый люк, как вздыбленное море, полосуемое прожекторным светом, проваливается в бездну. Потом оно качнулось, накренилось и сдвинулось, а катер, ускоряясь, поплыл над Каспием.

Трое матросов, обнявшись, втягивали в себя воздух и не могли им надышаться. Чукалин цедил сквозь сцепленные зубы, едва ворочая заledenевшим языком:

– Всё... всё, братва... Командиру с Артёмом Царство Небесное, а мы живы... дышим. Скоро порт...

– Евгений, а правду говорят, что тебя от нас забирают – и куда?... – заикаясь, сдавленно просипел Ренат.

– В другое измерение, – отозвался Евгений. – Туда, где гармония, клавиши и Аннушка с Муслимом.

Проза

Сергей Козлов



Член Союза писателей России, главный редактор журнала «Сибирское богатство». Публиковался в журналах: «Роман-газета», «Наши современники», «Нева» и др. Лауреат многих литературных премий, в т. ч. Международного фестиваля «Золотой Витязь» и литературной премии Святителя Филофея. Номинант Патриаршей литературной премии 2025 года. Большинство книг имеют гриф Издательского Совета Русской Православной Церкви.

Был депутатом Тюменской областной Думы V созыва. Почётный работник общего образования РФ. Почётный работник культуры Тюменской области. Член Союза журналистов России.

По повести «Мальчик без шпаги» снят художественный фильм «Наследники» (2008), по мотивам романа «Вид из окна» снят художественный телефильм «Жених по объявлению» (2011), сценарий написан совместно с Дмитрием Мизгулиным и московскими драматургами. По книге «Романовы: преданность и предательство» Первый канал в 2024 году снимает сериал. Проза переводилась на азербайджанский, сербский, греческий и болгарский языки. Автор сценариев нескольких документальных фильмов. Сопредседатель общества русской культуры Тюменской области.

ИНОГДА ЧУДЕСА НЕ СЛУЧАЮТСЯ

Рассказ

— Мы сделали всё, что могли... но... чуда не произошло...

Евгения слушала доктора и не слышала. Лечащий врач понимал это, поэтому подбирал свои дежурные слова из уже существовавшего у него набора, и его нельзя было обвинить в профессиональном цинизме, потому что за его спиной в палатах у него были десятки ещё живых пациентов, которым он должен был помогать. По сути, сейчас он уже тратил своё время на Евгению впустую. И она тоже это понимала. Надо было повернуться и уйти в жаркий, буйный июль. Сегодня обещали грозу с проливным дождём... Жизнь вроде как продолжалась.

Все эти дни она ждала этой фразы, но делала вид, что надеялась. Может, всё это из-за недостатка веры? «Что вы так боязливы, маловерные?» — этого она у Апостола Матфея не читала, потому как вообще Евангелие не читала. Заглядывала иногда, но текст казался ей каким-то отстранённым, совсем не близким. «Ты должна открыть своё сердце, тогда Бог откроет твои глаза», — говорил ей священник, к которому она пришла, когда всё уже стало совсем плохо. Гром грянул...

Гром грянул, Евгения вздрогнула. Врач посмотрел в окно.

— Я могу вам ещё чем-то помочь? — вспомнил он ещё одну служебную фразу.

— Нет, спасибо... — глухо ответила женщина, кивнула, повернулась и двинулась по больничному коридору к выходу, где за порогом бурлила беззаботная, безоглядная жизнь, в которой все, если и не верят, что будут жить вечно, то почему-то уверены, что всё страшное случается с кем-то, только не с ними.

Гром грянул ещё раз. Прелый, душный июль не мог найти в себе силы выдавить из случайной тучи несколько капель влаги. «Сухая гроза», подумала Евгения, и, словно в ответ на эту мысль, в туче образовалось окно, сквозь которое пробился луч солнечного света.

— Господи, ну так открой мне глаза, у Виталия они уже закрылись, — сказала она этому лучу. Но потом подумала и добавила: — Или наоборот — открылись?

Надо было идти в контору ритуальных услуг, но отвратительное даже по своему фонетическому звучанию словосочетание вызывало у Евгении приступ тошноты, чуть ли не брезгливость, хотя

она прекрасно понимала, что конторы такие нужны, а, чтобы зарабатывать на этом пусть даже и большие деньги, необходимо иметь какое-то абстрактное мужество. Или, может, всё же толику сострадания?

— Это всё абсолютно неважно, — остановила вслух свои мысли женщина.

В небе ещё раз раскатисто гроыхнуло, но она даже не вздрогнула, а дождь так и не начался. Только пронёсся через больничный парк порыв невесть откуда взявшегося прохладного ветра, качнув ветви деревьев на восток, и на какое-то время стало легче дышать. Словно чья-то душа метнулась в открывшееся окно в небе.

Виталий любил такие моменты и пытался тут же отразить их карандашом на любом клочке бумаги, который мог оказаться под рукой.

— Это же чудо! — пояснял он улыбающейся за плечом Жене. — Если сумеешь такое передать — считай, что ты гениальный художник.

Но гениальным Виталия считала только Евгения. Ну, может, ещё несколько человек. В нынешние времена художнику сложно раскрыться и открыть себя людям по двум простым причинам: во-первых, денежные смыслы заполнили всё и особенно отданную им же на откуп культуру, во-вторых, общий интерес народа к искусству без государственной подпитки просел до уровня американского, где, по большому счёту, искусство в массе своей деградировало. Нет, талантливые и гениальные люди там были, но труд их терялся в общей массе попсовой халтуры. Думать-то никто не хотел, а уж вникать глубоко — тем более. Впрочем, так нынче жилось и писателям, и поэтам, и музыкантам... На гребне волны удержались лишь те, кто взлетел туда ещё во времена Советского Союза. А в девяностые этот гребень заполонила грязная пена.

Виталий жил тем, что создавал декорации для театральных постановок, а Евгения преподавала мировую художественную культуру сразу в двух учебных заведениях. В свободное время оба пытались писать, что называется, для души. Но в такой семье всегда один жертвует собой ради таланта другого, особенно, если честно видит, что там его больше. И Евгения пожертвовала собой ради таланта Виталия.

После первой, почти подпольной выставки какой-то знаток купил одну из работ Виталия и увёз во Францию, на Лазурный берег, где он жил. Картина казалась Евгении «проходной», во всяком случае, по сравнению с другими. На ней была изображена сама Евгения в лёгком сарафане на берегу моря со спины, лицом к закату. Она даже посмела спросить у коллекционера, почему он выбрал именно это полотно, на что тот ответил:

— Загадка... вашему мужу удалось передать вечную женскую тайну. И... простите за натурализм... хочется подойти и обнять эту девушку... Именно так должно воздействовать настоящее искусство. Так я думаю.

В любом случае, после этой удачной продажи в семье был праздник. Но до следующего пришлось ждать очень долго. За десять лет они продали всего пять работ. И никак не удавалось договориться о персональной выставке в приличной галерее... Разве что в групповых, которые Виталий называл «братскими могилами». А потом ещё начались кризисы, притихли новые русские, почему-то у них прошла мода покупать предметы искусства, и жизнь стала превращаться в рутину выживания. Может, от этого Виталий неожиданно и сразу смертельно заболел.

В это время он работал над картиной, которую называл «Потерявшийся ангел». По замыслу на полотне был городской пейзаж — улица — остановленное урбанистическое мгновение, растущее, разворачивающееся из квази-точки, куда стекаются горизонт и, собственно, улица. На террасе в кафе сидят люди, каждый из которых занят едой, разговором или экраном своего гаджета. Из магазина выходят с покупками две дамы, обсуждая, вероятно, те самые покупки. В окне недалёкого в перспективе улицы дома над оживлённой улицей увлечённые мальчишки запускают над всей этой суетой маленький дрон-квадрокоптер. Виталик ещё сказал, что ему очень хочется, чтобы это были бумажные самолётики, но это будет нечестно. Из дорогой машины на переднем плане, приоткрыв дверь, выглядывает недовольный чем-то солидный мужчина. В другом авто за лобовым стеклом девушка пишет кому-то сообщение в мессенджере. Чуть смазанные фигуры людей в движении по обе стороны улицы, одна из которых испуганно шарахается от несущегося на электросамокате юноши. Доставщик продуктов на велосипеде с коробом за плечами тоже выбирает маршрут по экрану смартфона. И вот, что удалось Виталию — на полотне небо как бы есть, и как бы его нет. Дрон

мальчишек летит, летит над улицей, которая украла небо. Но украденное небо – лишь часть многих загадок, которые он спрятал отнюдь не в деталях, а в самых очевидных местах. А вот ключевой, хотя и не явной точкой был ангел, стоявший в стороне. К его ногам жался котёнок, которому только что удалось перебежать дорогу между всеми этими колёсами и ногами. Возможно, не без помощи ангела. Рядом на корточках сидит военный в камуфляжной форме, его рука потянулась погладить маленького серого котика. Военный не видит ангела. Никто не видит ангела. Ангел, по задумке, должен с тревогой смотреть туда, где должно быть небо... Но Виталий не видел лица ангела...

Он долго искал лик ангела на улицах. Он не один десяток раз давал ему новое лицо. Отчаялся, уже говорил, что образ ангела может дать только Бог. Потому подолгу смотрел на «Троицу» Андрея Рублёва. И ещё пересмотрел лики тысяч ангелов от сотен живописцев. И наверное, зря, потому что окончательно потерял что-то своё, то мимолётное, что должен поймать и оставить на рисунке художник.

– Не унывай, – шептала ему Женья.

А он задумчиво и странно отвечал:

– И не унываю, я отчаялся. Чаял, чаял – и... отчаялся.

Немного легче ему было, когда он смотрел на работы и эскизы Михаила Васильевича Нестерова. Вглядывался в его «Троицу Ветхозаветную», «Литургию Ангелов» эскизов росписи храма Александра Невского...

– Его ангелы мне ближе... Особенно этот, что встречает жён-мироносиц, – шептал он Евгении. – Или этот... что стоит над святым Георгием...

– Боишься повторить? – тихо спрашивала Женья.

Виталий вдруг посмотрел ей прямо в глаза, увидел там что-то, затем посмотрел отстранённо в окно, будто там можно было увидеть лик ангела, и ответил честно:

– У меня нет такой веры, как у Нестерова. Он внутри её, а я только рядом. В Нестерове частица Божия искрит, а во мне помалу тлеет, не раздуть. Вот и ты у меня... не веришь... ну... или около того.

– Но работа-то замечательная получается! Шедевральная! – Женья не боялась хвалить мужа, потому что к нему лесть и похвалы не прилипали.

– Ангел должен быть другой, современный... Я не могу тебе объяснить... – покусывал губы художник.

– Разве может быть ангел современным? Даже если я ничего не понимаю в религии, то речь идёт о вечности. – Евгения не знала, как ему помочь, но остро чувствовала, что он стоит где-то совсем рядом с метафизической тайной вдохновения.

– Речь не о том, как он выглядит... Это было бы слишком просто... Слишком... И весь замысел превратился бы в ширпотреб, в лубок...

– Да какой же лубок?! – защищала незавершённую работу Женья. – Вон у тебя сколько всего потаённого...

– А ну-ка, сядь у окна... – перебил её Виталий, и она послушно направилась к окну, где стоял стул. – Сядь... вон там... да... чтобы свет падал только на половину лица... ага... чуть левее...

Он торопливо набрасывал, стирал, снова набрасывал... а к утру у ангела появилось лицо Жени. Во всяком случае, так она увидела. Вздохнула и долго не выдыхала, пытаясь понять, какую тайну он спрятал или, наоборот, нашёл в её собственном лице. Но тайна не поддавалась.

– А ничего, что оно слишком женское? – осторожно, чтобы не обидеть, спросила дремавшего на диванчике мужа.

– Ничего, – ответил он, не открывая глаз, – у ангелов априори нет пола.

В обед зашёл отец Виталия и, увидев стоявшего на мольберте «Потерявшегося ангела», вдруг похвалил, разглядывая неожиданного посланца небес на городской улице:

– Молодец, Виталя, наконец-то ты хотя бы так маму увековечил...

У Евгении открылся рот, а Виталий загадочно улыбался.

Потом пришёл Стас, владелец художественного салона, где продавались и картины Виталия. На все работы он смотрел не как на искусство, а как на возможность сделки – не через обратную перспективу, а через прямую перспективу продажи, хотя в искусстве разбирался не хуже, а даже лучше музейных работников.

– Ух ты! – с ходу оценил он. – Круто! Мне кажется, или ангелица на мою Ольгу похожа?
Виталий улыбался, а Евгения ответила за него:

– Не кажется...

Последним и неожиданным ударом для Евгении, с которой, вроде как, Виталий писал лик ангела, был вояка-сосед, что приехал в отпуск буквально с фронта. Он забежал за сигаретами, но у новой работы замер, долго разглядывая сначала воина, что хотел погладить котёнка:

– О, с меня рисовал?! Ангел-то как раз на Алёнку мою похож...

Алёнка была пятилетней дочерью сержанта-контрактника...

На следующее утро Виталия увезли в больницу. Стас, пока Евгения металась между домом, аптеками, медицинскими светилами и знахарями, настойчиво попросил, а потом увёз «Потерявшегося ангела» в свой салон. Виталий не возражал. Да и не до этого ему было. Жить ему оставалось пару месяцев. И, похоже, он об этом знал... Угасал и просил Женю не тратить баснословные суммы на настоящие и сомнительные лекарства.

И вот теперь денег не было... Особенно на то, чтобы посетить контору ритуальных услуг. Отец Виталия отдаст последнее... Друзья соберут... Тот же Стас. По какому-то наитию Евгения шла именно в салон к Стасу, а тот встретил её буквально на пороге. Он уже всё знал, приобнял на пороге, выпалил дежурные соболезнования, но чувствовалось, что его внутри обжигает что-то совсем другое.

– Представляешь, сегодня утром «Потерявшегося ангела» купили. За огромную сумму! Тебе денег не только на похороны, тебе ещё вперёд на несколько лет хватит!

– Не успела... – горько выдохнула Женя.

– Что не успела? – свёл на лбу брови Стас.

– Я не хотела продавать ангела...

– Н-но... ты же ничего не сказала... – Владелец салона выглядел мало сказать растерянным, он и сам потерялся.

– Не до того было, сам понимаешь... – Евгения заглядывала за его плечо, будто там можно было увидеть того самого ангела. – Отыграть обратно можно?

– Как ты себе это представляешь? – ещё больше изумился Стас. – Если бы ты знала, о какой сумме идёт речь...

– Да хоть о какой! – решительно выдохнула Евгения, и Стас только беспомощно развёл руки в стороны.

– М-мм... ну я попробую позвонить... только потому, что вы с Виталиком мои друзья... но это такая подстава, Женя... – Он достал из внутреннего кармана мобильный, скользил по экрану пальцем, отыскивая нужную строчку и причитал: – Ты не представляешь, сколько покупателей вокруг него бродило! Я цену каждый день в геометрической прогрессии поднимал... Понимаешь, в лице ангела каждый видел что-то своё! Один мужик хотел даже в суд подать! Ты не представляешь...

– Представляю... А ты не представляешь, с кого он рисовал лик ангела...

– Да тут к бабке не ходи – с тебя! – ответил вдруг чётко Стас. В искусстве он всё же разбирался. – Другое дело, что у него из этого получилось. Вот номер... Я звоню? – ещё раз попытался он проверить намерение Жени.

– Звони...

Стас ткнул пальцем в экран, прижал его к уху, повернулся в сторону, словно при этом Евгения не будет слышать его разговора. А ей было всё равно, о чём он будет говорить и как он будет умолять покупателя. Слышала только отрывки...

– Женя – это Жена... мастер сегодня утром умер... да... она бы хотела расторгнуть сделку, если это возможно... память о муже... да... мы приедем.

Нажав «отбой», Стас уже обливался потом, как будто в одиночку разгрузил вагон.

– Поехали, он ждёт, – он пикнул кнопкой на пульте сигнализации своей машины.

– Поехали, – решительно подтвердила Евгения.

Покупатель – седой мужчина лет пятидесяти – встретил их в шикарном президентском номере лучшего отеля города. Внимательно посмотрел на Евгению ещё на пороге номера, словно пытался узнать старую знакомую.

– Вашему мужу удалось создать шедевр, – начал было он.

– Я знаю, – холодно ответила Женя. – Он гений, которого никто не признавал.

– Почему же? – обиделся покупатель. – Я сразу признал. Ему удалось создать образ женщины, которую я искал всю свою жизнь. Правда, в первый раз это было со спины... Та его работа висит у меня дома, но эту я хотел подарить в одну престижную галерею...

– Простите, – осенило Евгению, – так это вы купили «Девушку на берегу» десять лет назад?..

– Так точно, – дружелюбно улыбнулся мужчина. – Если дело в деньгах, я готов добавить ещё столько же...

После этих слов Стас окончательно вспотел, а после слов Евгении окончательно сник.

– Вы же понимаете, дело не в деньгах, – ответила она.

– Понимаю, – уважительно склонил голову покупатель. – Картина в гостиной. – И показал рукой. «Потерявшийся ангел» стоял в огромной гостиной номера на мольберте. Издали картина была похожа на портал в замерший на мгновение город.

Евгения подошла ближе и вздрогнула так, что двое мужчин бросились её поддержать. С полотна глазами ангела на неё смотрел Виталий.

– Как? – только-то и смогла сказать женщина, и по лицу её потекли слёзы. Она впервые за последние несколько месяцев смогла заплакать. Она даже не помнила, что не плакала даже тогда, когда Виталия перевели на паллиативную помощь, даже сегодня утром, когда стояла перед доктором... Она боролась, она верила в чудо, но иногда чудеса не случаются. Может, потому что вера наша даже не с горчичное зерно. Но сейчас она поверила во что-то самое важное...

– Я помогу вам всё упаковать, – тихо предложил хозяин номера.

– Я готов вам перевести ваши деньги сейчас же, – так же тихо сказал Стас.

– Не надо... – отмахнулся покупатель. – Достаточно, что я увидел это.

– Не надо... – сказала Евгения.

– Что не надо? – спросили в голос оба.

– Вы сказали, что хотели подарить эту работу в какую-то престижную галерею? – Евгения неотрывно смотрела в глаза Виталия.

– Да...

– Подарите... Он именно этого хотел...

– Н-но...

– А я бы хотела хоть раз увидеть, как выглядит женщина, которую вы всю жизнь искали, – улыбнулась Евгения, уже зная ответ.

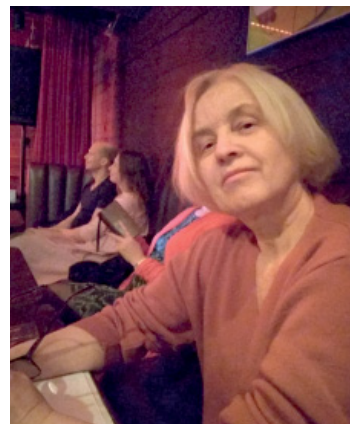
– Для этого достаточно посмотреть в глаза ангела...



Проза

Елена Канеева

Елена Канеева – родилась в 1956 году в Калининграде. Получила высшее техническое образование по специальности судостроение, судоремонт. Публиковалась в журналах: «Берега», «Мурр+», «Балтика», «Балтийские зори» и др., на сайтах: «stihi.ru», «proza.ru». Магистр жюри фонда ВСМ в «proza.ru». Участвует в литературном объединении «Эклога», в клубе детских писателей Калининграда. Лауреат Международного фестиваля «Всемирный день поэзии» (2017), лауреат конкурса детских писателей «Литературная карусель» (2023). Издано две книги стихов и прозы.



НОНА

Полуфантастическое повествование

В девяностые годы двадцатого века в городе К., как и повсюду в России, шла перестройка. Шла жизнь. Как и всегда, лихо. Молодая замужняя женщина наблюдала за ней. Рассматривала себя – изнутри. И снаружи – в зеркале. Сравнивала всё со всем, себя с миром, мир с собой, пытаюсь понять происходящее.

Часть первая

Глава первая

КАК ВО СНЕ

Нона стояла с малышом на краю тротуара и смотрела, как по другой стороне улицы проползала машина, спереди похожая на гусеницу, а сзади – на гибрид полотёра с велосипедом. И даже не удивлялась. Было темно, смутно, как бывает в сумерки. Машина убирала мусор и казалась огромной. Большие городские улицы чистились большими машинами, а маленькие улицы вычищались до блеска маленькими машинками. Ноне запоздало стало стыдно перед проезжающими по дорогам в изящных автомобилях иностранцами за мусор, скопившийся в Городе. Она знала, что со вчерашнего дня началась Большая Уборка. Однако, представив, как чисто будет вскоре, осознав, что это не сон, – испугалась. Как жить в суперстерильной атмосфере? Хорошо или плохо?

У неё, стоявшей с ребёнком на руках, было чувство, будто она попала не в своё время. Мимо шли люди. Некоторые держали в руках телефонные радиотрубки, и это казалось естественным. Но вот обилие мусороборочной техники поражало.

Она зашла домой, оставила сына маме и дальше уже помчалась. Попасть во что бы то ни стало в дом, стоящий особняком на улице Зелёной, снаружи похожий на обычную ночлежку-муравейник! Пробегая по улице Кирова, Нона заметила в одном из окон невысокого, старого, ещё немецкой постройки дома от руки написанную табличку, криво прислонённую к стеклу с внутренней стороны. Крупно выведенные буквы сообщали: «Лечу от смерти, выходной – вторник». «Зайду завтра», – решила она.

Пересекла мощённую булыжником улицу и в том же лихорадочном темпе направилась дворами к дому на улице Зелёной, раздумывая на ходу о том, что этой улице меньше всего подходило название «Зелёная», хотя улица походила на село, приклеенное к Городу. Где вытоптаны пустыри, переулочки заасфальтированы, только вместо хат и утопающих в зелени садов настроены большие коробчатые дома. Тем не менее, когда она попадала в этот район, ей всегда казалось, что в нём живут другие люди и льют другие дожди. Дом номер 68...

Глава вторая

ПРО ДОМ

Слегка поплутав в поисках входа, Нона вошла в многолюдный холл, где её встретила объёмистая дама с обаятельной, как бы приклеенной к лицу улыбкой.

– Светлана Аркадьевна, – очаровывая предупредительностью, представилась дама.

Отовсюду доносилось негромкое, но раздражающее нервы хлопанье прозрачных, стеклянных с виду дверей. Возникало ощущение, что сновавшим вокруг людям ни до кого не было дела.

– Нона Петровна, – сделавшись суровой (сразу почему-то представлялась толстая охранница концлагеря в ненавистной нацистской форме, трещавшей по швам), сказала Светлана Аркадьевна, – только не подымайтесь на двенадцатый этаж в комнату номер тридцать шесть.

Люди сразу показались чужими и страшными. Назначение здания, где Нона хотела найти работу, становилось непонятным.

Нона направилась к лифту, вошла в него и, пропустив какую-то женщину на шестой этаж, поднялась, конечно же, на двенадцатый. Осторожно пошла по коридору, разветвлявшемуся на обе стороны, добралась до откуда-то знакомой ей комнаты номер 36.

«Что ли Зомби? – подумала она о себе. – С разлаженной программой? Откуда я знаю этот коридор?»

Дверь ей открыл ссохшийся, скорее, сгорбавшийся человек.

– Вячеслав Иванович! Здравствуйте! Как вы переменялись! – она говорила, чувствуя, как обычно, лёгкую смешливость и желание побереечь собеседника.

– Здравствуй, – чужим голосом произнёс он. – Мне надо посоветоваться, – он вынул из кармана и поднёс к губам микрофон, с которым, похоже, не расставался никогда.

«Что происходит здесь? – подумала Нона. – Вячеслав Иванович стал похож на статского фискала».

– Помните, как вы мне давали инструкции в этом кабинете?

– Многое изменилось с тех пор, и я над собой не властен. Как и ты тогда. Я постарел, мне произвели перенастройку сознания. И надо же было себя прокормить!

Проблеск сознания пропал, и человечек стал говорить в микрофон. Нона насторожилась.

– Я же предупреждала! – завизжал откуда-то голос Светланы Аркадьевны.

«Да, не надо было сюда приходить», – подумала Нона. Зато вспомнилось почти всё...

Независимых структур в Городе осталось мало. Как бы поскорее отсюда сбежать, чтобы сознание не затемнили снова... Она рванулась к окну. Там были пластиковые решётки-жалюзи. Изящные и прочные.

– Ты отсюда не выберешься, – равнодушно сказал Вячеслав Иванович.

Тогда Нона сделала глубокий вдох, внутренне напряглась и, почувствовав, что давление на психику уменьшилось, образуя проход – не ловушка бы, – она бросилась к двери, которую заметила, выходя из лифта. Стала спускаться по узкой лестнице, слыша топот со всех сторон. Даже со стороны крыши.

Изо всех сил надо быть уверенной в себе, не думать, информационно закрыться, чтобы не нашли – поняла она. Внешне спокойно добралась до чёрного входа, где мусоропровод оканчивался контейнером и, едва не ползком, выбралась на улицу.

Между уборочными машинами и этим домом существовала явная связь.

Сев на трамвай, согнувшись под тяжестью безысходных, обрушившихся на неё воспоминаний и ответственности, Нона поехала к маме и Малышу.

Глава третья

РАБОТА

«Умы людей открыты друг другу, – рассуждала она. – Как их спасти от машин, стерилизующих память, закамуфлированных под мусороуборочную технику? И от прививок, делающих людей восприимчивыми к введению новых поведенческих установок? “Караул, в Городе дифтерит...”» Насколько она одинока в Городе? Как ей удалось столь быстро восстановиться?

Заинтересовавшая её табличка в доме на улице Кирова оказалась приманкой доморощенного мануального терапевта, утверждавшего, что, возрождая в людях стремление выжить любой ценой, он тем самым их лечит.

Дома сын бросился к ней, стал лепетать. Она поцеловала Малыша, села за стол. Нахлынувший было ужас стих. Чем я буду завтра кормить семью? – грустно подумала Нона.

Телевизор показывал обычные ковбойские боевики, дочь читала книжку. Деревья за окном шелестели листвою. Они подчинялись естественному ходу событий, лишь приспосабливаясь к новым условиям.

Наутро пришёл брат, обрадованно сообщил, что нашёл ей работу, считая, что отпуск по уходу за ребёнком, длящийся второй год, в нынешних условиях слишком большая роскошь для Ноны. Еле живая от переживаний и старости мать вздохнула, представив, как тяжело ей придётся с Малышом.

Фирма, куда Нона пришла на другой день, называлась «Логос». Это частное предприятие занималось ремонтом и строительством помещений. Нону взяли на работу агентом по снабжению. «Кем угодно, лишь бы платили, – думала она. – Не встрять бы в какую историю...»

На следующее утро, помахивая дипломатом, Нона пересекла Красную, Офицерскую и Коммунальную улицы. Воздух был ещё свеж, не прогрет солнцем, как будто осень уже задумалась о своём. Выбирая каждый день новый маршрут, не сложно было ощущать себя первооткрывателем будущего. Или консервным ножом, подрывающим тонкую жёсть пространства. Озон космоса может оказаться губительным для нежных ростков пытающейся осознать самоё себя души, а может породить неизвестные ранее мутации с неизвестно какими последствиями. Чувствуя инородную социальную среду космосом, Нона обдумывала причины, заставляющие людей познавать новое.

Практически сразу её послали за строительным лесом в Большаково. За мёртвыми деревьями.

Глава четвёртая

ТОЛИК

Дома похожи на корабли, застывшие на дне океана. Выныривая с его глубин, взглядывая в небо, следя за полётом ласточек из колодца двора, как арестант в картине Ярошенко, Толик вообще-то думал о своём. Он направлялся к своей автомашине, к ЗИЛу, следом за снабженкой, похожей в своей красной юбке на пожарный автомобиль. Она молчала два часа по дороге в Большаково. А потом заговорила:

– Гаишников что-то много на дорогах. Наверное, бандитов ловят. А вот, посмотрите, какое удобное место для нападения: поворот, здесь вы снижаете скорость, по краям дороги деревья, дорога извилистая. Что вы будете делать, если я выну из дипломата револьвер и скажу: «Везите груз в другую сторону!»

– Повезу, куда скажете, – серьёзно ответил Толик.

– Так просто?

– А что мне остаётся делать?

– Надо же, как просто! Да вы не берите в голову, я иногда смотрю телевизор, – Нона почувствовала, что Толик всё же внутренне напрягся. – А вы?

– Смотрю.

– А вы видели, как в телепередаче «Городок» показывали таксиста, запугавшего пассажира так, что тот отдал ему все свои деньги и сбежал? Это была такая телешутка. А вы много зарабатываете?

– Да нет, немного, двести тысяч¹.

– Это ужасно. Мужчинам нынче тяжело. Мне кажется, я вас, как тот таксист, запугиваю. Вы на кого-нибудь в жизни обижались?

На широком Толином лице появилась добродушная улыбка.

– На жену.

– И всё?! А за что?

– Ворчит много.

– Денег мало?

– Мало.

– Подрабатываете?

– Бывает, калымлю.

– А если бы много платили, бросили бы калымить?

¹ Средняя заработная плата в России в июле 1995 года составляла 499,5 тысячи рублей.

- Нет, не бросил бы.
- А жена кем работает?
- Учительница. Детей двое.

Разговор сник. Обратная дорога была молчаливой и менее скорой. Восемь с половиной тонн деревьев за спиной подпрыгивали на ухабах. Поздно придя домой, Нона поделилась накопившимися переживаниями с дочкой. Та сдержанно посоветовала ей обратиться к психиатру. Проработав три дня на новой работе, Нона сделала скоропалительный вывод о том, что основная деятельность фирмы – разработка психотронного генератора. Это пострашнее прививок и временного забвения. «Логос».

Не в монастырь же уходить.

Часть вторая

Глава первая

О ЕРУНДЕ

Работу агента по снабжению в фирме «Логос» пришлось оставить. Маленькая, несвоевременно выплачиваемая зарплата, неудобный график работы не устраивали Нону. Она решила пребывать в отпуске по уходу за ребёнком столько, сколько разрешало законодательство – три года, без всяких подработок.

Занятия же «ерундой», как мама называла изыскания Ноны относительно смысла жизни и тайны происхождения человека, – она не прекратила. В ней крутились разные соображения и фантазии. Иронизируя, она попыталась кое-что записать так, чтобы не скучно было читать:

«Плодовитая Муха обожралась. Стала складывать обструкции и неосведомлённо издёргивать несущее. Обнажая хребет оснований. Ей было, по её скромным меркам, тысячелетий пять, и она не могла знать, что за чем последует, если приклеить жвачку не на том месте, на котором следует. Расхаживая где вздумается, попутно она вызвала к жизни целые тучи странников, которые не знали, куда им бежать. А по следам – чего же! Будучи всегда неуверенными, в отличие от мухи, которая – раз решив, шла до конца кучи, они с удовольствием шлёпали за ней. Но вдруг её следы кончились. Она попросту взлетела! А попробовали бы вы взлететь, не имея хотя бы малюсенького реактива падений! Они увязли в хаосе. Зато узнали, что если есть хоть какой-нибудь материал для исследований и преобразований – то жить можно! Надо только научиться очень быстро изменять содержание в соответствии с космическим коэффициентом неопределённости. Вот почему Мухины жвачные обструкции им были кстати. Они стали наращивать последовательности. Из склада же. На хребет. Решив обосноваться в Муховой реальности, они потихонечку проявлялись сообразно действительности и друг другу. Хотя друзей, как таковых, среди них не было. У каждого было своё тайносмыслие. Конечно же, неповторимое. Однако не было Мухиной плодovitости. Принцип размножения был другой.

Получив, наконец, долгожданного Идола, войдя в него и оживив, странники опостоянились, подготовив новую стартовую площадку для новых возможностей и приманку для проголодавшейся Мухи...»

Так в её вполне человеческой здоровой головке образы и абстрактные схемы менялись местами, веселили и отвлекали. Нона, не любившая рутины, однако как-то же существовавшая до сих пор и мечтавшая, о чём давно отмечали её сверстницы, начала раздумывать над подросшей идеей живых вещей.

Глава вторая

ЗНАНИЕ – СИЛА

Трёхлетний отпуск по уходу за ребёнком окончился. Прошёл ещё год. За это время произошло многое. Умерла мама. Подросла старшая дочь Ноны, проблем прибавилось. Привычка самой отвечать за благополучие своей семьи не позволила Ноне оставаться в домохозяйках. Посещая работу, практически изжившую себя, но пока устраивавшую её хотя бы возможностью самостоятельно оплачивать квартиру и печатать на допотопной машинке, Ноне казалось, что она расходует себя впустую.

Нона не любила жестокости, как и рутины, с которыми, однако, была вынуждена соприкасаться, принимая в них ежедневное участие. Жизнь предполагала определённые взаимоотношения. Кто их

не соблюдал, выпадал из системы. В Городе строго соблюдался Принцип. Распыляться насовсем – не хотелось. Жить по-настоящему, в полный рост – но как?!

– Интересно, напишу я сегодня, о чём вчера, в беседе с Рэем, подумалось? – неожиданно для себя произнесла она вслух. Уселась за пишущую машинку и стала быстро отстукивать:

«Если бы я раньше поняла, что с человеком, с любимым, нужно разговаривать, учитывая возможности его восприятия! Рэй, конечно, трусоват. Но не виноват. Женщины избаловали. Да и чакры у него, видимо, недоразвиты. Полагаться на такого в высшей степени глупо. В любом случае использовать его в своих интересах, расспрашивая о том, о чём он не хочет думать, – жестоко».

Она продолжала печатать:

«Рэй, Рэй... Какой он? Не Брэдбери, но всё же...

Итак. Зачем человеку дом? Земная атмосфера обеспечивает температуру, необходимую для существования. Слишком узкий диапазон температур сократит видовое разнообразие животных и растений. Я уже начинаю понимать, что непосредственным образом участвую в создании природных условий. А Рэй – он при том, что отвечает за тепло в производственном и административном зданиях и как-то спровоцировал мой изыск. Я задала ему вопрос: “Зачем нам дом?” Он не ответил. Хмыкнул и пошёл по своим делам.

А зачем нам дом? – Чтобы спрятаться от чужих глаз. Тогда почему бы не научиться быть невидимыми? А чтобы защититься от дождя, холода, ветра, надо мгновенно создавать защитную оболочку вокруг нужного места или превращаться в существо, которому нравится вода, холод и ветер. Может быть, это по усилиям адекватно переходу в другое время или пространство? Создать переключатель времени? Наука не работает в этих направлениях, она занимается превращением вещей, а не человека, живого.

Очень быстрая изменчивость – как постоянное свойство – превратит нас, людей, в цыган, не привязанных к объекту нахождения. Выход разума из тела пока преждевременен? Или это происходит при умирании... Повышенная смертность неизбежна при убыстрении темпов жизни. Об этом предупреждал Михаил. Если будем быстрее проживать свою жизнь, то раньше наступит смертность. Вот тебе и дом.

Косное вещество не размножается. Только старится. Создавать вещи надо из других материалов?! Из живых! Строить суперприроду. Зачем происходит усиленное перемещение косного вещества человеком? Человек над собой не властен? Считаюсь самостоятельным, он обманывается, выполняя необходимый для круговорота веществ процесс? Сам являясь частичкой творящего материала, он – своего рода косность?

Знание само по себе ещё не сила. Знает – каждый. Только он “не знает” этого. Осуществление самого себя – это уже, по сути – знание. Сила – в умении применить знание. Но для выработки этого умения надо научиться сопоставлять. Сомневаться и быть уверенным. Любить и быть спокойным. И всё же...»

Нона прекратила печатать. Если бы слова были съедобны! Они, как и деньги, сами по себе ничего не значат. Их надо преподнести! А истинное богатство – это мы сами и то, что нас окружает, благодаря чему мы можем дышать, пить, есть. Сам воздух, земля, листочки, веточки, зверьки. Нет, рано ещё разум высвободить. Иначе начнётся такое движение, что умнее чёрной дыры последствий не выдумать! Вот дождик колотится, как сумасшедший, об асфальт и крыши. Куда, на какой обед выйдешь?

Глава третья

ДЛЯ ПЕЧАЛИ

– Нонка, опять зашкаливаешь телефонную станцию? – забежал к ней в кабинет бухгалтер Игорь.
– Пусть бегут неуклюже Игорёшки по лужам, – пропела Нона.
– Позвонил в десять часов какой-то дурачок, – Игорь сплюнул с досады: «Ваш телефон 20-20-20?» И телефон отключился, представляешь?

– Ксерни про бегемотиков, ладно? – Нона протянула Игорю пять листочков написанной ею позавчера детской сказки.

– Потом!

Игорь вынесся из кабинета.

«Опять “Враги сожгли родную хату”», – подумала Нона.

Перед тем как в стране совершается очередной катаклизм, телефонная станция перестает работать. «Не перевелись ещё в стране умные люди, бунтуют, – с грустью подумала она. – Придётся, однако, плыть на улицу, заодно свечи зажигания на погрузчик приобрести. Господи, на что уходит жизнь?»

В голову лезли выводящие из себя и иссушающие выводы: на верёвочке, друг за дружкой, разобранные по сорту и росту, как грибы на просушке, мы поступаем в очередное мероприятие. Лучше бы на ловлю снов...

«Как не стало мамы, никому-то я не нужна...» Нона вполне понимала, что это не так, насколько ей нужны люди, настолько она им нужна. Но люди любят вещи, заботу. Как и она. А мамы любят без всего, просто так. Природа любит и лупит. Дождём. Сей, жни, жми, Нонка, пока твои косточки ещё похрустывают. Учиться хочется!

На глаза попала газета, быстро прочитав заголовок «Заявление для печали», Нона улыбнулась. Конечно же, «...для печати». Но всё чаще при беглом взгляде на текст она непроизвольно переставляет буквы. Спешит с выводами. Скорость восприятия снижается, что ли? Как позавчера сказала сестра: «Что ж, мы такие же, как и они. Наши предки. Ничего нового не получится». Нона тогда добавила: «Нервные клетки отмирают...» – «Да», – засмеялась сестра. Её необыкновенная сестра. Беспокоится за семейную жизнь, считая семью Ноны конфликтоопасной.

Если подумать, то Нонин муж Михаил, похоже, живёт в другом мире, как ни странно – веке в 17-м, а Нона, впадши в детство, – опережает своё время. Настоящее ускользает. В этом промежутке растут ни в чём не повинные дети. Про маму раздумывать не хотелось, это тоже – как для большой печали.

Глава четвёртая

ОБЕД

Недавно к Ноне на работу заходил друг Серёга, чтобы напечатать предисловие к «Необыкновенному роману». В предисловии звучала интересная мысль: «Детство начинается потом. Гораздо позже, когда становишься взрослым». Как это понять? Нона задала вопрос знакомому барду, тот объяснил: «Сразу не можешь осознать прелесть пройденного, должно выработаться самосознание».

«Видимо, у меня ещё не выработалось, – думала Нона, – необычного в жизни много. Жажда действий порой не осознана. Но умение управлять своим темпоритмом позволяет научиться радоваться любому осуществлению. Кстати, надо рассказать это детям. Чтобы они научились управлять своим темпоритмом. Как? Я же могу на всю жизнь заморочить им головы. Придётся плюнуть-таки на дождь и мчаться на обед. Хочется дома в полном одиночестве обдумать всё это».

Придя домой, Нона быстро записала, ещё не зная, к какому рассказу или игре это приведёт, слова: большие прыжки, маленькие прыжочки, равномерные перемещения, вращения.

Наоборот – музыка?

«Да, Малышу в детский сад надо докупить канцелярские товары; детям обещала написать и подарить сказки. Может, это и есть моя главная работа – писанина? В городской пещоре. Где убеуры, посудомой и огнедышащий Михаил? Представляет ли он, что для меня значит? Даже в сочетании с непомерной капризностью и непонятным соперничеством? Капусту надо солить. А вдруг пропадёт? Капуста может пропасть как в сыром виде, так и в квашеном». Нона не обольщалась.

Время! На работе любят точность, а обед иссяк.

Глава пятая

КАПУСТА

– Изменяю настройку, изменяю темпоритм, – заурчала Нона, придя домой после работы. – Срочно квашу капусту, квашу с удовольствием, квашу с дубовым листом. Куплю пластиковый мешок для капусты. Малыш любит капусту, Михаил любит капусту, все любим капусту.

«К завтраму созрею», – решила Нона, подплывая к ключам от подвала, но внезапно сделав бросок к гитаре. Усевшись за магнитофон, она записала несколько четверостиший и песню, не дававшую

ей покоя с полгода. И переключилась на свои «заметки», памятуя о том, что скоро дочка придёт из школы, Михаил с работы, а за Малышом надо зайти в детский сад до 19 часов.

Изо дня в день Нона собирала свои заметки. Больше ей нечего было собирать. Как их объединить? Не один раз она пыталась выдумать лирического героя, но каждая попытка выливалась в отдельный этюд.

Более всего на свете в последнее время её занимало реальное чудо обыденности. Законные просторы, собаки, коты, встречи с людьми. Попытки увязать свои наблюдения за мыслями, возникающими в ней с последующими или предшествующими событиями, привели её к тому, что она едва не сожгла свои «претенциозные», как ей казалось, штучки. Может, сложить их так? А может, вот так? Головоломка. И Нона уходила солить капусту.

В бочке.

Часть третья

Глава первая

ЛЮБИ

Диоген в бочке. Вокруг цветочки. Диоген-то Диоген. Много всяческих ген. С давних времён люди – любви – от слова «любить», а потом буква заменилась – любят тормозить.

Останавливать действие, фиксируя его словами. «Осмысливая» действие до того, что каждая буква становится значительной. Похоже, Нона выкристаллизовывалась из этой же серии. Любой символ вызывал в ней ассоциации, как доступные, так и недоступные воображению. Сравнению безжалостно подвергалось всё. Что угодно с чем угодно. Без меры. Но ограничитель всё же был: скука.

Хотелось учиться и работать учась. Всеми доступными способами развивая человеческие способности. Кажется, этот принцип унаследовали её дети. Особенно младший сын. Который едва говорил, но уже сочинял, сидя на плечах у отца, музыку: «Бу-бу-бу, бу-бу-бу».

Вместе с детьми рисовались домашние книги-разукрашки. Нона и Михаил веселились, отдыхая душой от странной реальности, в которой приходилось жить.

Порой суета захватывала всех. Отсутствие денег давило, и банальная ругань с небанальными оскорблениями доводила до нервных истощений. «Люби» забывали, что они – зародыши звёзд, настоящих, живых, сияющих в небесах, забывали, что от них зависит самочувствие планеты. И что устраивание войн – семейных и мировых – дань дикости. Пора по назначению использовать дарованный человечеству Разум.

Когда Нона так думала, то ей представлялось, что Разум улыбается, глядя на неё. Как здорово можно было бы жить! Усиливаясь мыслями и создавая пространственные голографические представления! Телепатические собрания... Путешествуя, как ветер в пространствах времён. Ей иногда казалось, что есть на Земле люди, умеющие так жить. А она затерялась среди чужих. Спасибо, мама подхватила и спасла.

Глава вторая

МАМА

Нона взяла из своих, лежащих на старинной резной этажерке, бумаг, первую попавшуюся. Наткнулась на стихотворение:

Белые капельки белых снегов,
Снежной поэзии чудо,
Вы появились с каких ледников,
Кто вы, зачем и откуда?

Чайки под солнцем над памятью крыш,
Падая, резко взлетают.
Не удивляешься? Жаль, не летишь.
Тают снежинки, тают.

Мама удивлялась всегда и всему. И всегда спасала, хотя Нона из кожи вон лезла, чтобы проявить свою самостоятельность. Нона начинала понимать, что если она теперь – мама, то о логике говорить не приходится. А если она ещё и Нона? И обращает внимание на любой знак, приходящий к ней? Например – она выбрала несколько листочков, скреплённых между собой:

«Носорогу было скучно. В зоопарке было душно. На родине носорогов в знойном воздухе жили всевозможные насекомые, мухи. Аромат цветков, чьи названия могут сказать нечто лишь ботанику, – одурял. А тут... Носорог был эгоистом. Его окружала только его клетка и только его сногшибательный аромат огромной морской свинки. Скучно быть эгоистом.

Носороги живут, как и другие звери, животные и растения, в зоопарке Земли. Где уход за ними и переработка их самих и их отходов совершается автоматически.

Человек сам перерабатывает своё. Он сам для себя – маленькая Земля, воздух, солнце – но не Вселенная! Среди себе подобных. Эгоистов. Поэтому им скучно. Ах, как скуучно!.. Нам».

Наползающие идейки ленились выстраиваться стройными рядами, они, как струйки пара из носика кофейника, сплетались причудливыми формами, стремились воплотиться в изящную форму Нониного тела.

Глава третья

МЫСЛИ

«То, о чём думаю “я”, – формирующее многое из меня и даже других, – оно тесно связано с моей плотью. Само по себе оно существовать не может. Оторвавшись от меня, оно тает, превращаясь в силу для других “формодумов”. Когда однажды я шла по мостику бывшего “голубого ручья”, осмысливая причины и их материальные последствия, что было сложновато, то дошло следующее: будешь жить, если полюбишь этот мир. Удивительный.

Двигаешься, что-то делаешь, твои анализаторы перерабатывают информацию, рождается мысль. В школе науки детям даются не зря, дети потом поражаются обилию взаимосвязей и форм. Чуда как такового нет. Чудо – это быстрое выпрыгивание из причинно-следственных связей. Юмор – видимость такого действия... Чудо – это если плоды своих идей я облакаю в конкретные сюжеты, отделяя от первотолчка, что, собственно, в жизни и происходит.

Читая мою книгу, некто может удивиться – как интересно, чудно! Но если я описываю то, что интересно мне сейчас, так, как именно я это понимаю, – то может стать неинтересным для других. Скуучно.

Скуучно, когда описание слишком понятно для других людей, нет необходимости додумывать. Поэтому скучны учебники. Объяснение должно быть красочно и кратко.

Знать, что ты хочешь сказать и кому ты это говоришь, имея в виду его бесконечность, функции земли + воды + воздуха + солнца внутри такого же союза, как и ты сам, но желающего самостоятельного созидания. Имея в виду Человека.

Если человеку дать эту самостоятельность созидать, дать власть в полной мере, то он умрёт, ибо станет звездой, наблюдающей за тем, что происходит на ней и внутри неё. В силу закона сохранения определённого постоянства, человеку этого не дано.

И он не отслеживает своим сознанием всего – всех сигналов, проходящих сквозь него. В том числе и тех, которые улавливает и перерабатывает сам. Его назначение несколько иное, чем у других земных существ.

Когда осознаешь всё сразу, возникает Великая Немота. От невозможности, да и ненужности объяснений. Её называют ещё сиянием. Солнцем. По-человечески – любовью. Что передают настоящие произведения искусства – картины, когда их смотришь, песни, когда слушаешь, музыка, когда молчишь.

Человек, высказываясь, показывает только краешек большого пальца левой босой ноги. Говорить с человеком – это достраивать его изображение и лёгкими мазками касаться уродливых частей, зажигая в них любовь, которая потом исправит дефекты, объединит разрозненное и направит в нужное русло.

Неосознанное в человеке того же порядка, что осознание в зверях, растениях. Воздух, земля, их соотношения с другими видами материи этого же уровня – его ещё называют измерением – глубоко

сознательны. У животных эта сознательность – в виде бессознательности, памяти, а уровень осознания ограничен функциями зверя.

В человеке животная сознательность существует как инстинкт. А собственно человеческая сознательность – более высокого порядка.

Вот почему говорят – вернитесь в детство: восстановите связи!

Если думать о словах, как таковых».

Глава четвёртая

ЧУВСТВА

«Возможно, надо переводить язык чувств – сознание стихий, растений, зверья – на язык человеческий? С помощью детских картинок и того, что вокруг. И с помощью слов, порождающих в человеке ответные сигналы. Ведь человек уже бывал в схожих ситуациях. Слово – образ – реакция памяти. Говоришь слово – возникает картинка, если её не видишь, то, может, скорость осознания высока?

Опыт работы со слепыми, глухими, слепоглухими детьми говорит о том, что любые сигналы идентифицируются. Педагогам пришлось использовать тактильные ощущения и переводить всю информацию на язык пальцев, на ощущение кожных рецепторов, языка, на запаховые аналоги. Причём самые сильные чувства возникали от запахов.

Человеческий мозг способен сколько угодно ступенек перевода преодолеть. Больных людей может не быть вовсе. Ибо с такими возможностями – слепоглухонемые пишут картины, стихи – можно распознать сигналы тела, продиагностировать любое заболевание, чтобы понять, как из этого выйти и какое для этого нужно вещество или воздействие.

Лишь блок мешает этому. Какой блок? Важно понять, как окружающее взаимодействует с объектом исследований. Что влияет на возникновение блока? Арсенал природы необъятен. И действовать. Лекарство, чужая воля, сила любви, травы, главное – ощущение нужности – могут изменить обмен веществ. В будущем возможна регенерация органов. Ведь онкология – способ регенерации. А можно жить в обход изменений, мутантом, как мы в общем-то развиваемся и живём. И наши ненужные органы мешают развиваться нужным? – До поры...»

Листочки на эту тему закончились. Нона устало склонилась над пишущим агрегатом и вздохнула зевнув.

Сюжет расплывался. Носорог клевался. Человек издевался. Однако чувство реальности не покидало. Муха летала и жужжала. Ах ты, жужелица.

Глава пятая

ОПАСЕНИЯ

Что же делать? Как развернуть сюжет? Рассуждения рассуждениями, но действия-то нет. А когда Нона пыталась его создать, вновь и вновь появлялись не связанные между собой этюды, порой очень даже конкретные.

– Надо бы по существу... По сущности. По моей сущности? – говорила она себе. – Описывать особенности быта, бытия, где быт и я? Это же равносильно созданию личных хроник. Хроники – захороники – хронические – неизбежные – судьбоносные. Это перечисление дат и действий, слегка приукрашенных завлекалочками для услады воображения. Не хочется заниматься мемуарами.

Техническая сторона дела Нону не вдохновляла.

Признающая только самообразование, хотя на самостоятельное обучение времени тратилось вдесятеро больше, она была глубоко убеждена, что литературными изысками, критикой занимаются несчастные люди, не верящие в себя и вынужденные пережёвывать чужие заблуждения из-за отсутствия своих. Однако...

Однако пахло грядущими изменениями, искривлением пространства, потому что уж кто-кто, а Нона всю жизнь вслушивалась в неслышимое и всматривалась в невидимое.

Изменения, нарастающие в обволакивающем Нону социуме, были непривычны и казались ей угрожающими продолжению человеческого рода землян.

Тревожили всеобщая подозрительность наряду с иллюзией вседозволенности на фоне слабого материального обеспечения народа, насильственные внедрения выгодных спецслужбам установок в психику людей. На каком основании осуществлялась трансформация человеческой личности?

Едва компьютерная техника, грубо скопированная с захваченных землянами неопознанных летательных объектов – НЛО, внедрилась в массы, как пропаганда насилия, заменителей питания и примитивной культуры заполонила все информационные каналы, влияя в основном на подвижную детскую психику, затемняя её невообразимо.

А направленное воздействие в специальных институтах? Обработку в одном из них прошла Нона. Ей с трудом удалось восстановить почти полностью утраченный интеллект. Вячеславу Ивановичу повезло меньше. Теперь он сотрудник этого НИИ. Благо что за пределами территории НИИ влияние на людей осуществляется пока только с помощью «мусороуборщиков».

Нона чувствовала себя ответственной за жизнь людей, с которыми соприкасалась. Это зависело не от неё. Существовал какой-то материнский инстинкт, правильность которого подтверждалась не однажды.

Глава шестая

ДРУЗЬЯ

Подчинялась Нона только одному закону – закону необходимости. Когда сомнений в правильности действия не возникало, только тогда следовало применить это действие.

Интересно, какие основания были у стерилизаторов, подменяющих натуральное заменителями? Жажда власти? Вряд ли.

Существование в данном пространственно-временном континууме, моделирование разных систем для познания разных наук, само разделение целостности на части с целью познания оной – смешили Нону.

Однако жить ей было сложно, потому что не было на Земле человека, способного разделить её переживания и мысли. Так ей казалось.

Единственная отрада – книги, с авторами которых Нона дружила мысленно. Авторы давно умерли, но отголоски их жизни, их идеи сохранились.

Она была уверена, что в неявном виде сохраняется всё, что происходит и сделано. Поступки, слова, вещи, люди, микробы, а главное – атомы! И те стихии, которые образовали их. Мост в косное – космос поможет людям это понять.

В собрании сочинений Малевича Нона вычитала, что мир стабилен, находится в покое. Поэтому система существует, если она уравновешенна. Поразительны открытия, совершённые этим наблюдателем.

Познакомившись с В. Кандинским по его произведениям, столкнувшись с гением Метерлинка, создающим не только собственно литературу, но исследующим жизнь со свойственной ему восторженностью и поэзией, почувствовав доброту Уолта Уитмена, аналитику Э. Межелайтиса, чутьё Новеллы Матвеевой и сарказм Юнны Мориц, она отреагировала стихами:

Мои друзья: Уолт Уитмен, Федерико
И Межелайтис – список невеликий.
Его продлить – стихам не станет места.
Мои друзья из непростого теста,
Их не сломить ни пулями, ни болью.
Солдаты – все. И спаяны любовью.

Перечитав написанное, подумала: «Откуда в нас любопытство? Не от любви. Любопытство – это исследование любви. Это штучки Разума от наличия свободного времени».

И... сложила порождения своего «внутреннего мира» – свои записи – в старый ободранный чемодан.

Драматургия

Ольга Белова-Далина

Ольга Белова-Далина – преподаватель английского и чешского языков, поэт, переводчик. Выпускница Карлова университета в Праге по специальности английский язык и литература. Автор-составитель сборника «История искусств. Краткий курс лекций для средних школ», автор семи поэтических книг. Среди публикаций также статьи по педагогике и психологии искусства, подборки стихов, рассказы, сказки, поэтические переводы с чешского языка в литературно-художественных и научных изданиях России, Бельгии, Германии, США, Чехии, Финляндии. Переведена на чешский язык. С 2016 по 2019 год была главным редактором альманаха «Пражский Парнас» Союза русскоязычных писателей в Чехии. С 2019 года – главный редактор альманаха «Влтава», в 2022 году приостановившего свою деятельность. В 2022 году дебютировала как автор одноактной пьесы «Пожизненная рента», поставленной в «Театре одного поэта» Олега Овчарова в Праге. Победитель и призёр литературных конкурсов в номинациях «Поэзия», «Сонет» и «Поэтический перевод». Дипломант Международного литературного конкурса им. святителя Макария, митрополита Алтайского.



ЧУЖАЯ ЖИЗНЬ

Пьеса в одном действии с прологом

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

О н
О н а
Ж у р н а л и с т к а
Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х

Пролог

(перед закрытым занавесом)

Звучит музыка. О н и О н а выходят на сцену с противоположных сторон.

О н а. Иногда у меня возникает острое желание обнять тебя.

О н делает движение ей навстречу, будто бы хочет что-то сказать.

Не спрашивай *(жестом останавливает его)*, насколько острое и как часто возникает.

Подходят друг к другу.

В такие моменты представляю, что, прижавшись к твоей малонадёжной грудной – всё-таки – клетке, пытаюсь наощупь найти на твоей спине крылья. *(Повторяет движения, перечисленные в тексте. Стоят, обнявшись.)* Ты молчишь. Я чувствую тепло твоего тела. Прислушиваюсь к голосу твоего сердца: «Тук, тук...» Не забота о правильности произношения, стараюсь поддержать разговор на понятном ему языке: «Тук, тук...» – «Войдите!» – слышу в ответ. «Можно ли войти в одно и то же сердце дважды?» – спрашиваю *(смотрит ему в глаза)*. Боюсь услышать: «Да при чём тут Гераклит?! Ещё и со слов Платона. Сердце – не река. Кровь – не вода». И, не дожидаясь ответа, разжимаю ладони и выпускаю из них то, что осталось от твоих крыльев *(отталкивает его)*.

Уходят со сцены, расходясь в разные стороны. Звучит музыка.

Сцена первая

На сцене стол, за которым сидят две женщины. Одна из них с диктофоном. В противоположном углу сцены мужчина, который, сидя в кресле, наблюдает за происходящим, оставаясь незамеченным.

Ж у р н а л и с т к а. И в заключение ответьте, пожалуйста, очень коротко на несколько вопросов, затрагивающих проблему литературного творчества.

О н а. Конечно. Задавайте свои вопросы.

Ж у р н а л и с т к а. Кого вы можете назвать своими литературными учителями?

О н а. Их много. Поэтому ограничусь тем *(на мгновение задумывается)*, что повторю: их много, слишком много для короткого интервью.

Ж у р н а л и с т к а *(улыбается)*. Что ж, принимаю. А есть ли такой писатель или поэт, к творчеству которого ваше отношение изменилось с годами... ну, скажем, кардинальным образом?

О н а. Дайте подумать... Возможно, нет такого, отношение к которому не изменилось. Да-да... А если говорить о кардинальных изменениях в восприятии чьего-либо творчества, назову, пожалуй *(задумывается)*... нет, не автора... течение, направление в литературе. Имею в виду авторов русского поэтического авангарда. С ними нельзя просто встретиться, познакомиться и полюбить или не полюбить. Надо сначала... пройти мимо, потом, встретившись снова, огорчиться из-за того, что не помните ровным счётом ничего о своей первой встрече с ними, а огорчившись, в смущении ретироваться. Потом долго искать новой встречи. И если она состоится, признать их своими. Чудить с ними вместе, наслаждаясь каждой наималейшей чуть-чутью этой жизни и предчувствуя зачеловеческие сны.

Ж у р н а л и с т к а *(кивает в знак согласия)*. Что считаете неперенным условием настоящего творчества?

О н а *(произносит по слогам)*. Вос-при-им-чи-вость.

Ж у р н а л и с т к а. А что в творчестве недопустимо?

О н а. Агрессивность, пошлость, недобросовестность, любительство.

Ж у р н а л и с т к а *(кивает)*. Ага... Идеальный литературный критик, он какой?

О н а. Честный *(смеётся)*. Вы знаете, часто критики выражают свои восторги по поводу того или иного посредственного произведения только потому, что вышло оно из-под пера «скандальной штучки» или потому, что автор – человек хороший и на ушах стоять умеет. А вполне себе добротная работа может удостоиться разгромной критики лишь за то, что автор не ответил взаимностью главреду некоего «Культурного Сладководска»: отказался публиковаться, несмотря на настойчивые приглашения к взаимодействию.

Ж у р н а л и с т к а. Как всё сложно, оказывается!.. Есть ли у вас рекомендации для начинающих авторов?

О н а. Вот чем дальше, тем меньше хочется давать рекомендации. Правда-правда. Думаете, когда ребёнок учится ходить, он прислушивается к вашим рекомендациям? Нет, на практике осваивает природой данную ему, человеку, привилегию прямохождения. Из чистого любопытства к этой жизни. У каждого свой путь. Но, раз уж просите: не только начинающим или заканчивающим авторам, каким бы ремеслом вы ни владели – будьте любопытными, как дети.

Ж у р н а л и с т к а. А пожелайте что-нибудь читателям «Чужой жизни».

О н а. Пусть у них будет с в о я... И достаточно времени на чтение чего-то ещё *(смеётся)*, кроме бульварной прессы.

Ж у р н а л и с т к а *(улыбается)*. Ага, камушки в наш огород полетели.

Обе смеются.

Спасибо вам большое! Интервью будет опубликовано в июльском номере нашего журнала. До свидания.

О н а. Благодарю. Всего доброго.

О н а провожает журналистку до двери.

Сцена вторая

О н а – за столом, у компьютера. О н – по-прежнему остаётся незамеченным.

О н а (*у компьютера, читает почту*). Так, что тут? Привет, бельчонок. Странная тема для сообщения. Не иначе как в зоопарк писали. Попали ко мне. Вот так нынче ходит почта, электронная в том числе. А бельчонок у нас кто? Здравствуй, родная моя. Читаю твои стихи. Слышу твой внутренний голос. Это про мой внутренний голос? Ага. Начинаю себя чувствовать бельчком. Ей-богу, бельчком... Я своего внутреннего голоса порой не слышу в этой ежедневной какофонии, а он слышит. (*Бегает глазами по строчкам, насвистывает.*) Макс дал адрес... Спасибо, Макс! Мы с адресатом на ты. Интересно, насколько? Сильно или умеренно? Адрес не очевидный, мне не знаком. Стихи мои читает не торопясь: хочется посмаковать. Какое отвратительное слово «посмаковать». Если в тексте обнаружится «шикарно» или «кушаю», даже читать дальше не буду. Пока читаю. Посмаковавши, хочет выдержать паузу. Не иначе как родственник Станиславского. О да, пауза! Её величество пауза.

Подходит к рампе.

Актёр многозначительно смотрит на зрителя (*смотрит в зал*)... зритель – на актёра... Последний в ожидании сенсационных заявлений, крутых поворотов сюжета... Актёр (*пауза*), надеясь, что вспомнит текст прежде, чем пауза неприлично затянется. Да, и такое случается...

Возвращается к столу.

Что дальше? Вместо подписи – номер телефона. Каково сомнение! Ну хорошо, сдаюсь... И ты, конечно, здравствуй...

Встаёт из-за стола, ходит по комнате.

Сколько же мы не виделись? Пятнадцать лет? Больше? Вот так живёшь-живёшь, думы разные думаешь: про тени из прошлого, например. А потом раз – и не тени они больше – люди живые. Письма пишут. Бельчком обзывают...

Уходит, возвращается с письмом в руках.

Вот! Это письмо ты написал мне тридцать лет назад.

Читает письмо.

«Прости, что сто восемьдесят три раза написал “очень”, ты же всё равно прочитала только первое и последнее».

Бросает письмо на стол.

Он уже тогда обо мне всё знал? Нет, не угадал! Все сто восемьдесят три прочитала, хотя догадывалась, что на оборотной стороне листа написано «тебя люблю». Как давно это было... В те времена, когда надо было переворачивать лист бумаги, чтобы продолжить чтение письма... Интрига сохранялась... А сейчас – вот...

Берёт в руки мобильный телефон, заглядывает в ноутбук, записывает номер телефона, делает попытку позвонить, отказывается от неё. Ходит по комнате. Звонит.

Привет!

О н (*вставая с кресла, на котором сидел всё время от начала действия, отвечает на звонок*). Здравствуй! Только не удивляйся. Я должен тебе сказать, что очень тебя люблю.

О н а. Удивилась, но это ничего не меняет. Сто восемьдесят три раза очень?

О н. Одного не достаточно?

О н а. Вот так всегда: претендуешь на госпремию, а тебе – грамоту за активное участие в детском утреннике... Давно не виделись.

О н. А... да, конечно, и не слышались. Давно... Но я должен был тебе это сказать. И ещё... Это я во всём виноват.

О н а. Раньше ты думал иначе.

О н. Мы привыкаем к мысли о том, что кто-то виноват перед нами. Окружающие нас охотно поддерживают, но однажды начинаем понимать, что в этой чужой вине есть увесистая доля нашей собственной, и с годами она растёт.

О н а. Вот и моя вина перед тобой выросла. Я тоже должна просить у тебя прощения... Прости. Ты где сейчас?

О н. Всегда поблизости. В Бостоне. А ты по-прежнему в Праге?

О н а. Да, практически за первым же поворотом. От Бостона прямо и налево.

О н. Пересечёмся?

О н а. Запросто. Ты ко мне, я к тебе, где-то посередине?
О н. Посередине, пожалуй, не стоит. Там сыро.
О н а. А ещё там киты и акулы. И дельфины, наверное.
О н. Завтра закажу билет. Позвоню.
О н а. Или я возьму да и прилечу...

Сцена третья

(комната, похожая на номер в гостинице)

*О н ходит по комнате, из угла в угол. Смотрит на часы. Явно волнуется.
Прислушивается к звукам за дверью. Смотрит из окна. Проверяет, всё ли в порядке в комнате:
перекладывает подушки на диване, переставляет чашки на столе.
Раздаётся стук в дверь.*

О н. Открыто...

Входит О н а. Какое-то время молча смотрят друг на друга.

Я в течение многих лет представлял себе нашу встречу. Было множество вариантов. Я отвергал одни, придумывал другие, возвращался к отвергнутым. А сейчас не могу вспомнить ни одного из них. Можно, я просто обниму тебя? Ну, если у тебя нет своего сценария.

О н а *(улыбаясь)*. Ни единого. Отвечу на твои объятия. Можно? Ну, здравствуй!

О н. Здравствуй, родная...

Обнимаются.

О н а *(отстраняясь)*. Ты просил принести письма, твои письма. Вот, держи.

Протягивает стопку писем.

О н. Спасибо! Прочитаю и верну.

Кладёт письма на стол.

О н а. Не надо. Оставь их себе. Они твои.

О н. Нет. Не могу. У меня будет ощущение, что я опять тебя потерял. Ещё раз пережить этот кошмар я не смогу.

О н а. Придётся. Они мне не нужны.

О н. Ты не была жестокой.

О н а. Стала, должно быть. Выросла девочка. Насовсем выросла.

О н. Есть подозрение, что ты всё тот же капризный ребёнок.

О н а. Вот вы, взрослые, не понимаете, что вырасти не значит повзрослеть. Я, и состарившись, останусь ребёнком. Это, знаешь ли, поэтам свойственно.

О н. Ну перестань паясничать!

О н а *(оглядываясь «в поисках людей»)* императив разливают, без закуси! Вот теперь паясничая. Ещё запрети мне, пожалуйста, всё усложнять *(загибает пальцы)*, перебивать старших, есть витамин С на голодный желудок и ходить по холодному полу восхитительно босыми ногами.

О н *(улыбаясь)*. Усложнять, действительно, не стоит. Всё остальное, на твоё усмотрение...

О н а *(грозя пальчиком)*. Эээ, нет! От голодного желудка и босых ног, восхитительно босых, готова отказаться, а не усложнять – вот уж нет! Представь себе тортик без вишенки, ну той, про которую идиома. Представил? А женское бельё без кружавчиков? Тебе ведь нравятся кружавчики? Ну что ты молчишь? Раньше нравились.

Он кивает.

Вот видишь! Скучно это – не усложнять если. Проза сплошная. А жизнь... Она про поэзию... И только немножко про прозу. Жан Жак Руссо, между прочим, полагал, что причина возникновения речи в страстях человеческих, и потому-то речь начиналась с поэзии.

Молча смотрят друг на друга.

О н а. Я сильно изменилась?

О н. Нет. Загорела и выпалась... Ах, да! Тортик к чаю! Я подготовился... Вот *(показывает на накрытый стол)*... Правда, без вишенки... той, про которую эта, видимо, совершенно бесполезная сегодня идиома. Присаживайся...

О н а. Тортик без вишенки! Ты шутишь? Судя по всему, и бельё мне следовало надеть без кружавчиков.

О н (*смеётся*). Ты невыносима! Восхитительно невыносима!

Усаживается к столу.

О н а (*улыбается, присаживаясь рядом*). Невыносима... А тебе уже хочется меня вынести? Надеюсь, не вперёд ногами!

О н. Ну прекрати! Несомненно, чего-то очень хочется (*смеётся*). Пока не определился со своими желаниями, но буду рад, если совпадут с твоими.

О н а. Одно желание имеется. Чай уже разливай!

О н. Да, конечно!

Пьют чай. Пауза.

О н (*ставит чашку на стол, берёт со стола стопку писем, разглядывает*). Ты сохранила мои письма. Я очень рад... А она заставила меня выбросить твои. Представляешь? Нашла их через несколько месяцев после свадьбы. Нажаловалась своей матери. (*Пытается изобразить визгливый женский голос*.) Он хранит письма своей любовницы. Это чтобы всё опошлить и мне больнее сделать. Мы с тобой ведь тогда даже не успели стать любовниками.

О н а. Тогда не успели... Ты выбросил мои письма... Она заставила... Я должна что-то почувствовать.

Подносит к губам чашку с чаем. Не отпив, ставит её на стол.

Задумывается.

Как трудно понять, что я сейчас ощущаю! Подожди-подожди!.. Вот, пожалуй: чувствую себя, как человек, которому объявили, что много лет назад ему ампутировали часть тела, или нет – души.

О н. Ну что ты такое говоришь?

О н а. Да-да. Теперь начнутся фантомные боли в том месте, где когда-то были ампутированные письма.

Встаёт из-за стола.

Надо только определить, где это место. То ли между бретельками, где когда-то бились крылышки, то ли чуть ниже пояса, где умерли июльские бабочки, то ли гораздо выше мозга, там, где, всегда неожиданно, рождается весна и на смену ей, спустя лето, избавлением приходит осень... Как-то так.

О н. Можешь временно выключить поэта?

О н а (*снова у стола, скороговоркой, «металлическим голосом»*). Вместо него включится инженер по автоматизации и комплексной механизации химико-технологических процессов. Устроит?

О н. Давай попробуем... Я страдал. Ты навряд ли можешь себе представить, каково это – жить с нелюбимой женщиной.

О н а. О да! Даже не буду пытаться. Надеюсь, твои страдания облегчил тот факт, что к нелюбимой женщине прилагалось комфортное проживание в престижном районе столицы. Ах да, и ещё, что немаловажно, неутомительный подъём по карьерной лестнице. Надеюсь, не запыхался? (*Почти раздражённо*.) Это был твой выбор.

О н. Я не мог поступить иначе.

О н а. Почему? (*Срывается на крик*.) Мне так надо было, чтобы ты был рядом! Мне было восемнадцать!

О н. Всем нам когда-то было восемнадцать.

Встаёт из-за стола.

И все мы к пятидесяти успели набить кучу шишек.

Ходит по комнате.

О н а. Только в восемнадцать нет никакого опыта их зализывать. И дальше приходится хромать по жизни с этими самыми незализанными вовремя шишками, которые, не дождавшись должной обработки, превращаются в неизлечимые раны.

О н. Зачем ты туда пошла?!!!

О н а. Читать свои стихи. Он был известным поэтом. Членом престижного писательского союза. Ты ведь знаешь!

О н. Просто членом!!! Гнусным престарелым членом! Я убил бы его, но ты имени не сказала!!
О н а. Потому и не сказала.

Встаёт из-за стола.

О н (*пытается сдерживать себя, безуспешно*). Убил бы, и стало бы легче. Все эти годы было бы легче!..

О н а. А вы в Бостоне отмечаете Восьмое марта?

О н. Почему ты об этом спрашиваешь?

О н а. Хочу сменить тему. Так отмечаете?

О н. Кто как.

О н а. А мы отмечаем. По старинке: цветами. На этот раз муж подарил мне семь прекрасных голландских тюльпанов.

О н. Я не хочу ничего знать о твоём муже!

О н а. Это ничего не изменит. Он есть. Тюльпаны были необыкновенно хороши. Я таких никогда не видала: на длинных-длинных ножках огромные цветы, невероятно розовые, как фламинго (*поднимает руки: ладони-тюльпаны «предващаются» в крылья*). Волшебные!

О н. Смешно! Противно слушать! Ты достойна большего! Я бы подарил тебе розы!

О н а. Сколько?

О н. В каком смысле?

О н а. Сколько роз бы ты мне подарил?

О н. Какое это имеет значение? Ну, пятнадцать.

О н а. А Давид подарил мне девятнадцать на моё восемнадцатилетие.

О н. Это тот, ради которого ты предала нашу любовь?

О н а. Не предала – была в поиске. Теперь я понимаю, почему рядом со мной тогда появился Давид. Не мог не появиться. Это... про куколку и бабочку, только ещё сложнее. Когда из девочки выкукливается то, из чего потом получится женщина, беспомощное существо – ни девочка, ни женщина, или то и другое одновременно – ищет точку опоры, от которой можно оттолкнуться, чтобы состояться женщиной. Эту точку опоры ей может предложить мужчина. Давид был мужчиной, а ты оставался... кузнечиком на тонких шатких ножках, ещё и коленками назад: влюблённый мальчишка, ничего в любви не смысливший. Твоя любовь была утомительна. Извини...

О н. Я думал тогда, что умру.

О н а. Знаю. Потому вернулась. Не смогла перенести твою боль... Я чувствовала её сильнее собственной... Мы объявили себя женихом-невестой-тили-тили-тестой. А потом я читала свои стихи... И случилось то, что случилось... Тот козёл меня просто пошло изнасиловал... (*Пауза.*) И ты решил, что это удобный повод жениться на той, что заставила тебя ампутировать мои письма.

О н (*обнимает её*). Прости. Прости! Я был слишком молод и слаб. Я сам себя наказал.

О н а. Нас обоих... Кузнечик...

О н. Мне пришлось уйти с головой в карьеру, чтобы выжить. Я защитил диссертацию. Занимаюсь психотерапией. Между прочим, собираю огромные аудитории.

О н а. Поздравляю.

О н. Знаешь, люди неоправданно легко поддаются чужому влиянию. Можно манипулировать огромными группами.

О н а. Догадываюсь.

О н. Толпа внушаема, легко обучается преклонению перед авторитетами. Представь себе: короткие, простые, но ёмкие слова-приказы делают чудеса. На твоём попечении оказывается толпа, способная умереть во благо общей идеи... А попроси идею сформулировать, не справятся с задачей... Можно даже внушить абсолютную любовь.

О н а. Ты сейчас предостерегаешь меня от общения с тобой? Или предлагаешь не сопротивляться в процессе внушения абсолютной любви?

О н. Один ответ на оба вопроса: нет. Пожалуй, выражу сожаление, что не сумел внушить тебе любовь тогда. А сейчас мне уже достаточно того, что я люблю, отвечать не обязательно.

О н а. Жаль. Как раз ответить собралась. Очень хочется ответить... Громко, но невнятно.

О н (*не обращая внимания на её реплику*). А за клиентов иногда бывает страшно. И за себя. Так велико искушение воспользоваться своей властью и их беспомощностью. Просто из любопытства.

Пробить психологическую защиту, добиться снижения барьера критичности. Этот барьер психика выставляет на пути поступающей извне информации. Надо просто уметь манипулировать чужим сознанием, вмешиваясь в подсознание. Его нелегко бывает нащупать... Но возможно.

О н а. Я должна тебя пожалеть или испугаться? Или ты делишься со мной своими планами на будущее?

О н. Нет, извини. Профдеформация, должно быть... А ты... ты пользуешься услугами психотерапевта? Что ты делаешь, когда край, чтобы не соскользнуть?

О н а (*после паузы*). Пишу стихи. Живу порывами. Порвёт – пишу. Но, знаешь ли, я выносливая: надо, чтобы, как катком, переехало: с отпечатка на асфальте списываю... Поэт должен всё прочувствовать на своей, тончайшей выделке, шкурке, иначе лирический герой мутант и пришелец... А если героиня, то мутантка и пришелка, уж извините... Редко пишу. Если накатит, в смысле «переедет», или если что-то нашепчет, записываю. А оно редко так шепчет. Или я туга на ухо.

О н. По-моему, Ходасевич предлагал для достижения психотерапевтического эффекта писать стихи.

О н а. Всё гораздо проще и душевнее. Это Баратынский призывал лечиться писанием стихов. Болящий дух, говорит, врачует песнопенье...

О н. Вот как оказывается... А о чём ты пишешь?

О н а. Да все мы, вне зависимости от своего величия или ничтожества, пишем об одном и том же...

О н. Значит, о любви...

О н а. О ней тоже, но не только. Ты же читал мои стихи.

О н. Да, конечно, не только. Запомнилось мне твоё стихотворение, короткое. Про ангела. Там есть такие строки: сквозь тьму – в изголовье с улыбкою странной, во взгляде с любовью повешенный ангел... Не уверен, что понимаю, о чём ты. Что ты хотела этим сказать?

О н а. Мне «плюшевого» ангела подарили. У него петля пришита на спине, у «седьмого шейного», чтобы можно было повесить... например, у изголовья... Стало грустно... Ангелы должны летать!

О н (*скептически*). Ты веришь в ангелов?

О н а. А ты нет?.. Веришь не веришь... На самом деле, всё в этой жизни проверяется на веру и вкус... Всё-всё – лишь вопросы веры и вкуса.

О н. А где он теперь?

О н а. Кто?

О н. Ангел, разумеется.

О н а. Тебя заинтересовала судьба плюшевого ангела? Тебя, большого умного дяденьку, психолога, практически, терапевта интересует судьба моего плюшевого ангела? Не верю!

О н. Ну не тяни! Где ангел?

О н а. Плюшевый?

О н. Ага. Плю-ше-вый!!!

О н а. На шкафу сидит, разумеется. Свесив длинные ножки.

О н. А почему на шкафу-то?

О н а. Ну это же очевидно! Ждёт лётной погоды. Оттуда взлетать проще. К небу ближе.

Оба смеются. Пауза.

О н. У тебя ведь есть стихи, посвящённые мне?

О н а. Нет. Я стихов обычно не посвящаю. Но есть стихи, которые я писала, думая о тебе.

О н. Прочитай, пожалуйста, одно из них.

О н а (читает стихи).

Отцветала рябина,
ветер мял занавески,
ты стоял у окна,
я ли – веской причиной,
ты ли – доводом веским?
на обоих вина?
или оба невинны –

дважды два равновесья
и разлука одна...
свет стекал по гардинам,
были тени нерёзки,
создавала луна
без угля и сангины
на стене у окна
и на памяти фрески.

О н *(после паузы, медленно, с расстановками)*. Да-да, помню. Я тогда курил. Открыл окно, а там ветки рябины... И луна... И тени... И чувство вины... Как нелегко мне сейчас погружаться в темноту той ночи! Я сказал тебе, что мы больше не вместе... Я сделал над собой нечеловеческое усилие, чтобы сказать тебе это.

О н а *(перебивая его, читает – в сторону, отвернувшись от него)*

Ты по-прежнему думаешь, что я выжила.
Ошибаешься? Может, сам себе врешь?
Отвечаешь привычно на ложные вызовы,
а любовь умножаешь на ломаный грош.
Впрочем, ломаные честней параллельных прямых.
Тело сломлено. И ломается в нём душа –
Для неё постулаты Евклида – пятак взаимы,
Геометрия Лобачевского – хороша.
Что-то помню об отрицательной кривизне
положительных, в общем и целом, пространств...
Я – в гиперпространстве, а ты – наблюдаешь извне.
Докричаться пытаешься в тысячный раз.
И в стотысячный будет всё тот же ответ:
для тебя меня нет...

О н *(сидит в кресле, закрыв лицо руками, плечи вздрагивают, не понятно, смеётся или плачет)*.
Всё не так! Всё не так!

О н а *(подбегает к нему, становится на колени, берёт его ладони в свои, отнимает от лица)*.
Ну что ты, что ты?

О н. Нет, это неправда! Ты здесь, рядом! Все эти годы... Не извне! Это стечение обстоятельств.
Дурацкое стечение обстоятельств!

О н а. Трагическое стечение... Но потом у тебя была возможность с ней развестись.

О н. Зачем? Ты вышла замуж. Почти сразу.

О н а. Да, перед самой свадьбой ты разыскал меня. Помнишь? Стоял передо мной на коленях, как я теперь перед тобой, умолял одуматься... Но вы всё-таки развелись. Почему?

О н *(после паузы)*. Я искал тебя.

О н а. Очевидно, плохо искал *(встаёт с колен)*.

О н. Я искал тебя в других женщинах, во всех. Да-да, буквально во всех. Я... собирал тебя по частям.

О н а *(пытается шутить)*. Расчленёнка наоборот. Наши отношения приобретают характер детективной истории.

О н. Мне достаточно было твоей улыбки, чтобы вступить в отношения. А представляешь, что со мной делал твой смех в чужом исполнении? А глаза, губы, ноги?!

О н а. Боюсь нанести себе психическую травму, а тебе телесные увечья с хроническими последствиями. Можно не представлять?

О н. Можно... Тесть застукал меня за очередной попыткой прикоснуться к тебе.

О н а. Прикосновение, судя по всему, проникновенное было. Руки-ноги, кружавчики... Это я про неё. Ты ведь кружавчиков не носишь?.. Нет! *(Машет руками.)* Деталей не надо! Если можно...

Пауза.

А потом, когда мы оба были свободны, почему мы не смогли быть вместе?

О н. Я пытался. Ты не можешь не помнить... Звонил тебе... Ты опять была замужем. Глупо получилось. Твой муж объяснил мне, что я пытаюсь запрыгнуть в чужой поезд и, во избежание травм, мне лучше остаться на платформе. Ты постоянно была за кем-то замужем.

О н а. Извини. Должно быть, привычка... Расскажи о своей семье. Ты опять женился? Есть дети? Возможно, внуки?

О н. У меня нет семьи. Вернее, моя семья – ты.

О н а *(подходит к нему, обнимает)*. Я очень тебя люблю.

О н. Сто восемьдесят три раза очень?

О н а. Нет. Сто шестьдесят два.

О н. Обидно. Почему только сто шестьдесят два?

О н а (*улыбаясь*). Дозировка правильная должна быть: соответственно весу и росту. Передозировка вредна для здоровья.

О н. А недостаток?

О н а (*серьёзно*). Смертельно опасен. Человек должен любить. Хотя бы и тени из прошлого...

Входит Женщина в домашних тапочках.

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х (*не замечая гостю*). С кем ты говорил? Звонил доктор Маулер?

О н а молча отстраняется, берёт свою сумку, медленно направляется к выходу из комнаты.

У двери останавливается. О н и О н а смотрят друг на друга молча. О н а уходит.

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х (*пытается проследить его взгляд*).

О н не отвечает. Смотрит на дверь.

Ты слышишь меня? Что с тобой? Ты с кем-то говорил?

О н. Нет. Должно быть, сам с собой: задумался.

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х. Я приготовила тебе вещи. Пойди посмотри, всё ли собрала.

О н смотрит на неё непонимающе.

Ты завтра летишь в Прагу. Читаешь лекции по гештальт-терапии. Что с тобой?

О н. Да, да, конечно. Доктор Маулер? Нет, не звонил.

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х. Кстати, трамин был очень даже неплох. Если будет желание что-то привезти из Праги, пусть это будет трамин. Не «Бехеровка», пожалуйста. Она, как микстура от кашля... Да что с тобой? Ты меня не слушаешь.

О н (*не отрывая взгляда от двери, в проёме которой только что стояла Она*). Как думаешь, почему молодые, красивые, талантливые люди решают добровольно уйти из жизни?

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х. Понятия не имею. Что-то случилось? Или теоретически?

О н. А я знаю. Ей было восемнадцать (*показывает на дверь*), и она хотела жить, но мысль, что ей придётся прожить чужую жизнь, была невыносима! Несовместима с её собственной!.. Теоретически... А я живу чужую... Чужая жизнь...

О н уходит.

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х (*кричит ему вслед*). Ты определённо должен хорошенько отдохнуть перед полётом. Этот лекторский марафон не идёт тебе на пользу. Ты переутомлён. И всё-таки проверь, всё ли я собрала... Билеты. Они у тебя в телефоне. Электронные... А трамин лучше, пожалуй, моравский. (*Убирает со стола.*) Какого-то особенного клиента, видимо, сегодня принимал. Торт. Когда успел? Я и не заметила. Наверное, пока ездила за продуктами. Хоть перед отъездом мог бы не принимать своих страдальцев... Отдохнуть надо перед отъездом.

Возвращается О н а (одежда и причёска другие, чем прежде).

О н а. Я прошу прощения. Эти письма на столе. Они мои... Оставила по забывчивости.

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х (*подавая стопку писем*). Эти?

О н а кивает, берёт письма).

А вы? Вы новая клиентка...

О н а. Нет... Старая, очень старая...

О н а уходит.

Ж е н щ и н а в д о м а ш н и х т а п о ч к а х. Не дом – проходной двор...

(З а н а в е с)

Поэзия

Андрей Шацков



Андрей Шацков – родился в 1952 году в Москве. Автор 15 сборников стихов. Член Союза писателей России. Кавалер ордена Преподобного Сергия Радонежского РПЦ и лауреат многих премий, в том числе имени первого редактора «Литературной газеты» Антона Дельвига «За верность слову и Отечеству», премии МСЛФ «Золотой Витязь», Всероссийских литературных премий им. М. Ю. Лермонтова и им. Ф. И. Тютчева «Русский путь». Главный редактор альманаха «День поэзии – XXI век». Лауреат премии Правительства Российской Федерации 2013 года в области культуры. Живёт в Москве и в Рузе.

ЛЕБЕДИ ТЮТЧЕВА

Триптих

І. ЗАХАРИЙ ТЮТЧЕВ

Князь же Великий Дмитрий Иванович послал к нечестивому царю Мамаю избранного своего юношу, по имени Захарий Тютчев, испытанного разумом и смыслом...

Захарий же, дойдя до земли Рязанской... послал быстро вестника скрытно к великому князю...

Сказание о Мамаевом побоище

Весенний пал дошёл до кручи...
На Окском берегу – пожар.
Не загоняй конягу, Тютчев,
Из рода Тютчевых – Захар.

Сам Киприан в высокой митре
Благословил твой долгий путь.
И князь Великий, князь Димитрий
Гайтан с письмом надел на грудь.

Письмо безбожному Мамаю
В столицу Золотой Орды...
И ты, посланье принимая,
Скрывал дорожные следы.

Чтоб хану, жадному до дани.
Вовеки было невдомёк,
Что ты – в Олеговой Рязани
О русском братстве речи рёк...

И две руки скрестились вместе.
Два взгляда светло-серых глаз.
В письме Олега честь по чести
Просил о дружбе Дмитрий-князь.

И ты в душе гордился, Тютчев,
Из рода Тютчевых – Захар,
Что будет дело всяко лучше,
Когда в Москву рязанский дар

Доставишь в срок, спеша с ответом,
Взбежав на Красное крыльцо.
Чтоб князь, уведавший об этом,
Разгладил хмурое лицо.

* * *

Ах, что за осень в это время,
Когда в начале сентября
Ты ехал с князем – стремя в стремя, –
В кулак поводья собирая.

И верил, знал: Рязань не выдаст
И не ударит братьям в тыл.
Не может по-другому выпасть
Тому, кто сердцем не остыл.

Неся на Куликово поле
Завет отцов из тьмы веков:
О вере, доблести и воле
И одоление на врагов!

А в синеве, расправив крылья,
Сопровождая княжью рать,
Летело лебедей обилие –
Небесных витязей отряд!

* * *

Свершилось! На берёзах серьги
Осенний ветерок качал,
Когда полки с победой Сергей
В воротах Кремника встречал.

И ты, Захар, с двуперстем руку,
На отчую вернувшись выть,
Поднял – неведомому внуку
Грядущий путь благословить!

II. ЛЕБЕДИ ТЮТЧЕВА

*(Размышления в Овстуге
на 215-летие великого поэта)*

Над Овстугом властвует Брянска зима.
Осталось в минувшем дождливое лето.
Как странно: здесь «Горе» живёт «от ума»,
Родившись в усадьбе другого поэта...

Хозяина нет. Он уехал давно
И вряд ли до срока пребудет обратно.
Залито чернилом столешниц сукно.
На пледе в шкафу – от подсвечника пятна.

Россия хоть Третий, но всё-таки Рим.
В ней веет дыхание Божьего духа...
Неужто сдадут Севастополь и Крым?
Неужто настанет разор и поруха?

Что толку в записке, которую царь
Не смог процедить оловянным прищуром?...
Над Овстугом тучи, сгущается хмарь...
И полнятся мысли тоской и сумбуром.

Тяжеле вериги – поэтов судьба
В России, покрытой морозною пылью...
Но гордо в щите родового герба
Распластаны лебеда белые крылья!

Их выводок плещет в заветном пруду
И ходит эскадренным строем по кругу...
Я к ним попрощаться с поклоном приду.
И горького хлеба отрежу краюху.

А нежность...

пусть нежность останется там –
В чугунном затворе усадьбы ограды.
В небрежно доверенной тайне – листам,
В которых поэту – не надо пощады!

III. ОВСТУГ

Дмитрию Мизгулину

Когда вокруг сгустится волглый воздух
И одолеют смуты и дела,
Давай с тобой уедем в древний Овстуг –
Тот самый, за которым даль светла.

Здесь церковь шпилем разгоняет тучи
И псы хвостом виляют у ворот.
И Фёдор Иоанныч – Фёдор Тютчев –
Гостей встречает вполуборот.

Задумчиво на памятник мессии
Глядим, не опуская строгих глаз.
Нам не прожить без Тютчевской России,
И ей, наверно, не прожить без нас.

Здесь далеко, за чёрными лесами,
Где режет облак быстроскрылый стриж,
Взбегал на холм, красуясь чудесами,
Ушедший дымом в небо город Вщиж.

История стояла у порога
Безмолвствуя,
и в сутеми ночной
По Брянщине вилась его дорога
В Европы,
из которых в край речной

Стремилось сердце, возвращаясь снова
В густые кущи ивы и берёз...
И нёс поэт из дальних далей слово,
И вплоть до наших дней его донёс!

За барским домом здравицу Отчизне
Поёт петух, встречая новый день...
Здесь Тютчев жил, и память этой жизни
Превозмогла веков минувших тлен!

*Москва – Овстуг – Москва
25.06.2015–19.11.2019*

Максим Замшев



Максим Адольфович Замшев – поэт, прозаик, публицист. Родился в 1972 году в Москве. Окончил музыкальное училище им. Гнесиных и Литературный институт им. А. М. Горького. Автор книг стихов: «Любовь даётся людям свыше» (М.: Рипол-классик, 2006), «От Патриарших до Арбата», (М.: У Никитских ворот, 2014) и прозы: «Аллегро плюс» (М.: АК-пресс, 2007), «Избранный» (М.: АСТ, 2009), «Карт-блани» (М.: У Никитских ворот, 2015), «Весна для репортёра» (М.: АСТ, 2017), «Концертмейстер» (СПб.: Азбука, 2020). Роман «Весна для репортёра» номинировался в 2017 году на премию «Национальный бестселлер». Стихи Максима Замшева

переведены на 15 языков. Книги стихов изданы в Сербии, Греции, Азербайджане, Македонии, Румынии, Болгарии. Имеет более 1000 публикаций в России и за рубежом. Лауреат премии в области литературы и искусства Центрального федерального округа России. Награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени. Председатель Правления Московской городской организации Союза писателей (МГО СП) России, заслуженный работник культуры Чеченской Республики. Член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ). С 2017 года главный редактор «Литературной газеты».

* * *

Эти тревожные дни
Нас проверяют на прочность.
Мы победим, не они,
В этом и правда, и точность.

Да, отступать тяжело,
Но не всегда отступление
Значит, что произошло
Армии всей поражение.

Память обугленных дней
Вырвется из арьергарда.
Русская воля сильней
«Хаммерса» и «леопарда».

Скоро над новой страной
Будет звенеть колокольчик.
Начали «Русской весной»,
«Русской весной» и закончим.

* * *

Кончилось время поэзии,
Что-то иное грядёт.
И несомненно, полезнее
Этот крутой поворот.

Чудо-словечки отчалили
В дымное небо своё.
И несомненно, печальнее
Новое будет житьё.

Перед войной не морозами,
Сырьё тёрли нам лбы.
Бросим сегодня не розы мы
В эти пустые гробы.

Солнце встаёт над проливами.
Где там заморская рать?
Все мы рождались счастливыми.
Кем нам пришлось умирать?

* * *

Будет победы коктейль бессонным,
Ночью испей его.
И над Донецком, и над Херсоном
Главное – ПВО.

Целыми днями поют солдаты
«Вагнера» в ЧВК.
Родина будет большой, богатой,
Мирной на все века.

Многоязыка, сильна, степенна,
Крепкая, как Массандра.
Будут мальчишки играть в Арсена,
Гиви и Александра.

* * *

Небо, не глядя совсем на людей,
дыры никак не заштопает,
юноша полон великих идей,
девушка тоже. И что теперь?

В памяти есть небольшое окно,
наглухо вечно забитое,
ты отвори его, мне всё равно,
помнится только забытое.

Блеф не удался, рояль замолчал,
стынет любви беззаконие,
в небе осталось начало начал
и на земле не закончилось.

Годы пройдут, и нагрянет беда,
вздрагнут живые и мёртвые,
юноша с девушкой не навсегда
пальцы сплетают замёрзшие.

* * *

Осень — бесполезное время,
Вроде бы любовь и стихи,
Вроде бы душа, не старея,
Чьи-то подбирает грехи.

Вроде бы не так уж и страшно
Видеть из любой темноты,
Что водонапорные башни
Так же одиноки, как ты.

Только это с нами бывает
Каждый бесполезнейший год,
Облако опять уплывает,
Ну когда уже уплывёт?

Тянутся к бумаге чернила,
Мысли мозг терзают всюду,
И опять живётся вполсилы,
Потому что стыдно всюду...

Патефон, пластинку не грея,
Поглощает ветер и джаз.
Осень — бесполезное время,
Жёлтой кровью пачкает нас.

* * *

Выходи из дома, пройдишь по книжным,
Полистай роман, никому не нужный,
Проглоти слюну от приязни к ближним
И пойми, что ветер давно не южный.

У семи холмов я восьмой насыплю
Из своих ошибок, тревог, волнений.
И пойдёт у города кожа сыпью,
Красной сыпью памятных поражений.

Я чертил луну, но сорвался циркуль,
Получился месяц над облаками,
Выхожу из дома, а небо в стирке,
Выжимает кто-то его руками.

Кто-то плакал у этой стены столетия,
Потому здесь нынче такая влажность.
Не прощай меня даже этим летом!
Бог простит, а дальше уже не важно.

* * *

Сегодня хотелось листовки расклеить
Для тех, кто судьбу проживает другую.
Но мысли срезаются о Балаклею
И падают в подвига горечь тугую.

А в городе русском, а в городе Харьков, —
Свинцовые тучи, зловещие беды.
И сколько ты кровью тяжёлой ни харкай,
Пока мы не вместе, не будет победы.

С надеждой взираем на русскую зиму,
Ещё генерал к нам оттуда прибудет.
Я знаю, что мёртвые срама не имут,
Но пусть победителей больше не судят.

* * *

Музыка ходит кругами,
Счастье, как сон, истекло.
Музыка не помогает,
Значит, совсем тяжело.

Сколько заплачено, сколько?
Боль подрастает в цене.
Небо февральское стойко
И равнодушно ко мне.

В рассказах всяких и баснях
Мысль выбираю одну:
Как бы булгаковский мастер
Встретил большую войну?

Бросим любовные взоры
В реку, что схвачена льдом.
Путники строят заборы,
Чтоб не покинуть свой дом.

Выгнуто вечера донце,
Город ныряет во тьму.
Красные линии солнца
Не перейти никому.

* * *

Облака – что корабли,
целая армада,
ты о счастье не моли,
счастья нам не надо,
нам бы локон золотой,
гриф виолончели,
чей-то ангел, но не мой
каждый день при деле.
Ни окон тебе, ни стен,
лишь улыбка Бога,
каждый остаётся с тем,
что раздал убогим.
Полно, друг мой, горевать,
всё, как мы хотели,
будет ветер струны рвать
у виолончели,
тот, кто с облака упал,
луч руками схватит,
Божий мир настолько мал,
что души не хватит.

* * *

Утро. Кофе. Солнце. Небо.
Всё так просто, всё так нежно.
А внутри совсем другое,
Там согнулось всё дугою
И никак не разогнётся.
Кофе. Утро. Небо. Солнце
Поднимается над крышей,
В поднебесье вечер рыщет,
Но добычи не находит.
Что-то на меня находит,
Чтобы раствориться в кофе...
И бравурен, как Прокофьев,
Мир трещит по швам случайным,
Солнце длинными лучами
Режет землю по живому...
Жить не стоит по-другому,
По-другому жить не стоит.
Всё простое, всё пустое...

* * *

По родимой по южной земле продвигаются танки,
И над ними, смотри, чьи-то тени, одетые в форму.
Это Симонов, Слуцкий, смотри же, а вот Левитанский,
Нам не сдюжить без них, нам нужна эта вечная фора.

Здесь Кульчицкий, Самойлов, Майоров, Отрада и Коган,
Недогонов, Гудзенко; погоны вернее, чем крылья.
Коммунисты, сегодня они, словно лики с иконы,
Отгоняют от нас вельзевуловых полчищ засилье.

Нам враги оставляют в оранжевом небе наколки,
Ничего, мы сведём их, форсировать Днепр не впервой.
А поэты войны возвратятся на книжные полки,
Весь бессмертный их полк возвратится
в бессмертный свой строй.

* * *

Причёсывалась у зеркала,
Ходила в моей рубашке.
Словечки мои коверкала,
Но это уже не страшно.

И это не точка верности
И не прегрешенье малое.
Когда попадает в вену стих,
То кровь вытекает алая.

Не поздно ведь стать хорошими,
Принцессами, Робин Гудами?
Но если мы все из прошлого,
То я не пойму, откуда мы.

А судьбы, как буквы, стёрты все,
Пускай объяснят гадалки их.
И шансы лежат как мёртвые,
Упущенные и жалкие.

Теперь, когда жизнь разглажена
И публика машет флагами,
Я помню лишь щёки влажные.
Скажи: почему ты плакала?

Берега Великой Победы

Михаил Поленок

Михаил Демьянович Поленок – капитан 1 ранга запаса, ветеран военной службы, член Союза ветеранов военной разведки. Более 32 лет проходил службу в разведке ВМФ СССР и РФ. Награждён двумя орденами, многими медалями. Член Российского союза писателей (РПС) и Международного союза писателей «Новый Современник» (МПС «НС»), заместитель руководителя КРО МСП «НС». Прозаик. Лауреат конкурсов МСП «НС» им. В. Пикуля (2022, 2024), финалист литературных премий: «Наследие» (2023), «Георгиевская лента» (2024), им. С. Есенина (2024), номинант национальной литературной премии «Писатель года» (2022, 2024). Награждён медалями и дипломами РСП, МСП «НС», Русского литературного центра (РЛЦ).



Автор 13 документально-исторических и художественных книг. Публиковался в литературно-публицистических сборниках Балтийского флота «На флаг и гюйс», историко-литературном журнале «Годы и люди» (г. Нерчинск), газете «Красногорская жизнь» Брянской области, альманахах РСП, РЛЦ, литобъединений «Остров вдохновения» (г. Балтийск) и «Прибрежные волны» (г. Калининград).

80 лет Победы

Н. И. КУЗНЕЦОВ – ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, ПОЛНЫЙ КАВАЛЕР ОРДЕНА СЛАВЫ

В ходе тяжёлых оборонительных боёв на Земландском (Калининградском) полуострове в период с 19 по 21 февраля 1945 года особо отличился командир 76-мм орудия 369-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона (оиптдн) 263-й Сивашской стрелковой дивизии (сд) 54-го стрелкового корпуса 43-й армии (А) старший сержант Н. И. Кузнецов – уроженец деревни Пытручей Андомского района Череповецкой губернии (в настоящее время (н/вр.) – Вытегорского района Вологодской области), ставший Героем Советского Союза.

Это было его второе представление к высокому званию. Первый раз сержант Кузнецов – командир 45-мм пушки представлялся 10.05.1944 года за подвиги, совершённые в ходе освобождения Севастополя. Он первым со своим расчётом ворвался в город, лично уничтожил противотанковой гранатой вражеский танк и водрузил красное знамя над зданием вокзала. При этом его расчётом были уничтожены миномётная батарея противника, два 75-мм орудия, пять станковых и три ручных пулемёта, до 50 гитлеровцев. Был награждён орденом Красного Знамени.

За проявленное мужество и героизм Н. И. Кузнецов к концу войны имел значительный набор высоких наград – пять орденов: Ленина (19.04.1945), Красного Знамени (23.06.1944), три Славы (3-й ст. – 17.05.1944, 2-й ст. – 1.12.1944 и 10.02.1945) и три медали: две «За отвагу» (8.12.1943, 21.04.1944), «За взятие Кенигсберга» (9.06.1945). Однако, не имея ордена Славы 1-й степени, он не являлся полным кавалером ордена Славы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 12.03.1980 года эта ошибка была исправлена – Николай Иванович был удостоен ордена Славы 1-й степени (взамен 2-й степени от 10.02.1945), став четвёртым Героем Советского Союза и полным кавалером ордена Славы, достойно пополнив коллектив боевых товарищей, ранее имевших эти награды:

– Алёшин Андрей Васильевич (21.05.1905–11.04.1974) – уроженец Калужской области, командир орудия 175-го гвардейского (гв.) артиллерийско-миномётного полка 4-й гв. кавалерийской дивизии, гвардии старший сержант;

– Дубинда Павел Христофорович (12.07.1914–22.10.1992) – уроженец Херсонской области, командир стрелкового взвода 293-го гв. стрелкового полка (сп), 96-й гв. сд, гвардии старшина;

– Драченко Иван Григорьевич (15.11.1922–16.11.1994) – уроженец Черкасской области, старший лётчик Ил-2 140-го гв. штурмового авиационного полка 8-й гв. шад, гвардии лейтенант.

Николай Иванович боевой путь артиллериста начал в октябре 1943 года под Сталинградом наводчиком 45-мм пушки 369-го оиптдн 263-й сд 51-й А. В начале 1944 года был назначен командиром «сорокапятки», а с июня 1944 года, когда 369-й оиптдн, находясь в Ельне, перешёл на новые артиллерийские установки, – командиром 76-мм орудия. 7.02.1944 года подал заявление о приёме кандидатом в члены ВКП(б).



Н. И. Кузнецов

(29.04.1922–11.09.2008).

Герой Советского Союза (19.04.1945).

Полный кавалер ордена Славы (1-й ст. – 12.03.1980, 2-й ст. – 1.12.1944, 3-й ст. – 17.05.1944).

Командир 76-мм орудия 369-го оиптдн 263-й сд (07.1944).

Старший сержант (07.1944), старшина (16.05.1945).

Участник Парада Победы (24.06.1945).

За годы войны в боях с врагом он потерял пять орудийных расчётов, уничтожив 11 вражеских танков, по другим данным, – 16, в том числе: при освобождении Севастополя – 2, при освобождении Литвы – 2, при взятии Лабиау (г. Полесск) – 1, в боях на Земландском полуострове – 7. Кроме этого, его орудийным расчётом были уничтожены: миномётная батарея противника, три 75-мм орудия, автомобиль, 21 пулемётный расчёт, три деревоземляные огневые точки (ДЗОТ), наблюдательный пункт, сотни гитлеровцев. В ходе штурма Кёнигсберга его расчётом уничтожены: пять пулемётов, три ДЗОТа, одна 75-мм пушка, до взвода пехоты противника.



Старший сержант

Кузнецов Николай Иванович.

Восточная Пруссия,

1945 г.

16 февраля 1945 года 263-я сд сосредоточилась в районе западнее Куменен (н/вр. – п. Кумачёво Зеленоградского муниципального округа (ЗелМО)), а 369-й оиптдн майора Кривошеева Ивана Семёновича (21.06.1921 г. р., Днепропетровская обл.) – в районе 997-го сп, в лесу юго-западнее Куменен (не существует (н/сущ.), 1,6 км западнее Куменен), а техника – 17 февраля в Поерштитен (н/сущ., 3 км юго-западнее Куменен).

19 февраля, отбивая массированные атаки противника, 369-й оиптдн понёс потери: два 76-мм орудия, три человека убитыми.

Ночью 20 февраля противник занял Поерштитен (н/сущ., 0,9 км северо-западнее Поерштитен), потеснив 997-й сп. 995-й полк держал оборону на северных скатах высот 51.5 (0,6 км юго-западнее Прохладное ЗелМО) и 56.4.

Ночью 21 февраля противник, поддержанный огнём 12 артиллерийско-миномётных батарей и четырьмя установками 6-ствольных миномётов, вновь пять раз атаковал. 995-й и 997-й полки стойко удерживали рубежи обороны. В течение суток было отбито шесть ожесточённых атак противника

и уничтожено пять танков, одно самоходное артиллерийское орудие (САУ), два бронетранспортёра, до 200 гитлеровцев.

Из донесения начальника политотдела 43-й А от 3.03.1945 года: «Самое горячее сражение с вражескими танками в эти дни довелось вести расчёту старшего сержанта коммуниста Кузнецова Н. И. В ночь на 21.02.1945 года его орудие занимало огневую позицию на безымянной высоте. Бесстрашные артиллеристы Кузнецова подбили и сожгли 5 бронированных вражеских чудовищ».

Следует отметить, что в наградных материалах командира 369-го оиптдн указано: за период 19–23 февраля дивизионом уничтожено шесть танков и одна САУ противника, отбито восемь атак.

Таким образом, в наиболее ожесточённый период оборонительных боёв расчёт Кузнецова внёс основную лепту в боевые показатели 369-го оиптдн.

Во многих источниках приведены ошибочные сведения о месте, где происходили эти героические события. Имеются многочисленные ссылки, что это было в районе Зидлунга (микрорайон Чкаловск г. Калининграда) или в ходе штурма Кёнигсберга (г. Калининград).

В наградном листе Н. И. Кузнецова от 10.04.1945 года указано, что бой происходил в районе господского двора Порештен (допущена ошибка, вместо Поерштитен).

Это видно и из наградного листа от 1.03.1945 года его командира – И. С. Кривошеева: «В боях западнее Куменен 19–23 февраля майор Кривошеев отличился умелым управлением огнём дивизиона при отражении сильных атак танков и пехоты противника в районе Поерштитен».

В своих воспоминаниях Николай Иванович называет безымянную высоту, где его расчёт принял тяжёлый бой в составе стрелкового батальона (сбн) 995-го сп, как высота Сердце. Это же название безымянной высоты имеется и в наградном листе от 26.02.1945 года командира 3-й батареи 853-го артиллерийского полка (ап) 263-й сд старшего лейтенанта Н. Г. Нечепуренко (1923 г. р., Ростовская обл.) – участника боёв на высоте в период 20–21 февраля. В журнале боевых действий (ЖБД) 263-й сд отмечается, что в указанный период 995-й сп занимал оборону западнее Куменен, находился на безымянной высоте в 1 км юго-западнее Поерштитен.

Выписка из ЖБД 995-го сп: «...подразделения полка вели тяжёлые оборонительные бои с наступающей пехотой и танками противника на рубеже безымянной высоты (Сердцевидная), что 1200 метров западнее Поерштитен».

Анализ боевых документов частей 263-й сд и топографических карт проясняет ситуацию. Высота Сердце (Сердцевидная), названная так по причине схожести её изолиний равных высот с конфигурацией сердца, находилась в 1 км юго-западнее Поерштитен или в 4,5 км юго-западнее Куменен. Здесь и происходили драматические и героические события, непосредственным участником которых стал Н. И. Кузнецов со своими боевыми товарищами...



Высота Сердце (карта ГШ РККА, издания 1941 г.)

Высоту Сердце оборонял с/бн капитана Букова Николая Ивановича (27.02.1916 г. р., Кировская область) из состава 995-го сп 263-й сд. Батальон в этот период имел не более роты.

20 февраля для обеспечения артиллерийской поддержки ему было придано два орудийных расчёта 369-го оиптдн: старших сержантов Н. И. Кузнецова и Корягина Григория Афанасьевича (1916 г. р., Орловская область).

Короткий февральский день быстро перешёл в вечерние сумерки. Не успев окопаться в полный профиль, артиллеристы увидели первую волну атакующего противника: 12 танков и САУ вместе с пехотой шли на высоту. Артиллерия и миномёты противника вели интенсивный огонь. Расчёт орудия Корягина, выдвинутого вперёд и замаскированного на склоне, первым встретил противника огнём. От его выстрелов один из танков замер на месте, артиллеристы, демаскировав себя, оказались тоже под огнём противника.

Орудие Кузнецова было размещено в выемке плоской вершины горы, прикрытое естественным подъёмом грунта по периметру. Наводчик сержант Глазков Василий Егорович работал мастерски. Три танка противника остались гореть на поле боя, остальные повернули обратно. Но и артиллеристы понесли большие потери: погиб расчёт Корягина – был тяжело ранен командир, а его орудие разбито; в расчёте Кузнецова остался только он сам и наводчик, но они продолжали бить врага. На помощь приполз раненый младший сержант Котов Егор Павлович из погибшего расчёта и стал к орудью заряжающим. Снаряды подносили стрелки батальона, имевшие лёгкие ранения.

Постепенно ночь вступала в свои права. Деревья и окрестность вокруг высоты Сердце приобрели размытые очертания. Природа, истерзанная боями, медленно отходила от напряжённого ратного дня, засыпая. Луна с холодным прискорбием взирала на изуродованное поле боя.

Только противник не успокаивался. С наступлением темноты он вновь настойчиво полез на высоту. На фоне осветлённого луной неба были чётко видны силуэты танков, выползающих на верхний гребень высоты. Этим и воспользовался расчёт Кузнецова. От метких выстрелов были подбиты немецкие танк и САУ, но и орудие Кузнецова тоже было разбито.

Пехота противника волнами шла на высоту, окружая её. Командир с/бн Н. И. Буков, получивший в ходе боя тяжёлое ранение, потерял сознание. Старший лейтенант Нечепуренко Николай Гаврилович, осуществлявший корректировку огня подчинённых с наблюдательного пункта, развёрнутого на высоте Сердце, принял решение: «Вызвать огонь на себя». По высоте, сметая всё с её склонов, с закрытой позиции ударили дивизионные гаубицы, уничтожив до 150 гитлеровцев.

Из наградного листа от 21.02.1945 года капитана Н. И. Букова, представленного к ордену Красного Знамени: «В бою в районе населённого пункта Поерштитен, обороняя важную высоту, 20.02.1945 года батальон в течение дня успешно отразил 7 атак численно превосходящих сил противника, поддержанных 12 танками и 5 САУ, в результате чего не сдал своего рубежа, уничтожив при этом 2 танка и более 200 солдат и офицеров противника».



Н. И. Буков

(27.02.1916 г. р.).

Командир с/бн 995-го сп 263-й сд (1945).

Капитан (1944).

Награждён орденами: двумя Красного Знамени (28.05.1944, 21.03.1945), Александра Невского (29.01.1945), Отечественной войны 2-й степени (30.10.1944), Красной Звезды (30.09.1944).

Н. Г. Нечепуренко

(1.05.1923 г. р.).

Командир 3-й батареи 853-го ап 263-й сд (1944).

Старший лейтенант (1945).

Награждён орденами: двумя Красного Знамени (31.03.1945, 16.05.1945), тремя Отечественной войны (1-й степени – 27.03.1945, 2-й степени – 26.05.1944 и 26.09.1944), Красной Звезды (23.12.1943).

На следующий день прибывшее пополнение сменило оставшихся в живых, но израненных, контуженных, засыпанных землёй и осколками бойцов батальона и артиллеристов. 29 осколков обнаружили товарищи в обмундировании Н. И. Кузнецова. Из его расчёта в живых остались только командир и наводчик сержант В. Е. Глазков.

Об их мужестве и героизме была выпущена листовка, в ней отмечалось, что за пять дней боёв ими было уничтожено пять танков и две САУ противника.

По итогам боёв 19–23 февраля в наградном листе от 1.03.1945 года командира 369-го оиптдн И. С. Кривошеева указано: «Батареи дивизиона вели огонь прямой наводкой по танкам и САУ противника, подпуская их на 100–200 метров... Дивизионом подбито и сожжено 6 танков и 1 САУ, отражено 8 атак».



В. Е. Глазков

(13.01.1925–14.02.1987).

Герой Советского Союза (19.04.1945).

Наводчик орудия 369-го оиптдн 263-й сд (с 04.1944).

Сержант (10.1944)

Награждён орденами: Ленина (19.04.1945), двумя Славы 3-й степени (1.02.1945, 8.03.1945), Красной Звезды (29.05.1944) и медалями: «За отвагу» (21.04.1944), «За боевые заслуги» (15.10.1944).

Василий Егорович Глазков – уроженец Моршанского района Тамбовской области, был правой рукой командира орудия и его верным боевым другом с периода боёв под городом Шяуляем (Литва). За мужество и героизм, проявленные им 21 февраля в бою на высоте Сердце, 22 февраля он был представлен к награждению орденом Красного Знамени. В его наградном листе указано: «...отразил 3 контратаки противника, подбил 3 немецких танка и уничтожил до 30 гитлеровцев».

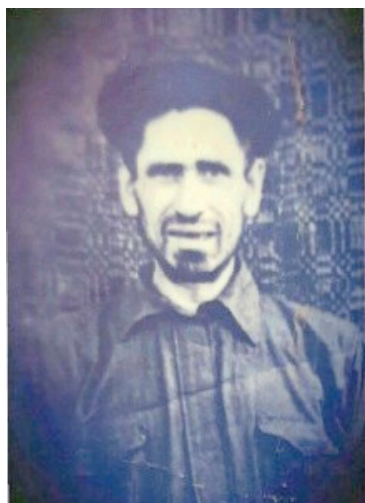
Был награждён вторым орденом Славы 3-й степени.



Капитан Н. И. Буров и старший лейтенант Н. Г. Нечепуренко были награждены орденами Красного Знамени, старший сержант Г. А. Корягин – орденом Славы 2-й степени, уроженец Брянской области младший сержант Е. П. Котов – орденом Славы 3-й степени.

Е. П. Котов, уже имея орден Славы 3-й степени (12.02.1945), 22.02.1945 года был представлен к награждению орденом Красного Знамени, однако в нарушение статута повторно награждён орденом Славы 3-й степени.

В ходе штурма Кёнигсберга Егор Павлович – уже командир орудия, уничтожил три станковых пулемёта, один ДЗОТ, одну 75-мм пушку и до взвода пехоты противника. 12.04.1945 года был вновь представлен к награждению орденом Красного Знамени – награждён орденом Славы 2-й степени.



Е. П. Котов

(1920–1958).

Кавалер трёх орденов Славы (2-й степени – 30.04.1945, 3-й степени – 12.02.1945, 8.03.1945).

Заместитель наводчика орудия 369-го оиптдн 263-й сд.

Младший сержант (1944).

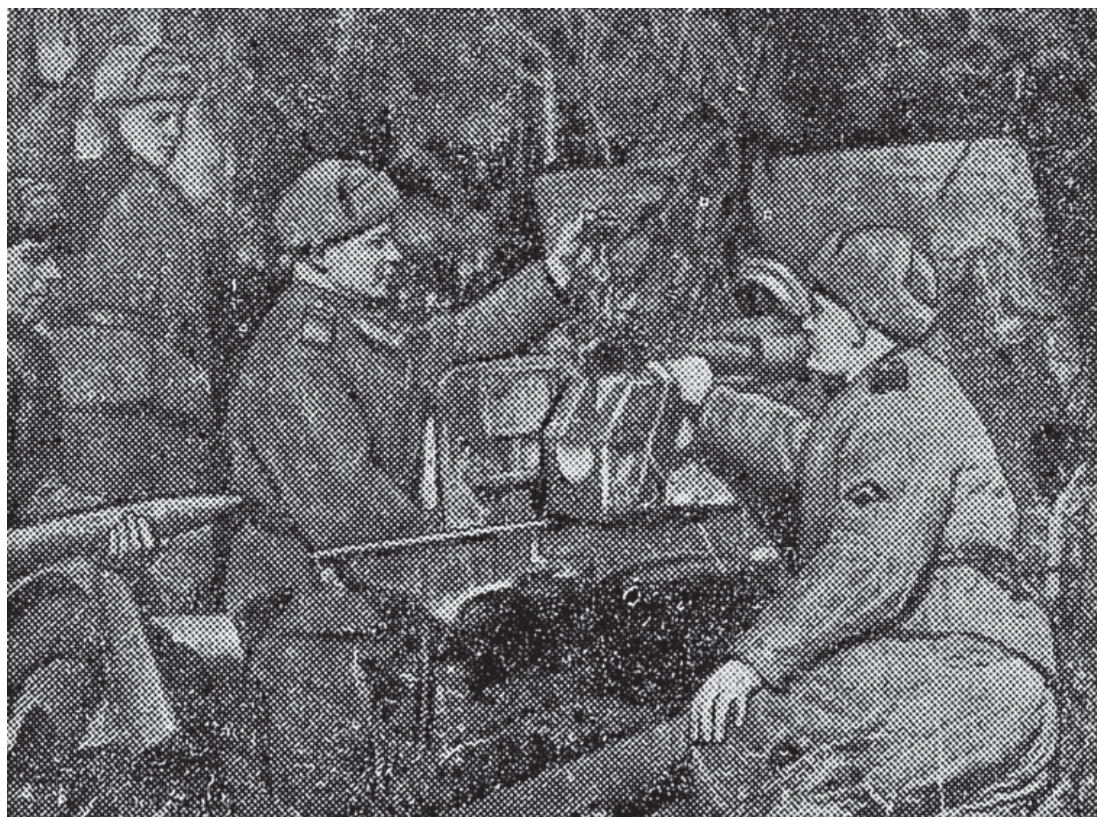
Награждён медалями: «За отвагу» (17.10.1944), «За взятие Кёнигсберга» (5.04.1946).

Таким образом, имея три ордена Славы и пройдя дорогами войны с сентября 1941 года до Победы, младший сержант Котов так и не стал полным кавалером ордена Славы. Будучи трижды раненым, он рано ушёл из жизни.

Н. И. Кузнецов и В. Е. Глазков по результатам боёв от Севастополя до Кёнигсберга стали Героями Советского Союза. Вручение им наград состоялось ко Дню Победы.

Получая вторым, после В. Е. Глазкова, из рук члена Военного Совета орден Ленина и медаль «Золотая Звезда», Николай Иванович искренне и проникновенно выразил свои чувства: «Для моей Родины я никогда ничего не пожалею – ни сил, ни крови, ни жизни».

17.05.1945 года в красноармейской газете «Вперёд за Родину» была размещена фотография его орудия на боевой позиции с подписью: «Расчёт противотанковой пушки Героя Советского Союза старшего сержанта Николая Кузнецова имеет на своём счету 11 уничтоженных танков и самоходных орудий».



Расчёт орудия старшего сержанта Н. И. Кузнецова

16.05.1945 года Н. И. Кузнецов завершил свой боевой путь в городе Данциге (г. Гданьск, Польша) и был демобилизован в воинском звании старшина.



*Н. И. Кузнецов с командиром 369-го оиптдн майором И. С. Кривошеевым.
Восточная Пруссия, май 1945 г.*

После войны Николай Иванович жил в городе Пестово Новгородской области, был удостоен звания почётного гражданина города Севастополя и Пестовского района Новгородской области. Школы № 17 в городе Севастополе и № 1 в городе Пестово носят его имя.

Нельзя не отметить, что кроме мужества и героизма, проявленных артиллеристом Н. И. Кузнецовым, в его военной биографии есть не менее славные страницы служения Отечеству в роли разведчика-нелегала. Почти в течение двух лет, предшествующих его боевой биографии артиллериста, Николай Иванович, пройдя специальную подготовку, занимался этой важнейшей разведывательной деятельностью. Как агент резидентуры «Север» находился в глубоком тылу противника, в том числе действовал и в Кёнигсберге. В ходе проведения специальной операции был ранен, дальнейшая нелегальная работа стала невозможной, и он был выведен обратно и госпитализирован.

Во многих источниках средств массовой информации имеются общие данные об этом периоде, однако архивные источники по настоящее время не рассекречены, поэтому документы, подтверждающие его работу в этот период, отсутствуют.

Из воспоминаний Н. И. Кузнецова: «После войны совместно с Константином Симоновым мы написали обо мне книгу. Но она была запрещена для распространения и имеется только в спецхранах».



*Н. И. Кузнецов в период
обучения в школе подготовки
разведчиков (фото было
подписано самим Кузнецовым
и передано им в дар
краеведческому музею
г. Вытегры)*

В мирное время был награждён орденами Отечественной войны 1-й степени (11.03.1985) и Дружбы народов (1993).

Неоднократно участвовал в Парадах Победы (1945, 1980, 1985, 1990, 1995).

Дважды избирался депутатом Верховного Совета СССР (10.02.1946, 12.03.1950)

С 1959 года работал на Пестовском лесокомбинате старшим мастером, инженером по охране труда. В течение 30 лет возглавлял Совет ветеранов данного предприятия.

В 2002 году, отмечая 80-летие Н. И. Кузнецова, была снята программа «Вечер-портрет» о его жизненном пути. В телеграмме от президента России Владимира Путина было отмечено: «Ваша жизнь – пример верного служения Родине, долгу, людям...»

11 сентября 2007 года Николай Иванович, доверчиво и с открытым сердцем относившийся к окружающим его людям, перенёс тяжёлый удар: его боевые награды – Золотая Звезда Героя, ордена Ленина, Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени, Славы – были варварски сорваны с мундира и унесены. В ходе следствия преступники были задержаны, а награды в декабре месяце возвращены их законному владельцу. Это происшествие надломило здоровье заслуженного ветерана, и 11 сентября 2008 года он ушёл из жизни.

Увековечен Николай Иванович на воинском захоронении в городе Пестово.

1.09.2024 года на телевизионном канале «Звезда» был показан документально-исторический фильм «Легенды армии. Николай Кузнецов. Отважный артиллерист и “племянник” немецкого банкира». Фильм, даже в условиях не снятой таинственной завесы секретности по первому периоду участия Н. И. Кузнецова в войне и отсутствия по данной причине дополнительных конкретных данных, предоставляет зрителю значимую информацию, ставит непростые вопросы, невольно интригуя, заставляет задуматься и более объёмно ощутить высокую патриотичность главного героя. Огромная заслуга в этом журналиста Екатерины Новожиловой и ведущего программы Александра Маршала.

Н. И. Кузнецов стал Героем Советского Союза и полным кавалером ордена Славы в ходе Восточно-Прусской стратегической наступательной операции. Основные подвиги совершены им в жестоких сражениях на Земландском полуострове. К великому сожалению, память о славном воине своего Отечества, по итогам войны вошедшем в список четырёх человек – Героев Советского Союза и полных кавалеров ордена Славы, до настоящего времени в Калининградском регионе так и не увековечена.



Берега юбилеев

ОТ НОВОЙ ШВАБИИ – ДО НОВОЙ СПАРТЫ

Беседа Виктора Гужова с писателем Евгением Чебалиным к его 85-летию

Евгений Чебалин – академик, действительный член Петровской академии наук и искусств (ПАНИ), лауреат Международных премий «Золотое перо Руси», член Союза писателей России и Евразийской гильдии писателей OPEN EURAZIA, кавалер индо-арийского ордена «Кшатрий» (воин) и высшего ордена ПАНИ «Пётр Великий».

Виктор Гужов – координатор Самарского регионального отделения политической партии «Родина: здравый смысл», депутат Губернской Самарской Думы.



Виктор Гужов: Евгений Васильевич, с момента нашей последней беседы прошло около двух лет. После неё мне пришло и продолжает приходить много отзывов и вопросов о вас: и творческих, и касающихся личной жизни. Ваша фамилия и ваша публицистика «штормит» в Интернете. За это время произошло много событий.

Вас избрали академиком, действительным членом Петровской академии наук, и вашими коллегами по академии стали Илья Глазунов, Никита Михалков, Николай Сличенко, Сергей Глазьев, Станислав Говорухин. По вашей диалогии «Час Двуликого» и «Гарем Ефрейтора» защитила диссертацию кандидат филологических наук из Грозного Р. Татаева. В Москве в издательстве «Голос-Пресс» вышла вторая книга диалогии «Безымянный Зверь» – «СТАТУС-КВОта». Комментаторские «круги» от неё уже круче, чем от «Безымянного Зверя», вызвавшего всемирный резонанс и истерику Колина Пауэла из Госдепартамента США. По этой диалогии защитила докторскую диссертацию в Сорбонне русская аспирантка Г. Осипенко. Ваше творчество факультативно изучают в университетах Америки и Японии, болгарский альманах «Литературен свят» под редакцией Георги Ангелова публикует вашу обширную биографию и даёт подборку отзывов о вашем творчестве с девяти континентов.

Когда вы переступили порог восьмидесятилетия, который отмечался в Губернской Думе, телеграммы, отзывы на вашу прозу и поздравления пришли со всех концов России, из Министерства иностранных дел, из Государственной Думы, от председателя ЦК КПРФ Г. А. Зюганова, из СНГ и дальнего зарубежья. В этом году, в сентябре, у вас юбилей – 85-летие. Надеюсь, всё это достаточно интересно для ваших читателей, параллельно с вами живущих во временном отрезке XXI века.

В итоге первый, может быть, несколько неожиданный вопрос: Что наиболее яркого и полезного вам запомнилось из детства?

Евгений Чебалин: Яркого в детстве было много. Моё поколение юных сельчан того времени находилось под мощнейшим излучением «Тарзана». Мы испускали его клич, мастерили на деревьях гнёзда-настилы, вертели «солнце» на школьном турнике, шныряли по горным кавказским джунглям, раскачивались над обрывами на «тарзанках» и срывались с них, переплывали ледяную стремнину Аргуна. Нас возили в Грозный на концерты симфонического оркестра. Что ещё... пожалуй, наш детский ансамбль – квартет, который я сколотил из своих шестиклашек: гитара, две мандолины и гармошка. Репертуар расписывал для инструментов сам, на слух. Ноты изучил лишь в девятом классе. Мы играли на свадьбах, на танцах в клубе и посиделках, были закопёрщиками в районных концертах. Славы тогда хлебнули всласть, не ошибусь, если скажу, что все четверо «заболели» музыкой с того времени на всю жизнь.

Что касается самого полезного... это была, пожалуй, воспитательная акция отца.

В. Г.: Когда это случилось?

Е. Ч.: В Чечен-ауле ЧИ АССР. Отцу, капитану запаса, командиру батареи «сорокапятки» в Великой Отечественной войне, потомственному казаку, было в то время около пятидесяти, мне – лет двенадцать. Мать уехала на недельку к родичам в Казань, мы с отцом остались при хозяйстве одни. Он работал главным агрономом совхоза, пропадал в полях с темна до темна. На третий день утром, уходя, он разбудил меня и сказал: польёшь огород, покормишь кур. И ушёл. Я отправился на рыбалку, рассудив, что с огородом успеется. Так случилось, что рыбалил, купался в Аргуне до вечера.

В. Г.: Про полив забыл.

Е. Г.: Про огород и кур забыл. Возвратился домой почти затемно. Силуэт отца ворочался над овощными зарослями – поливал помидоры и огурцы из арыка ведром. Я пошёл к нему со связкой пойманных усачей на прутке, ожидая похвалы за предстоящую жарёшку. Он поставил ведро на землю и молча, со всего маха влепил мне оплеуху. Сказал: «Польёшь остальное», и ушёл в дом. Я поливал огород почти до полуночи, придавленный раскаянием. Возвратился в дом, доел жареную картошку, оставленную для меня на столе, и лёг спать.

С той поры и до нынешних дней я хорошо усвоил два жизненных урока: родителей надо слушать в оба уха, чтобы потом не распухало одно из них. И если за тобой числится какое-либо дело, лети его делать со всех ног.

В. Г.: Действительно памятное событие. Никак не лезет в либеральные ценности и нагло выламывается из ювенальной юстиции. Прошло более полувека с той поры, вы известный в мире писатель. Читатели и интернет-пользователи никак не могут втиснуть вас в какие-либо жанровые рамки. Последняя рецензия в «Дне Литературы» В. Лютого на ваши романы «СТАТУС-КВОта» и «Ковчег для Третьей мировой» вообще изолирует вашу позднюю прозу от мирового литературного процесса:

«...Эти произведения словно бы находятся вне течения сегодняшней литературы. Но одновременно книги касаются таких воспалённых до предела сторон русской жизни, что кажется: традиционная литература отходит в сторону, смотрит с опаской и завистью... на этого “анфан террибля”».

Е. Ч.: Не было времени выяснить, что это за «анфан...», подскажите?

В. Г.: Что-то вроде «неадекватного маргинала». Или «лимитчика в литературе». В общем – не совсем хороший человек, редиска. А по вашим масштабам – редька.

Е. Ч.: Хреново, но сойдёт. В смысле: хрен редьки не слаще.

В. Г.: Я, как это теперь называется, предварительно «промониторил» множество отзывов, рецензий, бесед с вами, откликов на вас в прессе и Интернете. Их набралось на две-три биографии нормального литератора. И смотрят на вас не с «опаской и завистью», критик поделикатничал. Смотрят со страхом, лютой злобой или с обожанием. Итак, что тревожит сейчас «анфан террибля»?

Е. Ч.: Определение «тревожит» не подходит. Точнее, в мозгах торчат два гвоздя. Первый: когда наш, поднакопивший жирку, омерседесенный средний класс, наконец, осознает, что если он делами и поступками не встроится державником, национальным патриотом в национальную политику в этот жесточайший период СВО, то англо-саксонский олигархат встроит его в свой желудок с лёгкостью гадюки, заглотнувшей лягушку. Это уже делается, но «лягушка» пока этого не замечает.

И второе – что ещё ОНИ (обозначенные так Раковским) выкинут? Какая разновидность ИХ геноцидной стратегии для России рухнет на нас в ближайшее время? Своих марионеток из пятой колонны у нас ОНИ имеют. Какой этап запланирован ИМИ дальше?

В. Г.: «ОНИ» – это кто?

Е. Ч.: Иногда стоит освежать в памяти историческую беллетристику, например допрос ИХ агента Хаима Раковского, арестованного в 1938 году. Этот документ по геополитической значимости не уступает стенобитным «Протоколам сионских мудрецов».

В. Г.: А кто такой Раковский?

Е. Ч.: Предсовнаркома Украины в 1919–1923 годах, полномочный диктатор Украины. Затем посол в Лондоне и Париже. Был арестован вместе с Бухариным, Рыковым и Ягодой, проходил по «делу троцкистов». Был допрошен следователем Г. Г. Кузьминым с применением тебаина (психотропный препарат). Все, проходившие по делу, были расстреляны, Раковский, давший бесценную информацию для Сталина, заслужил жизнь и был при вожде в качестве советника ещё долгое время.

В. Г.: Что за информация?

Е. Ч.: Несколько выдержек из допроса.

«Кузьмин: Давайте определимся – кто это ОНИ? Банкиры?

Раковский: Когда я говорю о Финансовом еврейском интернационале, я так и называю его: Фининтерн. Но когда заходит речь о НИХ, я всегда говорю “ОНИ” и ничего больше. Ни один из этих людей не занимает политической должности в Фининтерне. ОНИ над этой структурой.

Покойный Вальтер Ратенау, который знал ИХ лучше всех, сказал: “У НИХ такая власть, что они могут заставить половину мира производить г...но, а вторую половину его есть”.

Банки, биржа, вся всемирная финансовая система – это просто машина, вся цель которой производить ещё больше денег для небольшой кучки банкиров и укреплять свою власть над миром. Но ОНИ ворочают рычагами финансовой системы. И не только. ОНИ полностью контролируют и производство, и распределение, и рабочую силу, и вообще все глобальные процессы в обществах и государствах.

ОНИ неизмеримо выше по положению, чем Гитлер, Черчилль и Рузвельт в XX веке вместе взятые. И от этого никуда не денешься. В своё время они подготовили Троцкого для абсолютной диктатуры в СССР. Но власть захватил Сталин. Свергнуть Сталина ОНИ не в состоянии – он не ИХ креатура. Но ОНИ смогли поставить его в положение Николая II. ОНИ дали Сталину только право выбирать между предложенными двумя вариантами: или произойдёт нападение Гитлера на СССР, или капиталистические страны перебьют друг друга – с тем, чтобы не мешать делать из Германии и СССР один образцовый Заксенхаузен. На что должен решиться Сталин перед такой угрозой? Попытаться найти общий язык с Гитлером. Например, заключить пакт Молотова – Риббентропа о ненападении...»

В. Г.: Вы считаете, что таинственные ОНИ не потеряли своего могущества до сих пор и способны сейчас приказывать не только главам государств, но и влиять на геофизические процессы планеты? В ваших романах «Безымянный Зверь», «СТАТУС-КВОта», «Ковчег для Третьей мировой» таким могуществом обладали кланы Энки и Энлиля, пришельцы с планеты Мардук-Нибиру. Раковский, по-вашему, имел в виду ИХ?

Е. Ч.: Именно ИХ, если содрать с этой темы дезинформационную лапшу, блескучий серпантин и сенсационное конфетти, которым мировые правительства и уфологи окутывают тему НЛО, зарабатывая свои дивиденды. Тумана в эту сферу подпускают американские и наши космонавты, в частности Пётр Климук, пробалтываясь «под большим секретом» об НЛО, которые им не раз приходилось встречать в космосе и на Луне.

Так называемые Неопознанные Летающие Объекты, или «тарелки», давно опознаны, классифицированы геополитически, этнически и технологически. Известны конкретные места их базирования. Информация о них запрессована в Пентагоне и ЦРУ, в КГБ-ФСБ, в архивах Конгресса США. И тем не менее, так или иначе всё это просочилось к исследователям.

В. Г.: Поделитесь сведениями?

Е. Ч.: Стоит ли повторяться?

В. Г.: Хотя бы в общих чертах. Мне, например, мало что известно об этом. Думаю, что таких немало.

Е. Ч.: Летом 1945 года в аргентинском порту Мар-Дель-Плата пришвартовались две подводные лодки: «U-530» под командованием Отто Вермаута и «U-977» с командиром Хайнцем Шеффером – из так называемого «Конвоя фюрера». Их арестовали и приступили к допросам экипажей. Это был чрезвычайно трудный процесс, поскольку память членов экипажа была гипнотически заблокирована. Но постепенно кое-что удавалось узнавать. Субмарины отбыли из германского порта Киль перед самым окончанием войны и взяли курс на «Новую Швабию» в Антарктиде. На борту субмарин находились более десятка высших партийных функционеров Рейха, лица их были скрыты хирургическими масками. Выполнившие свою миссию лодки и транспортные суда были отпущены, мозги экипажей гипнотически стерилизованы.

В. Г.: Не могли под хирургическими масками скрываться Гитлер и Гиммлер? Вокруг судьбы этих главарей Рейха, опекаемых ИМИ, до сих пор много неясностей и вариативных предположений.

Е. Ч.: Сдавшийся в английском секторе Германии субъект с перевязанным глазом назвался Гиммлером – ещё до начала допроса. Заученно твердил смысловые и фразеологические блоки из гиммлеровского репертуара и, с явным облегчением, раскусил ампулу с ядом в коренном зубе, как только его стали прессовать всерьёз, допрашивая о тех, кто его послал. В ЦРУ есть отчёт и заключение разведспецов об арестованном: двойник Гиммлера, причём плохо, в спешке подготовленный.

В. Г.: А обгоревший труп Гитлера в Рейх-канцелярии?

Е. Ч.: Анализ ДНК, взятый с черепа «Гитлера», хранящегося в архивах ФСБ, показал, что он принадлежит 40-летней женщине.

В. Г.: «Новая Швабия» в Антарктиде... что здесь истина, а что фантазия?

Е. Ч.: Американская разведка предоставила правительству США в 1946 году отчёт. В нём говорилось о грандиозной работе, проделанной «Аненербе» за период 1942–1945 годов – при помощи неких высших существ. ОНИ указали под антарктическими льдами пустые, прогретые гейзерными источниками полости, подсказали переселенцам множество технологических открытий и новшеств. После чего около сорока судов и тридцати подводных лодок Рейха стали доставлять в Антарктиду учёных, специалистов авиаторов и конструкторов во главе с австрийским изобретателем Виктором Шаубергером, который работал на Гитлера ещё с 1934 года. На базу доставлялось горнопроходческое оборудование, военнопленные, отряды гитлерюгенда для производства из их генофонда методами генной инженерии «сверхлюдей». А также биороботов: для тяжёлых вспомогательных работ и ведения боевых действий.

Полости в Антарктиде образовались от действия термальных источников, указанных на легендарной карте «Пири Рейса», на которой снята ИМИ из стратосферы Антарктида ещё до оледенения. Под многокилометровой толщей льда горячие гейзеры из земных недр вытапливали огромные пустые ниши, которые постоянно расширялись. Ледяной свод постепенно таял, от падающего дождя на земле полноводно ширились озёра. Со временем связанная воедино цепь пустотных ниш подо льдом и цепь пресноводных озёр образовали гигантское, почти субтропическое, пространство, имевшее идеальные условия для разумной жизни и деятельности человека.

Задачей Аненербе на базе в Новой Швабии было получение новых видов энергии, изготовление в опытно-конструкторском центре VRIL космических и военно-истребительных летательных аппаратов в сериях Haunebu-X-Boot, VRIL-jager – от первой до седьмой модели. А также создание методами генной инженерии новой расы Хомо Сапиенс. Подо льдами Антарктиды с помощью высшей расы, или ИХ (по Раковскому), удалось создать огромный, в перспективе для миллионного населения город.

Параллельно велись работы по созданию дисколётов на материке, на оккупированных Рейхом территориях – Чехии и Моравии.

В. Г.: Что-нибудь из этого удалось?

Е. Ч.: Практически всё, что стояло в планах Аненербе. Виктору Шаубергеру удалось сконструировать постоянно действующий источник энергии для «Новой Швабии»: вихревые генераторы, позволяющие получать энергию в неограниченных количествах. Топливом для них служила вода, разлагаемая с помощью катализатора на водород и кислород. Этот же принцип был положен Шаубергером в основу двигателей для дисколётов. Пульсирующие с магнитно-импульсным управлением, реактивные двигатели со свободно вращающимся ротором – «Triebflugel», «Schumann-Levigator 16», «Туле-тахсионатор 7b» (бронированный) за счёт «эффекта флотации» развивали гигантскую подъёмную силу, позволяли летать со скоростью 25–40 тысяч километров в час. Дисколёты были оснащены пулёмотно-зенитными вращающимися башнями KSK 2 × 2 × 11, KSK 2 × 2 × 14, планировалось дооружить их лучами Теслы.

Эти летающие вооружённые линзы под кодовым названием «Flugschieben» могли с одинаковым успехом передвигаться как в воздушной, так и в водной среде.

В. Г.: Слишком фантастично, чтобы признать всё это реальностью.

Е. Ч.: Для американцев итоги допросов и данные своей агентуры в Германии не показались фантастичными. Было принято решение на правительственном уровне: найти Новую Швабию. В начале 1947 года в Антарктиду была послана огромная экспедиция «High Jump» (Высокий прыжок). Командование экспедицией возглавил адмирал Ричард Бэрд. В состав экспедиции вошли эскортный авианосец «Касабланка», 13 кораблей различных типов, 25 самолётов, вертолёты и около четырёх тысяч личного состава.

Экспедиция работала месяц, успела за это время обследовать около тысячи квадратных километров Антарктиды, сделать 49 тысяч фотоснимков. Но, вероятно, исследования приблизились к зоне, где пребывание эскадры стало для Новой Швабии недопустимым. Корабли и эсминец внезапно подверглись нападению дискообразных аппаратов, вылетающих из воды с чудовищной скоростью. Авиано-

сец и три корабля были потоплены, в течение получаса погибло сорок моряков, после чего эскадра полным ходом ретировалась с места боя. А дисколёты, ни один из которых не был даже повреждён, скрылись под водой. Аналогичная судьба постигла и нашу экспедицию, посланную Сталиным.

На заседании президентской спецкомиссии Ричард Бэрд сделал подробный доклад о нападении на эскадру. После чего все сведения об экспедиции были засекречены на долгие десятилетия.

В. Г.: Сколько времени прошло с тех пор... вам не кажется, что под влиянием технологических открытий оно заметно ускорилось? У меня иногда складывается ощущение, что временная субстанция, несущая нас, вскипает, подобно горной реке, попавшей в теснину между двух скал. И нас бешено, с ускорением несёт. Куда?

Е. Ч.: Время действительно ускоряется, когда становишься его объектом, позволяешь ему воздействовать на себя.

В. Г.: А разве бывает иначе?

Е. Ч.: Бывает. Если ты не объект, а субъект времени и сам воздействуешь на него. Тогда оно существенно замедляется или практически останавливается вообще.

В. Г.: Для многих это покажется абракадаброй. В чём конкретная разница между объектом и субъектом в вашей трактовке?

Е. Ч.: Объект времени, применительно к человеку, – это человеческая единица, встроенная в какую-либо рабовладельческую, толпо-элитарную систему и смирившаяся с этим. Субъект – независим, преобразует среду обитания и очеловечивает эту систему, вызверившуюся на Homo Sapiens в новом тысячелетии.

В. Г.: Рабовладельческая система в двадцать первом веке?

Е. Ч.: Она страшнее первобытнообщинной, когда не окрепший разум кроманьольца, охотника на медведей и мамонтов, стал пропитываться элементами социального паразитизма.

В. Г.: И к чему пришли? Чем «сейчас» отличается от пещерного прошлого?

Е. Ч.: Степенью рабской зависимости. Сейчас «вождь» (глава фирмы, концерна, корпорации, частного завода) требует от собственного менеджмента и «офисного планктона» добычи главного «мамонта» – Прибыли. В этой системе человеческое здоровье, жизнь обладают гораздо меньшей ценностью, чем в первобытном племени. Все её объекты, лишённые нравственных основ, шестерёнки в машине времени. Для таких объектов время пропитано страхом, злобой, спешкой, тщеславием, завистью. И опасением: успеть бы встроиться в ускоряющуюся гонку стандартов, когда твою плоть с вытравленной душой строгают, обтёсывают и подгоняют под разработанный где-то в верхах примитивный шаблон, лишённый воли и собственной идентичности.

Неумолимо приближается Рубикон, где запланировано: каждый индивидуум на земле будет пронумерован, чипизирован и встроен в глобально-контрольную систему всеобщего концлагеря. И лишь одна Россия противостоит этой людоедской идие. В конце концов, все участники-объекты этой безмозглой гонки, даже обретшие роскошь и власть, – все они влипают к старости в терзающий ужас: когда ушло время?! Куда утесла жизнь и была ли она?!

Несколько лет назад в Англии чествовали главного Иуду XXI века Горбачёва. Международный Фининтерн собрал в концертном зале мировые шоу-сливки эстрады и кино. Вы не обратили внимания на его лицо?

В. Г.: Не хотел бы так выглядеть в старости.

Е. Ч.: Помню его до сих пор. Омерзительно распухшая мордо-маска политического Вия, в которую впечатались страх и тоскливая маята. Возможно, он знал, чем закончилась в эмиграции судьба Троцкого.

Субъект же, исповедующий ЛАД и ГАРМОНИЮ, всегда над временем. Он спокойно встречает свою кончину, поскольку знает в отличие от объектов: его земная жизнь – это лишь крохотный этап его существования, за которым вознаграждающая вечность Эдема.

В. Г.: Если перейти от абстракций к конкретизации: кого из персонажей своих романов вы считаете наиболее показательным субъектом? Кого и почему?

Е. Ч.: Раба Прохора в «Безымянном Звере». Даже будучи пожизненным рабом в рабовладельческой сети Каринфы, Прохор сумел выбраться из неё и стать субъектом. Многие ли из нынешних разумных и двуногих способны выломиться из своей «Рабовладельческой системы»? Прохор оказался над временем, изобретя расеевок для сеялки АУП, нашёл в этой стратегии сытости для

человечества смысл жизни. И был взят под опеку самим Иисусом, а затем анунаком Энки, умножавшим и оберегавшим во времени его РОД. Именно потомки Прохорова насытили и обогатили безотвальное земледелие СССР и России своим изобретением – лучшей в мире сеялкой АУП-18 с рассевком Прохорова, которую ныне производит самарский завод «Сызраньсельмаш», производит и экспортирует в девять стран мира. Такие, как Прохор и его потомок в веках Прохоров, как правило, всегда под опекой Высших сил.

В. Г.: Итак, по-вашему, субъект времени – это творец, одарённый талантом: изобретатель, художник, писатель...

Е. Ч.: ...столяр-краснодеревщик, закройщик-портной, рыбовод, хлебороб, агроном, достигнувшие высот в своих ремёслах. С возрастом всё больше начинаешь ценить эту вторую, ремесленно-техническую, заземлённую категорию, у меня больше всего истинных друзей именно в ней, но не среди политиков или писателей.

В. Г.: И как это объяснить?

Е. Ч.: С творческими осязаемыми ценностями интереснее общаться. Плюс ко всему они генетически надёжней, как опора на изломах бытия.

В. Г.: Вы сам писатель. Чем не угодила родственная творческая элита?

Е. Ч.: Похожестью. Многие из них стали похожи на сварливых, ожиревших мопсов: эдакая стайка на поводках у хама-самодура, сущность которого: известность – власть – прибыль. Раньше, в Социализме, писательская когорта была надёжными, чуткими сторожами нравственных ценностей при читающем, гостеприимном Хозяине. Но усадьбу – СССР, раздолбали, обрушили с крахом. Выводок бывших сторожей усадьбы, приобретших столичную прописку графоманов, теперь способен лишь рычать друг на друга, тусоваться на каналах TV и драть загаженный паркет кривыми лапками. Иной храбрец способен даже тявкнуть в СМИ и на самого Хозяина. Для пишущих аборигенов с берегов Енисея, Лены, Байкала, Волги, Дона, Кубани, Терека, из Сибири – кто не участвовал в их столичной сваре за «бабки» и Переделкинскую недвижимость, вникать в их писучий междусобойчик не к чему, а читать весь этот перебрёх смешно и грустно. Есть немалая надежда, что весь этот сваропроцесс будет остановлен и нейтрализован новым председателем Союза писателей В. Р. Мединским.

В. Г.: Ну а политики?

Е. Ч.: Многие из них западной ориентации, идеологичны. Это категория словоизверженцев. А единоутробные сёстры их – проституция и продажность. Они легко поддаются дрессировке и позмеиную гибко перетекают из одних убеждений в другие, более жирные и сытные, где деньги не пахнут.

В. Г.: Готовы назвать фамилии?

Е. Ч.: Для этого надо извлечь их из прошлого. Практически забытого: Евтушенко, Ерофеев, Аксёнов, Сорокин, Окуджава, режиссёры Ефремов, Табаков, почти все «красные губернаторы» (исключая Кондратенко). Про «авангардную» актёрскую гильдию можно вообще не распространяться. Им на лбы раз и навсегда было поставлено клеймо, кажется, Щепкиным: «Актёры – это дети, но это сукины дети». Про некоторых, смакующих себя, любимых, в авангардно-гинекологическом репертуаре, можно добавить: дети от бешеных сук.

В. Г.: А их антиподы?

Е. Ч.: Подлинная элита России: Лев Рохлин, полковник Квачков, Альберт Макашов, Борис Миرون, Юрий Петухов, Виктор Илюхин, Илья Глазунов, Бондарчук-старший, Юрий Соломин (светлая ему память), Василий Белов, Шукшин, Александр Проханов, Исраэль Шамир и много других, не торгующих за валюту национальными ценностями своих предков и не скурвившихся. Честь имеющих. Или имевших посмертно. Родственная им Духом и Верой – нынешняя гвардия СВО, сражающаяся с укро-фашизмом.

В. Г.: Вы сами считаете себя субъектом?

Е. Ч.: Гибридом субъекта и объекта. Второй ингредиент нередко перетягивает, когда тебя заглатывает Его Превосходительство Быт.

В. Г.: Как часто это случается?

Е. Ч.: На дочь, на её дело наезжают рейдеры, и ты, бессовестно транжируя чужое время, подключаешь к её коррупционной проблеме знакомых силовиков из ФСБ.

У знакомого «босса» из секретариата Союза писателей выходит в Москве новый роман, и он просит написать рецензию. Наступив на горло собственной песне, садишься и пишешь, поскольку знаешь по себе, как хищно и безжалостно может кусать гадюка молчания, выпущенная по твою душу.

Из Австралии по E-mail зовёт на совместные гастроли потомок русских эмигрантов, пианист, окончивший Сиднейскую консерваторию по классу Геррарда Виллемса. Он получил в подарок от русских друзей «СТАТУС-КВОту», с нотами моего «Сонатёныша» и теперь играет его в своём гастрольном репертуаре. Маешься несколько дней в соблазне полететь в Австралию, пока с сосушей безнадегой не осознаешь: какие совместные гастроли, когда разменял девятый десяток?! Мой нынешний фортепиано-исполнительский уровень, скорее всего, не годится матёрому профессионалу и в подмётки.

Из вуза (теперь ставшим обязательной академией) просят встретиться со студентами. Готовишься, встречаешься. После чего два-три дня послевкусие во рту, где будто ночевали жабы: от смеси дремучего невежества и голого практицизма не читающих обалдуев.

Из Страсбурга выходит на электронную почту выпускник МГУ, легендарный чеченец Муса Темишев, нынешний президент Ассоциации кавказских народов во Франции (в Ницце) – бывший идеолог «Великой Ичкерии». Яндарбиев, Дудаев, Масхадов, Басаев, Удугов – это его выкормыши. Они же, когда он восстал, постигнув их звериную, замешанную на сепаратизме русофобию, и марионеточную, оплаченную суть, устроили на него облавную охоту по всей России.

Чеченцу во Франции одиноко. Теперь он отчётливо, до пароксизма, понимает, каких вурдалаков пестовал и наставлял в Чечне в своё время. В его строках исповедальная боль. Втягиваешься в долговременную, обнажённую переписку: чеченец по многим своим позициям гораздо ближе, чем распиаренные экземпляры обрюзгшей, трусливо-рыхлой русской братии, ближе как земляк и кавказец. Мы, даже разбросанные по свету, чуем тягу друг к другу, как кипплинговские волки, бывшие в одной стае.

У жены день рождения – в тот самый день, когда нагло отказывает в своих функциях унитаз и издевательски «сопливит» кран в ванной. Чинишь сантехнику, параллельно организуя близких собутыльников для застолья.

Нежданно озадачивает звонком предводитель группы изобретателей и категорически впрягает в оглобли соучастия – я, писатель и журналист, обязан пробить и внедрить хотя бы пять изобретений из шестидесяти, многие из которых – революция в своей отрасли. Скрипя зубами, знакомишься с патентами и чертежами и ошарашенно осознаешь: предводитель прав, это действительно так. Отчётливо понимая бессмысленность усилий, затеваешь переписку с верхами: от Кремля и министерств до губернатора. И в кровь разбиваешь лоб о тупой пофигизм и алчность чиновной коросты. Самое подлое в этом процессе – твоё бессилие, поскольку нынешнему, всё ещё власть имущему либерал-синклиту западников из 5-й колонны – чиновному синклиту временщиков, не нужны, более того – враждебны и инновации, и их носители.

Звонит художник, который оформлял почти все романы: талантливейший график, раскрывавший в каждом рисунке самую потаённую смысловую суть текстовой главы. Едва ворочая языком, косноязычно спрашивает: «К-как д-дела?» У него был инсульт с поражением речевого центра, из коего никак не выкарабкается. После выхода в свет «Безымянного Зверя» его ударили по голове перед Новым годом на улице, облили руки водой и оставили лежать на двадцатиградусном морозе на трамвайных рельсах. И лишь чудом его заметила вагоновожатая трамвая. Его сделали беспалым, чтобы впредь не повадно было рисовать то, что вышло в «Безымянном Звере». Говоришь с ним, мучаясь бессилием: чем, как искупить свою вину?!

Вся эта лавина неизбежно и хищно засасывает.

Вдобавок начинаешь задыхаться в смоге ненависти и отчаяния, что висит над мегаполисами: восемьдесят процентов горожан терзает чиновный и ЖКХ-овский бандитизм. Чем накормить, одеть, обути детей, где взять денег на школу, институт, на квартиру, как увернуться от бешенства тарифов?! От озверевшей инфляции?! И всё это на фоне лоснящихся, ржущих морд на телеэкране, смакующих свой пир во время кровавой чумы СВО.

Задыхаешься от всего этого в буквальном смысле слова, пока не дойдёшь до точки взрыва, с диким ором и пинанием мебели: при непонимающем ужасе домашних. После чего надолго выключаешь телефон и сбегаешь.

В. Г.: Куда?

Е. Ч.: В деревню, к тишине. К пианино – Бетховену и Рахманинову. К волчьей шкуре на стене кабинета. К своим русским пейзажам, кавказской чеканке, египетской мифологии на папирусах, вьетнамским и кубинским макраме, привезённым из давних путешествий. К ветряному шороху сосен над крышей. К парашютно-ленивым хлопьям снега за окном. К письменному столу.

Тогда время исчезает. Оно сворачивается в клубок, как преданный пёс где-нибудь в углу. И ты превращаешься из объекта его воздействия в субъект Мироздания.

В. Г.: В деревне городского «смога» нет?

Е. Ч.: Там он очаговый и как-то смягчается дикой мощью леса, своим огородом, подсобным хозяйством. Время от времени посещаю местного «Кулибина»: беженец из Казахстана. Работал главным инженером на гиганте-заводе. Потом с «главных» сняли, в руководители понатыкали своих, «узкоплёночных», не отличающих эскалатор от экскаватора. Сделали мастером участка и постепенно стали превращать в раба: зарплату урезали втрое, а объём работы настолько же увеличился – только русские могли тянуть производство. «Кулибин» бежал в Россию почти в чём мать родила, осел в Самарской области. Подобные ему уже маялись здесь: два десятка семей. Ни подъёмных, ни квартиры, ни компенсаций – в отличие от миллионов мигрантов из Азии, сколачивающих у нас свои диаспоры. От власти – гнилой барак на взгорье, продуваемом семи ветрами. Слава Богу, при двух чемоданах, кои удалось прихватить при бегстве, были золотые руки и стратегическая голова. Со свалки, со списанных тракторов и комбайнов, приволокли на тачках всей артелью груды полезнейших железок, пружин, амортизаторов, шестерёнок, движков, аккумуляторов, электродеталей. Соорудили свой ветряк, провели электроотопление. Вырыли колодец, утеплили барак. Сносно перезимовали. А потом развернулись.

Сейчас при артели общий инкубатор, пруд с утками, гусями и карпами, трактор с набором плугов и культиваторов, обширный опытный участок с рассадой и саженцами, которые закупает у них полсела. Пашут сельчанам огороды, торгуют птичьей молодью и рыбой из пруда. Исконно русская непотопляемость и способность перекраивать среду обитания для себя! Чинят в селе холодильники и телевизоры, ставят антенны. Дважды сами (полиции не дозовёшься) отбивали с вилами и монтировками бандитские и рейдерские наскоки среднеазиатских мигрантов. Больше к ним не лезут.

Артель беженцев во главе с «Кулибиным» стала незаменимой и неотъемлемой частью села, с лихвой заменила раздолбанный реформаторами быткомбинат. Детей возят в школу своим реанимированным автобусом, в артель приходят платные педагоги: учат танцам, музыке, иностранным языкам. Телевизор и айфоны для детей строго дозированы и жестоко ограничены.

В. Г.: Всё-таки выжили, укоренились...

Е. Ч.: Не благодаря, а вопреки, всем либер-чертям назло.

В. Г.: Там, в деревне, были написаны «Безыманный Зверь», «СТАТУС-КВОта», «Ковчег для Третьей мировой»?

Е. Ч.: Именно там.

В. Г.: Теперь – к теме, замешанной на мистической конспирологии. Прежде чем продолжить разговор, приведу несколько отзывов об этой стороне вашей прозы из электронной переписки, Интернета и прессы.

«... Догадался бы Проханов организовать кампанию за выдвижение единого кандидата в Президенты России от всего элитного электората – вас, Евгения Чебалина, талантливого конспиролога и волевого кавказца. Человека, который понимает своим разумным сердцем христианина и мусульманина. Я бы стал вашей правой рукой и левой ноздрей...»

...Другое дело, что вы поглощены более великими делами, чем политика. Быть писателем эпохи, каким вы являетесь, это выше, полезнее, святее.

Муса Темишев, Президент Ассоциации Кавказских народов во Франции (Ницца)».

Е. Ч.: В принципе я не против. С поправкой: если бы кто догадался выдвинуть Проханова кандидатом в президенты, я бы сам стал его левой рукой и правой ноздрей. Но тут может сработать фактор, увы, возраста. А недавно вручённая ему президентом Золотая Звезда «Герой Труда» – закономерный итог этого возраста.

В. Г.: Темишева дополняет региональная правительственная газета «Волжская Коммуна» в статье «Мистический статус».

«Новое произведение Е. Чебалина “СТАТУС-КВОта”, как и прежнее, вызовет яростный спор у читающей публики. Интернет-сообщество уже разделилось во мнениях: одни считают, что автор

впал в мистический маразм, другие, что это одна из наиболее ярких вершин современной мировой литературы».

В чём-то с этим мнением перекликается доктор филологических наук из Белоруссии, помощник президента по культуре К. Н. Прокошин:

«Владея странной, почти мистической магией соглядатая, Е. Чебалин доносит до нас и расшифровывает невероятности исторических катаклизмов, делая их абсолютно достоверными. Оттого зазеркалье романа нередко более реально, чем среда обитания читателя. Это роман-мистерия, роман-пророчество».

К вышесказанному близка позиция доктора философских наук, директора Центра СНГ при Министерстве иностранных дел А. Д. Шутова:

«В начале XXI века не появилось ни одного литературного произведения, мерой оценки которого было бы бессмертие».

Для романа Чебалина, как это ни пафосно звучит, иной меры нет. В нём на необычайно художественную высоту подняты и решены в мистическом ключе противостояния жизни и смерти, правды и лжи, Христа и антихриста».

Общим для этих высказываний является мистическая составляющая последней диалогии.

Е. Ч.: Мистика – это железная рука в бархатной перчатке.

В. Г.: Я встречал где-то в прессе или Интернете экстравагантное определение: «Шизофренизмы Чебалинской прозы» – это о «СТАТУС-КВОте» и «Ковчеге для Третьей мировой».

Е. Ч.: Достаточно точно.

В. Г.: Мистика начинается буквально с первой страницы «СТАТУС-КВОты», где среди реальных лиц, кому посвящается роман, назван «Посредник из ноосферы» римский историк времён Христа и Понтия Пилата Иосиф Флавий. С портретным изображением, которого не было до сих пор ни в одном историческом источнике. И с фразой, бегущей вокруг портрета по кругу: «Да тесен мир».

В прессе уже была информация, что этот патриций явился автору во сне и продиктовал основные сюжетные линии романа. Это действительно случилось там, в деревне?

Е. Ч.: Чтобы усилить шизофренизм нашей беседы, добавлю: душа материальна. Флавий расшифровал и обрисовал структурное строение её сегментов, развёртывание при взлёте в Ноосферу и чистку ядрами гелия.

В. Г.: А что за изречение вокруг портрета «Да тесен мир»?

Е. Ч.: Глубинный смысл фразы, закольцованной в едином смысле, стал понятен после прочтения её с конца: «Рим несёт ад». Рим времён Иосифа Флавия – растлитель, рабовладелец, палач, действительно нёс народам ад, и Флавий лучше многих видел эту его сущность. Он навязал будущим поколениям матрицу разложения человечества: пытки рабов, развратную продажность сенаторов и прокураторов, схватки гладиаторов на потеху патрициев и плебса.

Но, главное, именно в Риме зародилась удушающая модель ростовщичества, ссудного процента. И деривативов. С позволения Рационибуса (министра финансов), прокураторы, возглавлявшие дело чеканки асса, драхмы и динария, стали отдавать это дело пришлым на откуп (за взятку). И первыми, кто полностью скупил дело чеканки монет в Риме, стали Хабиру (древнееврейское племя), они же узаконили процент с кредита. После чего Римская империя стала разлагаться ускоренными темпами и исчезла. А мир стал тесен для народов, попавших в рабскую петлю ссудного процента, истреблявших друг друга за пядь земли или богатую рыбой акваторию. Ныне мы имеем американскую ФРС, частную сионскую организацию, печатающую деньги. Она близнецовый слепок с поздней Римской финансовой системы.

В. Г.: «СТАТУС-КВОта» практически вся насыщена предельно давней, «допотопной» мифологией и сиюминутным сюрреализмом. Здесь потрясающий душу эпизод смертельно опасного противостояния Иисуса жрецам храма Парабрамы. Здесь мировоззренческий урок богу Энки от одноглазого гиперборея Полифема; вразумление Моисея Египетского на горе Синай и вручение ему каменных скрижалей с Декалогом; схватка не на жизнь, а на смерть Евгена и Прохорова со стаей воронья и пленение её главаря Кошко-ворона; распятие хрисламского младенца Руслана на берегу Дагестанского Самура; воскрешение бригадира Тихоненко Евгеном, к которому подключается казацкий Эгрегор; стычка анунака Энки с крылатым жеребцом Пегасом – всё это может обитать лишь в Зазеркалье романа. Столь же тесно сплавлены с мистификацией реальные исторические персонажи: маршал

Жуков, генералы ГРУ Серов и Пономарёв, главный идеолог Кремля Суслов. Но этот зазеркальный сюрреализм соткан из точнейших и конкретных деталей. Логика и узнаваемость позиций у героев романа настолько злободневна, что «сюр» отступает в сторону, обнажая мыслящему читателю беспощадность сиюминутных проблем. Они вцепились в современный мир и Россию. И в изображении всего этого так называемый «эффект присутствия» (по А. Григоряну), или видения.

Е. Ч.: Кому как приятнее.

В. Г.: Если взять фантастику XX–XXI веков: Иван Ефремов, Чингиз Айтматов, Рей Брэдбери, братья Стругацкие, Курт Воннегут, Алексей Толстой. В их творениях есть и полёт фантазии, и социальная проблематика.

Но мне не хватает у них осязаемости среды обитания героев. Её нельзя «пощупать», многое схематично и приблизительно.

Подняться до «эффекта присутствия» или впасть в состояние «видений» смогли, по-моему, лишь Станислав Лем в «Солярисе», Булгаков в «Мастере и Маргарите». И Л. Леонов в «Пирамиде». Но ваши «Безымянный Зверь», «СТАТУС-КВОта», «Ковчег для Третьей мировой» масштабнее и глубже по охвату планетарных событий, вдобавок они, по одному из выражений в Интернете, «кровоточат» так, что приходится откладывать книгу, чтобы перевести дух. Чем достигается подобное воздействие?

Е. Ч.: У каждого по-своему. Рискну предположить: никому из вышеназванных писателей «видения» не сыпались манной небесной сверху. Львиную долю работы брал на себя «свинцовый зад» писателя.

В. Г.: А у вас?

Е. Ч.: У меня, с моим спортфаковским образованием, тем более. После выхода в свет очередной крупной вещи впадаешь на многие месяцы в состояние, родственное кастрированной пассионарности или летаргии. Читаешь, заходишь в Интернет, смотришь выборочно телевизор. Что-то иногда прокалывает, обжигает, застревает в памяти. Фиксируешь «ожоги» на бумаге, пока не прояснятся тематика и сюжетный стержень будущей вещи. Тогда начинаешь копать вглубь, на академическом, научном уровне ту тематику, которая ломится в роман, – политику, мифологию, генную инженерию, биогенетику, отчёты о мировых археологических раскопках, конспирологию, военную стратегию императоров и царей, этнические завихрения народов и т. д.

Так длится год-два, пока не наступает ступор: всю эту винегретную разнородность невозможно сплавить воедино, нанизать на единый шампур сюжета. И это доводит до... бешенства и полного упадка.

В. Г.: Покой нам только снится и в деревне? Флавий явился в такой период? Явился после того, как убедился: у субъекта, сидящего под соснами, уже недостаточно для дальнейшей работы его «свинцового зада».

Е. Ч.: С Флавием многое встало на свои места. Начиная главу, часто видел всю её в мельчайших деталях, оставалось занести увиденное на бумагу.

В. Г.: Что значит «увидел»?

Е. Ч.: Видел, значит, видел – трёхмерно, стереоскопически. Когда Адаму на горе Килиманджаро во время Потопа помогал добираться до Ковчега дикий вепрь, я видел размеры, абрис, щетину, янтарную плазму его глаз, цвет клыков, вдыхал вонь из пасти, слышал хрип из его глотки, ощущал рез в ладонях Адама, вцепившихся в щетину кабана.

Многие концепции, сюжетные разработки, планетарные темы и «видения» не вошли в «СТАТУС-КВОту» и «Ковчег...». Нельзя объять необъятное.

В. Г.: Сменим ориентир беседы. Людские сообщества в разные временные периоды имели столь же разные ценности: житейские, духовные, конфессиональные, бытовые. Были периоды, объединяющие устремления народов воедино, например европейская Эпоха возрождения и необычайный взлёт в ней творчества, духовности. Или эпоха Средневековья, с его инквизициями и кострами для ведьм. Или татаро-монгольское иго для народностей Среднерусской равнины, где главной задачей стало сохранение нашего Православно-славянского генотипа.

На ваш взгляд, что общего, узнаваемого сейчас среди народов Евразии?

Е. Ч.: Давайте ограничимся Европой. Эта утратила СОЧЕДО. Утрата нарастает в геометрической прогрессии с каждым годом после распада СССР и стран соц. лагеря.

В. Г.: СОЧЕДО – как понять?

Е. Ч.: У компьютерщиков есть понятие «мегабайты». В разговоре о мобильных и цифровых фотоаппаратах не обойтись без определения «пиксель». Нравственный, перспективный уровень общества измеряется наличием в нём СОЧЕДО – Совесть, Честь, Долг. Сейчас в действиях мирового паразитарного бизнеса, в решениях большинства европейских политиков практически отсутствует стержень СОЧЕДО, его уровень в европейском обществе приближается к катастрофическому нулю. Самое распространённое оправдание за какой-либо бандитский беспредел: «Ничего личного, только бизнес». За этим предательство всех и вся, вплоть до отца и матери, кровь, подлость, искалеченные судьбы. Но этот «только бизнес» делается у них лишь на крови и подлости. И биосфера обострённо реагирует именно на это.

В. Г.: Наводнения, цунами, извержения, землетрясения?

Е. Ч.: Не только. В «Новой Швабии» в идеально-субтропических изолированных условиях далеко продвинулись в разработках геофизического оружия, подобному американскому «haгр» на Аляске, способного целенаправленно вызвать перечисленные катаклизмы. По сути дела, в Антарктиде сейчас живёт параллельная нам цивилизация – с неизмеримо высшим уровнем технологий и социальной организации. Одна из её задач – противостоять обезлюживанию России, ибо они начинают понимать её планетарную значимость. На их стороне Закон М-Концентраций. Эта тема подробно описана в «Ковчеге для Третьей мировой».

В. Г.: Закон М-Концентраций – это производное биосферы?

Е. Ч.: Масштабы Закона галактические, если угодно – Перуновы. Биосфера лишь планетарная исполнительница Высшей воли.

В. Г.: Если расшифровать смысл, заложенный в Закон М-Концентраций, что в нём?

Е. Ч.: Это всеобщий закон принуждения к природному равновесию на планетах Галактики.

В. Г.: Добро – Зло, свет – тьма, твердь – вакуум, огонь – вода?

Е. Ч.: Не совсем. Закон М-Концентраций регулирует взаимодействие биопопуляций, или органической жизни. Это своеобразное принуждение видов к взаимополезному сосуществованию. Если один вид начинает угнетать или вытеснять другой, уменьшая его численность, Закон М-Концентраций восстанавливает равновесие.

В. Г.: Можно практический земной пример?

Е. Ч.: Пример есть в «СТАТУС-КВОте». Популяция дельфинов у Корраловых рифов испытывает жестокий голод и начинает сокращаться, поскольку резко сократилась кормовая – рыбная база. Косяки рыб эмигрируют, они напуганы прибывшей стаей белых акул. Голод, постоянное присутствие извечных врагов – акул, всё это излучает стрессо-информационные кодовые группы. Это излучение вызывает перестройку хромосомного аппарата в мозгу дельфинов, и в их популяции постепенно формируется биовид с новыми качествами. Именно эти качества необходимы для срабатывания Закона М-Концентраций.

В оставшемся стаде дельфинов начинают преобладать женские особи, способные к быстрому воспроизводству популяции, и молодые самцы с резко доминирующей агрессивностью. Они обретают небывалые до сих пор охотничьи качества и бойцовский инстинкт истребителей акул. Этот своеобразный подвид сродни беспощадным белорусским партизанам у смиреннейшего белорусского этноса. Подобные качества позволяют, в конце концов, прогнать акул из коралловой среды обитания, а прежняя численность дельфинов восстанавливается.

Подобным образом ведут себя песцы, лемминги и лисы в тундре, вронные в лесах и т. п.

В. Г.: Этот закон применителен к людским сообществам?

Е. Ч.: Он един для всех биовидов.

В. Г.: И для человека?

Е. Ч.: 20–30-е годы XX столетия. Первая мировая война, Версальский договор, Гражданская война в России, затем раскрестьянивание, расказачивание в СССР, которые осуществлял подготовленный ИМИ Троцкий и всемирный Фининтерн – всё это накрывает Европу валом демографического коллапса. Голод, истощение, стресс, туберкулёз, массовые расстрелы выкашивают в Германии, Италии, Испании, СССР десятки миллионов жизней – коренной, славяно-арийской популяции, католиков и мусульман. Всё это излучает истребительно-информационные кодовые группы и активизирует перестройку самосознания у европейцев.

В итоге, по Закону М-Концентраций, в четыре страны практически одновременно приходит фашизм и «антисемитизм» Гитлера, Муссолини, Франко и Сталина – с ужасающими последствиями для мирового еврейства и его Кагала. Который создал и подпитывал этот истребительный фашизм. Против сионизма восстал его единоутробный брат фашизм.

После чего ускоренными темпами стали восстанавливаться коренные этнопопуляции Европы.

ОНИ ничего не смогли сделать в 30–50-х годах с этим Законом, воцарившимся над планетой, не смогут и в дальнейшем.

В. Г.: Вам не кажется, что нечто подобное происходит и сейчас, на новом витке временной спирали?

Е. Ч.: С той лишь разницей, что карательные функции Закона М-Концентраций берёт на себя не фашизм, а пока вкрадчивый и осторожный Китай, плюс ортодоксальный и светский Ислам, вооружённый Кораном. Его многомиллионные адепты в Африке и на Ближнем Востоке – Египет, Ливан, Ливия, Сирия, Тунис и особенно Иран с его противостоянием Израилю – всё решительнее проявляют себя. К ним всё чаще подключается и биосфера.

«Сколько сокрушили мы селений, которые были неправедны и воздвигли после них другие народы. А когда они почувствовали нашу праведную мощь – то вот, опять от нас убегают». (Коран, сура 21).

Народы убегали и убегают в Содом и Гоморру, в развратный Рим Калигулы, с ростовщической петлёй на шее, сплетённой древнееврейскими Хабиру. Поэтому грядёт очередное «сокрушение селений» и возмездие. Это и есть главное в Ноосфере, где ныне уходящий чертог Лисы сменяет и свергает чертог Волка. Чем был примечателен и характерен уходящий чертог Лисы?

Коррупция, безнаказанность и управляемый хаос в России взяли за горло не экономику, а само тысячелетнее существование славянского этноса. После развала СССР среди 207 стран мира постреформенная Россия Горбелциноидов оказалась, спустя несколько лет, впереди всех:

- по абсолютной величине убыли населения;
- по числу детей, брошенных родителями;
- по количеству абортот и материнской смертности;
- по потреблению алкоголя, героина и табака;
- по самоубийству среди детей и подростков;
- по преступности;
- по абсолютной изношенности инфраструктур и жизнеобеспечивающих коммуникаций в мегаполисах;
- по количеству аварий и аварийных остановок блоков на АЭС (есть цифровая, адресная картина этих остановок, но она слишком обширна, чтобы приводить её в этой беседе);
- по темпам уничтожения своего вооружения, промышленности и с/хозяйства;
- по поставкам рабов и секс-товара на мировые рынки.

В. Г.: Убийственная панорама.

Е. Ч.: Это лишь видимая часть айсберга. Пищевое обеспечение народов с применением генномодифицированных органов (ГМО) взяли под жёсткий контроль несколько транснациональных корпораций: «Монсанто», «Доу Кемикал», «Дюпон Кемикал». Это они в своё время по заказу Пентагона создали для войны во Вьетнаме «Агент Оранж», заживо сжигавший джунгли и население. Бесполезно искать в их бизнесе какие-либо гуманоидные мотивы. Теперь эти фирмы, многие из которых ушли из России, взяли на себя разработку и внедрение ГМО. В их лабораториях освоен метод встраивания в геном Плазмид. Плазмиды способны к размножению и свободному перемещению между клетками. Это своеобразный вражеский агент, наученный мимикрии, уничтожению иммунных и репродуктивных функций организма. ГМ-растения через пыльцу заражают нормальные растения, и они становятся трансгенными. В ГМ-продуктах необычайно высокий уровень фитоэстрогенов, которые приводят к нарушению гормонального баланса.

Массовая гибель пчёл, бабочек, птиц в мире, выброс рыбьих косяков на берег, которые нарастают и не находят объяснения, – это дело рук вышеназванных компаний, сокращающих биоразнообразие планеты. Ныне делается и поставляется на мировые рынки вино и сок из ГМ-винограда, выводится картофель с геном скорпиона или жабы, клубника с геном рыбы, помидор с геном гадюки.

ГМО – это организм, несущий в себе чужеродный ген. А внедрение чужеродного гена приводит к генетическому сбою и блокированию процессов размножения. Всегда! В любом организме!

Производя эти продукты, компании убивают двух зайцев: ведут, следуя Мальтусу и Фридману, планомерное сокращение численности населения на планете и получают огромные прибыли.

При этом жёстко, вплоть до уничтожения авторов, блокируются любые возражения и протесты учёных с мировым именем. Одновременно всячески тиражируется и навязывается аргументация защитников ГМО.

Всё это я попытался вплести в смысловой стержень «СТАТУС-КВОты» и «Ковчега для Третьей мировой».

В. Г.: Какое отношение эти компании имеют к России?

Е. Ч.: Самое прямое. На российский рынок уже поставляются семнадцать сортов ГМ-культур, пока ещё с официальным оповещением на упаковке о наличии ГМО: семь сортов кукурузы, три сорта сои, три сорта картофеля, два сорта риса, два сорта свёклы, пять видов микроорганизмов. Наиболее вредоносной является соя. Она резко снижает репродуктивные функции и угнетает, дебилизирует мозг человека. Сейчас без ГМ-соя и пальмового масла на наших рынках практически нет ни одного сорта колбасы и прочей мясной продукции.

В. Г.: Чем вы объясняете всю эту тотальную западную экспансию, новый геополитический «Дранг нах остен»?

Е. Ч.: Причин несколько:

- глобальное потепление и угроза затопления многих континентальных побережий. В России эта угроза практически нейтрализована её пространствами;

- нарастающий природно-стихийный прессинг на территориях атлантистов. Правда, многие связывают это с испытанием американцами геофизического оружия HAARP, но от этого хрен редки не слаще;

- извечный генетический страх западных «хорьков» перед русским «медведем», боязнь нашего, всё ещё не убитого интеллекта.

У нас до сих пор «добросовестно трудятся» ставленники англо-саксонских атлантистов, добиваясь быстрее разгрома и дебилизации России. И из их действий всё заметнее начинает выпирать спешка и оголтелый радикализм: любой ценой опустить славяно-мусульманский разум до уровня западного плинтуса. Сейчас мы имеем в школах его роботизированное ЕГЭ, кастрацию классической литературы и искусства. Столь же ублюдочна попытка сокращения обязательных предметов в школьных программах – до четырёх!

Пока эти наскоки на наш коллективный, национальный Разум, выпирающий из Глобального Мирового Порядка, с грехом пополам отбиты – кроме ЕГЭ и «независимости» Центробанка от правительства. Надолго ли?

В. Г.: Ещё есть причины для экспансии на наши территории?

Е. Ч.: Неолиберальная, монетаристская модель развития, которую ОНИ навязали человечеству, подводит народы Европы и Америки к экологическому и продовольственному краху. Джинн прибыли любой ценой, выпущенный ИМИ и Фининтерном из потребительской бутылки, начинает пожирать своих хозяев.

В. Г.: А сами они разве не понимают катастрофичности ситуации? Через своих информаторов они ведь наверняка оповещены о надвигающемся коллапсе. Почему не срабатывает хотя бы инстинкт самосохранения? Они ведь должны понимать, что их не спасут в час пик, при природном или социальном планетарном катаклизме, никакие, даже самые защищённые убежища.

Е. Ч.: Хороший вопрос. Почему не срабатывает инстинкт самосохранения в бычьем слепне, в трихомонадах, аскаридах, власоглавах? Вид гельминтозных паразитирует в крови и органах их носителя – человека, отравляет ядами своих экскрементов, истощает и обессиливает его – до летального исхода. И гибнет вместе с ним. Это их способ существования, запрограммированный свыше, единая поведенческая матрица у трофического вида либер-паразитов.

В хромосомы сионского Фининтерна встроен ген аскариды.

В. Г.: Итак, продовольствие и экология становятся для Запада и Америки проблемой номер один. Что к этому привело, по-вашему?

Е. Ч.: Непреложный закон природы: отравляющие вещества в пищевой промышленности и сельском хозяйстве (пестициды, гербициды и ядохимикаты) рано или поздно возвращаются по трофической цепи обратно к человеку.

За последние 20 лет страны Западной Европы, а также Америка, Канада, Австралия, Япония вносили в почву от 7 до 10 килограмм ядохимикатов на один гектар в год (Россия – 0,5 килограмма). Сейчас, после отказа от российского газа, европейские энергетические установки и автотранспорт ежегодно выбрасывают в атмосферу 250–300 млн тонн золы и 60 млн тонн сернистого ангидрида. Эту отраву многократно усиливают военные и послевоенные яды. На дне Балтийского и Северного морей лежат, тайно сброшенные, 300 тысяч тонн боевых отравляющих веществ нацистского Рейха. В Азиатско-Тихоокеанском регионе армия США столь же тайно провела сброс 29 тысяч тонн химического оружия времён Второй мировой войны. Сейчас, признавая этот факт, Пентагон не даёт точных координат сбросов на территориях 10 стран, включая Индию, Австралию, Филиппины, Пакистан, Японию, Новую Каледонию, Данию, Норвегию, Италию, Францию. Химконтейнеры начинают «сочиться» от времени, выпуская яды наружу.

В. Г.: Всё вместе это мина замедленного действия.

Е. Ч.: Она уже действует. Если в 2003 году смертность от различных форм онкологических заболеваний в Европе составляла 42 %, то в 2023 году она достигла 54 %. В озёрах Швейцарии практически нет съедобной рыбы, она содержит ртуть. Сравнительный анализ проб воды, взятый в горах Венесуэлы (вдали от цивилизации) и из водопроводов Европы отличается между собой в 45 раз. В 1960 году только 8 % немецких пар были бездетны. В 2024 году их стало 42 %.

За последнее столетие количество планктона в океанах (основной корм рыб и китовых) сократился на 50 %. У западного побережья Атлантики появились гигантские колонии бурых водорослей, которые уничтожают кислород, а значит, и всю жизнь в воде. Атлантика становится мёртвой.

В. Г.: Всемирный водный крах.

Е. Ч.: На суше дела не лучше. Наиболее аграрные страны – США, Канада, Голландия – умудрились убить у себя почвы на 80–90 %: пестициды, гербициды, химзащита растений. На этой земле не прорастает и не даёт потомства ни одно семя с нормальной генетикой. На мёртвой почве могут расти лишь генно-модифицированные злаки, то есть продукция корпораций «Монсанто» и «Дю Кемикал».

Площади мирового рынка, где засеваются их семена – ГМ, выросли с 1996 года почти в 70 раз! 2/3 из них расположены в США. Остальные в Канаде, Бразилии, Индии, Китае, который вкрадчиво вползает на территории Дальнего Востока и Сибири.

В. Г.: Для них нужны новые, экологически чистые и «обезлюженные почвы», которые обеспечат повышенный урожай, а значит – новые бешеные прибыли.

Е. Ч.: Но для этого их предварительно нужно купить. Процесс скупки земель в России на подставные фамилии не столь давно был тайной за семью печатями. Шведский инвестиционный фонд Blask eartx farming уже контролирует через Агроинвест 300 тысяч гектаров сельхозугодий.

Литовская компания Agrovill в лице директора Ремигиуса Жвиртблиса закупает около 50 тысяч гектаров в Черноземье и хочет довести площади своих земель у нас до 500 тысяч гектаров.

Датская компания Trigon agn, созданная инвестиционной группой Trigon capital, контролирует 150 тысяч гектаров в районах Пензы и Самары.

Это лишь видимая часть сделок по землям. Попробуйте узнать в любой области – кому принадлежат миллионы гектаров, выведенных из Федерального фонда земель, заросших сорняком. Едва ли это удастся: скупка наших земель с последующим их «обезлюживанием» – это стратегическая задача Запада, осуществляемая через российских подставных лиц олигархического замеса.

В. Г.: Для того чтобы проделать с Россией поистине планетарную акцию «Обезлюживания» до минимальных пределов, более того – ликвидировать само понятие «Россия», нужна некая гигантская сила. Вряд ли НАТО и Америка сейчас на это пойдут, несмотря на все показательные учения у границ России. Империя Македонского, Рим, Османская империя, татаро-монгольское иго, наконец, Третий Рейх – ни одной из этих сил не удалось стереть Россию с карты планеты.

В нашей беседе вы обозначили и очертили социальные, этнические контуры новой силы: ОНИ плюс Фининтерн. У НИХ та же задача, которую ОНИ поставили сначала перед Троцким, затем перед Третьим Рейхом. Я правильно изложил логику и хронологию антироссийской мировой агрессии?

Е. Ч.: Их следует дополнить аналогичным историческим сегментом: Меребат-Кадешский Моисей. После исхода евреев из Египта он изолировал их в пустыне на тридцать три года с целью вывести новую человеческую породу: воинственных биороботов с вытравленной нравственностью для завоевания новых земель и государств. Не эту ли стратегию внедряет в свою военную практику Израиль в агрессии против Ирана, а до этого в Газе?

В. Г.: Но вернёмся к Цивилизации подлёдных спартанских – в Новой Швабии... согласитесь, царапает слух и сознание оторванным от реалий мифологизмом. Что это за цивилизация? Каков её технологический уровень, социальная структура? Каковы способы адаптации к подлёдной Антарктиде? Где и когда зафиксированы реальные признаки существования этой цивилизации в настоящее время – если выставить за скобки атаку американской эскадры «тарелками» в 1947 году?

Е. Ч.: Признаков более чем достаточно. Всё невозможно втиснуть в рамки нашей беседы. Вот лишь некоторые из них, попавшие в поле зрения многих учёных, астронавтов, астрономов и зафиксированные в официальных документах.

В. Г.: Например?

Е. Ч.: Астрономы из стран, имеющих современные мощные телескопы, неоднократно фиксировали огромные светящиеся объекты над Луной. Они огигали за несколько минут до половины окружности лунного шара. Их скорость исчислялась приблизительно 20–24 тысячами километров в секунду. Это официально зарегистрированные факты.

В. Г.: Какое отношение имеют эти объекты к НИМ и Новой Швабии?

Е. Ч.: К 1946 году нацистские переселенцы в Арктику уже испытали опытные экземпляры космолётов «НАУНЕБУ-3». Аппарат имел 73 метра в диаметре, поднимал 33 человека на борт, развивал скорость до 40 000 километров в час, мог находиться в воздухе и безвоздушном пространстве восемь недель, имел двигатели «Туле-Тахионатор 7-b» и «SCHUMAN Levitator» с магнитно-импульсным управлением. Это изделие совершило 19 испытательных полётов. Один из них был снят на плёнку.

Параллельно с этим кораблём конструкторски доводился и воплощался в металле сверхтяжёлый сигарообразный «материнский» корабль «ANDROMEDA» – для межзвёздных перемещений – 139 метров в диаметре. Он был оснащён ангарами для двух летательных аппаратов типа «НАУНЕБУ-2» и двух «VRIL-1» и в проекте мог разогнаться в космосе до 100 тысяч километров в секунду. Нацистам до завершения работы оставалось несколько месяцев.

С тех пор прошло более 80 лет. То, что видели и видят астрономы над Луной, всего лишь летучие, модернизированные потомки тех межпланетных «маток», порождённых в Антарктиде в 50-х годах. А мы и американцы были направлены ИМИ в космических разработках по тупиковому, ложному пути. Но продолжаем упорно идти по нему, сжигая озон в атмосфере, тратя обесценивающее нас, чудовищное количество государственного потенциала и человеческих жизней. Полпред этой стратегии – Илон Маск.

В. Г.: Для подобных конструкторских разработок Новая Швабия нуждалась в мощнейшей сырьевой, энергетической и промышленной базе.

Е. Ч.: Генераторы Шаубергера, горнопроходческое оборудование, завезённое в 42–45 годах в Антарктиду, её недра, буквально наштапкованные всей таблицей Менделеева, позволили «швабианцам» достичь, с ИХ помощью, подобных результатов.

В. Г.: Что-нибудь ещё о «новой расе».

Е. Ч.: «Новая раса» – достаточно точное выражение.

Швабианцы, вооружённые полученными от НИХ знаниями о человеческом геноме, сразу же приступили к выведению «новой расы». Базовый материал для генной инженерии был достаточно разнообразен: сотни лучших, специально отобранных образчиков из Гитлерюгенда. Это был золотой, расово-евгенический фонд Генриха Гиммлера, отбираемый с 1936 по 1945 год в проекте «Lebensborn» (источник жизни). По аналогии с Древней Спартой они воспитывались с шести лет в военизированных интернатах: военные игры, чтение, письмо древняя история арийцев, классическая музыка. Отцами этих детей были исключительно эсэсовцы.

В. Г.: Их экспортировали в Антарктиду специально для этого?

Е. Ч.: В принципе, да. С самого начала они проходили генетическую сортировку. Выявлялись:

- подростки с двумя короткими генами ACE;
- подростки с длинными и короткими генами ACE.

Эти два генотипа отбраковывались для обычных, бытовых, инженерно-технических работ и становились «перизками».

Для генных экспериментов оставались подростки с двумя аллелями длинного варианта гена для фермента, расщепляющего ангиотензин (Angiotensin converting enzyme ACE). Последние экземпляры существенно, иногда в разы превосходили первые два генотипа мышечной активностью и жизненной силой.

Затем отобранным генотипам вживлялся гормон человеческого роста и активатор плазминогена тканевого типа (t-ra).

Полученные практически совершенные человеческие образцы доводили до идеального здоровья генной терапией (germ-line) и введением соматических генных лекарств, очищавших организм от малейших патологических отклонений в геноме, в том числе от свободных радикалов в крови, сокращающих продолжительность жизни.

В конце концов всё это позволило экспериментаторам получить образцы новой расы. Это был хомо-мутант 2,5–3 метра ростом, с нечеловеческой, в буквальном смысле, реакцией и чудовищной силой.

В. Г.: Насколько реальны подобные мутанты? О них есть какие-либо информационные материалы, дошедшие до человечества: фотоснимки, киноплёнки и т. д.?

Е. Ч.: Назову пока три примера, хотя их гораздо больше. В Мичигане на одном из каналов TV в два часа ночи появился сорокасекундный любительский видеофильм, снятый одним из американских гидрометеорологов на полярной базе в Антарктиде. В течение сорока секунд немногие, ещё не спавшие зрители были потрясены ошеломляющими кадрами: громадный полуголый человек играл с белым медведем: толкал его, дёргал за шерсть, хлопал по ушам. Разъярённое животное, размахивая лапами, пыталось когтями достать обидчика, но человек был быстрее и сильнее. В конце концов он запрыгнул за спину медведя и задушил его. Затем взвалил зверя на плечи и зашагал с ним к ледяным торосам. Утром TV-канал, отвечая на запросы зрителей, категорически опроверг этот видеоклип, отрёкся от него – такого не было.

В. Г.: Есть ещё примеры?

Е. Ч.: В прессу уже просачивались сведения: наших подводников не пускает исследовать дно Байкала некая сила. В архивах спецслужб есть отчёт о нападении на глубине 200 метров на наших боевых пловцов. На них напали ластоногие чешуйчатые существа гигантского, почти трёхметрового роста – с тяжёлыми последствиями для аквалангистов.

Ещё: обошедшие весь мир видеокдры с идущим по тайге йети – снежным человеком. И т. д.

В. Г.: По-вашему, это звенья одной цепи: генетические мутанты, сконструированные в Новой Швабии?

Е. Ч.: Их разновидности. В геном некоторых имплантировался ген животного – примата, медведя, тигра. Мы, современное человечество, едва подходим к подобным генно-инженерным рубежам: лишь в 2009 году дал потомство первый генетически модифицированный примат, выращенный из модифицированной яйцеклетки – «Игрунка обыкновенная».

Большинству мутантов вживлялся чип из карбина (пластометалл, идеально совместимый с мозговой тканью). Он существенно повышал мозговой потенциал Хомо-ГМ, его мозг вплотную приближался по своей структуре к КИИ (Компьютерный Искусственный Интеллект). Психосоматика его была полностью очищена от такого «мусора», как страх, сомнение, колебания и т. д. Далее осуществлялась профессионализация мозга: охотник, охранник, космический пилот, воин. Это была вторая древнеарийская каста – кшатрии, или «спартиаты», в Новой Швабии.

В. Г.: Есть и первая?

Е. Ч.: Первая, или коллегия эфоров, – высший контрольный и надзорный орган. ОНИ, стратегически планируя геополитику Новой Швабии и мира, имеют дело только с эфорами. У древних ариев было четыре касты: волхвы (жрецы, мыслители, прогнозисты развития расы), кшатрии (воины, пограничники), вайшьи (торговцы) и шудры – исполнители примитивной, чёрной работы.

В Новой Швабии две последние (низшие) касты слились воедино и стали именоваться, как уже говорилось выше, «перизки». Эта каста решает все инженерно-технические, продовольственные, коммуникационные, промышленные проблемы, осуществляет жизнеобеспечение подлёдного мегаполиса.

Более высшая каста, спартиаты, – это пилоты подводных и космических кораблей, воины, охранники территории. Ну и по совместительству, как это ни странно звучит, шоумены. Видеокадры игры человека с медведем по мичиганскому TV – скорее всего из этой области.

В. Г.: Существо, задушившее белого медведя, – немецкий шоумен?

Е. Ч.: Досуг в Новой Швабии – одна из серьёзных проблем. Свободного времени практически нет: работа, военизированный спорт, здоровье с самого малого возраста под контролем государства. Есть один выходной день в неделю и пять дней отпуска. Редко кому из периежков удаётся отдохнуть за пределами ледового купола. Как правило, эти пять дней проводят в тур-скафандре. Он оборудован всем необходимым для непрерывного круглосуточного досуга, в том числе биотуалетом, пищевыми полужидкими смесями и, главное, нейроизлучателем. Излучатель подключается к чипизированному мозгу отпускника. Тот выбирает и включает на панели вид отдыха – любой вид охоты: на белого или бурого медведя, на акулу в океане, на льва в саванне. Или путешествие по джунглям в племени туземцев, охота на обезьян и ночной костёр с прожаренным бифштексом из грудинки. Или несколько дней выживания на необитаемом острове в компании с одной из красавиц Мегалополиса.

В. Г.: Аналогия с идеей «Аватара» – переселение Духа калеки в здоровое тело инопланетянина?

Е. Ч.: Здесь проще и прагматичней. Никаких переселений. Один из специально подготовленных мутантов новой расы проживает все приключения в реальности (игра с медведем). И микрочип в его мозгах скрупулёзно фиксирует весь набор воздействий окружающей среды на его рецепторы: звуки, цвета, объёмные панорамы, запахи, страх, боевую ярость, восторг победы. Затем этот чувственный, стрессовый комплект скачивается из микрочипа «шоумена» на нейроизлучатель тур-скафандра. И нажатием кнопки весь этот трёхмерный видеоряд начинает перетекать в «туриста», в мозговую чип обитателя скафандра. Ощущения или «эффект присутствия» у «туриста» стопроцентные, без малейших потерь: через несколько дней он выходит из тур-капсулы полностью восстановившимся, убажанный небывалым, счастливо закончившимся приключением, которое неотличимо от реального.

В. Г.: Потрясающие подробности. Не сразу сообразишь, к какой категории информации их отнести – к реалиям или фантастике.

Е. Ч.: К «шизофренизмам» автора. Это понятно и успокаивает.

В. Г.: У вас есть «видения» и о социальном устройстве Новой Швабии, о бытовых нюансах подлёдного конгломерата?

Е. Ч.: Думаю, что они выламываются из рамок нашей беседы.

В. Г.: Тогда хотя бы о главном: что хочет этот технологический Монстр от планеты? Куда направлен вектор его стратегических усилий?

Е. Ч.: Новая Швабия хотела того же, что ОНИ – Нового Мирового Порядка. Где в этническом спартанском котле будут переплавлены, пронумерованы и чипизированы нации и государства – с прожжённой втрое двуногой биомассой.

В. Г.: Это относится и к России?

Е. Ч.: К России в первую очередь, ибо Россия ныне, как прежде Сталин, – ИМ не подвластна. И потому здесь практикуется полифоническая стратегия: замаскированная агрессия чередуется с попытками к сотрудничеству. У нас сохранено и всё ещё пульсирует в Этно-Разуме самое ненавистное для НИХ – память о сталинских временах, о Великой Победе над фашизмом, интеллектуальный резерв. В старом и даже среднем поколении всё ещё жив набор социалистических ценностей: справедливость, совесть, долг, стремление аккумулировать в себе знания и чистое искусство. Это серьёзный тормоз в ИХ стратегии развала России. Именно поэтому сейчас делается всё, чтобы истребить кадровое наследие социализма, дебилизировать молодое поколение и загнать страну в нищету, стрессы и голод.

Но, как всегда, ОНИ забывают о Законе М-Концентраций. Накапливается метафизический потенциал противодействия. И он рано или позднее сработает, точнее – уже начинает срабатывать при В. В. Путине...

В. Г.: В конце беседы я могу дать читателям вашу электронную почту?

Е. Ч.: По-моему, она есть в Интернете.

В. Г.: С Чебалиным можно связаться по e-mail: chebalin-ev@yandex.ru

Берега юбилеев

Григорий Блехман



Григорий Исаакович Блехман – поэт, прозаик, публицист, литературовед. Мастер спорта СССР по хоккею с шайбой. По профессии физиолог и биохимик. Доктор биологических наук, профессор. Много лет был научным и литературным редактором журнала «Физиология и биохимия». Стихи, художественная проза, эссе и публицистика опубликованы в отечественных и зарубежных журналах и альманахах. На десять стихотворений композитором Раисой Агаджанян написаны романсы. Некоторые произведения переведены на персидский, литовский, армянский, болгарский, немецкий и английский языки. Автор 15 сборников – стихотворений, прозы и очерков, вышедших в издательствах «Российский

писатель» и «Вече». Член редколлегии журналов «Берега» и «Литературная Феодосия». Секретарь Правления Союза писателей России, лауреат двух Международных и многих Всероссийских литературных премий: им. Н. С. Гумилёва, им. А. А. Блока, им. И. А. Бунина, им. А. Т. Твардовского, им. М. Ю. Лермонтова, «Слово-2017», им. М. А. Шолохова.

И ВСЁ СНАЧАЛА ХОЧЕТСЯ НАЧАТЬ

Стихи разных лет. К 80-летию

* * *

Швыряет ветер порции дождя,
Зонты трепещут и бегут под крыши,
День непогожий всё это услышал
И записал, немного погода.
Потом забыл, и через много лет
Ему вернула память почему-то:
«Был дождь» – она напомнила и будто
Хотела слышать от него ответ
О тех далёких порциях дождя.
Но день не дал ей внятного ответа,
Сумел лишь вспомнить – вроде было лето...
И записал немного погода.
У мемуаров есть своя печать –
Они условны, как условна память...
Проходит дождь, твой зонт опять не занят,
И всё с начала хочется начать.

* * *

У жизни мирской есть пределы,
У жизни духовной их нет.
И как ни живи, что ни делай –
Почти неизменен сюжет:
Сперва поддаёшься соблазнам,
Потом искупаешь грехи...
Порой – очищение, как праздник,
Где медные звуки тихи.

Живёшь, свою книгу листая,
Пока не находишь ответ:
Лишь время *мирское* в нас тает,
А время *духовное* – нет.

* * *

Всё земное тянется к свету,
И поэтому мучит всех:
Отчего, мечтая о светлом,
Ты нередко впадаешь в грех –
Невзначай обижаешь ближних
И бываешь падок на лесть...
Хоть давно на страницах книжных
Всё о чаяньях наших есть –
И о том, что тянешься к свету,
Но нередко входишь во тьму.
Только главного нет – ответа
На простой вопрос – «Почему?».

* * *

Год из года за верхушкой лета
Тает день, сужая свой проём,
Лишь деревья, повинувшись ветру,
Шелестят о чём-то о своём.
Шелестят, наверное, о главном –
Сверху дальше видно, чем внизу,
Может, знают книгу без заглавия
И оттуда вести нам несут.

День за днём приходят эти вести,
Торопясь уйти за окоём...
Лишь деревья всё на том же месте
Шелестят о чём-то о своём.

ВРЕМЕНА ГОДА

* * *

Шуршат листки календаря,
И каждый что-то нам приносит,
А нас тихонько переносит
От января до января.
Так и идём из года в год...
Пока мы в памяти пространства,
Оно хранит к нам постоянство
Мирских и всех иных забот.
Им в каждом доме календарь
Своё диктует очертанье,
Выстраивая в этом здании
Этаж в очередной январь.
А тот опять уходит ввысь
Времён последующего года,
Чтобы из этого похода
Его шаги перенеслись
К другим листкам в календаре,
Где всё опять начнёшь сначала,
Пока тебя не миновала
Твоя пора в его поре.

* * *

Первый снег, как чистый лист —
Без начала и финала,
Где не годом больше стало,
А лишь дни переплелись.
Этот белый переплёт —
Для какой-то главной книги.
Без сюжета и интриги
Нас врачует каждый год.
Чтобы дней калейдоскоп
Чуть оставил свои ритмы
И в мечте или молитве
Устремился высоко.
Потому что чистый лист,
Как совет: «Остановись.
И заполни не спеша
Тем, чем полнится душа».

* * *

Тихо-тихо за окном,
Тихо-тихо снег ложится.
Лодки старые вверх дном
Дремлют длинной вереницей.

Тихий шаг карандаша
Начал новую страницу.
Тем же шагом, не спеша,
Быль сменяет небылицу.
Тихо-тихо снег ложится...
За полночь давно сопят
Две моих любимых дочери.
Может, этой снежной ночью
Сны их нянчит снегопад.
Он, по свету фонарей,
Как линейками косыми,
Будто чертит твоё имя
На стеклянном серебре.
И подрагивает ночь
Чуть припухлыми губами,
Это ищет что-то память
Или пробует помочь
В том, что рядышком совсем
Бродят те три главных слова —
Я сейчас увидел снова
Свет их в снежной полосе.
И притихший снегопад
Лишь мотивом колыбельным
Выделил все три отдельно
И не хочет отпускать.
А они слегка звенят.
В этом звоне *просветлённо*,
С лёгкой поступью влюблённых,
Вновь выходят на меня.
И уходят тихо в ночь.
На густых её ресницах,
Выдержать уже невмочь,
Тихий снег ко сну клонится.
Тихо-тихо снег ложится.

* * *

Летели метели в февраль без оглядки,
Недели летели в привычном порядке,
И, всхлипнув, в калитку стучали печали,
Но некому было, и не отвечали.
И я не отвечу когда-нибудь тоже,
Метель моя встречей пройдёт, как прохожий.
Пройдёт и февраль — без меня отбушует,
И кто-то заплачет над тем, *что* люблю я...
Другим ожиданьем февраль будет полон,
И бродит свиданье меж рук частокола.

ВЕСЕННИЕ ПРЕЛЮДИИ

На открытые балконы
Выбегают сквозняки,
И в набухшие бутоны
Утопают лозняки.

В лёгкой дымке твои косы.
У реки порожняком
На росе косая россыпь
Толстых лап за поводком.
Застучали, загалдели,
Прилетели и пришли.
В известняк апрель одели.
Выкрасили, подмели.
Ото сна сосна теплеет,
Ото сна теплеет сад.
В крупных каплях тихо сеет
Дождь на прошлый листопад.

* * *

Июньский тополь без смущенья
Заносит город в свой актив,
Укрыв открытости и щели,
Что были на его пути.
Он отбелеет и уходит
Под тонкий запах цвета лип,
И в этом плавном переходе
Июль бушует и палит.
Палит он красками соцветий,
Бушует голосами птиц...
Но лето снова не заметит
Исчерпанность своих страниц,
Как и любое время года.
Когда находишься в пути,
Не ведаешь его исхода
И сколько суждено пройти.
И суждено ли возвратиться
По чьей-то памяти, чтоб вновь
В строках прочитанной страницы
Услышать прежнюю их новь.
Но этот тополь год от года
Всё обметает липы цвет,
Забыв, что прежние походы
Сводили пыл его на нет.

* * *

Бурлила ночь огнями города,
На август сыпал звездопад,
А лето шло в чуть слышных шорохах
Встречать осенних дней парад.
Он был и красочен, и холоден,
И платья пёстрые срывал
Залётный ветер, вспомнив молодость,
Как непрерывный карнавал,
Когда неважно – жарко, холодно,
Дождит ли, снежится зима
Или звонит по ком-то колокол...
Важна лишь молодость сама.

* * *

Нежный вкус уходящего лета, –
То ли возраста в этом примета,
То ли знак, чтобы жил не спеша,
Потому что всё в мире проходит, –
Постепенно к другим переходит,
А с тобой остаётся душа.

* * *

Осень стелет золотом дорожки,
Гасит пыл и серебрит виски.
Что, казалось, навсегда – до дрожи,
Чуть сместилось в сторону тоски.
Словно ищешь то, что было рядом,
Но ты так его и не нашёл...
Осень тихо привела в порядок
Все тропинки, по которым шёл.
Эта осень не жалеет красок,
Будто в чём-то хочет убедить –
То ли ждёт и моего согласия,
Что всегда возможно ярко жить.
Я согласен, никакого спора –
К золотой поре претензий нет.
Только жаль, что незаметно скоро
От любимых лишь остался след...
Но их лица время не стирает,
Их любовь я чувствую вдвойне,
Словно ветер душу очищает,
Как посланец от прошедших дней.
В их осенней полосе чуть слышно
Отбивает тихий камертон, –
Где о том, что на поверку вышло,
И о том, что переходит в сон.
В этом сне – все в золоте дорожки,
Как теперь и в серебре виски.
Только в нём всё, что ведёт до дрожи,
Не уводит в сторону тоски.

* * *

Никакой философии цвета,
Это в память ушедшего лета
Вышивает узор листопад.
В нём мой сад демонстрирует платья.
А рассветы морозным объятьям
Открывают окно наугад.
И опять застываешь при встрече
С чуть пришедшей причудливой речью,
Извещающей ранний закат.
Никакой философии звука,
Только шелест в дожде и разлука
За рябиновой кистью висят.
И опять ожидание стужи...

Иногда невзначай обнаружишь
Впопыхах непогашенный взгляд.
Этот взгляд, что всего и дороже
В тайной робости с признаком дрожи.
Мимолётный, как сон вперехват.

* * *

Сезон дождей, и всё смывает,
Как будто не было и нет
Тех очертаний, что скрывает
Один унылый силуэт.
Но даже в этом силуэте
По праву памяти своей
Живут недавние сюжеты
Из только что ушедших дней...
Дожди пройдут, – их тоже смоем,
Поскольку каждому свой срок...
И только вновь никто не сможет
Последний услышать звонок.
Хотя и так сказать – неточно:
Никто не знает, где финал, –
Нам зримы лишь судьба и почва
Из промежутков и начал.

* * *

Стихов не должно быть много,
Иначе начнут утомлять.
Мне б томиком стать в дорогу,
И кто-нибудь взял читать.
Чтоб ближнему быть созвучным,
Не надо обилья строк:
Поэту наградой лучшей –
Лишь знать, что кому-то помог:
Понять ли себя в дороге,
Не сбиться в своём пути...
Стихов не должно быть много,
В них нужно суметь *прийти*.

* * *

Когда отчётливо слышны
Чуть утомлённые мотивы,
Они ведут неторопливо
В высокий смысл тишины,
Где ей подвластны все слова
Не потому, что это – случай:
Если мелодия беззвучна,
В ней переполнена молва.
Тогда и всё, как в первый раз –
Без фраз, затёртых постоянством,
А только чистое пространство
И свет для каждого из нас.

ТУДА, ГДЕ ХОРОШО ВДВОЁМ

* * *

Гуляли волны у причала
И волновали окоём,
Как будто молодость бежала
Туда, где хорошо вдвоём.

Она бежала без оглядки
И нарушала, может быть,
Порядок в общем распорядке –
Когда приплыть, куда отплыть.

Она рвалась, и ей хотелось
Как можно раньше видеть ту,
О ком всегда так сладко пелось
И что несла его мечту.

Мечту о том, чтоб у причала,
Не нарушая окоём,
Всё так же молодость бежала
Туда, где хорошо вдвоём.

* * *

За окном тишина, и опять
Можем слышать дыханье друг друга.
Даже стрелки не ходят по кругу,
Чтоб друг друга у нас не отнять.

И другого на этой Земле
Для меня нет дыханья дороже,
Потому и, волнуясь до дрожи,
Добровольно иду в этот плен.

Потому и теснятся слова –
Их возможностей нам не хватает:
Что-то главное в них будто тает.
И слова в этот час – лишь канва.

Мы тихонько уходим от них.
Только слышим дыханье друг друга.
Даже стрелки не ходят по кругу,
Чтоб продлить в бесконечность наш миг.

* * *

Гуляла ночь, к утру раскинувшись,
Ушли в рассвет её черты,
И день оставил только символы
Слов, что сказали я и ты, –
Совсем простых, но и достаточных,
Других таких в природе нет,
И потому из всех оставшихся
Лишь те слова несут нам свет.

НАМ ВСЕМ ДАЁТСЯ ЧТО-ТО СВЫШЕ

Уметь довольствоваться малым –
Не значит малое уметь:
У каждого своё начало
И всё, что с ним случится впредь, –
Где голос времени услышишь,
Найдёшь в нём главные черты...
*Нам всем даётся что-то свыше
Для достижения высоты.*

* * *

Себя не вынешь из контекста,
И потому любой твой шаг –
Плоды генетики. И с детства
Они диктуют – что и как.
А там, где ты не понимаешь,
Придётся к желанному иль нет,
Видно, генетика одна лишь
Способна внятный дать ответ.

* * *

Чтоб выросли крылья, нам много не надо –
Достаточно слова, достаточно взгляда.
А чтобы они перестали расти,
Достаточно слова
И... взгляд отвести.

ОДА СОЛОМИНКЕ

В любые годы и невзгоды
Соломинке слагают оды –
Её протянутой руке,
Как знаку – здесь, невдалеке
Всегда есть, что тебе поможет.
Тогда тупик не так уж сложен, –
Вредна лишь мысль о тупике.

* * *

В нас беда не переходит в беды,
Если есть запас душевных сил:
Поражение – тоже часть победы
Для того, кто рук не опустил.

* * *

Не надо ждать, когда оценят,
Придут, дадут и позовут,
А делай только то, что ценишь,
И это не считай за труд.

* * *

Мера Искусства – не денежный знак:
Знак – рукотворен, Искусство – Маяк.
Всё, что в себе ты способен продать,
Больше, чем «плод ремесла», не назвать.

* * *

Можно быть интересным себе,
Но другим ты тогда интересен,
Когда главный мотив твоих песен
Станет песней об общей судьбе.

* * *

Мы в бушующем мире придумали песни,
В этих песнях разрознены часто слова,
Но когда они правильно сходятся вместе,
Их в любое пространство доносит молва.

* * *

«Поэт всегда должник вселенной»,
Но многое, что говорил,
Живёт во времени нетленным –
Единственным из всех мерил.

* * *

Каждый из нас состоит из поступков –
В них наша суть. Потому и молва
Только поступки хранит неотступно.
А остальное – пустые слова.

* * *

Мы часто в грудь себя стучим,
Изображая патриотов.
Но и рукав не засучим,
Чтобы исправить здесь хоть что-то.

* * *

Хотя в сегодняшней России
Поэт не «больше, чем поэт»,
Поэзия всегда вносила
В духовное пространство свет.

И там, не ведая пределов,
Струится он из века в век,
Чтоб никогда не оскудело
Для нас понятие – «Человек».

Берега юбилеев

Валерий Старжинский

К 75-летию

Валерий Старжинский родился 20 сентября 1950 года в семье учителей, белорус. В 1971 году окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А. М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, членом экспертного совета Парка. Работа над докторской диссертацией на тему «Гуманизация инженерного образования» сформировала дивергентное мышление и синтез научной и художественной культур. Разрешение дихотомии «технократизм – гуманизм» стало сверхзадачей для сохранения духовности и гармоничности человека.



На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ в ток-шоу «Выбор» и на СТВ в ток-шоу «Такова судьба» с участием студентов и аспирантов по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодёжи: «Хамство на дорогах», «Гражданские браки», «Ненормативная лексика», «Школьный буллинг», «Эпидемия бездуховности» и др.

Печатался в журналах: «Берега», «Полюмя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических изданиях: «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаўніцкая газета», «Семь дней» и др. Опубликовано 14 монографий, более 400 статей, в том числе более 30 на художественно-публицистическую тематику.

ПРОФЕССИЯ – УЧИТЕЛЬ

Отрывок из повести

БГУ им. Ленина

Какой всё-таки учительницей была моя мама – Анастасия Трофимовна Старжинская? Моим учителем был и мой отец – Павел Иванович Старжинский. Если сравнивать, кто из них был лучшим учителем? Кажется, на первый взгляд, что это вопрос типа, кого любишь больше – папу или маму. Однако на него можно дать, как мне думается, вполне внятный ответ. Мой отец, как учитель, относился к детям как взрослым. Он был рафинированным интеллигентом и преподавал в школе в стиле университетского профессора. Он никогда не читал нотаций, никогда не выговаривал ученикам, и они относились к нему с уважением. Однако его сдержанность в сфере чувств ощущалась детьми, и они тоже проявляли к нему почтительную сдержанность. В теории он был сильнее мамы, и это доказывалось в процессе обучения её в Белгосуниверситете и постоянными консультациями, которые она брала у него.

Мама же, как учительница, была настоящим педагогом и наставником именно средней школы. Проработав педагогом без малого полвека, я с уверенностью могу сказать, что она была Учителем с большой буквы. Её ученики были лучшие во всём. В учёбе, воспитании, общественно-полезных мероприятиях. На её уроках не было проблемы с дисциплиной. Её нельзя было не слушать. В её арсенале была любовь и похвала, строгость и порицание. Она относилась к ученикам как к своим детям. И это говорит о многом, если не обо всём. Замечу, любовь к другим (чужим) детям как сво-

им – это редчайший дар, христианское благословение. К сожалению, я не могу признаться в этом качестве. Но дети эту божественную любовь чувствуют интуитивно и тянутся к таким людям, как цветок к солнышку. И такую любовь многие ей не прощали, особенно коллеги... Кстати, в моей жизни всеми своими достижениями я обязан именно таким учителям, которые встретились на моём пути и помогли обрести цель и смысл жизни. Таким настоящим учителем является для меня также Леонид Леонтьевич Сучок, который явился для меня своеобразным гуру – человеком-образцом, по которому делаешь жизнь. Я о нём ещё расскажу чуть позже.

А сейчас о том, как работала моя мама. Можно сказать словами известной телепередачи. Она работала лучше всех. Доказательство – её школьники и качество их обучения и воспитания. Успех, как известно, не остаётся безнаказанным. В один «прекрасный» момент директриса вызвала учительницу А. Т. Трофимович в кабинет и сказала: «Прошло уже десять лет после окончания войны, большая часть учителей имеют дипломы о высшем образовании, либо учительские институты, либо, наконец, дипломы педучилища. А у вас справка об окончании курсов. Вы либо поступаете в пединститут, либо ищите другую работу». Такой ультиматум был предъявлен в конце учебного года. До начала приёмной кампании оставалось чуть больше месяца. Замечу, что с такими справками об окончании курсов доработали благополучно до пенсии математичка и учительница начальных классов. Кстати, лет через десять эта же проблема коснулась и Павла Ивановича, который до войны окончил Рогачёвский учительский институт, что приравнивалось к неполному высшему образованию.

На семейном совете решили поступать в БГУ, факультет, естественно, филологический. А теперь представьте ситуацию. Лето 1956 года. Сельская учительница, трое детей: два сына семи и пяти лет и дочь – не полных два года. Хозяйство в виде коровки, свинок и кур, а также огород и 20 соток картошки. Живём в старом доме, а на улице лежит брус (опилованный лес) для строительства нового дома. Всё отставить. Все заботы на плечи папы. Мама наспех готовится к вступительным экзаменам. Помню фанерный, жёлто-оранжевого цвета довоенный чемодан с навесным замочком, в который мама складывала вещи и книги для поездки в Минск. Вернулась через дней 10–12. Стали ждать вызов. И вызов пришёл. С первого сентября 1956 года старший брат Николай пошёл в первый класс, а Анастасия Трофимовна стала 32-летней студенткой 1-го курса филологического факультета Белгосуниверситета заочного отделения. И ровно через шесть лет, в 1962 году, мама получила диплом о высшем образовании. Ни одного «хвоста». Все зачёты и экзамены сдавались успешно и вовремя. Правда, однажды вернулась назад контрольная работа как не зачтённая. Папа срочно устранил замечания, и отослал работу обратно. Этот сбой имел два последствия. Контрольная работа, отправленная обратно, долго искала адресата и долго плутала по разным Трофимовичам. Мою маму знали под фамилией Старжинская. Во избежание путаницы в дальнейшем пришлось стать Старжинской и по паспорту. В дальнейшем папа взял функцию написания контрольных работ на себя. Все работы получали зачёт с первого раза. И тому было несколько объяснений. Отец был сильным филологом, относился к работе ответственно, обладал изумительным каллиграфическим подчерком. Для написания работ он ездил в Слуцкую библиотеку за соответствующей литературой.

Мамин университет не обошёл и нас с братом. На последних курсах появилась необходимость в прочтении большого количества современной отечественной и зарубежной литературы. Но когда читать книги?! Вот расписание. Подъём в 6 часов утра. В это время начинает работать проводное радио. Приносятся дрова и растапливается русская печка, зимой и грубка, готовится завтрак, как правило, это яичница на сале, картошка или блины. Ставится вариться два чугуна картошки для свинок. Доится корова, процеживается молоко, кормятся куры и свинки. Поднимаются дети в школу, все завтракают и идут к 8.00 на занятия. Раньше, во время маминой учёбы в универе, школа находилась посередине деревни Козловичи. Расстояние около трёх километров.

Когда мы были дошкольниками, у нас была нянька. Большую часть забот она брала на себя. Когда мы стали школьниками, всё легло на плечи родителей. Домой возвращались в три-полчетвёртого. И опять обед, работа по хозяйству – коровка, свинки, куры, а ещё сад, огород. Зимой торф и дрова, чтобы отопить дом. А ещё что у учителей-филологов за домашняя работа? Правильно. Проверка тетрадей, написание планов, подготовка к урокам. К двенадцати ночи мама засыпает над написанием планов. Я сам видел эти записи сонного, смертельно уставшего человека. Текст (буквы) становятся всё уже, строка опускается вниз, а затем от буквы идёт линия вниз. Всё – человек вырубается. Как они это выдерживали?

Конечно, мы – дети – не были сторонними наблюдателями и всячески помогали родителям. Особенно в уборке урожая – яблоки, груши, сливы, вишни, мы были незаменимыми помощниками и выполняли эту работу с удовольствием. В сентябре наступал период уборки картофеля, который мы не любили. Кроме сезонных работ, к которым нас привлекали родители, у нас были постоянные обязанности. В холодное время года брат отвечал за отопление дома, выбирал золу, приносил дрова и торф и топил печку-грубку, в последующем топил котёл водяного отопления. Я отвечал за чистоту в доме, каждую пятницу или субботу мыл полы, гладил бельё, приносил воду в дом, выполнял другие мелкие поручения. Подросла сестра Тамара и стала маме надёжной помощницей в домашних делах. Все трудились не из-под палки, а сознательно помогая родителям, но работы всегда было невпроворот. И только с наступлением зимы наступало некоторое послабление.

Поэтому ещё раз. Как найти время маме, чтобы прочесть большое количество книг для сдачи экзамена? И выход был найден. Современную отечественную и зарубежную литературу читали все, в том числе и мы с братом. «Консуэло» – Жорж Санд, «Красное и чёрное» – Стендаль. Серафимовича «Железный поток». Каждый получал свою порцию книг, должен был прочесть и рассказать маме сюжет. Затем она брала книгу и просматривала её бегло. Таким образом, формировалось общее и в некоторых деталях представление о книге.

Брат настолько увлёкся этим делом, что стал книгочеем. Стал читать запоем. На столе лежат две книги. Сверху математика, внизу фантастика. Родители на улице – книги меняются местами. Для меня же это чтение имело несколько иные последствия. Читая взрослые книги и половину не понимая, я научился «скорочтению», выбирать главное – сюжет. Поэтому все монологи и диалоги я пропускал, считая, что это «вода», не заслуживающая внимания. И это сказалось на моём восприятии социальных отношений и умении их строить. Мне кажется, что я до сих пор во многом не понимаю действий и слов многих людей. Впервые я столкнулся с этим ненужным говорением и, как мне казалось, пустой тратой времени на заседаниях кафедры, когда стал аспирантом. И именно в это время я понял роль диалогов и коммуникаций в конструировании социального статуса. Стал перечитывать книги заново и стал прозревать.

За шесть лет в нашей жизни произошло многое. Мы (конечно же, папа), продали старый и построили новый дом, выкопали колодец, построили сарай и другие постройки, а также совершили фатальную ошибку. Отец продал родительский дом и перевёз свою сестру Марусю жить к нам, в надежде, что она будет помогать по хозяйству и присматривать за детьми. Надежды не просто не оправдались. Вся наша жизнь превратилась в огромную свару, огромный конфликт, который имел губительные последствия для всех и в особенности для меня. Но это другая история... Давайте вернёмся к нашей героине Насте.

Преимственность и смена поколений

Прошло 33 года, как Анастасия Трофимовна переступила порог школы. 1 сентября 1977 года. Время 7 часов утра. Моя мама стоит у окна в своём доме и украдкой вытирает слёзы. Вот она и вышла на пенсию. Вернее, её «вышли» по выслуге лет. Не хватило нагрузки.

А на улице праздник – дети идут в школу. Все в школьной форме, девочки в белых передниках и с белыми бантами. Мальчики в строгих костюмах. И все с букетами цветов. Идут мимо нашего дома, что-то радостно рассказывают друг другу, радуясь встрече. Здравуются со своей учительницей. Они ещё не знают, что с бывшей. Большинство – её ученики. У одних она была классным руководителем, у других – учителем русского языка и литературы. И вот теперь она уже бывшая учительница. Мне кажется, с этой ситуацией она не смирилась до конца жизни. Она была учительницей по жизни.

Чтобы не показывать нахлынувших чувств, она уходит вглубь дома. Но разве от себя спрячешься. Для неё, как и для тысяч других настоящих учителей, школа – это было нечто большее, чем просто место работы. Это было призвание, смысл жизни. «Сеять разумное, доброе, вечное». И здесь нет преувеличения. Дети шли в школу, и душа моей мамы – учительницы летела вместе с ними. Она всю жизнь вкладывала частицу души в своих учеников. Она была и есть не только моя мама, но и мама своих учеников. И это чистая правда. Её отношения с учениками были особенными, потому что она их любила, и они ей отвечали взаимностью. Все конкурсы и смотры выигрывал её класс, потому что дети старались изо всех сил. Иногда комиссия засуживала её класс, многим учителям не нравилось

такое положение дел, и прежде всего руководству. Тем не менее её отношение к ученикам было сердечным и высоконравственным. Такой чистой и незамутнённой бывает родниковая вода. Школа, в отличие от общества, сохраняла правду, справедливость, чистоту. И это я чувствовал, как её ученик, как сын и как в последующем её коллега. Лучшие ученики – это те, кто лучше всех учился и участвовал в общественной жизни школы. Неудачники старались исправиться – «подтягивались» (тогда был именно такой термин). Конечно, были и свои «герои», которые стеснялись своих заслуг. Во всяком случае, не ходили гоголем.

Прошло ещё 30 лет. 1 сентября 2007 года. Время 8 утра. Внучка моей мамы, тоже Настя и тоже учительница, пришла на свой первый урок. Это был не просто урок английского языка. Это был урок – шок! У большинства детей отсутствует готовность учиться. Или они её тщательно маскируют. Большинство детей приходит не учиться в школу, а развлекаться: испытывают учителя на прочность, подначивают, в общем – ведут наступление. Настя считает дни «до дембеля» – когда закончатся два года распределения. Что происходит со школой? Может быть, Насте не повезло? И у неё в классе слишком много отвязных детей? Либо она никудышная учительница? Увы, реальность куда серьёзнее.

Поговорим серьёзно о школе

Уважаемый читатель, я перехожу от повествовательного стиля к сухой аналитике и размышлениям. Однако ещё один пример. Моя знакомая при перемене места жительства не стала отдавать ребёнка в школу, находящуюся рядом с домом. Хотя про себя думала: «Вот и транспорт не нужен, дорогу переходить не надо, как удобно – через два дома и школа». Однако пошли в гимназию учиться, в другом конце города. Ибо в школе по соседству в классе имеются семь учеников, у которых за четверть двойки и тройки. Учительница успокоила: «Не волнуйтесь, сейчас оценками считаются двойка, тройка и даже единица. Главное, что не ноль». И её охватил ужас.

Немного теории и размышлений. Примерно так можно обрисовать ситуацию, которая сложилась в школе при помощи понятий антикультура и контркультура. Контркультура – протестная культура, направленная против официальной, «правильной» культуры школы, формализма в образовании и феномена отчуждения, когда ученику глубоко плевать на школу в целом и некоторых её представителей в частности. Контркультура утверждает себя через представление официальной культуры и её стандартов в негативно-гротескном свете, унижение лучших представителей школьной культуры, использование ненормативной лексики, выработку специального языка (сленга), кличек учителям и др.

Представители контркультуры – неудачники школьники – создают атмосферу, в которой невозможно проявление творчества и инициативы, испытывают учителя на прочность (его психологическую выдержку), создавая конфликты, провоцируя его и разговаривая на грани фола. Они запугивают лидеров, предаются остракизму добродетели и позитивные ценности культуры. Иногда это проявляется в насилии и поборах среди младших школьников, привлечении их в качестве соучастников безнравственных и даже противоправных действий. Контркультура превращает честного, трудолюбивого и ответственного ученика в «ботаника», учитель получает «погоняло-кличку». Сленг из уголовной субкультуры проникает в официальную школьную культуру. «Приколоться» – означает высмеять добродетель, а также оправдать списывание, обман, «развод учителя» и др. Контркультура направлена против формального, бездушного и даже пренебрежительного отношения к детям, использования насилия и принуждения, оценки как средства сведения счетов, в целом, отношения подавляющего индивидуальность школьника. Контркультура представляет собой форму социально-культурного оправдания аномального поведения школьника в виде борьбы с «неправильной» школой.

Борьба с контркультурой – это сверхзадача современной школы. Она может и должна вестись на разных уровнях и различными средствами. Прежде всего, необходимо работать с детьми из неблагополучных семей. Далее – искоренять курение, сквернословие, не допускать противостояния учителя и ученика. Преодолевать отчуждение ученика в школе и семье. «Эпоха перемен» как революционные периоды в истории всегда сопровождаются разрушением «старых» образцов культуры и созданием «новых», в том числе протестных. К сожалению, в этом противостоянии культуры и контркультуры побеждает последняя.

Чтобы объяснить причины появления контркультуры, следует обратиться к понятию близкому, но не совпадающему с ней – антикультуры. Антикультура – это культура в её отрицательном смысле,

которая возникает на основе чрезмерного внимания и нездорового интереса к негативным, теневым, ненормативным сторонам человеческой жизни – смерти, некрофилии, насилию, аномалиям, нигилизму и скверне. Рыночные отношения на телевидении и в СМИ в целом привели к массовому тиражированию явлений антикультуры. Конкретно это проявляется в следующем:

- культивировании темы смерти, секса, насилия, навязывании идеи девальвации классических ценностей культуры, в том числе ценности человеческой жизни посредством фильмов ужасов, убийств, катастроф, боевиков, порнографии и др.;

- пропаганде аномалий и ненормативщины – театр абсурда, экранизация наркотических «глюков», романтизация профессии киллера и проститутки, преувеличенное внимание к сексуальным отклонениям, эпидемия ненормативной лексики;

- нигилизм и осмеяние традиционных общечеловеческих ценностей: трудолюбия, честности, порядочности, справедливости, добра, красоты как устаревших.

Эпидемия антикультуры является негативной стороной современной массовой культуры и представляет собой вирус, поражающий не просто отдельного человека (его дух, сознание), а часть общества, его аутсайдеров. Антикультура, как эпидемия, воздействует прежде всего на молодёжь – как на «неокрепшие» души, не выдерживающие испытания на прочность и поддающиеся соблазнам. Последствия – снижение интереса к образованию, рост преступности, моральная деградация части современной молодёжи. Данная тенденция представляет собой серьёзную опасность для современного общества, так как поражает её будущее – молодёжь, которая живёт в режиме вседозволенности и безнаказанности. Усиление влияния антикультуры на нашу страну произошло после 1991 года, когда рухнул «железный занавес», который выполнял роль санитарного кордона.

В образовательной практике следует уделять больше внимания воздействию антикультуры на сознание школьников:

- 1) раскрывать истинную сущность антикультуры как вируса, который маскируется под культуру;
- 2) рекомендовать родителям установить для детей регламент просмотра телепередач и сайтов Интернета;
- 3) для координации действий проводить педагогический всеобуч с родителями;
- 4) педагогическому совету школы и социальному педагогу следует бороться с контркультурой, которая основывается на антикультуре, развивается нелегитимно в школе и направлена на разрушение норм и образцов духовной культуры школьников.

Однако внимательный читатель заметил, что все вышеизложенные предложения остаются благими пожеланиями, поскольку не могут быть реализованы по жизни. Почему? И как сделать так, чтобы они заработали?

Пора поговорить о приоритетах. Приоритет (от лат. *prior* – «первый, старший») означает первенство во времени в осуществлении какой-либо деятельности. Соблюдение приоритетов – это искусство и мудрость управления, которые относятся к стратегическому менеджменту и позволяют методологически правильно выстраивать деятельность управления. Для того чтобы обосновать роль приоритетов, обратимся к притче, которая показывает невозможность получения оптимального результата при нарушении приоритетов деятельности.

Молодому человеку подарили на день рождения кувшин и попросили наполнить яблоками. После того как сосуд был наполнен, последовала просьба добавить в него изюм. Затем, когда сосуд был «доукомплектован», последовала просьба добавить в него сахарный песок. Но и это ещё не всё. В заключение прозвучала просьба: «несмотря на такую плотную упаковку кувшина, в него ещё необходимо добавить вина». Что и было сделано. Мораль не только в том, что нельзя начинать с вина. Чтобы «процесс пошёл», надо соблюдать приоритеты в виде определённой последовательности действий.

Проектный менеджмент, или управление проектами, утверждает, что перспективный план организации должен содержать приоритеты, которые определяются её руководством и специалистами исходя из идеологической и социально-культурной ситуации в обществе, корпорации (образовательной сфере), а также задач, которые определяют стратегические направления развития страны в целом.

Без традиционного «Что делать?» не обойтись. Обобщим сказанное:

1. Современная ситуация в школе может быть охарактеризована как неблагоприятная: а) появилась контркультура, разрушающая школу; б) отсутствуют мотивы обучения; в) школа потеряла главное –

школьника, готового учиться; г) существует морально-психологическая неудовлетворённость учителя своей работой и её результатами.

2. Основная причина – отсутствие рычагов воздействия на школьника и родителя. Часть родителей рассматривает учреждение образования как «камеру хранения», в которой оказывается образовательная услуга. Более глубинные причины возникшей ситуации – рыночные отношения, информационное общество с его неконтролируемым воздействием антикультуры, демократия в её худшем понимании – как отсутствие порядка, дисциплины и принуждения.

3. Предлагается способ решения, основанный на приоритетах, рыночных механизмах и праве школы как государственного учреждения образования на легитимное насилие (принуждение).

4. Сущность предложения. Помните сакраментальное относительно мотивов: «Либо рубль, либо сила». Следует разработать и внедрить систему штрафов родителям за уклонение от воспитания детей, а также систему наказаний для школьников за нерадивое поведение в школе и дома, нежелание учиться и трудиться. Основанием для штрафов является решение педсовета. Конфронтация с учителем, нежелание учиться, аморальное поведение в школе и дома должны выявляться на основе посещения семей и докладных записок учителей и строго пресекаться. Педагогической общественности следует разработать ряд мер административного и дисциплинарного воздействия на школьников и родителей. Следует предусмотреть не только штрафы, но и исключение детей на одну-две недели из школы с последующим возмещением оплаты репетиторства учителям и другие меры.

Предполагаемые результаты:

1) появление реального механизма принуждения, повышение статуса учителя в школе, управление учебным процессом;

2) оздоровление морально-психологической атмосферы в школе;

3) активизация взаимодействия родителей и школы и др.

Послесловие. Моя мама, в возрасте 85 лет, ознакомившись с моими идеями, сказала: «Такие непопулярные меры предлагаешь ты, который написал докторскую диссертацию по гуманизации инженерного образования, где основная идея – путь к сердцу ученика – это не насилие и принуждение, а любовь и взаимопонимание, то удивительное отношение, которое складывается между учителем и учеником, позволяющее ему приобрести крылья в поиске и обретении себя. Вместо этого ты предлагаешь взять в руки отцовский ремень».

Но я думаю, возможно, это тот случай, когда без ремня не обойтись, возможно, это ситуация хирургического вмешательства. Нельзя ждать гангрены. Естественно, что потом будет курс реабилитации и другие оздоравливающие-восстановительные мероприятия. Но это потом. Если покинуть язык метафор и перейти на конструктивную почву, то школа должна радикально измениться, и приоритетом изменений должна стать установка: образование ребёнка – основная обязанность родителя, а школа, наряду с другими государственными учреждениями, предоставляет образовательную услугу. И тогда заявление: «Можете ставить хоть десять единиц, мне по барабану», – исчезнет, ибо будет направлено не только против школы, но и родителя и государства. Родитель станет стремиться стать другом и советчиком своему чаду и станет искать путь к педагогу для совместных усилий, а не делать его крайним и обвинять во всех смертных грехах. Все современные проблемы школы в конечном итоге находятся в семье – безответственном, бездумном и безнаказанном отношении родителей к воспитанию своих детей. (Причём безнаказанность лишь отсроченная и временная, ибо, что может быть большим наказанием для родителя, чем необразованный, невоспитанный и агрессивно-злой отпрыск.) Школа и общество жаждут решения приоритетов. И эти выводы приходят в голову, анализируя опыт и жизненный путь моих родителей – учителей.



Берега юбилеев

Антонина Сытникова

Антонина Сытникова – автор пяти поэтических книг, пяти коллективных сборников стихов и детской книжки-раскраски. Стихотворения публиковались в журналах: «Берега», «Роман-журнал XXI век», «Молодая гвардия», «Форум» (Москва), «Родная Ладога» (Санкт-Петербург), «Подъём» (Воронеж), «Огни Кузбасса» (Кемерово), «Славянин» (Харьков), «Дон новый», в альманахах: «Орёл литературный», «Невский альманах», «Междуречье» (Россия – Украина – Беларусь), «Чаша круговая» (Екатеринбург). Лауреат Всероссийской литературной премии «Вешние воды» (2017), региональной литературной премии им. А. А. Фета (Курск), победитель Международного поэтического конкурса «Лики истории» (Россия – Украина – Беларусь, 2014), регионального конкурса «Омские мотивы» (2015), финалист Всероссийского литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2016, 2018, 2021) и 4-го Международного поэтического конкурса им. Н. Григорьева (Санкт-Петербург, 2017), лауреат газеты «Российский писатель» (2015). Член Союза писателей России. Живёт в Орле.



ЛЮБОВЬ ПРАВА, ОНА СПАСЁТ

К юбилею

* * *

Над Храмом Матроны Московской¹
Струится немеркнущий свет,
Встречает любовью отцовской –
Всяк ею невольно согрет.

И полнится радостью сердце,
И тут же – слеза горяча,
Когда голоса сладкопевцев
Под сводами Храма звучат.

Звучит и смыкается вечность
В преддверии Царственных врат.
Эпохи подмен скоротечность
Здесь видится лучше стократ.

И видится – новую силу,
В величии славном права,
Опять обретает Россия.
И правду находят слова.

И злобной войне русофобской
Даётся достойный ответ.
Над Храмом Матроны Московской
Струится немеркнущий свет.

* * *

Дворянского гнезда тенистые аллеи
Живут всегда во времени своём.
А вдалеке закат неистово алеет.
Там словно кровью залит окоём.

Здесь тишина, не слышен вой снарядов,
Лишь соловьи сливаются в дуэт,
Кусты пузыреплодника и рядом
Ротонды белой стройный силуэт.

И белый цвет блаженного покоя
Переполняет, кажется, весь мир.
И аромат цветущего левкоя
Невольным счастьем сладостно томит.

Но вдруг навстречу парень в камуфляже,
Пустой рукав заправлен за ремень.
И в этот миг становится не важен
Счастливый день прошедший. А взамен –

Растерянность, смятение, тревога
Взлетают стаяй чёрных воронят.
И я беззвучно умоляю Бога
Родных и близких всюду охранять.

¹ Храм в Северном районе города Орла.

* * *

Плачь, Украина, плачь!
Ты сама себе предатель и палач!..

Олесь Бузина

Идёт война... Опять война...
И меркнет белый свет.
Кто допустил и чья вина –
Я всё ищу ответ.
И кружат мысли колесом
В калейдоскопе дней,
И длится, длится жуткий сон...
Чем дальше, тем страшней.

В разрывах корчится земля –
«Переходящий приз»,
Где украинская петля
Россию тянет вниз.
Родные гибнут там и тут,
В руинах города.
И нескончаемость минут
Сливается в года.

Вновь кровью жертвенной кропит
Нас двадцать первый век.
Разыгран дьявольский гамбит,
В нём пешка – человек.
А, впрочем, целая страна –
Фигура на доске.
И жизнь её черным-черна,
Висит на волоске.

Ну что заставило её
Анти-Россией стать?!
Принять бесстыдное враньё,
Утратить благодать.
И пожирать своих детей,
Как Молох, день за днём.
И на заклятие хотеть
В безумии своём.

Но верю я – наступит час
Прозрения и слёз.
Добра оставшийся запас
Пробьётся всё же сквозь
Завесу ненависти, лжи
И множества смертей.
Когда-нибудь продолжим жить
Без горестных вестей.

Когда-нибудь... когда-нибудь...
Закончится вражда.

Обмана пагубного муть
Отхлынет навсегда.
И дружба снова победит.
Так было много раз –
Любви живительный магнит
Тянул друг к другу нас.

О СЧАСТЬЕ

(диптих)

...Подсолнечники Украины! О, край,
В котором счастье – дома!

М. Цветаева

1.

О, край, в котором счастье – было!
Зимой, и летом, и весной,
И осенью... Я не забыла,
Каким был мамин хлеб ржаной.
Как выбирал отец арбузы
На созревающей бахче.
Початок спелой кукурузы
Таил свет солнечных лучей.

Из школы я бежала к дому
По тропке через огород.
А после к берегу крутому
Шла и в реке искала брод.
Стремглав, с сердечным замираньем
С водой спешила совладать.
Плела венки из разнотравья
И принимала благодать

Земли, обласканной дождями,
Стрекоз, кузнечиков в траве...
Я прорастала в них корнями,
Оставив сердце там навек,
Где счастье жило и не знало,
Что вдруг в какой-то горький час,
Направив гибельное жало,
Фонтан земли взметнёт фугас...

Когда закончатся напасти,
Развеем общую беду,
Я в дом отца вернусь за счастьем,
И буду верить, что найду.

2.

Звучит мелодия любви
В потоках солнечного света,
И замолкают соловьи
В благоговении при этом.

Танцуют в капельках росы
Остатки утренней прохлады,
Тумана сизые усы
Висят над речкой у ограды.

Босая девочка бежит.
Сама – поющий лучик света.
Остановилась у межи
И растворилась...
Счастье, где ты?

ПОСЛЕ ПОБЕДЫ

Просевают солнце занавески,
Блики света падают на пол.
В озорном зеленоватом блеске
Ловит свет оранжевый подол.

Ликованьем полнится светёлка,
Благодатью радостной весны.
А на стуле венском гимнастёрка
Помнит напряжение войны.

Позади почти четыре года
Крови ежедневной, и сейчас
Радует сине небосвода
Медсестра, ушедшая в запас.

Упоённо девушка кружится
Со своей судьбой наедине,
И мелькают в вихре танца лица,
Проявляясь в зыбкой пелене.

Обещает девушке мгновенье
Много света, счастья и любви.
Будто шлёт судьба благословенье
Шёпотом настойчивым: «Живи».

* * *

Раскинув руки, принимаю
И моря дальний горизонт,
И близость скал, куда кривая
Тропа старательно ползёт.
Толпу кустарников, деревьев,
Негромкий, редкий щебет птиц,
Едва заметную деревню,
Припавшую устало ниц
К ложбинке с чудо-родниками
Глоток живительный испить.
Я обнимаю всё руками,
И хочется так долго жить!

* * *

Нам уготовано спасенье
Любовью сушей с высоты,
И в день Святого Воскресенья
В ней воплотятся все мечты.
И радость Духа, Света радость
Нам новый день с собой несёт,
И лишь любить и верить надо –
Любовь права, она спасёт.

* * *

Солнце и небо, воздух и ветер,
К вам обращаю я песню свою.
Пусть будет день лучезарен и светел,
Пусть на земле вечно птицы поют.
Пусть она будет спокойной и чистой
И в водоёмах – прозрачна вода,
День наступивший путь будет лучистым
И безмятежным пусть будет всегда.
Пусть прорастают улыбками лица
Всех, в ком найдётся хоть капля добра,
Дети от счастья пусть будут светиться,
Мирной и доброй их будет игра.
Пусть будет вдоволь насущного хлеба,
Снова сердца посещает любовь.
К воздуху, ветру, солнцу и небу
С песней-мольбой устремляюсь я вновь

МОЛИТВА

Ты прости, что пришла я ущербной
На закате усталого дня.
Всё другим раздавала я щедро,
Для себя ничего не храня.
Только память подспудно таила
Этот миг нашей встречи с Тобой,
Но я думала, всё это было,
Может, даже совсем не со мной.
Ты прости, что Тебя забывала
Ради мелких и суетных дел
И тончайшую нить обрывала,
Уходя за незримый предел.
Но Тебя, лишь Тебя я искала
В свете каждого нового дня,
Ну а если вдруг этого мало,
Ты прости и помилуй меня.

ВАСИЛИЙ КИЛЯКОВ: «Призвание. ИЩУ СЛЕДЫ НЕВИДИМЫЕ»



Беседу вела Ирина Владимировна Гречаник, доктор филологических наук, профессор Московского государственного института культуры, член Союза писателей России, главный редактор журнала «Парус», ученица и соратница выдающегося современного критика Юрия Михайловича Павлова.

*Полная версия интервью публикуется впервые
к 65-летию писателя Василия Киякова*



И. Г.: Василий Васильевич, расскажите, как Вы начинали свой творческий путь. Когда почувствовали в себе писательское призвание? Когда написали первое произведение? Как Ваше окружение реагировало на эти опыты? Какую роль сыграли родители? Кого считаете «родителями» литературными?

В. К.: «Призвание», пожалуй, громко сказано, скорее – потребность. Такую потребность писать подсказывали обстоятельства. Э. Хемингуэй сказал где-то, что «несчастливое детство выковывает писателя, как меч». А. Н. Толстой говорит о том же. Потребность писать может возникнуть только в душе небезразличной, растревоженной. И молодость для такой тревоги – лучшее время. Потребность задуматься о нужности (или ненужности) в этом «прекрасном и яростном мире» свойственна многим: Лев Толстой в «дневниках» (ранних), Александр Пушкин в письмах (к брату), Сергей Есенин в переписке с Гришей Панфиловым... Примеров много. Эти искания лучших писателей были прочитаны мною удивительно вовремя (хоть и «Вертер» Гёте, и Конан Дойл

тоже увлекали). На ходу, на бегу – в молодости всё легко, а жилось тогда напряжённо, в неутолимой жажде найти понимание (не только, конечно, у сверстников) – вот тогда и явилась эта трудная мечта самовыразиться.

Село под Рязанью, Киров, Электросталь, Москва, частая смена школ и учителей. Долгое время жил я без отца в Кирове, в одном из самых бандитских районов, где без драки порой нельзя и до булочной добраться. Всё тогда было поделено на районы – «зелёнка», «чёрные» – среди шпаны дворовой. Попался – сразу: «Ты чей? А-а, с Дерендяева... а чего здесь ходишь?» Пожаловаться некому. Да и бесполезно, себе дороже: заключают ещё страшнее. Расчёт только на себя. Вентиль от крана в кармане с наплавкой свинца (вместо кастета), раскладной заточенный металлический метр (разрезал куртки и кожу, как сабля) – всё шло в ход. И каучук, которым прокладывали швы в панельных домах, и велосипедные цепи... В то время было такое кино – «Генералы песчаных карьеров» по роману Жоржа Амаду «Капитаны песка». «Культовое» среди молодёжи, как бы теперь сказали. Роман этот точно отражает метания души молодой, не только бразильской, но и русской.

А первое произведение – стихи девушке. Оно осталось без ответа. Рифмам там было мало места, больше – чувству. Но, написав стихи, я долгое время верил, что это – «хорошо».

«Родители литературные»... Мне очень повезло с учительницей литературы Лидией Ивановной Тихомировой (судя по фамилии, род её – из священников). Сын её, Володя, писал неплохие стихи: «И капель, в воробыином вызвоне, на сосульках сыграет гимн...» Или по-есенински: «Сирень седея билась у плетня...» Провидение послало мне дружбу с этой семьёй. Предварительно истомив меня

некоей Кротовой, тоже учительницей русского и литературы в средней школе № 37 г. Кирова. Эта дама изводила меня издевательствами, мелочными какими-то придирками: «Прежде ответа у доски покажи руки... Боже мой, да у тебя цыпки!» Что значили «цыпки» по сравнению с тем, что после уроков меня ожидали несколько человек с твёрдым намерением проломить голову?..

Лидия Ивановна стала мне второй матерью. Она тяжело переболела туберкулёзом, вынуждена была ходить в парике. Молодая, она, поднимаясь вверх по пролётам лестницы, часто останавливалась, чтобы отдышаться. Она смотрела на мир, как я теперь понимаю, иначе, чем Кротова – чопорная благополучная дама, довольная жизнью во всех отношениях. Когда Л. И. Тихомирова, ставшая классным руководителем, прочитала мою характеристику-послание – «сопроводительное» письмо «от Кротовой» (а без такого документа в прежние времена нельзя было никуда перевестись или устроиться на новом месте) – «Крал макулатуру...», то она, приподняв очки, с любопытством глядя на меня, молвила: «Прекрасно, мальчик любит читать. А стихи ты читаешь?..» Я обомлел от такого поворота. Она сразу и прочно стала для меня авторитетом. «Грозу» Островского она «расшифровала» мне уже тогда.

Впоследствии отец вернулся в семью. Он тоже что-то разглядел во мне, направлял моё чтение. Он же стал первым моим критиком, отвёл меня в городское литературное объединение, и... что за фигуры я там нашёл, что за «типы»! До сих пор уверен, что, если б не алкоголь, многие из них вызрели бы в даровитых поэтов (я тогда увлечён был стихами и только стихами). Теперь я дружен с вятичами-писателями Виктором Бакиным, Евгением Шишкиным. Жаль, что мы не познакомились с ними раньше, в молодости: легче было бы и жить и работать в литературе...

Руководили объединением «Электростальские огни» (не бог весть какие «огни») Г. Левин, Эрнст Иванович Сафонов, поэт Анатолий Брагин. Затем – П. Н. Краснов, «открытый» тогда Игорем Дедковым, написавший талантливую книгу «Сашкино поле», но впоследствии, с «Подёнками ночи» – ушедший в мастеровитость, в блестящее умение; и В. А. Карпов, сценарист, один из самых заметных, на мой взгляд, сегодняшних прозаиков, лауреат нескольких премий. В течение многих лет он ведёт содержательные передачи на радио Подмосковья серии передач «Национальный герой», которые заканчивает так: «Мы обязаны прорваться в завтрашний день! Сил вам и здоровья». Меня до сих пор не покидает твёрдое чувство, что передачи эти и в самом деле «заряжают» на сопротивление злу – всему тому «непонятному», что терзает сегодня нашу страну.

С окружением мне повезло, даже очень повезло. Меня влекло, как щепку в половодье. Э. И. Сафонов был тогда главным редактором «Литературной России», дочь его, Татьяна, писала стихи. Да какие! Жаль, что мы все сегодня потерялись. Мы, русские люди, как-то слабо держимся друг за друга, мало поддерживаем друзей. Это едва ли не главная наша беда, беда трагическая (а совсем не надуманный алкоголизм, леность и «авось»). Именно такой поддержки и связи не хватает нам более всего – этого симбиоза отношений и дружеского участия в судьбах. Посмотрите на малые народы, на любые народы – надо учиться у них, крепко учиться. Потому что у Апостолов сказано: «Кто о своих не печётся, тот хуже неверного». Как, каким образом вытравили из русского человека эту потребность взаимопомощи, как это удалось – для меня загадка...

Вот тогда меня и подхватило это течение. В то время писать – значило очень много, это было самым содержанием жизни.

И. Г.: М. П. Лобанов, по меткому слову Ю. М. Павлова, русский критик «на передовой», человек, резко противопоставляющий себя тем, кто жизненную мудрость черпал из книг, из бесед с «умниками», строго оценивал произведения о деревне даже таких авторов, как А. Т. Твардовский, Вл. Соколов, в которых, на его взгляд, отсутствовала глубинная правда жизни. Как Вы считаете, что способствовало Вашему сближению с Михаилом Петровичем, как Вам удалось выйти на такой уровень общения, когда оно приобретает не книжный, а «бытийный» характер?

В. К.: Михаил Петрович и сегодня на передовой своими трудами, живым творческим наследием, книгами. Вся жизнь его – Служение Отечеству и литературе, и надо молиться, чтобы он, патриарх нашей литературы, продолжал своё самоотверженное служение и впредь, в веках. Сегодня, к слову, нелепо стало ругать И. В. Сталина, «великого государственника», по Лобанову. Александр Невский и Иосиф Сталин в известной телепрограмме народного голосования «Голосуй, Россия» заняли соответственно первое и второе места. Удивительно: чем чаще поливают грязью Сталина, тем больше набирает он голосов. Есть с чем сравнивать: наше время – и то. И это тоже не книжное прочтение жизни, за что ратовал М. П.

Михаил Петрович сам по себе – явление значительное. Книгой «Твердыня духа» под редакцией О. Платонова, изданной Институтом Русской Цивилизации, он расставил точки над «і». Все мы родом из той, оболганной ныне эпохи. Но вот то время, когда юноша-фронтовик из многодетной семьи (одиннадцать детей) смог вырасти до величины автора «Твердыни духа» и всех тех его книг, читая которые я сам и многие мои сверстники, терявшие уже почву под ногами, воспряли, – это время само по себе вызывает уважение, эта социалистическая Россия – та же Россия. Старая гвардия: Белов В. И., Распутин В. Г., Шафаревич И. Р. – они поднимают нас, «подтягивают» до своего уровня личным примером, своими книгами. Может ли сегодня молодой парень из дальнего беднейшего села приехать в Москву, поступить в университет, успешно окончить его, стать профессором, писателем, преподавателем Литературного института в Москве? А тогда – мог. Война, Курская дуга, страшнейшая битва – броня плавилась на танках!.. брянское направление и – Победа! А в наши недавние времена, как при Сердюкове и даже позднее, всё, на что хватало запала, – это сетовать на закрытие улиц в часы проведения Парада Победы.

Михаил Петрович – человек неподкупный, удивительной честности. Критик он очень тонкий, разноплановый, подлинный. Кроме того, у него есть редкий дар – «внутреннее зрение». Он не просто «художник слова», он видит сущность явлений во всей их перспективе. Меня самого поражало в беседах с ним то, что он как бы слышит мои мысли. С ним небезопасно разговаривать – ты весь как на ладони. Прозрения его пронзают, как копье. Например: «Рано или поздно смертельно столкнутся между собой две непримиримые силы – нравственная самобытность и американизм духа». Заметьте, это сказано им более сорока лет назад. Не было тогда никаких ещё предпосылок, никакой «предтечи» американизму... «Железный занавес» так прочно затворял нас от беснующейся Америки, что никакая навозная жижа «хиппизма», «битломании», «панков» не могла проникнуть к нам. «Американизм» в России – казалось, что это невероятно, необычно, и вот – явился во всей «красе». Удивительно: 1968 год – и такое предсказание. Для этого нужно знать человека, наблюдать...

Передовая, «линия фронта» проходит сегодня не только через Москву. Она проходит, как никогда прежде, по касательной – по сердцу и совести каждого, кто, оробев, стоит, взирая на импортные лимузины или сияющие прилавки, кто соотносит себя с благами мира сего и принуждён судить о ближнем по величине его «лопатника». Небезызвестный Леонид Кравчук, тот самый «беловежский подписант», заявлял, что, дескать, ничего страшного в развале величайшего в мире государства нет – а вот, мол, взгляните, зато у молодёжи сегодня есть мобильные телефоны, «и молодой человек может в любое время девушку на свиданье пригласить». Куда уж мы без мобильных телефонов! И что без них за жизнь – прозябание! А «интеграция в мировое сообщество» – вот это, на его, Кравчука, взгляд – громадная заслуга и Ельцина, и Кравчука, и Шушкевича. Вот это и есть подлинный взгляд «верхушки», та потребность во взаимной поддержке покупателей – покупающих и продавцов – продающих-торгующих. Так американцы покупали папуасов, индейцев – за красивую пробочку от бутылки рома, за блестящий гребешок... Мобильные телефоны, «тырнет», «фейсбук», «вайфай» – всё это, выходит, достойное оправдание развала СССР. Великолепная черта, характеризующая «охват мышления» нынешних государственных деятелей.

Линия противостояния, «передовая» сегодня – в университетах, гуманитарных вузах и в старших классах. Она отчётлива для всех зрячих и желающих прозреть, стать более зоркими, не поддающимися на лукавые декларации новоявленных «прогрессистов». В своё время мне удалось прочесть в журнале «Наш современник» статью Лобанова, которая называлась «Слепота». Год, если не ошибаюсь, 1991-й. Острейшее духовное предчувствие надвигающейся катастрофы, развала великого государства, поистине обнажённость взгляда на происходящее как на личную трагедию. Межнациональные отношения... Вот когда слепые стали уже поводьями слепых! Я и сам не вдруг стал внимать его негромкому монологу, приводил «верных» с семинаров А. Приставкина, Вл. Орлова и других. Лобанов совершенно чужд рисовки и позы, не ораторствует (хоть вполне бы мог), и от этого внешне кажется, возможно, не очень-то и выразительным. Но только на поверхностный взгляд. Этот его дух героической жертвенности, эта его прямота нравственная, с которой он отстаивал свои убеждения, своё направление в русской литературе... Живое, неподкупное, сострадательное слово нашего наставника было оплачено самой его судьбой, жизненным поведением. И будь моя воля, я бы записывал на диктофон и видео его семинары, как записывают сегодня проповеди иных проныцательных батюшек в церквях.

Кто хоть раз карабкался в горы, знает: в горах для того, чтобы восхищаться открывающимися видами, необходимо подниматься выше и выше вверх. Это не каждому по силам. К тому же труд подниматься вверх – неблагодарный: «во многом познании много печали», как сказал Екклесиаст. Потрудиться сегодня – немного охотников-добровольцев. Другая русская беда наша состоит в том, что в «верха», в министры культуры на нашей земле попадают не предметно мыслящие люди, а «синтезаторы» идей и культур. «Синтетика» эта – с восьмидесятых, едва ли не раньше. И она во всём, во многом: в лицах, в одежде, даже в «пище духовной». Синтез идей, смешение народов... Многие говорят синтетическими голосами одно и то же. Но послушаешь: о чём говорят? – ни о чём. Лидер ЛДПР прославляет Первомай, первый праздник чикагских рабочих, и тут же с жаром обсуждает цвета флага, «синтез цветов» – не заменить ли светлые цвета на тёмные (как пиво)... Или вот – переименование милиции в полицию. Казалось бы, поменялись только названия, только две буквы в наименовании – но присяги-то разные. Была милиция, которая присягала народу, теперь же – полиция, присягающая правительству. Милиция-полиция – опять синтез. А что в деревнях? Выживание натуральным хозяйством. Приехал брат из Волгоградской области, рассказывает: заставляют резать животину – всю! – под предлогом, что она будто бы больна свиным гриппом. Если сам не порешишь скотинушку до майских праздников, тогда придут чужие казённые резчики со штрафами... Назревает и недовольство самовластьем «бензиновых королей», которые задрали цены на бензин к посевной. Денег, повторяю, в деревнях нет совершенно, только пенсии древним старикам, которых хватает лишь на хлеб. Захотел хлебушка – жди, когда дадут пенсию... В этих условиях «синтез» разноприсягавших может быть применён непосредственно на подавление. Рядовые полицейские уже не смогут не подчиниться приказу бить возмущённый народ.

А стране нужны не «синтезаторы», нужны люди ответственно и предметно мыслящие, но кто их допустит? Это старая гвардия до сих пор сдерживает за нас натиск иноземщины...

Статья Лобанова «Просвещённое мещанство» (1968) наделала много шума. В ней говорилось о решительном размежевании «человеческого» и «приспособленческого» принципов жизни. Всё свежо и сегодня. И «великие советские классики» (Солоухин, Твардовский), имевшие тогда тиражи самые небывалые, не являлись исключением. «Эпик», талантливейший поэт Твардовский не выдержал напора, «общечеловеков» – поклонников Запада, а Солоухин прекрасно «перестраивался», углядев в советском периоде истории государства Российского нечто чужеродное. Скоро столетие со дня рождения Михаила Петровича Лобанова – а кто посмеет упрекнуть его в пристрастии к «той» жизни? Всё в его книгах сказано в точку. Только подумать: в какое время он решился противостоять нигилистам, разлагателям национального духа в высочайших идеологических, партийных инстанциях!.. И кто же кинулся громить его? А. Н. Яковлев (за «внеклассовость, внесоциальность, антиисторизм» – под прикрытием официальной партийной фразеологии), А. Г. Дементьев (рапповец новоявленный) «новомировский», обвинивший его в извращении марксизма-ленинизма)... Вот уж подлинно: «Кто бросит камень в этот пруд? / Не троньте! Будет запах смрада...», как сказано у Есенина, и далее: «Они в самих себе умрут, / Истлеют падью листопада». Не умерли, однако – лишь обнаглели, осмелели, стали ещё беспутней. Мало того, пришли другие – их сыновья, их внуки. Эти и вовсе развращены безнаказанностью. Странно было бы думать, что они сами поднялись «со дна». Это назначенцы. Назначенцы неких сил. Для них ни Новый Завет, ни – Ветхий не указ. И уж тем более – «Кодекс строителя коммунизма».

«Демократичность» же Михаила Петровича – особая: она идёт от той свободы, которая дана не «буллами» и законами, но – Самим Творцом. Вот где подлинная демократия, аристократия Духа! Он не навязывает «свобод» и не пытается утеснить ученика во всех его проявлениях. Он даёт – и даёт столько, сколько каждый сможет унести. Пишущий, создающий – уже сопричастен Творцу. Вы удивитесь, быть может, но тот же Пелевин был найден Лобановым, выделен им из серого потока гор рукописей, поступавших на творческий конкурс в Литинститут. Пелевин учился в его мастерской на заочном отделении. Это, к слову, о «свободах» творческих. Ограничил ли мастер творческое своеобразие даже такого, кажется, противонаправленного писателя, рисующего в своих книгах мир, весьма далёкий от действительности? Вот такая «бытийность» поразительна и для меня. Высшее звание человека для Лобанова – человек творящий, мыслящий, способный создавать нечто из ничего. Ведь и Демиург – Творец, прежде всего, Он сотворил – мир.

Творчество, быть может, единственное, что «роднит» людей между собой – и приближает к Богу. Мера таланта не столь важна, важно само наличие таланта. Он, Лобанов, собирает таланты заботливо по всей России. Проще бы набирать москвичей и подмосковных талантов, отсеивать девушек, которые забеременеют и – десять против одного – бросят учиться (как это делал тот же Приставкин и другие). Лобанов же идёт на «риск» долгого, кропотливого и бескорыстного труда, часто неблагодарного, возвращает человека, учит и того, кто, возможно, или забудет, или взбрыкнёт, или согласится на компромиссы.

Мне повезло. Мой учитель казался мне всегда ближе и понятнее, чем другим моим сокурсникам, именно тем, что я сам рязанский. Я рос в селе Рожково Сасовского района. Это далеко от Спас-Клепиков, но быт – тот же. Я прислушивался и присматривался к жителям моей деревни ещё мальчишкой. Они были все интересны: что ни двор – то характер незабываемый. Особенно я присматривался к тем, которые необычно говорили, высказывали мысли, не похожие ни на чьи другие, самобытные. Были природные мудрецы – «платоны каратаевы», были – блаженные, просто дурачки, были истово верующие, но вот атеистов я что-то не помню. Всякие были. Многому изумлялся я. В иных – разочаровывался. Но тема деревни, «почва» – вернее, душа народная – так и осталась мне близка навсегда. Переехав в Киров, затем в Москву, я всё меньше и меньше находил той правды, которую видел в глубинке, правды обнажённой. Здесь люди скрытные. Прямого слова никто не скажет, мало бескорыстных. И тут я встретил Михаила Петровича. Я не знаю, что бы было со мной, как сложилась бы моя жизнь, если бы не он и его книги... (Ссылка-обращение к этому интервью упомянутого М. П. Лобановым, приводящим «высказывание недавнего выпускника... семинара, известного талантливого писателя Василия Килякова» в книге: Лобанов М. П. Михаил Петрович Лобанов: ответы на вопросы Института русской цивилизации // Вера. Держава. Народ. Русская мысль конца XX – начала XXI века. М.: Ин-т русской цивилизации, 2016. С. 720–765. – *Прим. ред.*)

И. Г.: М. П. Лобанов был автором книги об А. Н. Островском, которого он считал едва ли не «самым православным писателем». Сказалось ли его увлечение личностью драматурга на Вашей литературной судьбе?

В. К.: А. Н. Островский – величайший драматург. Его невозможно перелицевать, переписать по-своему. Перепишите «Грозу», «Волков и овец», «Не в свои сани не садись»... Нет, всё не то будет. А сколько «перверсий» сегодня по Чехову – на разный манер, на манер зрителя, у которого есть всё, и он изволит забавляться. Зуд духовной пустоты нашли в его пьесах – и вознесли в культ. Именно эта мешанская, либеральная («либерастская», как сказал С. В. Ямщиков) общественность и «присваивает» Чехова, извращает, поднимает «свою» перелицовку, «интерпретацию» на щит, нисколько не смущаясь тем, что он всегда, всю жизнь свою прямо-таки физически ненавидел пошлость.

У Чехова в модерновых пьесах персонажи откровенничают о себе, и только о себе любимых. Так не бывает. Найдите таких «откровенничающих» из своих знакомых. Есть ли они? Много их? У Островского же всё – о других, о ближних, через отношения с ближним. Островский прям и честен, открыто религиозен. И выходит так, что Островский же понятней Чехова, поскольку его и перелицевать нельзя и его перевирают сегодня – как никогда. Во времена Чехова началась игра в метафизику – «Бог – дьявол», «всё относительно» и так далее. Мережковский весь на этом стоит, Ф. Соллогуб и прочие. А «Анатэма» у Л. Андреева (этим мистицизмом, оккультизмом он и сына Даниила заразил, «Роза Мира» – тому свидетельство)...

«Бесприданница» Островского не актуальна ли сегодня? Покупка чистой девушки, совращение её тайно, исподволь, с игрой в благородство и преданность, – и гибель её... Сегодня к уговорам матерей «бесприданниц» присоединили и Интернет, и «гламур», и усилия международных свах...

Нет, сценическая «плоть» Островского не терпит надругательств. Островский противостоит прозе жизни сытых буржуа. Это как раз то, что так ранило живую душу поразительного по искренности Есенина, который «розу белую с чёрной жабой» так и не свёл, «не повенчал». И вот в чём трагедия бытия у Островского: что мир с некоторых пор открывается человеку другой стороной – «слепающей точкой смерти». И то, как он, этот мир, открывается, вдруг поражает и останавливает. Подлинную литературу легко отличить. Тут, по сути, дело даже не столько воспитания или вкуса (вкус можно привить, взрастить) – а в той правде, которая останавливает, от которой обмираешь...

И. Г.: Вы были знакомы с В. В. Кожинным. Почувствовали ли Вы особую проницательность этого человека? Виделся ли он Вам не похожим на других?

В. К.: Близко знаком с Кожинным я не был. У меня создалось впечатление от немногих встреч с ним, что он очень мягкий, способный многое простить человек. Но он сразу твердел, становился даже дерзок, если кто-то задевал его принципы, мировоззрение. Он пришёл к нам, студентам, впервые году в 1993-м, и мы, как я теперь понимаю, задавали ему наиглупейшие вопросы. Всё-то спрашивали про фоменок и про носовских, о маркизе де Кюстине...

При его, Кожинном, громадном кругозоре поражала та внешняя простота, даже мягкость, добродетельность, с которой он терпел всех нас. Эта простота странным образом сочеталась с поразительной цепкостью восприятия мира, точной памятью, с собственным особым, очень смелым мировоззрением. Он как ледокол пробивал торосы беспамятства и незнания нашей истории собственной страны. «Тютчев! – изумлялись мы. – До него ли теперь, когда всё – и СССР, и даже само право жить – летит в тартарары, куда-то под колёса “шахрая-ельцинской конституции”?!» А то, что за книгой «Тютчев» стоит осмысление традиций русской, российской государственности, – это не пробиало нас: по молодости, по нашей наивности, конечно. Он только посмеивался и закуривал «Приму»...

Он вообще до странности не берёт себя. Это ещё одна русская беда, национальная – невнимание к себе, к своему здоровью. Мы легко относимся к этому дару Божьему, к самой жизни. И явно не будучи богат здоровьем, как живо Кожин интересовался всем, что выходило за грань обыденного, «внешнего»! Помню «Подражание итальянскому» Пушкина в его исполнении! А его расшифровка «Палей» – это же реставрация бесценных тайников сокровищ русского духа!..

Помню ещё, как в 1996-м в Суздале, после того как гуслир Василий Жданкин по согласию с игуменом монастыря залез на колокольню и исполнил с высоченной гулкой звонницы великопостный звон, с какой радостью Вадим Валерианович (тогда приболевший, кашлявший) разговаривал с ним! Мне показалось, они говорят на каком-то своём, непонятном мне языке. У них тут же нашлись общие знакомые (хоть виделись они впервые). С какой-то радостной жадой Вадим Валерианович расспрашивал его о жизни монастыря, о его учителях-гуслирах, о музыке. Он быстро-быстро, вынув карандаш, чиркнул несколько фамилий, названных Жданкиным, – и я тотчас понял, что это мгновение восторга от колокольного звона не умрёт, что творец нашёл творца. Статья его о владимирской этой поездке вышла впоследствии в «Нашем современнике». И опять – тот же критерий: творчество. И какие уж тут потребны фантазии, домыслы или абстрактные «свободы», «права личности», «гарантия прав», «рацио» или мёртвая буква закона!..

Кроме интуиции Кожинна меня поражала, опять отмечу, его память. Для обширнейшей и точно выверенной статьи – с повторами и периодами самых замысловатых ссылок – ему достаточно было одного глубокого разговора. Он записывал только имена и фамилии, да и то не всегда. И разговор впоследствии оказывался вернее, точнее, а главное – содержательнее, чем запись любого из современных интервьюеров со всей оцифровкой звучания, наложения фона, с причудами компьютерных достижений.

И. Г.: В воспоминаниях о Г. А. Горышине Вы показываете способность этого человека поддержать, дать своевременный совет, от души поделиться впечатлением. Такая поддержка, судя по всему, сыграла для Вас в своё время положительную и очень важную роль. Есть ли уже сейчас рядом с Вами (несмотря на то что Вы ещё не умудрённый старец) начинающие авторы, нуждающиеся в Вашей поддержке? Ищущие Вашего совета?

В. К.: Глеб Горышин за полтора года до своего ухода подарил мне сборник стихов «Возвращение снега» с дарственной надписью: «Василию Килякову с пожеланием написать что-нибудь гениальное». Это был 1996 год. Прочитав такое посвящение, я услышал в этой записи какую-то усталость, разочарование его от жизни, от наступивших уже тогда мытарств «перестройки», от плюрализма, травли русских писателей. На фото он был длинноволос, совершенно сед. С «бетой» вен на виске. Может быть, я не прав, но в литературе нашей (да и вообще) преступно мало ценят людей такой величины. Да что там, до встречи с ним я сам прочёл лишь кое-что из журнальной «Авроры»: заметки о Китае, несколько рассказов... Написано было просто блистательно! Я направился в городскую библиотеку в поисках его книг – и обнаружил внезапно, что он лауреат премии имени И. Бунина, автор более тридцати книг прозы и нескольких сборников стихов. В письмах он писал, что сажает картошку и... думает о жизни и смерти. Его не стало в середине марта. В год сумасшедшего «дефолта» ушёл человек, глубокий и мудрый. Страну и людей этой страны более волновали деньги. Те деньги, которые не удалось им сберечь, переживания из-за утраченных возможностей. Волновало и томило уже не-

существующее, кажущееся, некая «тень доллара» – а вовсе не уход из жизни одного из весьма значительных русских писателей, который жил и творил в городе на Неве, был близким другом Шукшина, Абрамова, Белова, Домбровского... Тогда осиротел литературный Питер, канал Грибоедова. Шёл в этот день сумасшедший снег. Я никогда не видел такого снегопада, такого великого «возвращения снега». Словно он сам, Горышин, напоминал о себе неким приветом, словно он вернулся ненадолго из-за того предела, откуда не возвращаются. Это было настоящее чудо.

Уходят один за другим значительные писатели. Кто приходит на смену? Приходящие ищут участия, в том числе и у меня. Недавно прислал хорошую подборку стихотворений в журнал «Москва» Олег Будин, студент-дипломник Литинститута, подмосковный поэт, кажется, очень даровитый. Тем не менее я знаю не понаслышке, что один из современных поэтов, ведущий семинар в Литинституте, имеющий звание «поэт-преподаватель», основательно и методично пробивает идею о том, чтобы всем нам жить и писать на... латинице. Он решил, понял, что как поэту ему не суждено «прославиться», по крайней мере, своими стихами – точно. Только этой вот идеей, придурью, которая его посетила (не без причины, конечно), он и сможет обессмертить своё имя. Идея эта созревала у него давно – и вот, видно, «вызрела». Я не знаю, что это и как это назвать... верно, надоумил кто-то. Откуда такая ревность не по разуму, подобострастие перед Западом? Не реализованные, что ли, амбиции? А может быть, нерусские корни? Не знаю. Но вот есть и преподаватели, перед которыми хочется снять шляпу: В. Д. Ирзабеков, Ю. М. Папян и другие. Все – замечательные русские люди. Обучают студентов любить и знать свой язык. Преподают теорию стилистики, филологию, старославянский, много всего. Дело не в фамилии и не в национальности, а в некоем «гене смердяковщины», что ли. А может, это вирус? Одни заражены им, у других – иммунитет... Но эти, заражённые, допущены к преподаванию. Чему они научат? Картофель – и тот отбирают «в лёжку» качественный, отбирают и зерно: это годится, это – нет, загниёт и других загноит. А тут – воспитание, да и кого – поэтов! Давайте перепишем Пушкина, Толстого на латиницу, господа... И у него учатся! А будь отбор с прицелом на воссияние России – был бы толк. А так – треть русских, треть русскоязычных, треть – никаких, ни холодных, ни горячих. Теплохладность – вот и нет плода.

Сегодня битва идёт, повторяю, война... И на переднем крае – именно преподаватели: Г. И. Седых, ректор Литинститута Б. Н. Тарасов, В. П. Смирнов... Вот у кого надо «учиться учить». Ректор Литинститута – автор «Паскаля», «Чаадаева» в ЖЗЛ, «Куда движется история?» и других замечательных книг; он так вырастил сыновей, что только позавидуешь. Сыновья его немногим старше меня. Один – виднейший социолог, философ, другой – чудесного дара певец. Прекрасные православные люди.

Учить, преподавать – особый дар. Я никогда не смог бы быть учителем. Даже и одному ребёнку объяснять что-то, выстраивать его душу – это уже целый мир. А двоих-троих – трудно! А если – тридцать? А два класса? А три?..

И. Г.: В своих заметках «С миру по нитке» Вы определяете для себя два первостепенных жизненных ориентира – «творчество» и «Церковь». Органичным ли видится такое совмещение? Спрашиваю потому, что сегодня многие возвращаются к спору «поэта» и «монаха», как в одноимённом стихотворении Ю. П. Кузнецова, и принимают сторону поэта.

В. К.: Абсолютно органично. Более того, для меня это единственная дорога. Дело вот в чём: Пушкин изучал народный язык у просвирен. Истоки нашего языка – из церкви. Это уже потом была бироновщина, неметчина, галломания, поразившие часть русского дворянства с «осмнадцатого» столетия, «века Разума». Язык протопопы Аввакума восхитителен. Именно монастыри наши обучали Россию – не битьём, мытьём и катаньем – а через веру, через сердце. Русь была закрыта от «рацио», возведённого в «религию», монастырскими стенами. Вот наше главное отличие, которого необходимо придерживаться. Русский смотрит очами веры. Литература, музыка (Свиридов, Чайковский, Рахманинов, Глинка и другие) – почему они так ценимы даже и на Западе? Да потому, что всё наше искусство – и слово, и музыка – из молитвы вышло.

А о проблеме «поэта» и «монаха» я думаю так: у Игнатия Брянчанинова, монаха, молитвенника и писателя, есть записи-картинки: «Зимний сад», «Море», другие... Что это? Перечитываю – какое чудо! И вот – не то что глаз, а и сердца не оторвать!.. Конечно, пример не характерный, особый, но ведь писатель – и какой!

У того же Ю. Кузнецова: «Выходя на дорогу, душа оглянулась...» Нет, что бы ни говорили, а выдающийся поэт у нас всегда на одной волне с подвижником, если это поэт, а не математик, зарифмо-

ывающий почудней, как, во многом, нобелевский лауреат И. Бродский, или словесный рисовальщик-эквилибрист Е. Евтушенко, или циркач и верхолаз А. Вознесенский. Ю. Кузнецов поэт, конечно, большой, но представлять дело так, будто отступления от канона Русской Православной церкви в пользу светских писателей это будто бы дело начётчиков, – в корне неверно. Только выдерживая каноны, строго сообразуясь с уставом нашей церкви – устоям. У Ю. П. странным образом монах, говоря о вере православной, внушает светскому поэту (лирическому герою Ю. Кузнецова) незыблемые вещи, однако вдруг на поверку оказывается... врагом. Мне кажется, Ю. П. при всём моём уважении к нему – не был воцерковлён. Сужу по тому, как назвал он одну из своих поэм, уста не открываются для того, чтобы повторить одно лишь название поэмы. Это произвольное помещение им во ад многих имён (и себя в том числе). Мастерски, но легковесно, голословно, огульно. Уже не говорю, как в этой поэме трактованы апокрифы, как показана самарянка, ставшая вдруг святой, напившись из горсти (при возвратившихся апостолах) Самого Сына Божия. Где здесь канон? Разве так трактуют нам (этот, один из ключевых эпизодов) святые отцы? Вполне отдаю себе отчёт, что Кузнецов (как он когда-то писал) «...один, остальные – обман и подделка». И всё же необходимо помнить, что раскол не смывается даже кровью. Необходимо знать меру – особенно талантливому поэту. Критики наши, по большей части – наши же, «внутренние», прекрасно понимают, что к чему. Не их же надо винить. Важно прислушаться, взвесить все «про и контра». Почему он, Кузнецов, этого не сделал, ведь гордыня, честолюбие – один из самых трудных для выкорчёвывания грехов, даже для верных вере монахов. Напомню, что он, будто бахвалясь и радуясь шуму и грому вокруг этой его поэмы, вызываясь произносил не раз: «Моя поэзия – вопрос грешника. И я за неё отвечу не на земле». Или: «Мы оглянулись, и оба низринулись в ад...» И, упоминая всё ту же поэму, повторял: «Это моя словесная икона. Последовавшая за ней поэма “Сошествие в Ад” – моё самое сложное. “Кто на веру из нас не тяжёл! Кто по деду у нас не безбожник!”» («Икона Божьей матери», 1996 год). И вполне, кажется, разумно и с пониманием дела сказано. Но одно дело – осознать, и совсем другое – подниматься и идти к исповеди, к причастию, к молитве... Ведь что же следует на деле из этого признания? А просто: работай над своей душой. Работы-то, по-видимому, не хватило. Не состоялось восхождение к вершинам Духа. Русский подвижник протоиерей Дмитрий Дудко по мягкости своей и снисходительности однажды обмолвился так о поэмах последних Ю. П. К.: «Эти слова – от непонимания, не стоит мешать поэту идти своим путём познания Бога». Но мы помним и знаем, что Ю.П. подсказывали, кто тактично, а кто и резко напоминал ему о недопустимости свободной трактовки апокрифов и (тем более самого Евангелия), высказываний скоропалительных о православной вере нашей, устоявшейся через рукоположение священства и утверждаемой в обрядах веками. Знаю, что Ярослав Шипов (протоиерей, тогда член редколлегии уважаемого в стране журнала «Наш современник», в котором была опубликована поэма Ю. П.) настолько был не согласен и не принял публикуемое произведение, что вышел даже и из состава редколлегии издания. Необходимо было учесть Юрию Поликарповичу, что не «маркитанты» же предостерегают его от святотатства, а ревностные, требовательные, верные «сыны и дочери Церкви» – и, конечно, вовсе не от излишней их ревности по вере, не из «ханжества», а – от чистого сердца, из сочувствия и даже жалости к нему. Так получилось, что он высок как поэт (светский, всё же), а они – ближе к Небу. Он – ближе к букве стихосложения при незрелости его «лирического героя», они – о. Д. Дудко, например, те же о. Я. Шипов, М. П. Лобанов (с его «Некоторыми замечаниями о поэме Юрия Кузнецова “Путь Христа”», глубокими критическими замечаниями в адрес поэмы, написанными православным мыслителем, членом редколлегии того же журнала, до её выхода) – ближе к Богу. Так бывает, не в осуждение и даже не в наущение говорю, так мне кажется. Необходимо учиться на этом примере и нам, не брать на себя больше, чем можешь понести.

И. Г.: Есть ли у Вас какие-либо осознанные творческие установки? Есть ли критерии или субъективные ощущения, например, того, что произведение удалось? Возникало ли чувство удовлетворения от написания чего-либо?

В. К.: Удовлетворение от написанного бывает только в горячке работы. Остыл, прочитал – и нет и следа от удовлетворения. Пока пишешь – нравится (и то не всегда). Писать по принуждению я бы не смог. Хотя и известны примеры Шекспира, которого будто бы сын закрывал на замок, подавая съестное под дверь. Супруга Куприна, дочь издательницы «Мира Божьего», ставила вопрос ребром, когда надо было уже торопиться – в театр. Она останавливала его, спрашивала: «Саша, написал ли ты сегодня минимум?» (двенадцать страниц). Если нет – театр отменялся.

Всё написанное с течением времени кажется не хуже и не лучше (из напечатанного) – просто иным, словно не я писал. Много летит в корзину через час-полтора после написания. Это хорошо. Пока видишь ошибки, есть «перспектива» роста. Чисто пишут только графоманы.

И. Г.: Верите ли Вы в существенное воздействие слова на жизнь своих близких?

В. К.: Слово, если оно выстрадано, обладает удивительной, особенной бытийностью, оно воплощается и имеет власть независимо даже от «уровня» слушающего. Могут ли оставить равнодушным «Колымские рассказы» Шаламова? Понятно, что краски сгущены, но сама основа – правда – трогает. Мы сейчас не берём в расчёт те обстоятельства, за которые Шаламов попал в лагерь. Троцкистские кружки в то время – это даже не фронда, это было верное «ять». Но подлинность, выношенность созданной им литературы, глубина подтекста – истинные образцы самосуществования слова.

Или – способность любить, чисто, искренно и нежно, как у Пушкина: «Я не хочу печалить вас ничем»... Словом был создан мир. Слово может стать проклятием на весь род, стать основой богоборчества. Быть может, то проклятие, которое мы не совсем понимаем (но оно так весо́мо!) – над неким малым народом, так основательно и трагично, что никакое рокфеллерство и морганичество не спасёт. Вместо Пасхи они поздравляют друг друга... с их Новым годом. «Пейсах» на их языке – «прошедший мимо». Светлые дни не проходят ли мимо их сердец и памяти... Мы не можем знать Путей и Промысла. Словом – был создан мир, от Слова (уповаю) – жительствоует.

Бывает слово метким, прямым: «Мы с тобой – как Гумилёв с Ахматовой, только жалко, что масштаб не тот...» – написала строфу одна знакомая поэтесса мужу, тоже поэту. Метко. А дело именно в этом: в масштабе личности того, от кого исходит слово. Однажды, году в 1993-м, фотографировавший меня для «Юности» Юрий Шиманович, взводя затвор «Зенита», обронил: «А сегодня, до вас, я фотографировал Льва Гумилёва. Тоже для публикаций...» Выйдя из «Юности», я пошёл не туда. Уехал на метро в другую сторону, потерял полтора часа. Разве это не пример влияния слова? Одной лишь фамилии... Если одно слово так подействовало на меня, значит, и на моих близких может воздействовать тоже. У айсберга бо́льшая часть под водой, как известно. То же – у слова.

И. Г.: Какие литературные имена являются для Вас путеводными?

В. К.: Все писатели, которых я читал (с охотой или без), в той или иной степени повлияли на меня. Если писатель не научил, как надо писать, он научил, как писать не надо. Тут уже дело природы души и литературного вкуса. Вкус нарабатывается. А вот природа души... Нет, Пушкин, Рубцов, Есенин писали – как молились. В то же время, посмотрите, как корёжит некоторых «преподавателей» того же Литинстинута (что уж о других говорить) при произнесении имён этих русских поэтов!..

Думаю, что мастерство, мастеровитость не должны быть заметны. Тем более – не должны выпячиваться. Слово – как выстрел. Оно должно быть чуть-чуть внезапным, тогда оно – в цель. Выстрел лишь тогда удачен, когда ты тянул внимательно спусковой крючок. Тянул, затаив дыхание, до выстрела, не думая о результатах, ни о каких «приёмах», «школах», о принадлежности к «хартии», направлению, «манифестам», – тянул и держал цель. «Десятка», «яблочко» бывает только тогда, когда выстрел как бы нечаянно произведён, «детски», это когда – просто и непосредственно. В этом плане, конечно, незаменимы Андрей Платонов, Иван Шмелёв, Борис Зайцев. Есть и среди сегодняшних критиков замечательные имена. Например, Юрий Павлов, Вячеслав Лютый с его «Русским Песнопевцем». Они открыли мне в современной литературе гораздо больше, чем унылое умствование нынешних арбитров от литературы и умников-«мудрецов» века сего.

И. Г.: Что у Вас в планах? Знаю, что писатели суеверны, поэтому можно не раскрывать все секреты. Но если говорить не о конкретных ожидаемых «единицах» – романах, рассказах и т. п., а о «философии» Вашего творчества, об общем векторе, то к чему Вы стремитесь? Вряд ли ведь – написать как можно больше книг? Может быть, достичь какой-то определённой цели? Может быть, что-то понять, к чему-то прийти самому? Или, не думая о конкретном результате, Вы погружены в процесс творчества, вручив свою волю Всевышнему?

В. К.: Вопрос – как острière иглы. На сегодняшний день отложены крупные вещи именно ради маленьких «записок». В чём тут соль? Наверное, в том, что они востребованы. «Кровь на цветах», «Записные истины», «Фрески», «С миру по нитке» и другие, кажется, сами ведут меня. Они диктуют мне принцип отбора, во многом открывают мне меня самого. В таком письме я субъект и объект одновременно. Познающий и познаваемый. А это и есть творчество. Я ишу в этом мире «сочетания прекрасного и вечного». Я ишу следы, невидимые для других. Следопыт... Конечно, удача не всегда

сопутствует. Не все выстрелы в «десятку». Можно сейчас не воспринимать следующих моих слов всерьёз, но посмотрите, что остаётся от «Войны и мира»? Дуб, взгляд Андрея Болконского в небо, танец прелестной Наташи...

А от «Тихого Дона»? Свадьба Мелехова, нога убитой лошади на поле брани, торчащая в небо, свиданье Аксины с Григорием в подсолнухах... Почему именно эти детали так врезаются в память? Потому что они созвучны сердцу любого человека. Они полны подлинной художественной правды. Надо писать жизнь, как она есть, не мучая себя и других архитектурной, коллизией, линиями характеров и прочее... Я нашёл в себе интересного собеседника. И оказалось, что монолог мой заинтересовал «Юность», «Подъём», «Молодую гвардию». Лидия Сычёва опубликовала часть этого «монолога» в «МолОке», журнал «Парус» поддержал и продолжил их публикацию. А в тонком литературном вкусе главных редакторов этих журналов я уверен. Удивило то, что меня стали находить через сайт Московского СП. Незнакомые люди присылали отзывы на сайтах. Посещаемость и просмотры на том же «МолОке» – от 30 до 70 тысяч.

И. Г.: Руслан Киреев назвал Вас продолжателем традиций «деревенской» прозы. Действительно ли Вы являетесь осознанным продолжателем этой традиции? Вот, например, В. В. Личутин отказывается признать себя «деревенщиком» («Я и не в деревне родился...»), Л. И. Бородин признаёт только свою духовную близость к этому направлению и т. д. Вообще, живёт ли ещё это коренное направление в прозе XXI века? Вот Капитолина Кокшенёва, например, предложила термин «почвенная» литература.

В. К.: Руслан Киреев говорил мне об этом с некоторым сожалением, вроде того, что деревня умерла, и – аминь. Иное дело Ю. Лощиц или В. Личутин, который меня порой восхищает, – их мнение содержательнее. Но скажите, Гоголь – деревенский писатель или нет? Все они «почвенники», конечно... Или дорогой мне Лобанов. Как руководитель семинара прозы он особенно выделял тех выпускников Литинститута, которые пришли «из глубины России», современных корневых русских писателей. В том числе, кстати, и меня – за то, что (по его памятной характеристике) «хорошо знает жизнь деревни, связан с ней кровно, что называется, всеми фибрами души, неподдельно любит своих героев и, хотя автор нового поколения вроде бы запоздал с эпитафией погибающей деревне, он находит для своей искренней боли по разорённой нынешней деревне свои средства выражения сообразно с личным опытом. И не менее, чем его герои, а, пожалуй, даже более примечателен в его рассказах сам образ рассказчика, о котором можно сказать словами Ивана Аксакова: «С народом и над народом». Плач по погибающей деревне явно затянулся, и для меня, например, большой знак оптимизма не «в слепых и пьяных деревенских мужичках», а в таком «продукте» деревни, как рассказчик, способный стать на уровень современного сознания. Василий Кияков талантлив, что видно по всем его рассказам, отмеченным пристальностью, бытовой наблюдательностью, вживанием в обстановку (от домашнего балагурства мужиков в рассказе «Балагур» до какой-то вселенской покинутости последних жителей деревень в повести «Последние»). И, конечно, язык – живой, выразительный, без всякой спекуляции на деревенских словечках с характерными «физиологическими чертами» народного мышления...». Плодоносные классические традиции русского почвенничества, помнится, М. П. видел и в моём «деревенском» рассказе «Капитал», в котором, по слову наставника, показана «трагедия 90-х – в истории семьи» («в наше смутное время автор ставит на место всех умственников, самодельных гениев», в опусах которых «нет намёка на серьёзную жизнь»).

Почва – это очень конкретно. Место, где ты родился: «Где родился – там и пригодился». Я по этой почве чуть с ума не сошёл за два месяца жизни в Германии. Я искал берёзки с клочком неба, чтобы просто посидеть около них на траве, чтобы в окоём не попадало ни небоскрёба, ни каменных или железных столбов. Это не смешно, очень серьёзно. Ни одного русского слова за два месяца. Меня через два дня перестали интересовать их многоэтажные «кауфхоффе», супермаркеты и прочие урбанистические приметы. Корневая система добра и любви созревает только в почве. Без почвы ты – пережаренное поле, которое «прыгает, как мяч...». А то, что «безродные космополиты» теперь у рычагов культуры, политики, спорта, медицины, – это наша вина. Корень у нас несилён стал оттого, что нет единства. Мы сами это допустили. Не с неба же космополиты упали. И сегодня мы видим, что опасения послевоенных лет, борьба с космополитизмом – всё было далеко не напрасно. Посмотрите, что создано этими «гражданами мира». Фантик позолоченный, скабрёзно гламурный, а внутри – конфетка из дерьма. Хрущёв отпустил вожжи – и вот уже это сборище, «Метрополь», эта бескорневая матрица.

Притянули туда Высоцкого. Пустое всегда тянется к полному. Но холодный мрамор так и остался камнем. В мрамор корнями не прорастёшь. А нет корней – нет и ростка, нет почки и роста к свету.

И. Г.: Правда ли, что у Вас есть не только проза, но и произведения других жанров? Знаю, что Вы собираете частушки.

В. К.: Частушка – это мысль и чувство народные. Иногда – боль. Я писал о частушках в «Юности», в большой подборке «Душа-частушка». «Литературная Россия» печатала мои отрывки из книги о частушках, эссе, а прежде всего стихи.

Стойкость народа и юмор его в самые страшные времена – всё отражено в частушке. Теперь время не частушечное. Юмором и искромётностью мало кого проймёшь, тем более не ответишь на вызовы современной жизни. Она требует иного отношения. Слишком далеко зашло дело. Николай Старшинов – вот кто умел не только спеть, но и показать частушку. В том числе и острополитическую. Он знал их, кажется, бездну. И очень переживал, что напечатал поспешно и те, что были с матерком. Он рассказывал частушку так, что нельзя было не ахнуть. А уж если брал баян, то задорная прелесть частушки и вовсе начинала искриться и переливаться, как Ока на восходе солнца.

Эссеистика сегодня не читается. Она «балабольского» толку, блогерская, нивелирована как никогда. Прекрасно показал это Вячеслав Лютый в своих публикациях в «Литературной газете».

Сегодня время Димы Быкова, который знает обо всём понемногу, ловко скользит по поверхности и делает смешные кульбиты всем своим вёсом довольного буржуа. Собеседник всех и вся – по своему росту. Но, как известно, «многознание уму не научает». От писателя, если он писатель, останется не болтовня, а дела. Сегодня читают четыре процента населения. Давайте прикинем, сколько человек из них прочитают эссе... А статьями о частушках я пытаюсь открыть для всех непростую их глубину.

И. Г.: Многие Ваши рассказы выглядят так, как будто Вы были очевидцем или человеком, пережившим истории некоторых героев. Откуда Вы берёте сюжеты? Есть ли полностью вымышленные ситуации?

В. К.: Придумать ничего нельзя, можно лишь обогатить увиденное своим воображением. Лучше самой жизни «придумщика» нет. Другое дело, как складывается «вещь». Как мозаика. Что-то пережитое добавляется к услышанному, увиденному внутренне, словно бы во сне. А когда пишешь, то сам начинаешь верить, что так оно всё и было. Важно вжиться в образ. Если эмпатия получилась, случилась, то всё остальное – дело набитой руки. Я где-то читал, что Л. Андреев, когда описывал шведского подкипера, отращивал бороду, курил только трубку, одевался в грубые одежды. Это смешно. Мысль и сюжет должны быть привиты самой действительностью, пережиты, должны дозреть до полотна, до картины. Иначе – лубок.

И. Г.: В своих записках писателя «Крест и хлеб» Вы пишете об обязательном отражении души во внешности человека. Душа, просвечивающая через грим и пластические операции, всё же проступает и желает быть узнанной. Не трудно ли так ошибиться современному человеку, во многом утратившему «духовное зрение»? Из древности можно привести хрестоматийные примеры несоответствий внешнего и внутреннего: непривлекательная внешность Сократа, например.

В. К.: Обязательно в человеке душа видна. Опытный глаз никогда не ошибётся. Человек изменяется, и образ Божий, запечатлённый в нём, изменяется ровно в той же степени. Даже более того – виден человек через слово, через жест, движение. Статичный образ трудно прочесть. Тот же Сократ говорил ученику-новичку, пришедшему к нему на занятия: «Заговори, чтобы я тебя увидел».

Духовное зрение – дело особое. Тут никакие техники, никакая наблюдательность не поможет. Году в 1996-м декан Православного Свято-Тихоновского института о. Киприан (Яценко) пригласил меня в Псково-Печёрский монастырь на праздник Успения Божьей Матери. Оттуда мы переправились на моторной лодке на остров Залит к отцу Николаю Гурьянову. Я был с пятилетней дочкой. Волны – как на море. Лодку едва не перевернуло. Я уже пожалел, что предпринял это путешествие: боялся за ребёнка. И вот – приехали. О. Николай отвёл меня в сторону, сказал несколько слов, вложил в руку карамельку – а я чувствую, как у меня слёзы подступают. Человек такую струну увидел и такое слово сказал, что после разговора не то что обратно на лодке, а хоть бы и в космос, за пределы нашей солнечной галактики унести. Потрясённый, я спросил тогда у о. Киприана: «Он святой?» – «Да, ты разговаривал со святым человеком...» – был ответ. Им, таким людям, небо звучит, звёзды говорят. Они ангелов слышат. И, само собой, слышат сердце человеческое.

И. Г.: В записках «С миру по нитке» есть эпизод, в котором переданы чувства по отношению к одному из «князьков» мира сего: «С каким бы удовольствием я удавил его тогда. <...> Я давил бы его медленно и с наслаждением. Катал бы его по земле, в его модном до пят демисезонном пальтишке из бутика... И додавил бы. Чтобы он так и остался навсегда: глядя на небо, на звёзды. Только так, верно, и можно было его заставить увидеть вечность... И Человека рядом, Человека!»

Были ли это реальные чувства, которые Вы на самом деле испытывали? Можете ли Вы объяснить этот эпизод? В нём видится отнюдь не христианский пафос, скорее, даже выход за рамки традиций русской литературы, которая никогда не уподоблялась злу в борьбе с ним.

В. К.: Есть некоторые моменты, в которых мне не хотелось бы признаваться самому. Бездны сердца человеческого требуют правды. Даже неприглядной. И это тоже метод моего самопознания. Раз уж душа моя, дух мой наполнился в ту минуту именно таким дымом и такой яростью, надо выписать и понять: зачем, почему. Это «стоп-кадр» совести. Но как этот «дым» наполнил меня, помутил сознание – не знаю. Мы разучились прислушиваться к себе. Это подлинный эпизод, я так чувствовал.

Эта запись – «додавил бы...» – сделана в девяностых, когда я ушёл в «личную охрану», ушёл из госструктур, чтобы прокормить семью. Я ездил с ним, с этим «новым русским», хорошенько разглядывая его окружение; перемещался с ним по ресторанам ночным, по бардакам с рулетками – с боевым «ПМ» в оперативной кобуре под мышкой. Делёжка в девяностые шла нешуточная. Я тогда не был готов к тому, что увидел сегодня от предпринятых ими усилий. Они сотворили «великий кидок». Я не знал тогда, что возврата нет и не будет. Я тогда ещё теплил надежду на возрождение страны в самое скорое время. Быть может, это его и спасло. Выброшенные на улицу, стояли девочки на Тверской, а он сначала из окна лимузина изгалялся над ними, такими «порочными», затем, прохаживаясь вальжжно и поучая, глумился и куражился. Немилосердное зрелище: «Хочешь, ту? А хочешь – эту?» Разве не он и не такие, как он, бывшие комсомольские вожаки, дети высоких чиновников, родившиеся с золотой ложкой во рту, шутя и по протекции «пап» сделавшие в гайдаровскую реформу свои гешефты «коммерческие», – довели страну до ручки, до такого состояния, что молодые ребята, без работы оставшиеся, двинули в бандиты, а девушки – на вокзалы и ночные площади. Сердце закипело у меня тогда, всколыхнулось от такого попрания, казалось, самого образа Божия в человеке: получалось, что палач не только, бравирюя, садистически издевается над жертвами, а ещё и выставляет себя перед ними «святее папы Римского»...

Почему-то вспоминается – в связи с вышеупомянутым эпизодом – ещё одна, услышанная мной ремарка лобановская – по поводу слов Леонида Бородина о том, что пассионарность русских якобы исчезла. Михаил Петрович приводил сначала с сочувствием мнение Александра Проханова, который, отвечая на эти слова, «правильно сказал, что пассионарности внешне не видно, но она есть. Русский народ имперский был травмирован (исторически) разгромом СССР, но он уже приходит в себя». Как пример нашей пассионарности Лобанов приводит героическое (и – после постигшей его болезни) служение священника, писателя Ярослава Шипова с его состраданием, деятельной любовью к людям (противопоставляя его деяниям, в том числе и литературным, – и заявления одного небезызвестного современного автора, отдающего дань моде на «стилизованное Православие», «стилизованную православную литературу» – «только бы благостность была», говоря лобановским языком, – «внешнее благолепие»). А затем приводит М. П. и такой вот (неожиданный, прямо скажем, для его ученика, автора этих замет) пример пассионарности: «И у молодых русских писателей пассионарность. Да ещё какая! Прочитировать Васю Килякова, как он хотел “задушить” как личный охранник олигарха!»

И. Г.: Василий Васильевич, Ваши дети обнаруживают ли склонность к литературе? Пойдут ли по Вашим стопам, как думаете?

В. К.: Вы попали в самую точку. Конечно, хотел бы верить в несбыточное. Нужно, чтобы кто-то верный шёл по твоему следу. Слишком много выстрадано, понято не для того, чтобы всё оставить погосту, а детям – начинать сначала. Но детей сегодня намеренно оглушают. Уметь отбирать, что читать, а чего не стоит читать, – вот чему должны научиться дети. Дело даже не в том, станут ли они писателями, сценаристами или врачами... Они должны быть сильными людьми, а силу даёт только познание. Не самокопание, не самоедство, а самопознание, поиски путей Божьих на этом свете. Если будут читать нужные книги – будет толк.

И. Г.: Вы нелестно отозвались об «Опавших листьях» Вашего тёзки в заметках «С миру по нитке». Мне казалось, что Ваши записки созданы вполне в духе размышлений В. В. Розанова – и по стилю,

и по сути. Или есть нечто принципиально неприемлемое, заставляющее Вас отворотиться от автора «Апокалипсиса нашего времени»?

В. К.: В. В. Розанов несказанно угодил «либералам». Они же и публиковали его с охотой, весьма щедро. Выпустили даже тридцатитомник. Скажите, почему? Он был очень грамотный человек, преподавал, но «навтыкал» столько кощунств в свои писания, что говорить неприлично. У него всё «Около церковных стен». Отчего же он не входил в храм, не приблизился к алтарю – до самой смерти? Он ушёл из жизни православным. Причастился, исповедовался. Ушёл, сваленный двумя инсультами, но в твёрдой памяти. А чудил при жизни, как пьяный. «Опавшие листья» – это же не листья, это кизяк какой-то! Не годится для православного человека. «Уединённое» – экзальтированные переживания, «свой бог», редко-редко мелькнёт значительная философская, религиозная мысль. Писатель должен знать наверняка то, о чём говорит, и – стоит ли вообще об этом говорить. Частные разговоры не должны быть предметом писания. «Опавшие листья» – странная книга. Дело даже не в том, что она бесформенна. Хуже, что она – бессодержательна.

«Записками» писали многие: Астафьев («Затеси»), Солоухин («Смех за левым плечом», «Камешки на ладони»). Можно вспомнить и Монтеня, и Алена... Но моя задача другая: дать сокровенное – через внутреннее. Моя цель – пройти по лезвию ножа между душой и духом. Ничего больше, ни меньше. Без гримас, пританцовываний, попыток понравиться публике.

И. Г.: Что Вы можете сказать об уровне нашей текущей критики? Есть ли, по Вашему мнению, будущее у «толстых» литературных журналов? Испытываете ли недостаток критического внимания к Вашему творчеству?

В. К.: Рассказы и повести мои – эта моя «наука» ходить по «лезвиям», по острию, и – не обрезать-ся. Я в своём поиске нахожу какие-то струны, которые бы тронули тайное, сокровенное и зазвучали. Похвалы же порой разочаровывают больше, чем замечания. Если посмотреть те журналы, в которых я начал публикации в девяностые, то это разные берега. Когда-то А. Марченко напечатала один мой рассказ городской в «Новом мире», и я тут же отнёс ей повесть об умирающей, убитой «лжедемократии» деревне. Я был тогда окрылён, молод, многого не понимал. Не понимал, что повесть, написанную с болью о деревне, «Новый мир» не напечатает никогда.

С 1991 года периодически печатался в «Литературной России». Были также «Октябрь», «Юность». Глеб Горышин познакомил меня с Иваном Евсеевко, и тогда многое я напечатал в воронежском журнале «Подъём». Виктор Липатов за публикации в № 11 1996 года вручил мне диплом и премию Б. Полевого. СП России отметил меня премией «Традиция». Это был тоже 1996 год.

Толстые журналы – феномен исключительно русский. Сегодня они живут чудом, это чудо – подвиг, подвижничество главных редакторов и той гвардии, которую они объединили вокруг себя. Журналы выживут, но только те, что нужны народу, и при условии, что чиновники от культуры начнут хотя бы читать классику. А критиков – по пальцам счесть.

И. Г.: Задам наш классический вопрос от «Паруса» о состоянии современной литературы. На Ваш взгляд, происходит какое-либо её качественное развитие? Она «плывёт»? И «куда ж нам плыть?». Какие пути Вам видятся наиболее благотворными в плане возрождения отечественной словесности?

В. К.: На этом вопросе даже перо Пушкина – и то остановилось. Сколько вынесла с восьмидесятых годов русская словесность, как только ни пытались подломить её! Но она жива. Правда, мы и сегодня недооцениваем тот «подлём», ту войну, которая происходила и продолжается. Я лично знал людей из молодых и новых с «той» стороны, которых воспитывали и натаскивали, помогали оттачивать им перо (читай – зубы). Для них, заручившихся поддержкой даже того же Астафьева, Солженицына, было открыто многое: двери всех издательств распахивались настежь. Натаскивали – кого против А. Проханова, кого – против В. Личутина. Их питали долларами, им выделяли стипендии. В то время, когда многие, и я в том числе, жили впроголодь, откармливали их, как боевых псов. На них возлагались большие надежды. Сколько их было – и где они сейчас?... Помню, как они выдали себя, когда мы решили в 1996 году сфотографироваться всем выпуском. Впереди встали Лобанов, другие. И вот помню, один из них, этих молодых писателей из либералов семинара Вл. Орлова, кинулся тогда в кусты прятаться за памятник, лишь бы не попасть в кадр с авторитетами «русофильского направления». Сегодня хорошо бы заставить их писать свои фамилии на излюбленной ими латинице. Не на русском, а с презрительным фырканьем: «Мяснофф, Смирнофф». Так было бы проще их различать. Обязать их. Они прячутся...

Тем же способом – «разделяй и властвуй» – давили партию «Родина»...

Талантливого человека вырастить очень трудно. Вложить ему чужие мысли и тем вооружить – и вовсе невозможно. Это будет не блеск, а чуждый отсвет бутылочного стекла, но не алмаза. Время как «млат», который, «дробя стекло, куёт булат». И всё же надо делать выводы, надо знать, что без опыта и выводов – мы безоружны. Надо собрать стекло, переплавить. Это стекло – наша память и опыт. Переплавить и вылить в форму – в потёр, в светлую причастную чашу. Надо постараться, чтобы получился прекрасный сосуд. Мы должны научиться друг друга прощать, держаться вместе и помнить то бурное море – озеро Галилейское, – которое переплывали апостолы. Море бушевало, а Христос спал. Спал, но не отсутствовал.

Надо ввериться Его воле, грести и держать кормило. «Делай, что должно, и пусть будет что будет» – это про нас. Все мы плывём в одной лодке, под одним парусом, хотим мы этого или нет. Всё будет. Впереди ещё много тревог и радости.

Обнадёживает и то, что появляются такие замечательные журналы: «МолОко», «Славянство», «Русская жизнь», «Подвиг», теперь вот и «Парус», которые, слава Богу, объединяют нас в одном усилии, знакомят друг с другом, открывают новые имена. Не надо бегать по пустым развалам в «Олимпийском», рыскать, дожидаться раз в год открытия книжного рынка на ВВЦ (да ведь и его отслеживают, можно вспомнить атаку на Знатнова, на издательство и книги «Алгоритма»). В этом контексте также приходит на память недавний нажим известной «общественности» на своих авторов в «Эксмо» – Чхартисвили и Улицкую. «Общественность» требовала, чтобы они выставили ультиматум владельцам издательства: уж слишком много печатает оно нынче книг патристического, русского направления. Ничего не вышло. «Именитые авторы» не пошли протестовать к владельцам издательства ни с условиями, ни с требованиями. Понятно, что не только и не столько по меркантильным соображениям. С народом воевать трудно, и дело это неблагодарное. Второе по величине издательство отслеживает рынок. Народ просыпается и требует правды. А нас, пишущих, сегодня несказанно выручает Интернет: нажал две кнопки – и пожалуйста: Ю. Павлов, Ю. Лошиц, В. Личутин, В. Лютый... – и все вместе, на одной корме, под одним парусом. Кормчий же у нас тоже один – Тот, о Котором не говорят всуе.

И. Г.: Спасибо Вам за интересную беседу, Василий Васильевич.

2011–2024 гг.



Берега юбилеев

Александр Орлов



Александр Владимирович Орлов – поэт, прозаик, публицист, историк. Родился в 1975 году в Москве. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького и Московский институт открытого образования. Работает в столичной школе. Автор восьми стихотворных книг и трёх книг малой прозы, лауреат Всероссийских премий им. А. П. Платонова (2011), Ф. Н. Глинки (2012), С. С. Бехтеева (2014), Н. С. Лескова (2018), Д. Н. Мамина-Сибиряка (2020), М. Ю. Лермонтова (2022), Открытого конкурса изданий «Просвещение через книгу» Издательского совета РПЦ (2018, 2019, 2021), Международной литературной премии «Югра» (2019), Международного литературного Тютчевского конкурса «Мыс-

лящий тростник» (2020), обладатель «Золотого Витязя» (2019), «Бронзового Витязя» (2017) и специального приза Издательского совета РПЦ «Дорога к храму» (2017) Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь», Открытой Филофеевской литературной премии (2022), Литературной премии имени святителя Макария, митрополита Алтайского (2022).

* * *

Константину Алексееву

Гололёд или рытвина –
А мы всё колесим,
Обращаясь молитвенно
К существам неземным.

Хмуро, скользко и дымно!
И вокруг – ни души.
Звуки звёздного гимна
Заглушить не спеши.

Ты несёшься, как выюга,
Слышишь неба сигнал...
Кто, с повадками друга,
Вдруг тебя обогнал?

Кто взлетел там, где узко,
Где обрывы дорог?
Возле чёрного спуска –
Только Бог.

* * *

Я ничтожность свою осознав,
Обновляя походную стопку,
Расцелую в сердцах эфиопку,
И от слёз потемнеет рукав.

Вспоминаю я несколько дней
Все года, что провёл на чужбине.
Не смотри, ещё джина подлей,
Видишь, слёзы бегут по щетине.

Мне приелись амхарские речи,
Сколько лет я на Родину шёл,
Снились храм Иоанна Предтечи,
Снегопад, пироги и рассол.

Не поддамся дорог волшебству,
Хочу водки и чёрного хлеба,
Не держи меня, Аддис-Абеба,
Я в Россию билет не порву.

* * *

Словно кучи пшеничной муки –
Синеватого снега завалы.
И закрыты кафе, и вокзалы,
И влюблённые – вновь далеки.

Наступает заветный Сочельник:
Не зимы, а Небес произвол –
Урожай весь пустил на размол
Всемогущий заоблачный мельник.

Измельчают его жернова
Наши жизни, как хрупкие зёрна.
И моя – его власти покорна.
И моя – от бесправья – права...

СУГРОБЫ

Ты веришь сугробам? Они мудрецы:
Кого ни возьми, он и зорок и сед,
Учёт бесконечных и строгих бесед
Ведут от рождения зданий торцы:
Пред ними стоишь, одинок и раздет.
Ты – вечный ответчик, они же – истцы,
И так до скончания ветреных лет.

И кажется: только тебе невдомёк,
Когда был затеян морозный процесс,
Какой у сугробов действительный вес,
Но дворник решительный быстро помог –
И вот пошатнулся и твой интерес.
Быть может, тот дворник – уже полубог,
Сошедший на миг с вдохновенных небес.

Не только твоё промерзает нутро –
Иди и смотри на сгущение масс –
Рождает минута межсуточный час,
Сплетение судеб вершится в метро,
И только великий горячий наказ
Приносит на землю с рассветом ядро:
Ведь всё это создано Богом для нас.

* * *

Может, нервы мои на пределе
Или тень перепрятала свет?
Я не вижу влекущие цели
И не слышу небесных бесед.

Не зовут меня ангелы в гости,
Превращаются в ветер слова...
Страхи жизни, меня не морозьте,
Отпустите в снега Рождества!..

Я хочу, чтобы звёзды не гасли
В очертаниях зимней строфы,
И пришли с поздравлением в ясли
Три поэта, как раньше – волхвы...

* * *

Моим гуляньям – ровно четверть часа,
Я исходил ближайшие дворы.
Нет никого, и даже автотрасса
Блестит от переливов снежуры.

Закончил сам с собой я разговоры.
И кажется: меня никто не ждёт,
Вокруг объявлен неземной бойкот,
И снегопадов множатся повторы.

Планеты ждут Рождения Христа,
Скамейки тонут в снеговой опеке...
А рядом – сплошь свободные места,
Как утром в городской библиотеке.

* * *

Вьюга сеет небесные крохи,
И растёт новоявленный год.
В разночинной людской суматохе
Жажда света и мира придёт,

А вокруг – только снежные кряжи,
Древний город в сугроб превращён,
В магазинах царят распродажи...
Серебрится морозный озон.

Пролетают мгновенно, незримо,
К торжеству оглашенных зовут
Загулявшие два Херувима:
Рождество – через десять минут.

* * *

Мело, мело по всей земле...

Борис Пастернак

Сугробов стройная гряда
Легла намедни.
Застыла в Яузе вода –
И день последний.

Москве нет дела до молвы –
Морозы внятней.
Ветра кочуют, как волхвы,
Над голубятней.

Соединились все миры
Смиренно, хрупко.
И ждёт от голубя дары
В тиши голубка...

Под елью – крохотный Христос,
Прижавшись к маме,
Объятя первые вознёс
Над куполами.

* * *

Столетье платежей и ипотек –
И кажется, что будет только хуже, –
Но так же на асфальте мёрзнут лужи
И прячется в одежды человек.
Дорога к Богу разве что поуже.

Поуже, да ещё не всем видна –
Нет светофоров, постовых, разметки –
Лишь птицы красногрудые на ветке,
Целительница – полная луна
И звёзды, заменившие таблетки.

Наш век сырыми войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытаетесь даже.

* * *

Зимний ливень наполнил уэды ¹
В лабиринтах воды и песка,
Натирают промокшие кеды,
Ветер скрылся на дне рюкзака.

Много дней провели мы в дороге
Ты, как прежде, пуглива и зла,
Твои взгляды надменны и строги,
Расскажи, как ты раньше жила?

Нас укрыли оазиса кущи,
Говоришь, что ещё ты слаба,
И готовишься к ночи грядущей,
Словно к мукам на дыбе раба,

Ты – причуда в скитаньях поэта,
Чужестранец тобой не любим.
Коротаеть ты ночь до рассвета,
И цена тебе ржавый миллим ².

* * *

У подножья горы Адауда,
У обманчивых каменных глыб,
В облаках я увидел верблюда
И от страха вскричал и охрип.

Он позвал меня к снежной вершине,
Я решил оборвать его век,
Два патрона в моём карабине,
Но взмолился старик туарег:

«Этот призрак в Сахаре – хозяин,
Он приносит удачу в делах,
Он рождён у небесных окраин,
И его охраняет Аллах.

Посмотри, он ушёл на вершину,
Ты не бойся, иди за ним вслед,
Я дожусь и тебя не покину,
Пока ты не вернёшься, поэт».

* * *

Ты присела ко мне, дорогая,
Два угля прогорели во мгле,
И тебя неустанно лаская,
Я в раздумье курил наргиле ³,

Всё сморю я в глаза твои долго,
Сколько в них темноты неземной,
И вокруг всё мгновенно умолкло,
Превратилось в смиренный покой.

Твоё тело – священная Мекка,
Хадж любовный ещё впереди,
Мы с тобой до скончания века.
Ты сказала: «Прошу, подожди...»

Ждать тебя – это радость, но всё же
Ты забыла, что я муаллим ⁴,
Для меня ты свободы дороже,
Все сомнения женщины – дым.

* * *

Чернеет в печали нагорье Тибести,
И солнце покроет лиловый закат,
И высохнет зеркало в озере Чад,
Забудется всё, кроме долга и чести.

Мне грустно в дорогу, поёт алгаита ⁵,
Быть может, навек я в Сахару влюблён,
Ты, Африка, в прошлом, но ты не забыта,
Трубят на прощанье скучающий слон.

¹ Уэды – сухие долины в пустыне.

² Миллим – мелкая монета.

³ Наргиле – разновидность кальяна.

⁴ Муаллим – учитель, учёный.

⁵ Алгаита – музыкальный инструмент (*тип гобоя*).

За городом злятся песчаные бури,
Я долго смотрю в парабеллума ствол
И думаю, что подлежит редакции
Дорога, которой полжизни прошёл.

Сияют огни полусонной Нджамены ¹,
Пророчит мне счастье ручной пеликан,
И чёрным тюльпаном расцвёл в небе «Ан»,
И где-то на Родине ждут перемены.

БЭЛА

Я увидел тебя, стал, как хищник, проворен.
Ты не смотришь в глаза, но грустишь обо мне.
Я спокоен, циничен, как брат мой Печорин,
Что сказать, если верность сейчас не в цене.

Я устал от всего, и затравлен свободой,
И в дорогах провёл двести семьдесят дней.
Всё вокруг, как и раньше, унижено модой,
Ты давно уж не чья, да и уж я не чей.

Посмотри же в глаза, о печальная Бэла,
В них беззвёздная ночь и Сулакский каньон.
Всё, что видишь ты в них, без любви опустело,
Словно шашкой мюрида я был рассечён.

В Карадахской теснине исхожены тропы,
И Самурского леса мне запах знаком.
Горы, реки, озёра, аулы, раскопы...
Мне шептали о том, что в тебя я влюблён.

И когда я услышал ветров перебранку,
И оставил твоих древних предков края,
И вернулся в столицу, и вижу горянку,
И с тобой говорю, ничего не тая.

Из духана под вечер выходим, болтаем,
Поджидает у входа таксист Азамат,
Замани же к себе абрикосовым чаем,
Ты живёшь далеко, и мы едем за МКАД.

ЖЕСТЯНЩИК

На чёрный снег во тьме у гаража
Разложены машинные запчасти.
Он говорит, от холода дрожа,
О Путине, Москве, мигрантах, власти...

В сужденьях этих нет ничей вины –
Он отпустил домой чумные страхи –
В тот город, что рождён при ширваншахе,
Где осенью бушует джебаны ².

Где запахи платана и айвы
Встречаются у старого фонтана
И где беседа с другом покаянна,
Под шёпот опадающей листвы.

И при фонарном погрустневшем свете
Жестящик отправляет перевод,
Который за мгновение дойдёт
В горячий край, где высятся мечети.



¹ Нджамена – столица республики Чад.

² Джебаны – холодный северный ветер, наблюдающийся в конце осени в Азербайджане.

Берега юбилеев

Лидия Довыденко



«Русская звезда» имени Ф. И. Тютчева.

Лидия Владимировна Довыденко – главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», секретарь Союза писателей России, член Союза писателей Союзного государства, автор 38 художественных, историко-краеведческих, публицистических и научных книг, прозаик, публицист, критик, кандидат философских наук. Почётный гражданин Балтийского городского округа. Член редакционного совета журнала «День и ночь» (Красноярск), член Международной академии русской словесности (Австралия), член РГО. Лауреат литературных премий: Гумилевской, Корниловской, Союзного государства, «Щит и меч Отечества», «Мыслящий тростник» имени Ф. И. Тютчева, лауреат национальных премий «Золотое перо Руси», «Золотой Витязь». Награждена орденом

АЛЕКСАНДР ОРЛОВ. ТВОРЕНИЕ ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ

К 50-летию



«Я чувствую себя неотъемлемой частью всего...»

Эти слова принадлежат поэту и прозаику Александру Орлову – автору сборника рассказов «Купель покаяния» – 2023. Да, особенность его творчества в прозе и стихах в том, что он хорошо понимает, частью какого целого он является. Высокая литературная планка его творческого пути, вобравшего совесть, милосердие, человечность, – «черты Божьей нормы», как говорит известный русский критик современности Вячеслав Лютый.

Александр создаёт спасительное пространство, взыскующее мира горнего. Рассказ «Время тишины» заставляет нас задуматься, а сколько дней мирной жизни, без войн и конфликтов, было на земном шаре в истории человечества. Венгерский политолог Иштван Кенде подсчитал это количество за период с 1945 по 1986 год. За 40 лет на Земле было всего 26 дней без войны.

Особенной жёсткостью, невероятными потерями, страданиями, физическими и моральными, отличается Вторая мировая

война. Её участники не могли заставить себя рассказать обо всём, с чем они столкнулись, настолько тяжелы были воспоминания. И Александр Орлов взял на себя миссию – поведать читателю о тех близких людях, прошедших бои, работавших на Победу в тылу, открыть их почти исповеди в последние годы, а то и последние дни жизни, чтобы мир узнал подробности, за которыми причины и следствия последующих событий. Главный герой рассказа «Время тишины» – участник Великой Отечественной войны Харлампий Иванович. Казалось бы, «с рождения мы становились старше с именами Владимира Богомолова, Юрия Бондарева, Василя Быкова, Константина Воробьёва, Константина Симонова» – авторов бессмертных произведений о войне, – говорит автор рассказа. И в устах никому не известного пожилого человека звучат новые, дополняющие общую картину войны подробности, а также идут осмысления и выводы с точки зрения нашего времени: «Я после войны читал мемуары Георгия Константиновича и на всю жизнь запомнил, и вам советую детям и внукам своим передать, что в мае 1945 года в Берлине Жуков сказал:

– Мы их освободили, и они нам этого никогда не простят. –

Запомните, все беды в мире с Европы начинались и Европой закончатся.

В мире тишины было всего 26 дней за 40 лет, а нам, русским, никто покоя не давал, никакой тишины, всё время борьба, борьба за выживание страны и народа. Это наш земной крест.

– Знаете, как надо любить свою Родину? – продолжил Харлампыч Иванович. – Как за неё стоять и мстить?»

Его последними словами перед исповедью священнику было стихотворение поэта-фронтовика Сергея Наровчатова «В те годы», написанное в 1941 году и названное «строфами века»:

...В своей печали древним песням равный,
Я сёла, словно летопись, листал
И в каждой бабе видел Ярославу,
Во всех ручьях Непрядву узнавал.

Крови своей, своим святыням верный,
Слова старинные я повторял, скорбя:
– Россия, мати! Свете мой безмерный,
Которой местью мстить мне за тебя?

В метафизическом пространстве сборника «Купель покаяния» происходит воспитание великих чувств, звучит одухотворённый образ Православной России.

Рассказ «Коренной перелом» – это непостижимый свет, исходящий от участника Курской битвы, где он лишился ног. Яков Андреевич, зная о приближающемся конце жизни, произносит слова о Божественной благодати:

– Не унывай, вдаль смотри. Она всегда светлая. Главное – чтобы в сердце всё хорошело, вот как сейчас на улице. Смотри, какая нынче цветёт, как тогда, в 45-м, вот уж воистину благодать.

«От этого человека – отмечает писатель, – исходила напряжённость, которую сменяла сверхъестественная доброта.

Этот маленький сгорбленный человечек обладал громадным чувством сердечности. Он словно разгибался от этого ощущения.

Яков Андреевич благословил нас, как-то вдумчиво посмотрел на меня и бабушку, потом еле слышно произнёс:

– Желайте всем счастья, и счастливы будете. Ну, ступайте с Богом!

Вдохновенна душа России, которую никто не может понять, но всегда мир ждёт, что скажет Россия, и она отвечает не только словами политиков и дипломатов, но художественным уровнем, этическим содержанием произведений творцов слова и духа».

Поэт, воин, путешественник

Александр Орлов – автор восьми стихотворных сборников. Почему я называю его воином? Он исколесил дороги Донбасса с гуманитарной помощью участникам СВО, побывал в Бердянске Запорожской области, в ДНР и ЛНР: в Горловке, в Свердловске, в Судже Курской области, дарил свои книги, читал стихи:

Наш век сырыми войнами рождён,
Контуженный, в потёртом камуфляже,
Он выстоял в эпоху распродажи,
Он выжить, как и прошлый, обречён.
Его понять вы не пытаетесь даже...

Встреченные на передовой люди – это потомки святых, героев, и каждый «...уже полубог, / Сошедший на миг с вдохновенных небес...», чтобы понять, прозреть, постичь: «Ведь всё это создано Богом для нас» – для опыта, научения, озарения, Преображения.

Христоцентричность поэзии Александра Орлова возвращает нас и сближает с почвенниками: Хомяковым, Кириевским, Достоевским, опирающимися на духовную традицию, на сыновнюю связь со своим народом:

Я хочу, чтобы звёзды не гасли
В очертаниях зимней строфы,
И пришли с поздравлением в ясли
Три поэта, как раньше – волхвы...

Планеты ждут Рождения Христа,
Скамейки тонут в снеговой опеке...
А рядом – сплошь свободные места,
Как утром в городской библиотеке.

Под елью – крохотный Христос,
Прижавшись к маме,
Объяття первые вознёс
Над куполами.

Жажда знаний и опыта ведёт Поэта к странствиям: Хабаровск, Байкал, остров Ольхон, Ярославская область, Калининград... Он яркий последователь поэта, воина и путешественника Николая Гумилёва:

И высохнет зеркало в озере Чад,
Забудется всё, кроме долга и чести.

...Быть может, навек я в Сахару влюблён,
Ты, Африка, в прошлом, но ты не забыта,
Трубит на прощанье скучающий слон.

За городом злятся песчаные бури,
Я долго смотрю в парабеллума ствол
И думаю, что подлежит редактуре
Дорога, которой полжизни прошёл.

Сияют огни полусонной Нджамены,
Пророчит мне счастье ручной пеликан,
И чёрным тюльпаном расцвёл в небе «Ан»,
И где-то на Родине ждут перемены.

В Карадахской теснине исхожены тропы,
И Самурского леса мне запах знаком.
Горы, реки, озёра, аулы, раскопы...
Мне шептали о том, что в тебя я влюблён.

И когда я услышал ветров перебранку,
И оставил твоих древних предков края,
И вернулся в столицу, и вижу горянку,
И с тобой говорю, ничего не тая.

Понимая, что «наши жизни, как хрупкие зёрна», что самое яркое бытие пройдёт, поэт не забывает о жизни Вечной:

И возвращаются грачи,
И утихает писк грачат...
Но Ты, Спаситель, не молчи,
Когда вокруг все замолчат.

Наследник

Читая Александра Орлова, понимаешь, что он историк, впитавший в себя всё лучшее, что составляет глубинное наследие истории и культуры Отечества.

«Разве забудешь их голоса: Леонид Утёсов, Изабелла Юрьева, Лидочка Русланова». «С отцом смотрели фильмы Андрея Тарковского, Сергея Герасимова, Сергея Бондарчука, Владимира Мотыля». Навсегда запечатлён в душе трепет от соприкосновения с книгами: юбилейное сытинское издание «Отечественная война и русское общество 1812–1912 годов», «Отечественная война 1812 года в картинках Петера Хесса», каталоги русского военного мундира...

«Мне грезилось, что в такие минуты жизни редкого одиночества вся природа вокруг сможет обрести неповторимое звучание», похожее на музыку Эдуарда Артемьева, Георгия Свиридова, на песню «Дорога» группы «Любэ» (рассказ «Поезд из прошлого»).

Творчество, озарённое мыслью об истории и культуре своего народа, основывается на отличном знании литературы Православной, включающей Жития святых, этих лучших представителей человечества, он хорошо знаком с литературой Русского Зарубежья, а, по моему убеждению, не знающий Русского Зарубежья ничего не понимает в истории России.

В рассказе «Без креста» речь идёт об отце. Это Владимир Александрович Орлов, историк и журналист, специалист по Ирландии и Шотландии, по эпохе Наполеоновских войн. Владимир Александрович говорил сыну: «Всё в этом мире свидетельствует о том, что Он есть. Всё, что сейчас происходит, похоже на эпоху религиозного и национального возрождения. Это сложный процесс, но ты будешь свидетелем всего этого. Даже потом, когда уже не будет меня».

Подойдя к Северным воротам Донского монастыря, отец рассказывал о своём восхищении подвигом Патриарха Московского и всея Руси Тихона, о прощании с ним после успения: «Всё было заполнено русскими людьми, верующими в Бога. Ничего не изменилось в их сознании, ни красный террор, ни Гражданская война не уничтожили веры в сердце. Не было ни толкотни, ни ругани, только всеобщая скорбь. Это бесстрашие пастыря и народа, слившееся воедино».

Александр Орлов – наследник лучших поэтов и деятелей культуры, их гениальных произведений, тех, кто считал своей миссией не унижать человека, сосредоточась на инстинктах, а придавать высокий смысл человеческому существованию.

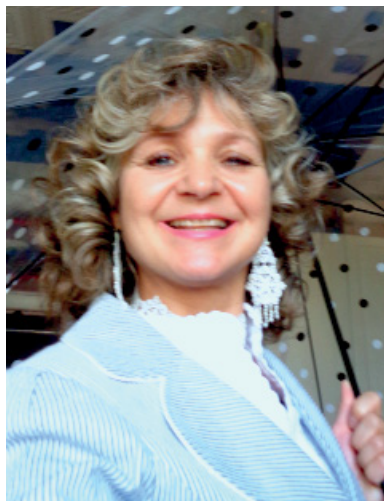
Его творчество – это новая элитарность, к которой принадлежат не участники «голых вечеринок», тусовщиков экономических форумов, а творцы высококачественной литературы, опирающейся на прекрасно отшлифованный гранит традиции, знания культуры и истории Отечества, создание семьи на основе высоких нравственных ценностей.



Берега юбилеев

Светлана Савицкая, Николай Бухаров

К 20-ЛЕТИЮ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»



Председатель оргкомитета, сопредседатель жюри и ведущая церемоний и пресс-конференций с 2004 года, Светлана Васильевна Савицкая – первый обладатель «Золотого пера Руси», вручённого губернатором Московской области Б. В. Громовым в 2000 году. По материнской линии – урождённая княгиня Нарышкина. Мать – известный композитор Тамара Тишкова, отец – известный русский писатель Василий Тишков, родом из Захарыных; в своё время Паустовский отмечал его литературный язык в первой четвёрке прозаиков шестидесятых годов. С. В. Савицкая награждена множественным литературных Гран-при разных стран именно за высокое художественное мастерство. Стиль её прозы относится к магическому реализму. Доктор философии. Символист. Кандидатский минимум сдан в Военно-техническом университете. Защита диссертации по теме «Символ как социально-культурный феномен управления» прошла в МУФО. Автор 130 книг (с переизданиями на

30 языках мира, в том числе китайском, хинди, вьетнамском, английском, французском, немецком и т. д.). Автор девяти крупных энциклопедий, а также военно-исторических романов, повестей, рассказов, сказок, притч, стихов. Соучредитель проекта «Золотое перо Руси», инициатором которого явился А. Н. Бухаров, с 2004 года.



Эксперт по продвижению СМИ на территории Российской Федерации Александр Николаевич Бухаров – потомок легендарного генерала Бухарова, гусара, которому М. Ю. Лермонтов посвящал свои стихи:

Мы ждём тебя, спеши, Бухаров,
Брось царскосельских соловьёв,
В кругу товарищей гусаров
Обычный кубок твой готов;
Для нас в беседе голосистой
Твой крик приятней соловья;
Нам мил и ус твой серебристый,
И трубка плоская твоя,
Нам дорога твоя отвага,
Огнём душа твоя полна,
Как вновь раскупренная влага
В бутылке старого вина.
Столетия прошлого обломок,
Меж нас остался ты один,
Гусар прославленных потомок,
Пиров и битвы гражданин.

Последние четыре строки – парафраза из «Моей родословной» (1830) Пушкина.

Жене генерала Бухарова Пушкин также посвящал стихи, так как их имена находились рядом. Сын гусара генерала Бухарова был дипломатом в Австрии, а внучка – Зоя Бухарова – литературоведом, которой подписал первую книжечку «Радуница» Сергей Есенин.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ»

Промысел Божий

«У нас есть собственный культурный код. Собственная культурная идентичность. Это главный ресурс России», – заметил министр обороны А. Р. Белоусов. Он подчеркнул также, что без писателя не может быть экономики. Президент РФ В. В. Путин мысль продолжил, заявив недавно, что без экономики не состоится страны. Евангелие от Иоанна гласит: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...»* В дословном переводе с греческого – «логос». То есть «промысел Божий». Мысль. Достоевский утверждал, что «Красота спасёт мир». И это – истинная правда. Красота русской культуры и мощь литературы нашей русской призвана спасти планету. Это – главный промысел проекта. Это придумали не мы, а древние этруски: «Мы русские – с нами Бог». За ними лозунг подхватили греки, учителя римлян, перефразировав: *«Si Deo pro nobis, quis contra nos?»* – «Если Бог с нами, то кто против нас?»

Для нас Бог – слово. Труд русского писателя – наша молитва. С нами – слово. Но тогда кто против нас?

Мы начинали в девяностые, когда Запад тяжёлой поступью вытоптал очаги русской культуры по всему советскому пространству. Когда «Мосфильм» вместо 500 фильмов в год вынужден был выдавать пять. Когда Союз писателей России утратил ведущую роль. А телеэкраны заполонила реклама: «Бери от жизни всё». Когда вместо учебников, воспитывающих человека будущего, Америка насадила ЕГЭ. Когда братские народы за грант Сороса высасывали из пальца национальное превосходство от копателей Чёрного моря до «Единого Турана»... В те сложные времена и родился проект «Золотое перо Руси» с целью поддержки талантливых литераторов планеты. В них мы видели главную силу спасения. Именно в Руси, а не в России. Ведь в России говорят на многих языках. Но цементирующим языком славянской культуры всегда оставался русский. Какие ярлыки нам только не клеили. Обзывали «красно-коричневой чумой», «еврейско-фашистским конкурсом» и т. д. Используя инструменты клеветы, приписывали создание альманахов и собрание взносов, переходили на личности... Мы уличали лжецов, вежливо «возвращая в первоисточник». Немыслимо скандальные для того времени номинации, такие как «военно-патриотическая», «экология», «духовность», «моя малая Родина», поначалу наделали много шума в либеральных кругах. Но команда крепко держала оборону, не допуская ни откровенных врагов, ни воинствующих графоманов к спискам победителей. И литераторы поверили в нас, доверив самое сокровенное. Низкий им за это поклон.

Число участников и стран росло ежегодно. Как снежный ком. Как лавина. Социальные сети ориентировались на мнение обладателей «Золотого пера Руси» и лауреатов, что капризная мода на Париж, стоя стеной во время политических баталий на информационном поле по всем фронтам. Тогда Михаил Задорнов родил сокровенное: *«Увидеть Золотое перо и ожить!»*

Без литературного таланта наших лауреатов, без подлинного вклада в проект всех членов команды, истинного меценатства и беззаветной любви к России, элитарной исключительности того, что стали называть брендом «Золотое перо Руси», никогда бы не случилось.

О конкурсе «Золотое перо Руси»

Распространившись на 70 стран, международный конкурс родил «Содружество литературных сообществ», в которое вошли ведущие литературные проекты мира, поддерживающие именно русский язык. Это и СП России, и МГО СП России, и «Литературная Вена», и Международный конкурс литераторов в Берлине в институте изучения русского языка «Лучшая книга года», и «Золотая книга Дюссельдорфа», и «9 муз» в Греции на Тиносе, и «Созвездие духовности» в Киеве, и БрайЛэнд в Израиле, и «Русские в Канаде», и Русский дом в Хельсинки, и посольство Палестины, и Департамент по выпуску книг на арабском языке в Сирии и т. д. и т. п.; всего входило более 240 известных проектов континентов Земли, включая Австралию и Антарктиду!

МЕГАЛАДОН – вершина этого айсберга – Проект Содружества Международный конкурс «Национальная литературная премия “Золотое перо Руси”» стал не только одним из самых популярных, но с 2006 года справедливо признан элитарным среди писателей русскоязычного мира.

Победителей отличает нагрудный знак – Золотое перо (либо Серебряное перо) с инициалами «СП» (Союз писателей «Перо Руси»), отлитый из драгметалла по специальному заказу всемирно известным мастером-ювелиром Романом Денисовым, с пробой. Случались исключения. В связи с СВО временно, чтобы не создавать «пир во время чумы», знаки были заменены на знаки с золотым или серебряным покрытием.

Ежегодно около 10–20 человек получали звание обладателя премии, и около 200 – звание лауреата «Золотого пера Руси». Исключение составил, опять же, 2024 год, когда число в списке награждённых приблизилось к 500 из-за гигантского наплыва патриотически ориентированных работ со всего мира!

Спасаем литературу как можем

Нам часто задавали вопрос: «А судьи кто?»

Председателем оргкомитета с 2004 года является соучредитель проекта, доктор философии, писатель **Светлана Васильевна Савицкая**, она же подключена ко всем адресам, обладает наиболее полной информацией, поэтому является ведущей или соведущей всех церемоний.

Секретарь – профессор сценарного искусства **Яна Стефановна Гриневич** осуществляет первый этап отбора и, если находит нужным, отправляет по адресу одной из 20 номинаций, к которой есть доступ членам жюри и советникам номинации, к примеру, прозы, поэзии, юмора и т. д. Литературные переводы отправляются в разные страны советникам, владеющим в совершенстве тем или иным языком. Это первый и самый сложный этап конкурса.

Основное жюри, которое рекомендует наиболее удачные работы, присланные в том или ином году, набирается ежегодно к 1 сентября. К работе приступает 15 сентября. 1 октября на сайте www.regorusi.ru публикуются Итоги года. Многие из членов жюри, как правило, уже являются обладателями Национальной литературной премии «Золотое перо Руси». Так, в жюри в своё время входили такие легендарные личности, как **Михаил Задорнов, Бисер Киров, Анатолий Приставкин, Борис Химичев, Римма Казакова, Евгений Евтушенко, Лев Аннинский, Сергей Михалков, Джуна** и т. д. Председатель жюри выбирается ежегодно коллегиальным путём. С 2019 года им является соучредитель проекта, эксперт по продвижению СМИ на территории Российской Федерации **Александр Николаевич Бухаров**.

В связи с наплывом произведений число советников, оргкомитета и жюри может составлять от 100 до 200 человек ежегодно. Их работа проходит на безвозмездной основе, что охарактеризовала на взлёте проекта в 2007 году **Римма Казакова**: «*Берём на себя функцию Государства, спасаем литературу как можем!*»

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ДИПЛОМЫ всегда курировали ЛЮДИ-ЛЕГЕНДЫ. Некоторых уже с нами нет, к нашей печали. Но память о них жива в признании к их священным именам:

***ДИПЛОМ РИММЫ КАЗАКОВОЙ**, поэта-песенника – МУЗЫКАЛЬНАЯ номинация. Римма Казакова являлась обладателем «Золотого пера Руси», потом активно приняла участие в жюри. Меценат конкурса. Многие победители получили её книги с автографом в подарок.

***ДИПЛОМ МИХАИЛА ЗАДОРНОВА** – известного сатирика, писателя, исследователя древних традиций славянства, обладателя «Золотого пера Руси», далее члена жюри, советника и мецената. Многие победители получили в подарок его книги с автографом. Номинация ЮМОР.

***ДИПЛОМ БИСЕРА КИРОВА** – легендарного певца Болгарии, дипломата доброй воли. Бисер Киров с первого дня образования проекта «Золотое перо Руси» являлся членом оргкомитета. Меценатом. Дарителем своих дисков с автографом победителям конкурса. Автор гимна «Золотого пера Руси», гимна Крыма во время исторических событий. По номинации ДУХОВНОСТЬ отбираются произведения высокой нравственной организации, внутренней человечности вне конфессий и верований.

***ДИПЛОМ МИХАИЛА НОЖКИНА** – не только народного артиста, но и, прежде всего, одного из лучших русских поэтов современной России. Обладателя «Золотого пера Руси». Автора многих известных патриотических и лирических песен. А далее – члена жюри оргкомитета и мецената про-

екта. Многие победители получили его книги с автографом в подарок. Номинация, наиболее востребованная и многочисленная, – ПОЭЗИЯ.

* **ДИПЛОМ НИКОЛАЯ ДРОЗДОВА** – легенды отечественного теле- и радиовещания. Ведущего передачи «В мире животных». Обладателя «Золотого пера Руси». А далее члена жюри и оргкомитета. Мецената. Многие победители получили его книги с автографом в подарок. Номинация ЭКОЛОГИЯ.

* **ДИПЛОМ ЗОЛОТАЯ СОВА**. Выдаётся за самое умное произведение, присланное в год объявления Международного конкурса «Золотое перо Руси» вне номинаций. Как правило, это произведения, далёкие от литературы, но относящиеся к научным открытиям. Номинацию курировала легендарная команда передачи «Что? Где? Когда?». Награждения в разное время проводили Виктор Сиднев, Александр Бялко, Александр Друзь, Виктор Шарков. Меценаты по традиции подкрепляли дипломы оригинальными подарками в виде совы.

* **ДИПЛОМ ШЕКСПИРА**. Выдаётся с 2008 года по номинации ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ. Оригинальный диплом представляет Всемирный Союз писателей с печатью организации из Мюнхена (Германия) за подписью президента Льва Гимельзона (Лео Гелимсон). СП включает в себя все страны и континенты мира. Лев Гимельзон награждён «Золотым пером Руси» за блестящий перевод произведений на пять языков мира. Является советником и членом оргкомитета проекта «Золотое перо Руси».

* **ДИПЛОМ ДМИТРИЯ САБЛИНА** – одного из руководителей общественной организации «Боевое братство». Дмитрий Вадимович Саблин, будучи депутатом Государственной Думы ФС РФ, с первого дня образования проекта «Золотое перо Руси» в 2004 году поддерживал морально и материально номинацию ВОЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКАЯ. Победители ежегодно с 2005 года получали не только специальные дипломы, но и специальные подарки, кубки, награды. Рекомендации на издание отдельных книг. Дмитрий Саблин – активный участник присоединения Крыма к России, нашей миссии в Сирии и СВО, Герой Донецкой республики, в финале 2024 года получил Звезду Героя России из рук президента РФ В. В. Путина. Литературный Диплом Саблина по военной номинации – бренд, унаследованный в 2005 году от «Диплома Саблина» для футбольных команд Московской области, учреждённого в 2003 году.

* **ДИПЛОМ УЧРЕДИТЕЛЯ ПРОЕКТА АЛЕКСАНДРА БУХАРОВА**. С первого дня Диплом учредителя проекта поддерживается специальными медалями или орденами от других дружественных организаций: МГО СП РФ, МСПС, СП «Новый современник», СП баталистов и маринистов, «Трудовая доблесть России», Общества «Совесть», Московского Фонда Мира, Международной Академии интеграции науки и бизнеса, ИД Академия им. Н. Е. Жуковского и т. д. Номинация ОБЩЕСТВЕННЫЕ КОММУНИКАЦИИ. Как учредитель, А. Н. Бухаров награждён решением оргкомитета «Золотым пером Руси» за ведение самого известного литературного проекта. После ухода из жизни председателя жюри, председателя МГО СП РФ В. И. Гусева избран председателем жюри «Золотого пера Руси». Возглавляет ТВ-студию «Золотое перо Руси». Совместно с оператором Натальей Даниловой выпущено более 200 фильмов и роликов о работе проекта.

Наталья Эдуардовна Данилова – юрист, в прошлом государственный служащий федеральных органов власти, консультант аппарата Комитета Государственной Думы ФС РФ по информационной политике. Фотограф и корректор.

* **ДИПЛОМ СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ**. Литературный диплом Светланы Савицкой – бренд, унаследованный от «Диплома Светланы Савицкой» Детского экологического движения «Зелёная планета», учреждённого в 2000 году В. Н. Медведевой. Более 20 миллионов школьников ежегодно в течение 15 лет бились за экологический диплом с правом обладания ценными подарками в виде книг С. В. Савицкой с автографом по номинациям рисунков к её сказкам, аудио- и видеозаписей, кукол, фото. Поделки послужили основой фондов для открытия 20 музеев сказок С. В. Савицкой в разных странах. В связи с пандемией и СВО музеи упразднены. Традиционно Диплом Светланы Савицкой подкреплён наиболее ценным подарком года проведения конкурса «Золотое перо Руси». Меценат не только литературных проектов, но и Русских домов в Индии, Испании, Болгарии. Гуманитарные грузы отправлялись ею в Мексику, Болгарию, Чехию, Сирию, на Донбасс и в ЛНР задолго до начала СВО, а также в зону СВО. Характерно то, что не только авторские книги и вещи, но и все деньги от продажи романа «Свет отражающий» о Первой и Второй Камчатских экспедициях были переданы фонду «РусПомощь».



«Золотое перо Руси», 2024

Подготовка первого оргкомитета и жюри конкурса

Оргкомитет Международного конкурса Национальная литературная премия «Золотое перо Руси» 20 лет назад в условиях процветающего либерализма первым мужественно объявил конкурс именно на русском языке для русскоязычных, русскодумающих и русскопишущих авторов мира. Русь, а не Россия, транслирующая нашу нравственную историческую традицию, упразднила границы государств. Литераторы разных стран, награждённые по разным номинациям за высокое художественное мастерство, 20 лет делают Литературу мирового уровня с большой буквы как основу культуры человечества.

Оргкомитет конкурса заручился поддержкой МО СП РФ в лице его председателя В. И. Гусева, Княжеского совета во главе с В. П. Тишковым, председателя Гильдии экологической журналистики МедиаСоюза Николая Акритова, возглавляющего МСПС Сергея Михалкова и его секретаря Бориса Шереметьева, ведущих писателей того времени Анатолия Приставкина, Александра Трофимова, Ирины Ракши, а также ВОО «Боевое братство», Комитета по экологии ГД ФС РФ, Детского экологического движения «Зелёная планета».

Идея создания проекта и его организация, конечно же, были важны. Но что бы мы делали, если бы в команде не было такого верного энтузиаста, как Александр Петрович Петров. Тонкий поэт, способный создавать искромётные поэмы, от которых залы поднимало на дыбы, он с болью переживал развал СССР. Первым оказывался там, где нужна была рабочая сила при восстановлении Храма Христа Спасителя. Монастырей. Первым приходил на помощь, если кому-то из поэтов надо было выпустить сборник стихов. Профессия компьютерщика позволяла ему регулировать бесперебойное обслуживание электроники рабочей группы жюри. Он же создал первый сайт. Он же возглавил номинацию «юмор». Без его горячего участия не проходило обсуждение работ и по другим номинациям.

Гимн «Золотого пера Руси»

I

Время прощать.
Время залечивать раны.
Жатвы священной пора.
Время собрать,
Как драгоценные камни,
Рыцарей Золотого Пера!

Припев:

Нам завещали
И мы завещаем
Верность традициям снова и снова,
Чтобы звучало
Правое слово!
Доброе слово!
Мудрое слово!

II

Истины время пришло.
То, что мы накопили,
миру пора посвятить.
Ведь Золотое Перо –
это глубже,
и выше,
и шире,
больше,
чем просто поэтами быть!

III

Слово для нас – и судьба, и награда –
Перья златые вращают
Вселенской судьбы колесо!
Да. Это правда:
Писателю больше всех надо!
Да. Это правда:
Поэты в ответе за всё!

(Музыка и идея гимна Бисера Кирова, слова Светланы Савицкой)

В воспоминаниях Великого Князя Александра Михайловича есть фраза: «Во всём свете у нас только два верных союзника – наша армия и флот. Все остальные при первой возможности сами ополчатся против нас».

На памятнике Александру III (1881–1894) в Ялте высечено: «У России есть только два союзника – её армия и флот».

Но это не так. На самом деле У РОССИИ ТРИ СОЮЗНИКА – НАША РУССКАЯ АРМИЯ, ФЛОТ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

С благодарностью ко всем, кто поверил в нас, и низжайшим поклоном, учредители Международного проекта «Золотое перо Руси» Александр Николаевич Бухаров и Светлана Васильевна Савицкая.

Екатерина Фёдорова



Екатерина Сергеевна Фёдорова – родилась в Москве, доктор культурологии, к. ф. н., профессор факультета иностранных языков и регионоведения МГУ имени М. В. Ломоносова; лауреат литературной премии «Золотое перо Руси – 2024» в номинации «Культурное наследие».

Основные работы последних трёх лет: Фёдорова Е. С. *О красоте и чести. Жизнеописание потомка Рюрика князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского*. М.: Издательский Дом «Языки славянских культур», 2023; Фёдорова Е. С. *Анна Сергеевна Вырубова: Вкус к жизни. Домашний круг и рецепты в историко-мемуарном контексте. (Идеи века в истории рода)*. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2023; Фёдорова Е. С., Лобанов-Ростовский Н. Д. *Исторический портрет и Серебряный век: род и коллекция князя Н. Д. Лобанова-Ростовского в изобразительном искусстве России: учебное пособие по истории искусства для учащихся старших классов, СПО и вузов*. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2025; Григорий Николаевич Вырубов: русский философ-позитивист в европейском контексте. Воспоминания / сост.: Е. С. Фёдорова, Н. Д. Лобанов-Ростовский; науч. ред. Е. С. Фёдорова М.: Издательский Дом «ЯСК», 2024; Михаэль фон Альбрехт: Между музыкой и словесностью / сост.: Е. С. Фёдорова, В. А. Альбрехт; вст. и закл. статьи, комм. Е. С. Фёдорова. М.: Издательский дом МГУ «ЯСК», 2024; Георг фон Альбрехт: Между Востоком и Западом. От народной песни к додекафонии. Воспоминания музыканта / науч. ред., составитель М. фон Альбрехт; сост., перев., комм. Е. С. Фёдорова; сост. В. А. Альбрехт. М.: Издательский Дом «ЯСК», 2023.

О КНИГЕ «ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК: УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ ПО ИСТОРИИ ИСКУССТВА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ СТАРШИХ КЛАССОВ, СПО И ВУЗОВ»

(М.: Издательский Дом «ЯСК», 2025)



Идея создать книгу в жанре учебного пособия по материалам коллекции Лобанова-Ростовского, то есть познакомить молодое поколение с этим выдающимся культурным явлением, ввести в учебный обиход России зрела много лет. И на это есть весомые причины. Здесь мы видим три явления, которые смело можно назвать хрестоматийными: личность собирателя, его предки как фигуры российской истории и его коллекция. И собиратель, и его род, и его коллекция достойны, чтобы их изучала художественная молодёжь в своих учебных заведениях, знала смолоду. Вот по каким причинам.

Во-первых, рассказ о Никите Дмитриевиче может стать настольной книгой для тех, кто хочет сделать в жизни нечто важное, не суетя на исходные данные своей судьбы, а оттолкнувшись от них и преодолевая их. Он ставит цели и, как правило, достигает их. Почему? Ибо любит бытие во всех его красках, ему интересны люди, и в душе у него есть твёрдые принципы, чему и как следует посвящать жизнь.

Во-вторых, его предки принимали существенное участие в государственном строительстве России на протяжении 1000 лет.

В-третьих, его собрание признано лучшей в мире частной коллекцией русского сценического модерна и авангарда.

Четвёртой причиной выбора жанра учебного пособия является то обстоятельство, что многие очевидные понятия и термины вовсе не очевидны для новых поколений. Мы решили снабдить наши рассказы по возможности комментариями, объяснениями терминов или художественных явлений – именно по ходу повествования. Мы даём и этимологию этих слов, вошедших в русский язык. Мы дополнили издание словариком, чтобы понятия и термины легко можно было найти на просторах книги. Всего *1143 термина или понятия*. И надо отметить, что НОПРИЛ – Национальное объединение прикладной лингвистики – дало нашему учебному пособию свой *гриф*.

Обилие изобразительных материалов, а здесь *644 иллюстрации*, более, чем страниц книги (620), тоже не в последнюю очередь продиктовали жанр исследования, они делают учебное пособие *наглядным*.

Также мы представляем достаточное количество персоналий, чтобы можно было говорить об учебном материале. В главе о предках мы обсуждаем более *30 лиц*, принадлежащих семье Никиты Дмитриевича. В главах о художниках мы предлагаем к обсуждению более *100 имён*, привлекая их окружение и лидеров художественных движений. Мы даём и *биографии* обсуждаемых художников, и сведения об их основных работах. Именной указатель составляет *955 единиц*. Таким образом, по своему составу данное издание можно отнести к фундаментальным учебным пособиям, стремящимся наиболее полно раскрыть заданные темы.



Н. Д. Лобанов-Ростовский на фоне портретов предков у себя дома. Лондон, 2017

ПРЕДКИ

В центре концепции книги лежит идея Никиты Дмитриевича о визуализации истории. Что это значит? События российской истории, считает Никита Дмитриевич, легче запоминаются и входят в сознание, если есть визуальный конкретный образ деятелей этой истории. С этой целью он и продвигает вот уже 10 лет идею Национальной портретной галереи. А деятельность его собственных предков оказалась существенной частью русской истории. Но одновременно их изображения иллюстрируют художественные направления в живописи России XVII–XIX вв.

[3] Например, портрет Юрия Долгорукова сохраняет близость к иконописной манере, хотя уже художники как-то старались передать сходство с изображаемым лицом. Это изображение мы встречаем в «Царском титулярнике», который назывался ещё «Большая Государева книга, или Корень российских государей». Это рукопись 1672 г., самый богато украшенный иллюстрациями старинный справочник, который содержал перечни титулов русских и иностранных царствующих лиц.





4



5



6



7



8



9

[4] А скульптурный портрет графа Никиты Ивановича Панина – произведение Ивана Мартоса, идеально построено по канонам классицизма. В 1780-е гг. скульптор создал портрет графа Панина, представив как античного мыслителя – в белом мраморе, одетого в римскую тогу. Сейчас бюст находится в Третьяковской галерее.

[5] Живописный портрет князя Александра Борисовича Куракина кисти Жана Марка Наттье представляет нам стиль рококо, со всеми его галантными и игривыми атрибутами. Здесь князь, первый постоянный дипломат России во Франции, представлен романтическим и беззаботным охотником, лишь красная лента через плечо – знак ордена Св. Александра Невского – и сам орден указывают на то, что он государственный муж. 1728 г.

[6] Или портрет графа Григория Григорьевича Кушелева написан Орестом Адамовичем Кипренским в глубоких тонах школы романтизма в 1827 г.

[7] Портрет красавицы Екатерины Александровны Лобановой-Ростовской, урождённой Куракиной, создан Иваном Аргуновым в стиле барокко: парчовый наряд и горностаевая мантия, подчеркнувшая её высокое происхождение, однако ничуть не затмевают ярко представленный характер молодой дамы, её живость, озорную весёлость, кокетливость, иронию и ум. 1754 г.



14



12



13



10



11

[8] Портрет четы Алексея и Александры Лобановых-Ростовских в духе сентиментализма написан Владимиром Боровиковским: поэтическая идиллия семьи, почти балетная гармоничная пластика, обращённость друг к другу, поглощённость друг другом. А у ног Александры – поражающий кудрявой изысканной, перламутрово-седой ухоженной и уложенной шерстью, реалистично выписанный, но всё равно «гламурный», как бы мы сейчас сказали, кукольный пёс. 1814 г.

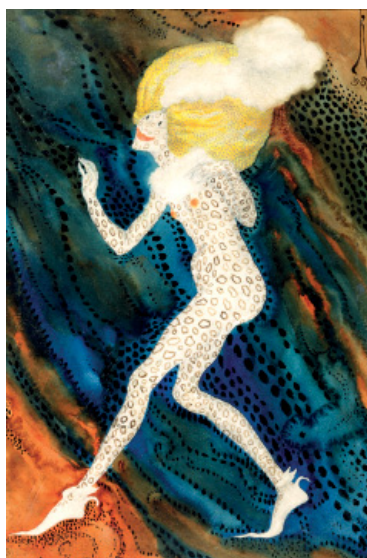
[9] Наконец, мы видим реалистический портрет Афанасия Фета, которого изобразил Илья Репин. Никакие атрибуты не показывают на его принадлежность к литературе и поэзии. Может быть, едва-едва об утончённости этого человека говорят его тонкие руки – Репин подчеркнул контраст их хрупкости с широкими белоснежными манжетами.

С равным успехом по портретной галерее этой книги можно изучать как историю России, так и историю российской живописи.

В главе о становлении героя книги, Никиты Дмитриевича, мы касаемся современных способов художественного видения и даже истории фотографии. Отдельный раздел – это портреты Никиты Дмитриевича, написанные художниками-современниками. Здесь и [10] современный парадный портрет Андрея Вагина (1999), и [11] тонкая графика Николая Бенуа (1980), и [12] дигитальное компьютерное искусство Жени Шеффа (2001), и [13] современный лубок Ольги Соколовой (2019), и [14] психологический скульптурный портрет молодого автора Дмитрия Астафьева (2016).



15



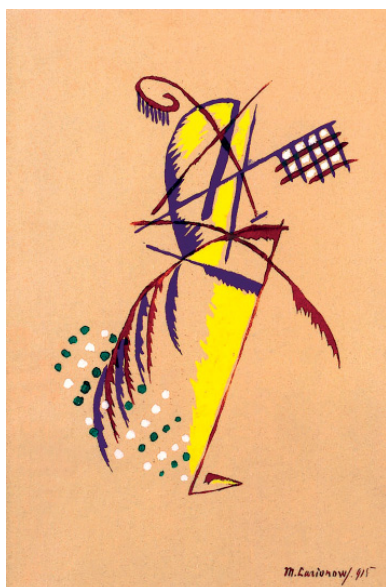
16



17



18



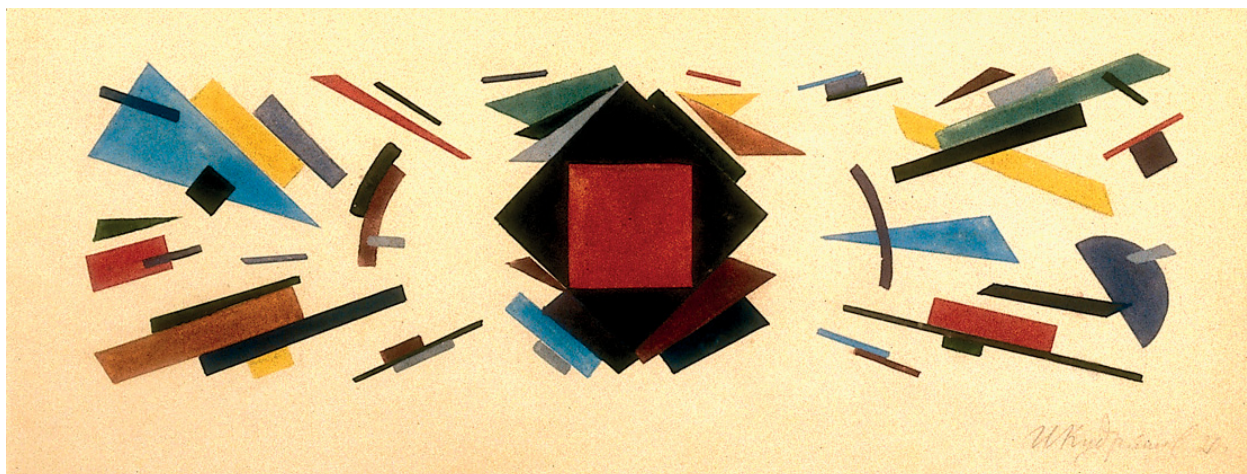
19



20



21



22

КОЛЛЕКЦИОНЕР И КОЛЛЕКЦИЯ

Создавая эту книгу, мы задались вопросом: а как коллекционер ищет работы, нужные для его коллекции, какие усилия предпринимает, чтобы познакомить с его находками мир, какова тут роль аукционов и их каталогов? Каковы принципы коллекционирования? И к счастью, Никита Дмитриевич подробно рассказывает о сложных путях приобретения Александры Экстер и Зинаиды Серебряковой, Павла Челищева, Михаила Ларионова и Натальи Гончаровой. Эти воспоминания коллекционера – уникальны. Важно решение коллекционера – максимально собрать работы всех направлений Серебряного века.

Но главная драгоценность книги – это глава, написанная её героем, Никитой Дмитриевичем. Его многолетнее стремление упорядочить, уложить в систему направления, стили и техники собранных им работ мастеров театрально-декорационной живописи долго и тщательно продумывалось и, наконец, явственно дало свои результаты. Мы видим тщательно проиллюстрированную классификацию, по которой зримо, наглядно, чётко можно судить о направлениях поисков эпохи.

[15] Так, среди предшественников авангарда мы видим работу Ивана Билибина как представителя *неорусского* стиля, стремившегося подражать традиционным формам народного искусства. Пьеса для детей «Василиса Прекрасная». Сцена у царских ворот. 1908. Худ. Иван Билибин.

[16] В духе *символизма*, который вдохновлялся иррациональными субъективными настроениями, стремлением к запредельным, «нездешним» мирам, создан эскиз для костюма Саломеи Николая Калмакова.

Эскиз костюма Саломеи. «Саломея» О. Уайльда. 1908. Худ. Николай Калмаков

[17] *Неоклассицизм*, который искал совершенство форм, чёткость линий, скульптурную лепку объёмов и гармоничную композицию, представлен портретом балерины Анны Павловой работы Василия Шухаева.

Анна Павлова. 1922. Худ. Василий Шухаев

[18] Множество иллюстраций рассказывают о русском *неопримитивизме*, который ориентировался на лубок, игрушку, вывеску, например эскиз костюма крестьянской девушки Михаила Ларионова.

Эскиз костюма крестьянской девушки. 1915. Худ. Михаил Ларионов

[19] И конечно, тот же Ларионов представляет *лучизм* – направление, им созданное, означающее, что пересечения лучей оказываются отражениями реальных предметов, их совокупность и есть предмет, но созданный нашим воображением.

Эскиз танцора в движении для балета «Полночное солнце» по мотивам «Снегурочки». 1915

[20] Проявление *кубофутуризма* (соединения итальянского футуризма и французского кубизма), изображающего движение как бы одновременно с нескольких точек зрения, мы видим в эскизе Александра Богомазова.

Эскиз костюма танцовщицы. 1915. Худ. Александр Богомазов

[21] Метод *аналитического искусства*, разработанный Павлом Филоновым, мы ясно видим в афише его последователей для постановки «Ревизора» Н. В. Гоголя.



24



23



25



26



27



28

Афиша спектакля «Ревизор». 1927. Школа Филонова

[22] *Супрематизм* как направление беспредметной живописи, где простые геометрические фигуры представлены в качестве первичных элементов мира, мы видим в работе Ивана Кудряшова.

Проект интерьеров Первого советского театра (Городского театра) в Оренбурге. 1920

[23] *Конструктивизм*, соединяющий геометрические конструкции в сценическом движении, и стремящийся выявить структуру формы и качество материалов, мы можем видеть в эскизе Меллера.

Вадим Меллер. Эскиз костюма для Брониславы Нижинской. 1919

[24] *Экспрессионизм*, более известный по работам европейских художников и выражающий преувеличенные эмоциональные состояния, чаще негативные – под влиянием событий эпохи, Первой мировой войны и революционных движений, у нас представлен работой Бориса Григорьева.

Четыре танцора на сцене. 1913. Худ. Борис Григорьев

Нет места говорить здесь о других направлениях, представленных в книге. Скажем только, что человек, совсем не знакомый с Серебряным веком, может по этой главе составить себе достаточно полное впечатление обо всей панораме творческих поисков живописной эпохи русского Серебряного века. Но и для специалиста здесь может найтись множество привлекательных редких открытий.

Особенно интересно, каким образом представляет Никита Дмитриевич веяния эпохи модерна и авангарда в конкретных театральных явлениях – в постановках известных театров, составивших видные явления эпохи.

[25] Театр Веры Комиссаржевской.

Эскиз Николая Калмакова: костюм для «Саломеи» Оскара Уайльда. 1908

[26] Антреприза Сергея Дягилева.

Эскиз Льва Бакста: костюм Клеопатры для балета «Клеопатра». 1909

[27] Театр Всеволода Мейерхольда.

Эскиз декорации для «Мистерии-буф» Маяковского кисти Ираклия Гамрекели. 1924

[28] Театр Александра Таирова

Эскиз танцовщицы Александры Экстер для драмы И. Анненского «Фамира-кифаред». 1916

В книге мы видим работы русских художников в известных и неизвестных драматических, оперных, балетных спектаклях в СССР и за рубежом, в театре-кабаре Никиты Балиева или Якова Южного, в кино, кукольном театре и цирке, в плакатах и текстиле.

[29] Несколько десятилетий назад Никита Дмитриевич стремился учиться понимать техники искусства у всех, кто был рядом, – по книгам Сергея Константиновича Маковского, по программкам и афишам, ловил замечания родственников и соратников приобретаемых художников, внимательно слушал антикваров, коллекционеров и искусствоведов, которые специализировались на искусстве Серебряного века. А теперь мы можем сказать: он обладает весом искусствоведа Серебряного века. Что было однозначно отмечено Российской академией художеств, которая избрала его в 2015 г. своим почётным членом.

Мы несколько раз повторили слово «наглядность», и не даром. Это главный принцип книги – чёткая изобразительная репрезентация того, о чём говорится в текстах. Мы надеемся, что книге предстоит долгая жизнь. А герой книги, Никита Дмитриевич, в 90 лет бодр, подтянут, элегантен и устремлён в будущее и уже задумал новые проекты – как заинтересованные читатели, мы ждём их литературной реализации.



Н. Д. Лобанов-Ростовский
на фоне плаката Льва Бакста
«Кариатида», 2008

Ольга Блюмина



Ольга Валентиновна Блюмина – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии и психологии МФЮА. olya00700@mail.ru

Ссылки на публикации очерка: <https://dmitry-yudkin.ru/post/na-predovoj-russkogo-mira>; <https://svpressa.ru/society/article/114264/>

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЕ СЛОВО В ЖУРНАЛИСТИКЕ АЛЕКСЕЯ ПОЛУБОТЫ

(на примере очерка «На передовой Русского мира»)

Начало русской журналистике было положено художественным словом.

Фактически появление журналистики в полном смысле связано с профессионализацией литературного дела, и возникновение новых толстых журналов было явлением литературы и журналистики одновременно. Это объясняется тем, что художественная литература возникла раньше журналистики, и, соответственно, русская журналистика зародилась в лоне литературного процесса.

Наши первые журналисты были одновременно литераторами не только в плане деятельности, но и в плане мировоззрения.

Начиная с Н. А. Полевого, который, не будучи слишком даровитым писателем, тем не менее, как говорил В. Г. Белинский, «владел тайною журнального дела, был одарён для него страшною способностью»¹. Его «московский телеграф» «образовал новое направление в словесности и литературе» (П. В. Анненков)².

Журналистика в начале 20-х годов XIX века рассматривала себя саму не иначе как «сближение литературы с жизнью»³.

Тот же Полевой, хотя и говорил, что «писатели созданы для читателей», главной своей задачей считал всё-таки «регулирование вкусов своего заказчика»⁴, «он пытался его литературно воспитывать»⁵.

В 1827 году первый номер журнала «Московский вестник» открывался портретом Гёте и сценой из «Бориса Годунова» А. С. Пушкина.

В статье «Обозрение обозрений», написанной в 1831 году, Пушкин писал: «По причине великого конкурса невежество или посредственность не может овладеть монополией журналов, человек без истинного дарования не выдержит Гегелева (испытания) издания»⁶. Внимание Пушкина к редактированию рукописей, поступавших в «Современник», очень показательно. «Мастерство Пушкина-журналиста и редактора оказало влияние на последующие поколения русских публицистов: Белинского, Некрасова и других»⁷.

В целом успешное соотношение публицистического и художественного в рамках творчества журналиста – явление нередкое: Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, М. Горький. Взаимодействие это может реализовываться во влиянии литературного опыта, предшествующего опыту журналистскому, и – наоборот.

Дискуссии о взаимовлиянии методов журналистики и литературы весьма актуальны в современном научном мире.

¹ Белинский В. Г. Литературные мечтания // Полн. собр. соч.: в 13 т. – Т. 1. С. 20–104.

² Майданюк П. А. История отечественной журналистики XVIII – начала XX века: Курс лекций. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 62.

³ Киреевский И. Обозрение русской словесности 1830 г. // Альманах «Денница» на 1831 г.

⁴ Майданюк П. А. Указ. соч. С. 64.

⁵ Там же. С. 64.

⁶ Там же. С. 80.

⁷ Там же. С. 95.

Следует отметить, что «в современных научных изысканиях писатели-журналисты не рассматриваются как исключительный субъект профессиональной медиасферы»¹. Журналистская деятельность писателя рассматривается в основном не как особенность деятеля, формирующего и трансформирующего медиaprостранство, но как одна из ипостасей творческой личности автора. Но, на мой взгляд, именно такая постановка вопроса отвлекает нас от некоторых проблем, связанных с жизнью современного публицистического слова.

Изначальная литературоцентричность русской журналистики приводила к тому, что в публицистические тексты писателей-журналистов входили литературные особенности. И связано это было в первую очередь с журналистикой мнения, а не с журналистикой факта².

Установка на узнаваемость и на более эффективное и соответствующее авторским интенциям восприятие информации со временем привела к возникновению журналистских штампов и клише. Это становится одним из приёмов воздействия на адресата: «соединение стандарта и экспрессии»³.

Другое дело, что «зазоры» между этими клише подчас становятся всё уже, а заполняемость этих «зазоров» — всё менее выразительна и глубока.

Установка на интеллектуализацию сообщения соседствует с потерей его смысловой глубины. Апелляция только к эмоциональной сфере человеческой личности (когда остаётся только аристотелевский пафос) упраздняет духовный труд читателя. Можно сопоставить это с мнением Юрия Лотмана, который считал, что чтение «Евгения Онегина» требует от читателя определённого кругозора. Для полного понимания произведения необходимо расшифровать намёки, обнаружить скрытые цитаты и реминисценции, знать реалии быта и чувствовать стилистическую игру автора.

В конце XX века журналистика усложняется, интеллектуализируется и диверсифицируется, всё дальше отходя от художественного первичного её начала.

Слово в современной журналистике всё больше утрачивает связи с глубинным своим собратом — словом художественным. Особенно это заметно в жанрах, занимающих пограничное положение между литературными и собственно журналистскими, так называемыми художественно-публицистическими жанрами: очерк, рецензия, литературно-критическая статья, зарисовка, фельетон, памфлет.

По своей природе они являются жанрами аналитическими, но в них объект анализа (человек, событие, проблема) представлен в виде образа. Эти жанры требуют высокого уровня речевого профессионализма, речевого мастерства даже.

То, как на чистоту жанра влияет характер содержания, общая позиция издания, авторская позиция и т. д. — это всем известно. Но на сам характер произведения в не меньшей степени влияет и собственно писательский опыт (если автор писатель), его индивидуальные находки в области стиля, технике изложения и механизмах постижения глубинных проблем бытия, которые уже обусловлены не только работой мысли, но и работой творческого духа.

Неповторимость и индивидуальность публицистического языка журналиста Алексея Полуботы, безусловно, обусловлена неразрывным взаимодействием между словом писателя и словом публициста, соседство которых не ущемляет прав друг друга, а создаёт самобытную журналистику с узнаваемым, оригинальным стилем.

При этом журналистские «крючки» Алексей, как профессионал, использует в организации текстового материала. Однако это не «высушивает» материал, напротив, использование публицистических штампов имеет ту меру, которую можно назвать «золотой серединой». Не затмевая воздействующего звучания и не перекрывая художественную силу и выразительность. И за счёт того, что в лице Алексея Полуботы талантливый писатель не «пасует» перед журналистом, перед читателем возникает написанный в неповторимой авторской манере текст, по объёму заключённой в нём имплицитной информации равный художественному (он такой и есть, жанровая неразличимость в текстах Алексея Полуботы отчётливо видна).

¹ Крылова Н. В. Информационно-публицистическая и редакторская деятельность писателей-журналистов в современных медиареалиях (на примере творчества Захара Прилепина и Юрия Полякова): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.10 «Журналистика». М., 2020. С. 3.

² Гордеева Е. Ю. Вопросы взаимовлияния художественной литературы и журналистики в вузовской подготовке журналистов: из опыта преподавания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-vzaimovliyaniya-hudozhestvennoy-literatury-i-zhurnalistiki-v-vuzovskoy-podgotovke-zhurnalistov-iz-opyta-prepodavaniya/viewer> (дата обращения: 09.12.2024)

³ Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.

Ещё одно несомненное достоинство публицистического текста Алексея Полуботы в том, что в нём нет небрежностей, стилистических «просадок», механистичности соединений частей. Конечно, всё это обусловлено в первую очередь талантом, но также и тандемом «писатель – журналист», который был так естественен для нашей журналистики начала века.

Публицистическая деятельность Алексея Полуботы многообразна по тематике и чрезвычайно обширна по диапазону. Охватить всю её, тем более в системном виде, в рамках одной статьи не представляется возможным. Поэтому остановимся на одном его эссе, репрезентирующем творческую манеру писателя-журналиста.

Публицистика Алексея Полуботы аналитична по своей сути, содержание и форма в ней связаны не только общей мыслью, но и единым представлением автора о возможностях познания действительности. Возможности эти являют собой давно сложившийся творческий метод писателя, во всей полноте неповторимости стиля, художественной манеры выражения. Писатель-журналист опирается в своей работе на личностный компонент, на субъективность концептуального видения в соединении с нравственными установками и потребностями автора, будучи относительно свободным от воли редактора / владельца или политики издания. Именно такие качества позволяют ему активно вмешиваться в формирование медиaproстранства, «трансформирующего посредством своей работы медиареальность»¹.

Общение автора с читателем начинается с заголовка: часто именно заголовок определяет, захочет ли читатель прочитать весь текст. Этим объясняется повышенная экспрессивность, эмоциональность, яркость, «загадочность двусмысленности» многих заголовков в прессе. В современных СМИ редко можно встретить заголовки чисто информативные. Как правило, в них присутствует субъективная оценка тех или иных событий, положенных в основу содержания текста. Нередко заголовки представляют собой прецедентные феномены, часто трансформированные для усиления воздействия на читателя.

В рассматриваемом очерке «На передовой Русского мира. Памяти русского православного ополченца» Алексей, несмотря на экономность материала, не оставляет заголовок «подвешенным в воздухе» или связанным с содержанием формально, как это часто бывает в журналистике, когда заголовок выполняет роль броского призыва к прочтению и ничего более. Сама неторопливость двухкомпонентного названия подводит нас к неслучайному разговору в очерке. С самого его начала тянется смысловая нить между названием и содержанием. Смысл названия плавно продлевается в тексте статьи, мягко расширяя и увеличивая его объём, – «на передовой Русского мира (памяти русского православного ополченца)». Идеологическим маркером здесь является два определения героя – «православный ополченец».

Текст статьи начинается вдруг, без предисловий: *Погиб ополченец Андрей Черноморский*. Определение *ополченец* в первой же строке не позволяет читателю отвлечься от основной мысли, заданной в заголовке. И в следующей строке *под ставшим роковым для тысяч людей Дебальцево* автор сразу соединил судьбу воина Андрея с судьбой тысяч людей в Дебальцево (с судьбой его народа). Следующие два фрагмента строятся на антитезе, которая продолжает характеристику героя в ценностном поле «православный воин», автор противопоставляет свой испуг человека, только что приехавшего в Луганск, от звука близкого выстрела с непоказным спокойствием героя очерка: *Андрей посмотрел на меня спокойно и ясно, Во взгляде его читалась не показная готовность к смерти в любой момент. Он был православный человек*. Автор подчёркивает действительность этого чувства простым аргументом: *он был православный человек*. Дальше по тексту Андрей размышляет о христианстве, которое не должно быть покорным, когда совершается несправедливость: *Он настаивал на том, что православие – это не религия слабых и покорных. Наоборот, утверждал он, православные должны отстаивать свою веру, в том числе и с оружием в руках, и не спешить подставлять щёки врагам*. Образ «православный воин» доведён до конца. И самостоятельность оценок о таком сложном понятии, как христианство, только подчёркивает реалистичность портрета и целостность мировоззрения героя очерка.

Во втором абзаце, когда автор очерка описывает своё состояние при первых обстрелах в своей жизни (*кто ещё не привык к миномётным обстрелам*), возникает образ холодного несущего смерть металла: *на улице Луганска я невольно вздрогнул, услышав резкий визг тормозов. Принял их за визг*

¹ Крылова Н. В. Указ. соч. С. 20.

налетающей мины; *И вот, спустя полгода, визжащая миной смерть нашла его.* Образ визжащего металла, представленный сквозным художественным повтором, – безусловно, литературная особенность очерка. Яркая изобразительная деталь, сообщающая законченность мысли и эмоциональную завершенность оценке события.

Портрет Андрея не представляет собой непрерывную линию, изображение переплетается с размышлениями автора о войне, о судьбе, о справедливости, о чувстве долга, об исторической судьбе России с фрагментами интервью, которое Андрей давал в перерыве между выездами на боевые задания и миномётными обстрелами.

Эти способы повествования даже не переплетаются, а как бы вытекают один из другого, сменяя друг друга по принципу законов скорее эстетических, чем каких-либо других, что сообщает динамичность повествованию и углубляет его.

Первое знакомство военкора и Андрея Черноморского состоялось в важный и радостный для последнего день: *Как раз в тот июльский день, когда я оказался в полуокружённом украинскими карателями Луганске, у Андрея родилась дочка. Это был третий его ребёнок. Сегодня семейных мужчин, тем более многодетных, принято отговаривать от такого рискованного дела, как участие в войне: семья, дети...*

Ничего не бывает случайного в глазах рассказчика, никакая мелочь не ускользает от него, обретаясь незаменимым компонентом в осознании реальности, понимаемой одной из невидимых первопричин происходящего.

Дальше авторская мысль выражена таким образом, что звучит как мнение очеркиста и героя очерка одновременно. *Да, семья, дети. Но кому же, как не отцам, защищать своих детей, в том числе с оружием в руках, от тех, кто хочет заставить их забыть свой язык, историю, сделать врагами своих предков?* И дальше в тексте мы убеждаемся, что это именно так. Совпадение. Значит, герой очерка выбран не произвольно. Это именно тот человек, о котором хотел рассказать автор.

Близость автора к герою очерка реализуется в оппозиции «свои – чужие». Причём оппозиция эта последовательно выражена только положительным компонентом «свои»: *Если сложить всё время, когда я видел его, общался с ним, не наберётся, наверно, и дня. И всё же его гибель я воспринял как гибель близкого человека. Так бывает, что люди с первых минут общения понимают, что они свои.* И в конце: *Одним своим человеком на земле стало меньше.*

«Хороший журналист крайне редко использует в своих текстах клише и штампы, а если и использует, то подвергает их трансформации»¹, В первую очередь это характеризует писателей-журналистов. Добавлю: писатель-журналист умеет высвободить выразительные возможности, заложенные в языке.

В этом очерке почти нет журналистских штампов, кроме того, что соблюдена структурная схема очерка.

Воспоминания об Андрее вводятся по принципу врезки. Редкие, но не забываемые встречи с ним. До тех пор, пока *визжащая миной смерть нашла его.*

Даже эпитеты, которые характеризуют события 2014 года в Донбассе, несмотря на их публицистичность, нетривиальны и прямо выражают авторскую оценку того или иного явления: *антибандеровское восстание в Луганске*, или риторический эмоциональный вопрос, завершающийся градацией: *Но кому же, как не отцам, защищать своих детей, в том числе с оружием в руках от тех, кто хочет заставить их забыть свой язык, историю, сделать врагами своих предков?*

Сленговое *колонны укров* в 2014 году, когда писался очерк, было ещё не так широко распространено, как сейчас. У Алексея это словечко звучит скорее как характеристика отношения автора и героя к объекту номинации, а не как уничижительное наименование врага. Потому что в этом же абзаце, продолжая мысль, от имени Андрея Черноморского, автор называет насильно пригнанных на войну против Донбасса украинских солдат «солдатиками», себя же при этом «ватником». Это лексика момента, вполне формирующая картину данного отрезка реальности.

Прослеживая, как менялось настроение Андрея Черноморского, который в 2014 году ждал окончания войны, Алексей пишет: «В интонации его голоса в эти дни чувствовалась **тихая светлая гордость** человека, который, не побоявшись опасности, отстоял свою правду, сделал **большое ратное дело**».

¹ Серпикова М. Б. Язык и стиль СМИ: курс лекций. М.: РУТ (МИИТ), 2017. С. 60.

Тихая светлая гордость человека, который сделал большое ратное дело, – такие определения выделяют две важные грани личности героя очерка, проницательно угаданные автором, наверное, потому, что и сам он считал эти черты основополагающими в человеке: его православный стержень и беззаветную преданность отчизне, скромность и боевой неугасимый дух, жаждущий справедливости.

И совсем не журналистская концовка – *Одним своим человеком на земле стало меньше; он говорил, что, если понадобится... защищать ценности русского православного мира с автоматом в руках, – он готов. И вот теперь на помощь эту рассчитывать нельзя.*

Обе завершающие эссе мысли развивают мотивы, заложенные в самом начале рассказа: *Так бывает, что люди с первых минут общения понимают, что они свои.*

Пример Алексея Полуботы показывает, что не только эссеисты и колумнисты стали последним прибежищем литературного слова в журналистике. Работая в самых разных СМИ: газета «Труд», «Литературная газета», «Свободная пресса», «Федеральное агентство новостей», «ФедералПресс», «Трибуна ВПК», поэт и писатель Алексей Полубота приобрёл колоссальный журналистский опыт, при этом в его творчестве именно публицистическое слово испытывало на себе воздействие слова художественного, а не наоборот.

Писатели-журналисты занимают особое место в современном медиапространстве, поскольку именно их тексты обнаруживают «смещение документального и художественного дискурса...»¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдони́на Н. С., Фокина И. А. Принципы и жанровое разнообразие литературного журнализма // Вопросы теории и практики журналистики. 2017. Т. 6, № 4. С. 528–540.

Гордеева Е. Ю. Вопросы взаимовлияния художественной литературы и журналистики в вузовской подготовке журналистов: из опыта преподавания. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-vzaimovliyaniya-hudozhestvennoy-literatury-i-zhurnalistiki-v-vuzovskoy-podgotovke-zhurnalistov-iz-opyta-prepodavaniya/viewer> (дата обращения: 09.12.2024).

Киреевский И. Обзорение русской словесности 1830 г. // Альманах «Денница» на 1831 г.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999.

Крылова Н. В. Информационно-публицистическая и редакторская деятельность писателей-журналистов в современных медиареалиях (на примере творчества Захара Прилепина и Юрия Полякова): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.10 «Журналистика». М., 2020.

Майданюк П. А. История отечественной журналистики XVIII – начала XX века: Курс лекций. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003. С. 168.

Орлова Е. И. Литература, журналистика, филология: поле взаимодействия // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. 2012. № 5. С. 77–85.

Полубота А. В. На передовой русского мира. URL: <https://dmitry-yudkin.ru/post/na-peredovoj-russkog> (дата обращения: 09.12.2024).

Рыбинская Н. В. Н. А. Тэффи – публицист газеты «Последние новости» (1920–1940): дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.

Серпикова М. Б. Язык и стиль СМИ: курс лекций. М.: РУТ (МИИТ), 2017.

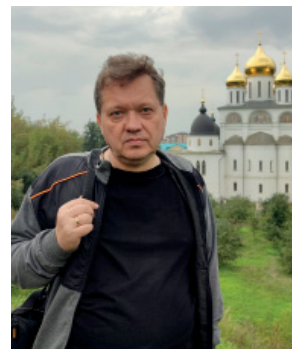
Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002.

¹ Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века): научное издание. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. С. 88.

Берега прочтения

Владимир Карагодин

Владимир Карагодин – историк, писатель, поэт. Лауреат премии «Золотое перо Руси» за серию книг о святынях Православия и подвижниках благочестия, а также литературно-исторической премии Союза писателей России «Росс Непобедимый» за книгу о Донецком старце схииерхимандрите Зосиме «Пророк Непокорённого Донбасса».



В ЛАБИРИНТАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО «Я»

Отзыв на книгу Николая Бурляева «Близнецы» – 2025

Когда древнегреческого философа Сократа ученики спросили:

– В чём суть философии?

То есть любви к мудрости, к познанию истины, то основоположник философской науки дал им краткий и неожиданный ответ:

– Суть философии в размышлении о смерти...

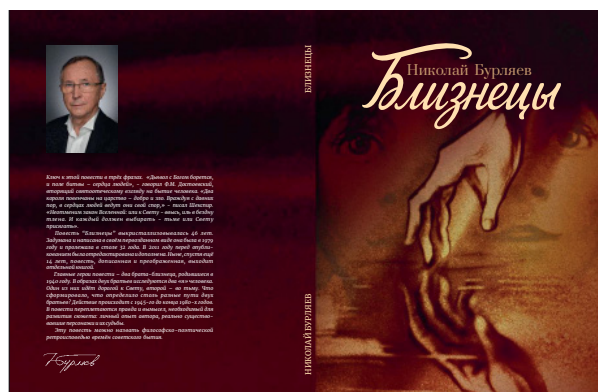
Потому что именно смерть является мерой человеческой жизни, неподкупным судьёй его поступков и мыслей. Именно смерть как окончание физической жизни ставит перед человеческой мыслью главные вопросы бытия, которые граничат между эмпирическим опытом и областью веры, то есть религиозным опытом титанов духа и простых обычных людей – наших близких и родных.

Именно с этой главной точки в системе координат человеческой жизни и начинается повесть Николая Бурляева «Близнецы». Главному герою неожиданно ставят диагноз-приговор... Неизлечимая болезнь вдруг прерывает обычный ход его жизни и заставляет оглянуться на пройденный путь...

Разве это не типичный случай, который сплошь и рядом встречается в нашей жизни? Разве это не наша личная история? Уверен, что каждый может вспомнить аналогичные случаи из своего личного опыта – с родными, друзьями, коллегами... Поэтому и всё следующее повествование воспринимается особо остро, как нечто знакомое и пережитое.

Уже в постановке темы «Близнецы» прослеживается её главная проблематика, а именно: природа и свобода воли, гены человека и его воспитание, социальная среда и воздействие культуры на личность. И необходимо подчеркнуть, что главный вопрос темы биологических близнецов в современной науке и культуре не разрешён и до сего дня, являясь вызовом лучшим умам человечества: почему и как с идентичного генетического материала формируются совершенно разные по культурным качествам индивиды? Ответ на этот вопрос лежит на поверхности, однако многие учёные-эмпирики до сих пор боятся себе в этом признаться: потому что главное в человеке – это не тело, не его генетические способности, а душа, которая развивается и формируется совершенно по другим законам.

Вот поэтому название книги Николая Бурляева «Близнецы» уже в некотором роде является метафорой, символом его антропологических воззрений, что особо ярко подчёркивают иллюстрации к повести: зеркальное отражение в воде – как встреча двух миров: реального и иллюзорного... Но какой из этих миров истинный – не так просто разобраться, как это кажется с первого взгляда. Особенно, если каждый из миров живёт своей собственной жизнью.



Итак, главный герой перед лицом неминуемой смерти начинает вспоминать прожитую жизнь... Иногда он проваливается в сон от усталости, поэтому картины из страниц памяти порой чудно перемешиваются с сонными наваждениями. И тогда вся прожитая жизнь представляется ему как один длинный сон...

Реминисценция к любимой теме барочной литературы XVII века – жизнь как сон (наиболее известна пьеса испанского драматурга Пэдро Кальдерона с одноимённым названием).

А поскольку в картинах памяти главного героя его постоянно сопровождает или даже преследует брат-близнец, как его тень, как его второе «Я», – то невольно возникают ассоциации с романом Оскара Уайльда «Портрет Дориана Грея». Усиливает этот эффект тот художественный приём, что в повести не называются имена ни главного героя, ни его брата-близнеца, что даёт основания воспринимать все эти фантазмагии угасающего сознания как разные фантомы одной и той же личности.

Хотя по художественным особенностям перед нами один из видов классического жанра «исповедь», который хорошо известен читателю по сочинению блаженного Авгусина, но по развитию сюжетной линии, по глубине психологического самопознания и анализа внутренних миров персонажей повести можно указать методологическое сходство природы воспоминаний главного героя с «Дневником невротической личности» Карен Хорни и другими представителями психоанализа. К слову, многие исследователи указывали на методологическое сходство приёмов и техник психоанализа с таинством исповеди в святоотеческой традиции.

История жизни главного героя повести, несмотря на свою неординарность, всё же типична, как это ни странно, для психологов и журналистов начала 90-х годов, когда эта тема была особенно популярна – Ребёнок-вундеркинд, с гениальными творческими способностями... Почему из таких незаурядных детей так редко вырастают настоящие мастера своего дела, а тем более – гении? Анализ Николая Бурляева даёт ответ на эту проблему современной педагогики и психологии. Если сказать кратко, то лучшее объяснение мы находим у выдающегося проповедника нашего времени отца Дмитрия Смирнова: «Гордость делает человека дураком». То есть чрезмерная похвала, превозношение своими способностями и завышенный уровень ожиданий в конечном итоге приводят к неминуемой деградации личности. И вот этот процесс сначала нравственной, а потом интеллектуальной и физической деградации личности главного героя, которого все в детстве превозносили как новоявленного гения, и анализирует в своей повести Николай Бурляев.

А вот окончание этой грустной, даже трагической истории, как психологический портрет нашего времени, совсем не обычный и не стандартный, хотя нельзя сказать, что не типичный. Главный герой повести, который всю свою жизнь ненавидел своего позитивного и правильного брата-близнеца, овеванный духом тех светлых личностей, которые встречались на его жизненном пути, вдруг неожиданно шепчет про себя слова кратенькой молитвы, которую он услышал то ли от своей верующей бабушки, то ли от профессора-хирурга с большим любящим сердцем дяди Бори, то ли от своей матери Марии, которая, пережив опыт клинической смерти, поражала всех окружающих прозорливостью, переходящей порой в ясновидение. И вот эта кратенькая молитва, которую неожиданно в конце своей жизни как высшую мудрость обрёл главный герой повести, является вершиной умного делания всех аскетов и подвижников:

«Господи, помилуй мя, грешного...»

Стоп-кадр! Чтобы стяжать эту молитву, многие монахи проводили свою жизнь во всевозможных подвигах и лишениях... И что оказывается? Эта кратенькая молитва, как сокрушение и смирение сердца человеческого, что ценнее всего в глазах Божиих, вдруг ставит знак равенства между жизнью горького пропойцы-блудника и строгого аскета-подвижника...

Поэтому и оживает лик Богородицы на простой бумажной иконе, которую подарила умирающему медсестра, и протягивает Царица Небесная руку Божественной помощи... Что дальше? Жизнь вечная в Царствии Небесном, где все кающиеся грешники упокоиваются вместе со святыми? Или чудо личного Преображения и новые, уже светлые страницы жизни главного героя?

Как у разбойника Опы, который, испив до дна чашу падения человеческого, нашёл в себе силы и мужество покаяться в своей прошлой жизни и основал знаменитую Оптину Пустынь – духовный центр Русского мира...

Александр Сидоров

Александр Сидоров – родился в 1949 году в Петрозаводске Карельской АССР в семье служащих. В 1970 году окончил Петрозаводское медицинское училище (фельдшерское отделение) и до 1976 года работал фельдшером. С 1981 по 1983 год находился на военной службе в составе ограниченного контингента советских войск в Демократической Республике Афганистан. В 1987 году окончил Петрозаводский государственный университет имени О. В. Куусинена (специализация биология и химия). Стихи начал писать с 14 лет. Печатался в «Литературной газете», в журналах «Юность» и «Австралиада» (Австралия). Сотрудничал с журналом «Жемчужина» (Австралия). Проживает в Австралии. Член ЛИТО города Фрязино (Московская область), «Жемчужное Слово» (Австралия). Автор пяти книг на русском языке: «Библейские мотивы», «Колокол моей жизни» (сборник стихов), «Литературные портреты», «В. Г. Белинский», «Встречался ли Достоевский с Гоголем?..»; автор более 140 статей по истории русской литературы XIX века. Член Союза писателей России с сентября 2014 года. С марта 2020 года член Интернационального Союза писателей, драматургов и журналистов. Народный писатель России, почётный писатель Москвы. Президент Международной академии русской словесности в Австралии (МАРС – Австралия). Председатель Австралийского отделения Союза писателей России (АО СПР) с февраля 2023 года.



«ВСТРЕЧАЛСЯ ЛИ ДОСТОЕВСКИЙ С ГОГОЛЕМ?»

Известно, что после окончания словесного отделения Московского университета в 1834 году, после кратковременной службы секретарем симбирского губернатора, Н. А. Гончаров в мае 1835 года приехал в Петербург и подал прошение об определении на службу в Департамент внешней торговли Министерства финансов. Летом 1835 года старший сослуживец Гончарова, В. А. Солоницын, ввёл Гончарова в дом Н. А. и Е. П. Майковых. Тот факт, что Гончаров в Московском университете слушал лекции выдающихся профессоров – М. Каченовского, Н. Надеждина, С. Шевырева, И. Давыдова, М. Погодина, С. Ивашковского, И. Снегирёва и пр., – подняло высоко его престиж в глазах Майковых. Они всегда почитали питомцев Московского университета, где учился и занимавшийся воспитанием детей Майковых их друг, Владимир Андреевич Солоницын. Импонировало Майковым и отличное знание Гончаровым иностранных языков. Майковы пригласили Гончарова преподавать их сыновьям – Аполлону и Валерьяну – русскую литературу, эстетику и латинский язык. Гончаров способствовал эстетическому развитию Аполлона и Валерьяна Майковых и, бесспорно, очень повлиял на их литературные вкусы. Почти ежедневно Гончаров посещал литературный кружок Майковых и здесь познакомился со многими литераторами: В. Бенедиктовым, И. Панаевым, С. Дудышкиным, А. Заблочкиным-Десятовским, А. Старчевским, М. и Е. Языковыми, Ю. Ефремовой и Е. Толстой. Кружок часто посещали И. Тургенев, Д. Григорович, Н. Некрасов, Я. Полонский, семья архитектора А. Штакеншнейдера и, конечно, с 1846 года Фёдор Михайлович Достоевский. Были вхожи в кружок Майковых и П. Анненков, К. Кавелин, А. Комаров, И. Маслов, В. Боткин, А. Герцен, Н. Огарев и многие другие литераторы. Было бы по меньшей мере странным и маловероятным, чтобы Гончаров, посещавший почти каждый день Майковых, участвовавший во всех литературных собраниях, помещавший в рукописном журнале кружка «Подснежник» свои произведения и читавший там же отрывки из своего романа «Обыкновенная история», не познакомился с Достоевским.

В начале 1846 года Н. А. Некрасов взял рукопись первой части гончаровской «Обыкновенной истории» и передал её В. Г. Белинскому. В марте того же года состоялось знакомство Гончарова

со знаменитым критиком, в середине апреля несколько вечеров подряд Гончаров читал в кружке Белинского первую часть «Обыкновенной истории». И. Панаев писал о впечатлении, произведённом чтением Гончарова на Белинского: «Белинский всё с более и более возрастающим участием и любопытством слушал чтение Гончарова и по временам привскакивал на своём стуле с сверкающими глазами в тех местах, которые ему особенно понравились... Белинский был в восторге от нового таланта, выступавшего так блистательно...»

И. А. Гончаров стал членом кружка Белинского, куда входили Ф. М. Достоевский, П. Анненков, К. Кавелин, И. Панаев, А. Комаров, М. Языков, И. Маслов, Н. Некрасов, И. Тургенев, Д. Григорovich, посещали В. Боткин, А. Герцен, Н. Огарёв и другие. Гончаров сам потом вспоминал, что он часто посещал Белинского, и каждый раз при встрече с Белинским последний «осыпал меня горячими похвалами». Вскоре «Обыкновенная история» появилась в «Современнике» № 3, 1847 года. А ведь это было и время наибольшего упоения славой и признания таланта Достоевского как самим Белинским, так и его окружением. Об этом Ф. М. Достоевский писал брату Михаилу в письме от 1 апреля 1846 года: «Слава моя достигла до апогея. В 2 месяца обо мне, по моему счёту, было говорено около 35 раз в различных изданиях. В иных хвала до небес... Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечателен Герцен (Искандер) и Гончаров. 1-й печатался, второй начинающий и не печатавшийся нигде. Их ужасно хвалят. Первенство остаётся за мною покамест и надеюсь, что навсегда. Вообще никогда так не закипала литература, как теперь. Это к лучшему».

Ободрённые успехом и признанием Белинского и его кружка, молодые Ф. Достоевский и И. Гончаров с головой бросились в водоворот литературной жизни. Обоим заказывают произведения для задуманного альманаха Белинского «Левиафан», а позже для сборника Некрасова «Иллюстрированный альманах». Для Гончарова это был «медовый месяц» литературного успеха, а у Достоевского, хотя уже и омрачённый критикой «Двойника», но всё же ещё неокончившийся дуэт с Белинским, который начался после ошеломляющего успеха «Бедных людей». Оба они – Гончаров и Достоевский – были в это время завсегдатаями кружка Белинского и не могли не встретиться и не познакомиться там, особенно при наличии взаимного интереса одного к другому как писателей, претендующих на первенство. Оба они были полны неограниченного самолюбия и честолюбия. Ф. Достоевский сам об этом пишет в вышеупомянутом письме брату Михаилу.

О Гончарове И. Панаев писал И. С. Тургеневу: «И. А. Гончаров сияет, читая свои корректуры, и дрожит от восторга, стараясь в то же время прикинуться равнодушным».

Встречаясь в кружке Белинского (кстати, могли они ещё встретиться и в кружке Бекетовых) и в доме Майковых, Гончаров и Достоевский, однако, не сошлись характерами и воззрениями. Они были совершенно разными людьми. Сдержанный и рассудительный Гончаров, не в пример пламенному И. Тургеневу, обходил возникшие в кружке Белинского недоразумения с Достоевским, в подсмеивании над молодым писателем не участвовал, действий Некрасова и Тургенева не разделял. Ф. М. Достоевский не имел основания как-либо сетовать на него. Гончарова, как художника, Достоевский всегда ставил высоко.

Анна Григорьевна высказывалась об этом в своих «Воспоминаниях»:

«В знаменитом романисте Гончарове Фёдор Михайлович не только ценил его большой ум... но высоко ставил его талант, искренне любил его и называл своим любимейшим писателем» (Достоевская А. Г. Воспоминания. М., 1971, с. 401).

О личности же Гончарова Достоевский был другого мнения. Ему не нравились черты немецкой аккуратности и бесстрастие Гончарова, его сдержанность в литературных и социальных спорах, навыки почтительного чиновника, выработанные годами чиновничьей службы. В письме к А. Е. Врангелю из Семипалатинска от 9 ноября 1856 года Достоевский вспоминал внешность Гончарова и дал такое описание её: «Так Вы познакомились с Гончаровым? Как он Вам понравился? Джентльмен из “Соединённого Общества”, где он членом, с душою чиновника без идей, и с глазами вареной рыбы, которого Бог, будто на смех, одарил блестящим талантом» (Достоевский Ф. М. Письма, т. 1, с. 199).

Таким запомнился Гончаров Достоевскому. Но помнил Достоевского и Гончаров. Едва Ф. М. Достоевский возвратился из Сибири в июле 1859 года и определился на жительство в Твери, как А. Н. Плещеев известил его письмом от 4 августа, что Некрасов и Панаев проявили большое

участие в судьбе Достоевского и выразили своё согласие послать ему денег в качестве гонорара за будущее произведение, не связывая его какими-либо сроками. И тут же Плещеев сообщил, что и «...Гончаров осведомлялся о вас также. Он цензор и преподаёт наследнику русскую словесность» (Гроссман Л. Жизнь и труды Достоевского. М.-Л.: Академия, 1935, с. 92).

Трудно приписать человеку, вхожему в царскую семью и занимающему пост цензора, такой интерес к незнакомому человеку, вчерашнему политическому ссыльному. Скорее, поручение Гончарова, переданное Плещеевым, осведомляющее Достоевского о памяти о нём, свидетельствует об их давнем знакомстве и об искренней радости по поводу возвращения из забвения того, с кем он делил радости литературных успехов молодых лет.

Дальнейшим подтверждением того, что Гончаров и Достоевский были знакомы и до 1861 года, может явиться и тот широко известный факт, что оба они участвовали в любительском спектакле «Ревизор» Гоголя в пользу Литературного фонда, состоявшемся в зале Руадзе 14 апреля 1860 года. Известно, что Ф. М. Достоевский исполнял роль почтмейстера, а Гончаров вместе с И. С. Тургеневым, А. Краевским, А. Дружининым, Д. Григоровичем, Н. А. Некрасовым, А. Майковым, Ф. Кони и В. Курочкиным выступил в роли одного из купцов. По воспоминаниям Е. Ф. Юнге, исполняющие роли купцов «вышли на сцену в виде купцов с головами сахара и кульками».

В связи с Гончаровым и Достоевским следует отметить, что Л. Гроссман, сославшийся на заявление А. Г. Достоевской относительно 1861 года, как года предполагаемого знакомства двух писателей, в своей книге 1935 года «Жизнь и труды Достоевского» на с. 107, а в дальнейшем никогда не повторял этого. А такие знатоки творчества Достоевского, как А. Долинин, никогда и не соблазнялись гипотезой 1861 года. Последний, в комментариях к письмам Ф. М. Достоевского, ещё в 1928 году в первом томе допускал, что Фёдор Михайлович мог познакомиться впервые в семье Майковых либо в кружке Белинского, то есть в начале второй половины сороковых годов. Ни одному исследователю литературных отношений 40-х годов XIX века не приходило в голову отодвинуть знакомство Гончарова и Достоевского на 15 лет позже только в силу случайной обмолвки Анны Григорьевны, от которой она и сама позже, по-видимому, отказалась, во всяком случае не повторяла её, считая, очевидно, ошибкой своей памяти.

Не приходится удивляться ошибке памяти о лично не пережитом и не виденном. Ведь вот участники обеда у А. А. Комарова осенью 1848 года уже через несколько лет вспоминали о нём по-разному. А. Я. Панаева (Головачёва) в своих «Воспоминаниях» относит встречу Гоголя с писателем к 1847 году, в то время, когда известно, что Гоголя в Петербурге в том году не было. При этом встреча якобы состоялась в кабинете Панаева с участием Гончарова, Григоровича, Кронеберга, Боткина и Белинского. По словам же А. С. Суворина (см. «Литературное наследство», 1946, № 49–50, М.-Л., с. 204), Некрасов рассказывал о той же встрече с Гоголем, на которой якобы присутствовал сам Белинский, Панаев и Гончаров. «Гоголь и принял нас, как начальник принимает чиновников; у каждого что-нибудь спросил и каждому что-нибудь сказал. Я прочёл ему стихи «К родине». Гоголь выслушал и спросил: «Что же вы дальше будете писать?» – «Что Бог на душу положит». – «Гм», – и больше ничего. Гончаров, помню, обиделся его отзывом об «Обыкновенной истории», – вспоминал Некрасов.

И. И. Панаев в «Литературных воспоминаниях» считал вечер у А. Комарова состоявшимся «года два или три после смерти Белинского», что не соответствует действительности, ибо теперь доподлинно известно, что Гоголь гостил в Петербурге осенью во второй половине сентября и в начале октября 1848 года. Белинский же умер 28 мая того же 1848 года, и тогда же Достоевский высказал свою печаль С. Д. Яновскому словами: «Батенька, великое горе совершилось – Белинский умер».

В три часа ночи того же дня с Достоевским случился сильный припадок падучей.

И. И. Панаев писал свои воспоминания в 1860–1861 годах, через много лет после описываемых событий литературной жизни, и вполне понятно, что в них имеются неточности в хронологии. Впервые воспоминания были опубликованы в «Современнике» в 1861 году. Отдельным изданием вышли в 1876 году.

Наиболее полное и выверенное по рукописи издание вышло в 1950 году под редакцией И. Ямпольского. На сегодняшний день эти воспоминания являются самыми достоверными сведениями о том вечере у А. Комарова, где состоялась встреча Ф. М. Достоевского с Н. В. Гоголем. Панаев уточнил список присутствовавших приглашённых писателей, назвав «между прочим» Гончарова,

Григоровича, Некрасова, Дружинина и себя. Не был назван Ф. Достоевский и даже П. Анненков, который оставил о своём присутствии на том обеде свидетельство в своих «Литературных воспоминаниях», но ошибочно датирует его 1849 годом: «Он (Гоголь. – В. С.) также продолжал думать, что по отсутствию выдержки в русских характерах преследование печати и жизни не может долго длиться, и советовал литераторам и труженикам всякого рода пользоваться этим временем для тихого приготовления серьёзных работ ко времени облегчения. Эту же мысль развивал он при мне в 1849 году на вечере у Александра Комарова» (Анненков П. Литературные воспоминания. М.: ГИХЛ, 1960, с. 545).

И. И. Панаев назвал главных, с его точки зрения, участников, оставив возможность дополнить список всех участников оговоркой: «между прочим».

Почему Ф. М. Достоевский не удостоился быть перечисленным здесь и попасть в число избранных Гоголем для индивидуальной беседы в отдельной комнате, станет ясным, если мы обратимся к самому Гоголю и выясним его отношение к молодому писателю. Начнём, пожалуй, с более отдалённого. Н. В. Гоголь уже давно был знаком с Виельгорскими. Ещё в 1839 году он ухаживал в Риме за умирающим графом Иосифом Михайловичем Виельгорским. В 1843 году Гоголь живёт у Виельгорских и проводит время с Анной Михайловной, дочерью Михаила Юрьевича и Луизы Карловны Виельгорских. В 1844 году Н. В. Гоголь в Ницце и на морских купаньях в Остенде также с Виельгорскими. За ними он следует в Париж в 1845 году. Молодая, блистательная, но в то же время задушевная в беседах с Гоголем, который был старше её на 14 лет, Анна Михайловна Виельгорская всколыхнула сердце закоренелого холостяка и вызвала в нём чувство увлечения, а затем и любви.

С нею Гоголь не только часто виделся, но вёл переписку. Анна Михайловна была польщена вниманием знаменитого писателя и охотно делилась с ним впечатлениями о прочитанных книгах. О серьёзности их отношений, особенно со стороны Гоголя, свидетельствует его предложение, сделанное им через Веневитиновых. Правда, из-за различия социального положения предложение мелкопоместного дворянина Гоголя весной 1850 года было отклонено графиней Виельгорской, и это принесло стареющему писателю много новых огорчений. Но нам теперь важна сама переписка Гоголя с графиней Анной Михайловной. Её мнение о новом писателе Достоевском и высылка текста «Бедных людей» из «Петербургского сборника» позволили Гоголю заблаговременно познакомиться с восходящей литературной звездой. Письмо от 18 марта 1846 года и посылка произведения Достоевского графиней Виельгорской заставило Гоголя заняться чтением «Бедных людей» и высказать о них своё мнение. 14 мая 1846 года из Генуи Гоголь писал Анне Михайловне: «“Бедные люди” я только начал, прочёл страницы три и заглянул в середину, чтобы видеть склад и замашку речи нового писателя...

В авторе “Бедных людей” виден талант, выбор предметов говорит в пользу его качеств душевных, но видно также, что он ещё молод. Много ещё говорливости и мало сосредоточенности в себе: всё бы оказалось гораздо живей и сильнее, если бы было более сжато. Впрочем, я это говорю ещё не прочитавши, а только перелистнувши. У меня так мало теперь читать из современного русского, что я читаю понемногу, в виде лакомства или когда очень придёт трудно и дух в таком болезненно-чёрством состоянии как моё болезненно тяжелеющее на мне тело» (Гоголь Н. В. Собр. соч. в 7 т. Т. 7: Избранные письма. М.: Худ. лит., 1967, с. 298).

Правда, до Виельгорской Гоголю о Достоевском сообщали в своих письмах ещё раньше Языков и Плетнёв, как о наделавшей шум литературной новинке. Но, конечно, услышать ту же новость из уст любимой и уважаемой женщины значило значительно больше и не могло не вызвать живого отклика. Таким образом, Гоголю имя Достоевского уже было известно, когда осенью 1848 года А. А. Комаров обратился к нему с приглашением на обед-встречу с молодыми писателями. К тому времени кроме Достоевского Гоголю могли быть хорошо известны И. А. Гончаров как автор произведений «Обыкновенная история» (1847) и «Иван Савич Поджабрин» (1848), Д. В. Григорович, автор повестей «Деревня» (1846) и «Антон Горемыка» (1848), Н. А. Некрасов с его стихотворениями «В дороге», «Тройка», «Псовая охота», «Еду ли ночью» и др., А. В. Дружинин, автор нашумевшей «Полиньки Сакс» (1847). Намереваясь познакомиться с новыми литераторами, Гоголь, однако, пожелал ограничиться приглашением только избранных, а среди последних удостоил вниманием только Гончарова, Григоровича, Некрасова, Дружинина и Ивана Панаева.

Почему Ф. М. Достоевский оказался в числе приглашённых?

Письмо Гоголя Виельгорской содержит ключ к разгадке: Гоголь считал автора «Бедных людей» «талантом с душою» высоких качеств, способным делать предметом своего изображения темы, достойные внимания художника-гуманиста.

Гоголь пожелал присутствия Ф. М. Достоевского на вечере у Комарова. Но он не стал настаивать на выделении его имени для участия в отдельной аудиенции с особо достойными. Для этого, по мнению Гоголя, Достоевский ещё был слишком молод. В нём якобы было ещё мало «сосредоточенности в себе», которую автор «Выбранных мест из переписки с друзьями» в эти годы особенно ценил и требовал от каждого мыслителя и писателя. Наличие же отмеченной им в письме Виельгорской «говорливости», недостаток «сжатости», а оттого и «живости» и силы, выразительности в новом писателе не способствовало высоте гоголевского мнения об этом начинающем литераторе. Но желание Гоголя видеть среди приглашённых и Достоевского, по-видимому, решило дело, и последний был приглашён. И хотя в воспоминаниях И. Панаева Ф. Достоевский прямо не назван, но зато и не исключён из возможности участия на вечере «между прочими». Произведения же Ф. М. Достоевского, и в особенности «Село Степанчиково», дают богатейший материал для положительного ответа на вопрос: «Встречался ли Достоевский с Гоголем?»

Первым, увидевшим в образе Фомы Опискина в «Селе Степанчикове» Гоголя, был выдающийся литературовед Юрий Тынянов. В работе, опубликованной издательством «Опояз» в 1921 году под названием «Достоевский и Гоголь: К теории пародии» и вошедшей позже в книгу «Архаисты и новаторы» (1929), Тынянов на основании тщательного формального анализа и сравнения стиля гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями» с особенностями речи Фомы Опискина из «Села Степанчикова», убедительно доказал, что, создавая Опискина, Достоевский имел в виду Гоголя в наиболее скорбный период его жизни. Поведение Фомы Опискина в доме Ростанева и даже внешний облик его бесспорно напоминают характер, манеру поведения и мысли Гоголя в семье Аксаковых, где писатель останавливался, когда приезжал в Москву. С. Т. Аксаков оставил об этом неопровержимое свидетельство в своих чудесных воспоминаниях «История моего знакомства с Гоголем». Многие вносят в портрет Гоголя последних лет и И. И. Панаев в его «Литературных воспоминаниях». Вот что он пишет о Гоголе у Аксаковых: «Константин Аксаков, видевший в нём русского Гомера, внушил к нему энтузиазм во всём семействе. Для Аксакова-отца сочинения Гоголя были новым словом... Гоголь говорил мало, вяло и будто нехотя. Он казался задумчив и грустен. Он не мог не видеть поклонения и благоговения, окружающего его, и принимал всё это как должное...

...Перед его прибором за обедом стояло не простое, а розовое стекло; с него начинали подавать кушанье; ему подносили любимые им макароны для пробы, которые он не совсем одобрил и стал сам мешать и посыпать сыром. После обеда он развалился на диване в кабинете Сергея Тимофеевича и через несколько минут стал опускать голову и закрывать глаза – в самом ли деле начинал дремать или притворялся дремлющим... В комнате мгновенно всё смолкло... Щепкин, Аксаковы и я вышли на цыпочках. Константин Аксаков, едва переводя дыхание, ходил кругом кабинета, как часовой, и при чём-нибудь малейшем движении или слове повторял шёпотом и махая руками: “Тсс! тсс! Николай Васильевич засыпает!..”

Об обещанном чтении Гоголь перед обедом не говорил ни слова; спросить его, сдержит ли своё обещание, никто не решался... Покуда Гоголь дремал, у всех только был в голове один вопрос: “прочтет ли он что-нибудь и что прочтет?” <...> У всех бились сердца, как они всегда бьются в ожидании необыкновенного события.

Наконец Гоголь зевнул громко.

Константин Аксаков при этом заглянул в щёлку двери и, видя, что он открыл глаза, вошёл в кабинет. Мы все последовали за ним.

– Кажется, я вздремнул немного? – спросил Гоголь, зевая и поглядывая на нас...

Дамы, узнав, что он проснулся, вызывали Константина Аксакова и шёпотом спрашивали – будет ли чтение? Константин Аксаков пожимал плечами и говорил, что ничего не известно.

Все томились от этой неизвестности, и Сергей Тимофеевич первый решился вывести всех из такого неприятного положения.

– А вы, кажется, Николай Васильевич, дали нам обещание?... Вы не забыли его? – спросил он осторожно...

Гоголя подёрнуло несколько.

– Какое обещание?... Ах, да! Но я сегодня, право, не имею расположения к чтению и буду читать дурно, вы меня лучше уж избавьте от этого...

При этих словах мы все приуныли».

В такое же уныние Гоголь поверг и молодых литераторов, приглашённых на обед у А. А. Комарова для встречи с ним, но не удостоившихся быть выделенными в пятёрку для отдельной аудиенции с Гоголем в отдельной комнате, томившихся в гостиной в ожидании выхода знаменитого писателя к ним, перед тем как сесть за обеденный стол.

И такому же испытанию пыткой томительного ожидания подверг Фома Фомич Опискин всех членов семьи полковника Ростанева во время утреннего чая, пока он «своею собственной особою не предстал перед озадаченной публикой». «Всё притихло так, что можно было расслышать пролетевшую муху, – описывает Достоевский появление Фомы. – Генеральша присмирела, как агнец. Всё подобострастие этой бедной идиотки перед Фомой Фомичём выступило теперь наружу. Она не нагляделась на своё нещечко, впиалась в него глазами. Девица Перепелицына, осклабясь, потирала свои ручки, а бедная Прасковья Ильинична дрожала от страха. Дядя немедленно захлопотал. – Чаю, чаю, сестрица! Послаще только, сестрица; Фома Фомич после сна любит чай послаще».

Литературная полемика Достоевского с романтизмом в повести «Село Степанчиково» принимает многообразные формы. Это и пародия на одного из главнейших представителей русского романтизма в повести XIX века, Н. В. Гоголя. Редактор «Отечественных записок», в которых «Село Степанчиково» было впервые напечатано в ноябрьской и декабрьской книгах за 1859 год, А. А. Краевский первый обратил внимание на психологическое сходство Фомы Опискина с Гоголем позднейшего периода. «Он напомнил ему Н. В. Гоголя в грустную эпоху его жизни».

Достоевский в «Селе Степанчикове», пародируя Гоголя – проповедника-моралиста, наносит разительные удары по романтической прозе Марлинского и Полевого, при этом часто прямо называет объект своего разящего смеха. За образами неумеренной психологической экзальтации, принявшей у Гоголя трагикомический характер в «Выбранных местах из переписки с друзьями», в повести ещё выведены образы, направленные против всяческих форм наивного романтизма, как философии, противоречащей реальным формам жизни.

«– Фу ты, Боже мой, какой романтизм! – вскричал Мизинчиков, глядя на меня с неподдельным удивлением. Впрочем, тут даже и не романтизм, а вы, просто кажется, не понимаете, в чём дело». Это из разговора с Сергеем Александровичем. Мизинчиков изображает себя «романтическим, влюблённым и весёлым мужем Татьяны Ивановны, зарясь на её сто тысяч ассигнациями. В повести высмеивается непрерывная смена фамилии на более романтическую, типа Танцев или Эсбукетов, набитым дураком Видоплясовым. Развенчивается романтизм побега с женихом Татьяны Ивановны».

Интересно, что взбалмошность и взвинченность характера Татьяны Ивановны Достоевский объясняет в значительной степени влиянием романтической литературы. Она – продукт распяемого романтическими романами воображения: это – сатира и пародия на весь романтический воображаемый мир литературных вымыслов. Этой сатирой на романтизм в литературе Достоевский иронически метил и в образ первого положительно-прекрасного человека, героя повести полковника Ростанева с его прекраснодушием и безграничной верой в положительные свойства, заложенные в каждом человеке. Его доброта и готовность «решительно всё отдать по первому спросу и поделиться чуть не последней рубашкой с первым желающим» способствовали водворению ханжи Фомы Опискина в его доме и оказались несостоятельными предотвратить диктаторство Опискина. Попытки объяснить поступки Фомы его прошлой униженностью и оскорблённостью терпят полное фиаско и у рассказчика, и у самого Ростанева. Каждое оправдание со стороны последнего выглядит по меньшей мере романтическим прекраснодушием. Достоевский ведёт читателя глубже, подводя к самым корням образа Фомы – к его «подполью», душевной раздвоенности. Двойственность натуры Фомы Фомича, по Достоевскому, отражает определённые черты русского человека XIX века. «Подполье, подполье, поэт подполья, фельетонисты повторяли это как нечто унижительное для меня. Дурачки, это моя слава, ибо тут правда. Это то самое подполье, которое заставило Гоголя

в торжественном завещании говорить о последней повести, которая выпелась из души его и которой совсем и не оказалось в действительности. Ведь, может быть, начиная своё завещание, он и не знал, что напишет про последнюю повесть. Что ж это за сила, которая заставляет даже честного и серьёзного человека так врать и паясничать, да ещё в своём завещании. (Сила эта русская, в Европе люди более цельные, у нас мечтатели и подлецы.) Причина подполья – уничтожение веры в общие правила. «Нет ничего святого». Недоконченные люди (вследствие Петровской реформы вообще) вроде инженера в «Бесах»» (Литературное наследство, т. 77, с. 343).

Таким образом, Достоевский в середине семидесятых годов, уже в период работы над «Подростком», дал ключ к своему Фоме и прямо указывает на «подполье Гоголя», выразившееся так ярко в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Постоянное и ироническое отношение Достоевского к этому произведению, нашедшее и более позднее подтверждение в письмах писателя, в «Бесах», в черновых записях к «Подростку» и в «Дневнике писателя», а в молодости в чтении известного письма Белинского дважды на собраниях петрашевцев, совпавшее в период работы над «Селом Степанчиковым» с перечитыванием «Выбранных мест» Гоголя, нашло своё наиболее яркое выражение в создании Фомы Опискина. Личные воспоминания о Гоголе, виденном на обеде у А. Комарова, и о неблагоприятных впечатлениях, произведённых последним на молодого писателя, придали создаваемому образу столько конкретно-жизненных черт, что не приходится сомневаться в состоявшейся встрече.

Ниже я приведу сравнительную сводку цитат, которая позволит текстуально установить общность образа Фомы Опискина и личности Гоголя последних лет.

Цитаты из «Села Степанчикова» приводятся по «Полному собранию сочинений в тридцати томах, том 3-й, издат. «Наука», Л-д, 1972.

Достоевский:

«Тридцать тысяч человек будут собираться на мои лекции ежемесячно».

Гоголь.

Намёк на выступление Гоголя в 1834 году в качестве профессора и переключка с «тридцатью пятью тысячами курьеров» в «Ревизоре».

Достоевский:

«...ему, Фоме, предстоит величайший подвиг...»

Гоголь.

Намёк на слова Гоголя в письме С. Т. Аксакову от 13 марта 1841 года: «Труд мой велик, мой подвиг спасителен. Я умер теперь для всего мелочного...»

Достоевский:

«...написать одно глубокомысленное сочинение в душеспасительном роде, от которого произойдёт всеобщее землетрясение и затрещит Россия».

Гоголь.

Намёк на задуманную Гоголем «Прощальную повесть», о которой он говорил в «Завещании» как о «лучшем своём сокровище».

Достоевский:

«...Фома, пренебрегая славой, пойдёт в монастырь и будет молиться день и ночь в киевских пещерах о счастье отечества».

Гоголь.

Гоголь в предисловии к «Выбранным местам» писал: «Я же у гроба Господнего буду молиться о всех моих соотечественниках, не исключая из них ни единого».

Достоевский:

«Фома Фомич всегда разговаривал в таком тоне с “умным русским мужичком”».

Гоголь.

Пародия на стиль «Выбранных мест» Гоголя. В письме «Русский помещик» рекомендуется обращаться к нерадивому мужику со словами: «Ах ты, невымытое рыло! Сам весь зажил в саже, так что и глаз не видать, да ещё не хочешь оказать и чести честному!»

Достоевский:

«Только в глупой светской башке могла зародиться потребность таких бессмысленных приличий».

Гоголь.

В «Выбранных местах» в третьем письме говорится: «Только в глупой светской башке могла образоваться такая глупая мысль».

Достоевский:

«...какие песни поёт русский народ...»

«Пусть изобразят они мне мужика... хоть даже в лаптях... но преисполненного добродетелей... Пусть изобразят этого мужика, пожалуй, обременённого семейством и сединою, в душной избе... голодного, но довольного...»

Гоголь.

Пародия на мысли Гоголя о русских песнях во втором письме.

Гоголь писал в статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время»: «Возвеличь в торжественном гимне незаметного труженика, какие, к чести, высокой породы русской, находятся посреди отважнейших взяточников... Возвеличь и его, и семью его, и благородную жену его... Вставь их прекрасную бедность так, чтобы, как святыня, она засияла у всех в глазах, и каждому из нас захотелось бы самому быть бедным».

Достоевский:

«Вы грубы. Вы так грубо толкаетесь в человеческое сердце, так самолюбиво напрашиваетесь на внимание».

Гоголь.

Гоголь писал в статье «Близорукому приятелю» в «Выбранных местах»: «Ты горд, говорю тебе, и вновь повторяю тебе: ты горд; сторожи над собой и спасай себя от гордости заранее. Начни с того, что уверь самого себя, что ты всех глупее в России и что с этих только пор следует серьёзно поумнеть тебе, и слушай с таким вниманием всякого дельца, как бы ровно ничего не знал и всему от него хотел поучиться».

Достоевский:

«Отчего же я всегда счастлив и, несмотря на страдания, доволен, спокоен духом и никому не надоедаю...»

Гоголь:

«Я, как бы ни был сам по себе слаб и ничтожен, всегда ободрял друзей моих, и никто из тех, кто сходил к поближе со мной в последнее время, никто из них, в минуты своей тоски и печали, не видал на мне унылого вида, хотя и тяжки бывали мои собственные минуты, и тосковал я не меньше других...»

Достоевский:

«...рассуждения о значении и свойстве русского мужика и о том, как надо с ним обращаться...»

Гоголь.

Пародия на названия сочинений типа «Русский помещик» в «Выбранных местах» Гоголя.

Достоевский:

«Вы помещик; вы должны бы сиять, как бриллиант, в своих поместьях... Не думайте, чтоб отдых и сладострастие были предназначением помещичьего звания... Не отдых, а забота, и забота перед Богом, царём и отечеством! Трудиться, трудиться обязан помещик, и трудиться, как последний из крестьян его!»

Гоголь.

В «Выбранных местах» Гоголь поучает: «Возьмись за дело помещика, как следует за него взяться в настоящем и законном смысле... взыщет с тебя Бог, если б ты променял это званье на другое, потому что всяк должен служить Богу на своём месте, а не на чужом...

...Заведи, чтобы при начале всякого общего дела... ты... вместе с ними вышел бы на работу, а в работе был бы передовым, подстрекая всех работать молодцами, похваливая тут же удалца и укоряя тут же ленивца... И где ни появляйся, появляйся так, чтобы от твоего прихода глядело всё живей и веселей, изворачиваясь молодцом и щёголем в работе... Возьми сам в руки топор или косу...»

Достоевский:

«Не надо нам монументов! В сердцах своих воздвигните мне монумент...»

Гоголь.

В «Завещании» Гоголя: «Завещаю не ставить надо мной никакого памятника и не помышлять о таком пустяке, христианина недостойном. Кому же из близких моих я был действительно дорог, тот воздвигнет мне памятник иначе: воздвигнет он его в самом себе своей непоколебимой твердостью в жизненном деле, бодреньем и освеженьем всех вокруг себя».

Достоевский:

«Несчастье есть, может быть, мать добродетели. Это сказал, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у которого бывают иногда зернистые мысли».

Гоголь.

В статье «О помощи бедным» в «Выбранных местах» Гоголь писал: «...несчастье умягчает человека; природа его становится тогда более чуткой и доступной к пониманию предметов, превосходящих понятие человека, находящегося в обыкновенном и вседневном положении».

Достоевский:

«Фалалея ли я полюблю... похоже на Фалалея! <...> Дайте, дайте мне человека, чтобы я мог любить его!»

Гоголь:

«Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны, и так в них мало прекрасного!»

Достоевский:

«...зернистые мысли...»

Гоголь:

«...все зернисто, крупно, как сам жемчуг...»

Достоевский:

«...Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя и не возносясь над вами, как вы, может быть, думаете».

Гоголь:

«Может быть, эти... страдания, которые ниспосылаются тебе, ниспосылаются именно для того, чтобы произвести в тебе тот сердечный вопль... Может быть, именно этот душевный вопль должен быть горнилом твоей поэзии... Всё тут сердечный вопль и непритворное восторговение к Богу».

Берега прочтения

Виталий Даренский



Виталий Даренский – автор поэтических сборников «Тропа у обрыва» (Луганск, 1999), «Притяжение неба» (Владивосток, 2017; Москва, 2019), монографии «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века» (СПб.: Алетейя, 2017) и более 400 научных публикаций в девяти странах мира. Стихи и проза публиковались в журналах России, Украины, Молдавии и Белоруссии: «Подъём», «Москва», «Грани», «Родная Ладога», «Голос эпохи», «Александръ» и др. Победитель Международного поэтического конкурса «Русская Голгофа» и лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва» (публицистика). Член Союза писателей России, член Правления Союза писателей ЛНР. Живёт в Луганске.

Ф. И. ТЮТЧЕВ – ПОЭТ ИМПЕРИИ

В наши дни многие люди обращаются к стихотворению Ф. И. Тютчева, написанному по поводу польского восстания 1863 года и так потрясающего современного читателя своей актуальностью и своим пророческим смыслом:

Ужасный сон отяготел над нами,
Ужасный, безобразный сон:
В крови до пят, мы бьёмся с мертвецами,
Воскресшими для новых похорон.
Осьмой уж месяц длятся эти битвы,
Геройский пыл, предательство и ложь,
Притон разбойничий в доме молитвы,
В одной руке распятие и нож.
И целый мир, как опьянённый ложью,
Все виды зла, все ухищренья зла!..
Нет, никогда так дерзко правду Божью
Людская кривда к бою не звала!..
И этот клич сочувствия слепого,
Всемирный клич к неистовой борьбе,
Разврат умов и искаженье слова –
Всё поднялось и всё грозит тебе,
О край родной! – такого ополченья
Мир не видал с первоначальных дней...
Велико, знать, о Русь, твоё значенье!
Мужайся, стой, крепись и одолей!

Как поэт сумел в этом частном явлении прозреть вечную судьбу России – как страны, борющейся с мировым злом в его разнообразных воплощениях? Для того чтобы это понять, нужно понять сам феномен Ф. И. Тютчева как поэта Империи, то есть как поэта, выразившего особый опыт имперской истории и души «имперского человека» с его особым призванием.

Империя как высшая историческая форма бытия нации является не только феноменом политическим, социально-экономическим, военным и локально-цивилизационным, но и феноменом духовно-экзистенциальным. Последний составляет антропологическое основание всех остальных, поскольку без культивирования определённого человеческого типа, который может быть назван имперским, создание имперских политических, экономических, цивилизационных и других структур является в

принципе невозможным. Он является их живым носителем, который иначе и не мыслит свою историческую и нравственную самореализацию. В свою очередь, разрушению этих структур, падению великих империй всегда предшествует иссякание и почти полное исчезновение этого человеческого типа. Современный кризис подлинной имперскости является, в первую очередь, культурно-антропологическим кризисом, кризисом определённого экзистенциального типа человека, способного к великим историческим свершениям, конечным выражением которых всегда являлось создание имперской государственности и имперского типа культуры.

Важнейшим источником познания имперского народа и личности являются великие культуры, созданные их представителями, в частности, художественная литература. Все великие литературы были имперскими литературами, – они выражали тот же самый подвижнический дух, который двигал создателями великих государств. Этот факт столь очевиден, что не требует специальных доказательств. И это естественно, поскольку Империя всегда основана на том, что утверждает свой героический, творческий и жертвенный идеал человека и осознаёт уникальность своей исторической миссии. На этом подлинном типе имперского сознания основан ответ Ф. И. Тютчева тезису Бисмарка, высказавшему суть западных лжеимперий:

«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней...

Отражением имперского сознания Ф. И. Тютчева в его поэзии считаются в первую очередь произведения, написанные «на злобу дня», являющиеся непосредственным откликом на важные исторические события, происходившие при его жизни. Особенно значительным в этом отношении является стихотворение, обращённое к либералу и тайному ненавистнику России К. В. Нессельроде («Нет, карлик мой, трус беспримерный...»), касающееся известного «вопроса о проливах», который для России был вопросом не только геополитическим, но и вопросом духовным – вопросом о наследии Византии, о судьбе Константинова Града, а значит, и вопросом о предназначении России, воспринявшей преемство Православного Царства. В этом стихотворении есть слова: *«То, что обещано судьбами / Уж в колыбели было ей, / Что ей завещано веками / И верой всех её Царей... / Венца и скиптра Византии / Вам не удастся нас лишить! / Всемирную судьбу России – / Нет, вам её не запрудить!..»*

Это однозначное указание на *всемирную судьбу*, которая вместе с тем обещана «в колыбели», – не может возникнуть в качестве простого обобщения исторического пути, сделанного «задним числом», но в первую очередь является проявлением особого типа исторического сознания, свойственного только человеку и поэту Империи. При другом типе этого сознания никакой всемирной судьбы с колыбели у России узреть невозможно – но не потому, что его нет, а потому, что для этого требуется особый орган видения и понимания исторических фактов и явлений, особая экзистенция целостной личности, этот орган и это видение формирующая. Это и есть экзистенция Империи в её индивидуальном проявлении, отсутствие которой делает человека поистине слепым по отношению к самым глубоким и самым важным смыслам истории своей нации и человечества в целом. Такая слепота по отношению к историческому бытию России как Империи была свойственна очень многим российским поэтам, что особенно проявилось в их текстах, появившихся в 1905 и 1917 годах. На этом фоне имперское поэтическое мышление Ф. И. Тютчева, как и ранее А. С. Пушкина, становится понятным во всём его величии и благородной исключительности.

Ограничение внимания только на политических стихотворениях Ф. И. Тютчева для понимания его как поэта Империи является ошибочным. Во-первых, такое ограничение даёт возможность идеологам русофобии утверждать, что эти стихотворения – якобы не более чем «дань предрассудкам времени». Ложность последнего тезиса не требует особых доказательств, поскольку в своих политических стихотворениях Ф. И. Тютчев высказывал отнюдь не ходячие предрассудки, но глубоко выстраданные и продуманные личные мысли, изложению которых он посвятил свои публицистические труды.

Наши друзья

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/>
Русская народная линия: <http://www.rusklina.ru>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Московский журнал: [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Журнал «Подъём»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»
Журнал «Сибирь», Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург: <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Приокские зори», гл. ред. Алексей Яшин
Журнал «Корни», Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл. ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл. ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Влтава», гл. ред. Ольга Белова-Далина, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл. ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный русский альманах «Литера», гл. ред. Елена Шеремет
Альманах «Врата Сибири», гл. ред. Л. К. Иванов, Тюмень
Литературный журнал «Аргамак», гл. ред. Николай Алешков, Татарстан
Литературный альманах «Крылья» (Луганск): <http://lugansk1.info/>
Литературный журнал «Жемчужина», гл. ред. Тамара Малеевская, Австралия: <http://zhemchuzhina.yolasite.com>
Электронный журнал «ЛИТЕРА», гл. ред. Владимир Фёдоров
Поэтический альманах «Образ», гл. ред. Эдуард Побужанский, Москва: izdat.su
Журнал «Пересвет», Белгород, гл. ред. Сергей Бережной
Журнал «Невечерний свет», гл. ред. Владимир Хохлев: vladimir-khokhlev-2015.bibliowiki.ru/pages/nevechernij-svet.html
Альманах «Под часами», Смоленск

О приобретении журнала

Поддержка и приобретение журнала «Берега»
осуществляется перечислением на карту Сбербанка по номеру телефона 89118630467.